

Часть первая

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Введение

В первой части настоящей работы предполагается охарактеризовать общие проблемы методологии исторического исследования и его основные методы. Речь будет идти именно об общих принципах, путях и методах, на которых основываются исторические исследования независимо от их конкретной проблематики. Круг рассматриваемых здесь проблем определялся необходимостью, во-первых, раскрытия основных особенностей объекта исторического познания и его методов и, во-вторых, показа места и специфики применения в историческом исследовании общенаучных подходов и методов.

В освещении рассматриваемых вопросов автор опирался как на результаты конкретных исторических исследований советских историков, так и на специальную литературу по проблемам научного познания. В этой литературе выделяются два типа работ. Один из них – это общие работы по тем или иным проблемам научного познания. Среди них имеются и работы по теории и методологии обществознания. Другой тип – это работы по теоретико-методологическим проблемам исторического познания и исторических исследований.

Круг общих работ по проблемам научного познания чрезвычайно обширен, и все они, естественно, работы философские. Понятно, что проблемы исторического познания в них (за исключением некоторых трудов по обществознанию) не затрагиваются. Однако без учета результатов этих исследований невозможно обойтись при характеристике исследовательских принципов, путей и методов любой области научного познания. В задачу автора настоящей работы не входит анализ и оценка этих исследований. Это – дело философов. Но поскольку, кроме работ К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, эти исследования являлись основой при освещении общих теоретико-методологических проблем и методов исторического исследования, следует отметить один существенный момент, выдвинувший перед автором трудную задачу.

Дело в том, что в трактовке очень многих (можно даже сказать, подавляющего большинства) теоретико-методологических проблем научного познания среди советских философов нет единого мнения

и высказываются разные точки зрения. Все они, естественно, основываются на диалектико-материалистическом подходе к рассматриваемым проблемам, и наличие расхождений свидетельствует, с одной стороны, о сложности этих проблем, а с другой – о творческой активности в их разработке. Трудности для неспециалиста в области философии возникают здесь в связи с необходимостью обоснованного выбора тех или иных из имеющихся мнений и их обобщения с тем, чтобы позиции самого автора были достаточно четко выражены и последовательно проведены. Критерием, которым руководствовался автор, отдавая предпочтение тем или иным из имеющихся мнений или подвергая их определенной корректировке, была *практика исторических исследований*. Разумеется, она не может быть полностью адекватным мерилom истинности выдвигаемых философских трактовок тех или иных проблем, но для историка именно эта практика, ибо она также базируется на диалектико-материалистическом понимании изучаемой реальности, является объективной основой для оценок.

Автор вполне осознает, что при указанной ситуации любой философ может оспорить те или иные из принятых им трактовок общих проблем методологии научного познания. Это в особенности относится к первой главе работы, которая является как бы ее теоретическим введением и в предельно сжатом виде резюмирует разработку советскими философами наиболее общих теоретико-методологических проблем научного познания. Может даже показаться, что такое резюме вообще излишне. Однако представляется, что для историков такая глава будет полезной, так как она вводит в круг основных проблем и в понятийный аппарат теории и методологии научного познания.

Работы, посвященные теоретико-методологическим проблемам исторической науки¹, ориентированы либо на характеристику исторического познания, как одну из форм познавательной деятельности, либо на раскрытие принципов и методов исторического исследования. Первые имеют теоретическую направленность, практика исторических исследований находится здесь на втором плане². Но

---

¹ См.: *Баряз В.Н., Астапова Д.Д.* Философско-методологические вопросы исторической науки. Основная советская литература. М., 1981; *Уваров А.И.* Философские и методологические проблемы исторического познания. М., 1982 (обзор литературы за 1971–1981 гг.).

² См., например: *Философские проблемы исторической науки*. М., 1969; *Ирибаджаков Н.* Клио перед судом буржуазной философии. М., 1972; *Уваров А.И.* Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973; *Дьяконов В.А.* Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974; *Скворцов Л.В.* История и антиистория. М., 1976; *Могильницкий Б.Г.* О природе исторического познания. Томск, 1978; *Лооне Э.* Современная философия истории. Таллин, 1980; *Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В.* Методологические проблемы исторического познания. М., 1981; *Келле В.Ж., Ковальзон М.Я.* Теория и история. М., 1981; *Жуков Е.М.* Очерки методологии истории. М., 1981; *Ракитов А.И.* Историческое

эти работы представляют большой интерес в том отношении, что в них раскрываются специфика исторического познания, этапы и закономерности его развития, а также место исторического знания в общей системе научного знания, его социальные функции и т.д. Специальное изучение названных проблем, несомненно, содействует повышению уровня исторических исследований, их целенаправленности и эффективности, хотя непосредственно и не раскрывает конкретных путей этого.

Работы второго типа имеют целью освещение теоретико-методологических проблем, непосредственно связанных с историческими исследованиями³. Следует, правда, отметить, что эти работы чаще всего мало отличаются от работ первого типа, поскольку характеристика поставленных в них вопросов имеет больше гносеологическую, а не исследовательски-прикладную направленность. Но они все же “ближе” к историкам, чем работы первого рода. Их значимость для историков повышается в тех случаях, когда в них освещение общих проблем исторических исследований сочетается с анализом конкретных исторических явлений и процессов. Наиболее удачным примером такого сочетания является указанная работа М.А. Барга “Категории и методы исторической науки”. В ней общая характеристика ряда важных категорий и методов исторической науки конкретизируется и углубляется на основе конкретно-исторического освещения природы феодальной собственности, процесса разложения феодализма, сравнительного изучения буржуазных революций XVI–XVIII вв.

Рост интереса к теоретико-методологическим проблемам исторических исследований обусловил необходимость их разработки применительно к определенным сферам исторических исследований⁴. Интегративные тенденции в развитии науки требуют все бо-

---

познание. Системно-гносеологический подход. М., 1982; *Коршунов А.М., Шаповалов В.Ф.* Творчество и отражение в историческом познании. М., 1984; *Иванов В.В.* Методология исторической науки. М., 1985, и др.

³ См., например: *Грушин Б.А.* Очерки логики исторического исследования. М., 1961; *Ерофеев Н.А.* Что такое история. М., 1976; *Косолапов В.В.* Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977; *Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И.* Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979; *Маслов Н.Н.* Марксистско-ленинские методы исторического исследования. М., 1983; *Барг М.А.* Категории и методы исторической науки. М., 1984. Проблемы методологии исторических исследований широко освещаются в серии сборников “Методологические и историографические вопросы исторической науки”, издаваемых Томским государственным университетом, и других подобных изданиях.

⁴ См., например: Марксистско-ленинская методология военной истории: Сб. статей. М., 1973; 2-е изд. М., 1976; *Варшавчик М.А., Спиринов Л.М.* О научных основах изучения истории КПСС. М., 1978; *Он же.* Теория, методология и методика исследований по истории КПСС. М., 1982; *Пронштейн А.П.* Методика исторического источниковедения. Ростов н/Д, 1976; *Фарсобинов В.В.* Источниковедение и его метод. М., 1983, и др.

лее широкого развития сравнительно-исторических и комплексных исследований в общественных науках. Для таких исследований нужна специальная разработка соответствующих методологических подходов и принципов. Одним из первых исследований в этом направлении является монография Д.Ф. Маркова⁵. Основанная на анализе историко-культурных и литературных явлений в социалистических странах, она представляет большой интерес для историков прежде всего своими методологическими аспектами.

Наряду с исследовательскими работами в настоящее время стала появляться и специальная учебная литература по теории, методологии и методике исторических исследований⁶.

Таким образом, не только по общим проблемам теории и методологии научного познания, но и по проблемам исторического познания и исторических исследований существует весьма обширная, прежде всего философская, литература. Многочисленность ее, а также философская направленность и предназначенность работ обуславливают трудности использования их результатов в исследовательской практике историков. Это диктует необходимость систематизации этих результатов с учетом потребностей исследовательской практики историков. Такая систематизация необходима еще и потому, что фактически ни одна из работ по методологическим проблемам исторических исследований (не говоря уже о работах по тем или иным общим проблемам научного познания), не охватывает в более или менее полном виде круг основных задач, решаемых в историческом исследовании. Это вполне естественно, коль скоро они имеют философскую, а не прикладную направленность.

Попытка систематизации и обобщения результатов специальной разработки методологических проблем научного познания, направленная на исследовательскую практику историков, предпринята в первой части настоящей работы. Надо отметить следующее. Прикладной характер указанной попытки никоим образом не означает того, что рассматриваемые вопросы будут освещаться в чисто прагматическом плане. Задача внедрения в историографическую практику философских разработок проблем научного познания не может быть решена лишь путем их “приземления”, хотя их прикладная конкретизация, безусловно, необходима. Но в такой же (а в целом ряде аспектов еще в большей) мере необходимо и повышение теоретико-методологического уровня исторических исследований. Еще нередко встречающаяся ограниченность этого уровня – основ-

---

⁵ См.: *Марков Д.Ф.* Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. М., 1983.

⁶ См., например: *Петряев К.Д.* Вопросы методологии исторической науки. Киев, 1976; *Дебров Л.А.* Введение в изучение истории. Саратов, 1978; *Котов В.Н.* Введение в изучение истории. Киев, 1982; *Санцевич А.В.* Методика исторического исследования. Киев, 1984, и др.

ная причина низкого “спроса” историков на философское знание. Поэтому, добиваясь ясности и доступности изложения теоретико-методологических проблем, автор стремился не упрощать их до такой степени, когда исчезает их общий научно-познавательный, т.е. философский, смысл.

Таковы основные задачи, которые ставятся в первой части работы.

Глава 1

ВЕДУЩАЯ РОЛЬ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

В настоящей главе предпринята попытка дать предельно сжатое изложение современных марксистских представлений о теории и методологии научного познания в целом. Подобное резюме необходимо для более широкого понимания рассматриваемых далее методологических проблем и методов исторического исследования.

Одной из важнейших сфер человеческой деятельности является деятельность познавательная. Во-первых, знания об объективной реальности необходимы для практической деятельности. Без них невозможно ни материальное, ни духовное производство. Во-вторых, стремление к познанию имманентно присуще человеку, как сознательному, целеустремленному существу. Поэтому на всех этапах развития общества существовала познавательная деятельность и общество всегда располагало определенными знаниями о естественном и общественном мире.

Все разнообразие познавательной деятельности сводится к трем видам: *практически-эмпирическому* (иногда его называют обыденным), *художественно-эстетическому* и *научно-теоретическому*.

В донаучный период практически-эмпирический (обыденный) путь познания действительности был единственным. Но и с появлением науки в течение длительного времени он оставался господствующим. Знание приобреталось здесь прежде всего в результате чувственного восприятия явлений объективного мира в процессе практической трудовой деятельности, накопления и передачи имеющегося опыта.

Формой же выражения знания были чувственно-наглядные образы явлений внешнего мира, которые характеризуют лишь внешние, видимые черты реальности и не раскрывают и не объясняют ее внутренней природы. Поэтому практически-эмпирическое, обыденное знание тесно переплеталось с мифологией и религиозными воззрениями, особенно в донаучный период.

Практически-эмпирический путь получения знаний был естественным этапом в процессе познания человеком объективного мира, и накопленные таким путем знания подготовили переход к научному познанию.

Художественное познание в его реалистических формах основано на раскрытии действительности в виде образов. В художественном образе подчеркивается путем авторского воображения (художественного вымысла) наиболее важное в сути рассматриваемых явлений¹.

Высшим уровнем познания и формой знания является наука. Наука отличается тем, что раскрывает и объясняет внутреннюю суть реальности. Если бы сущность была такой же конкретной и чувственно воспринимаемой как явление, то, как указывал К. Маркс, “всякая наука была бы излишня”². Иначе говоря, задачей научного познания является адекватное отражение действительности путем раскрытия органически присущего ей сочетания формы и содержания, явления и сущности, количества и качества. Очевидно, что для такого отражения необходимы специальные способы, а научное знание будет иметь специфические формы выражения. В отличие от конкретности обыденного и образности художественного знания научное знание является теоретико-логическим по содержанию, способам получения и формам выражения³.

Наука как система знания имеет сложную структуру, состоящую из целого ряда компонентов. Высшей формой научного знания выступает *теория*. Наука является не только средоточием имеющегося научного знания, но и основой для получения новых знаний для выработки *методов* научного познания. Это обусловлено тем, что для правильного отражения коренной сути изучаемой действительности в методах познания должен учитываться ее характер, а этот последний и отражен в имеющемся знании. Поэтому, рассматривая процесс научного познания, Ф. Энгельс подчеркивал: “С чего начинается история (т.е. действительность. – И.К.), с того же должен начинаться и ход мыслей (т.е. познание. – И.К.), и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс”⁴.

Многообразии и сложности объективной реальности породили множество методов ее изучения. Это привело к возникновению специального учения о методах научного познания. Таким учением

¹ См.: Родчанин Е.Г. Научное и художественное познание истины. Киев, 1982.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2. С. 384.

³ См.: Черняк В.А., Талипов К.Т. Диалектика теоретического и обыденного сознания. Алма-Ата, 1985; Наливайко Н.В. Социальные основы и гносеологическая природа научной деятельности. Новосибирск, 1985; Феофанов В.П. Социальная деятельность и теоретическое отражение. Новосибирск, 1986.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 497.

является *методология*. Наконец, важность и сложность познания обусловили то, что само познание стало объектом научного исследования и возникла общая теория познания – *гносеология*.

Рассмотрению роли в научном познании теории, методологии и методов исследования и посвящена настоящая глава.

1. ТЕОРИЯ КАК ФОРМА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Разработка общих мировоззренческих, теоретических, методологических, социальных и логических проблем научного познания привлекает пристальное внимание философов, науковедов и других специалистов. Большое внимание как в общих, так и специальных работах уделяется и вопросам теории⁵.

Понятие “теория” употребляется в разных смыслах. Теориями часто называют совокупность идей и взглядов, так или иначе объясняющих явления материального и духовного мира (естественно-научные и социальные концепции и представления и т.п.), т.е. к ним относят результаты умственной деятельности и научных исследований. К теориям причисляют некоторые разделы наук, специализирующихся на решении тех или иных общих проблем (например, теоретическое источниковедение) или основанных на абстрактно-логических методах (теоретическая физика). Теориями считают в отличие от гипотез подтвержденные научными фактами или проверенные практикой определенные положения и заключения. Общим для всех этих определений является то, что в качестве теории выступает знание об объекте, т.е. о тех или иных явлениях действительности. Это – важная отличительная черта теории. Но она не исчерпывает сути теории как формы научного знания.

Теория – не просто знание, а высшая и наиболее сложная форма (и уровень) научного знания. Поэтому под теорией следует понимать форму научных знаний, “раскрывающую закономерности функционирования и развития определенной совокупности явлений материального и духовного мира, описывающую и объясняющую эти явления и направленную на прогрессивное преобразование природы, общественных отношений и самого человека”⁶. Говоря иначе,

---

⁵ См.: *Копнин П.В.* Диалектика как логика и теория познания. М., 1973; *Он же.* Гносеологические и логические основы науки. М., 1974; *Рузавин Г.И.* Научная теория: логико-методологический анализ. М., 1978; *Андреев И.Д.* Теория как форма организации научного знания. М., 1979; *Марков В.А.* Современные проблемы теории познания. Рига, 1979; *Федосеев П.Н.* Философия и научное познание. М., 1983; *Козлов Д.Ф.* Структура и функции социологической теории. М., 1984; *Марков Б.В.* Проблемы обоснования и проверяемости теоретического знания. Л., 1984; *Швырев В.С., Карнович В.Н.* Системность теоретического знания (логический аспект). Новосибирск, 1984, и др.

⁶ *Андреев И.Д.* Указ. соч. С. 9.

теория – это конкретное сущностно-содержательное знание об объекте познания, которое может быть использовано в предметно-практической и познавательной деятельности.

Теория тех или иных явлений объективной реальности является итогом их всестороннего и глубокого изучения, возникает на достаточно высоком уровне познания. Генезис теоретических знаний будет рассмотрен ниже при характеристике уровней научного познания. Сейчас отметим лишь основные черты, присущие теоретическому знанию, которые вместе с тем выступают в качестве необходимых требований при формулировании знания в форме научной теории.

Теория по своей сути является обобщенным объясняющим (номологическим) знанием. Явление не просто описывается, а объясняется путем раскрытия его внутренней сущности.

Теория должна объяснять факты на основе фундаментальных идей, принципов и законов и сводить всю их совокупность в единую систему. Вне *системности* нет теории. Наконец, научная теория должна быть внутренне замкнутой, непротиворечивой в логическом отношении системой суждений. Логическая стройность теории достигается в процессе ее *минимизации*. Суть ее состоит в том, что теория должна основываться на *минимальном* числе исходных фундаментальных идей и понятий.

Таким образом, любая научная теория имеет сложную внутреннюю структуру. Она включает и синтезирует целый ряд более простых компонентов научного знания⁷.

Всякая научная теория имеет свою исходную *эмпирическую* основу, которая охватывает всю совокупность фактов, относящихся к соответствующей области действительности. Существенно, что для теоретического обобщения нужны не просто факты, а системы фактов, представительно характеризующих объект познания в свете поставленной задачи.

В теории факты фигурируют не сами по себе, а в виде совокупности основных *понятий*, отражающих существенные черты, свойства и связи явлений действительности. В понятиях аккумулируются знания о предмете. Поэтому понятия выступают в качестве основных элементов научно-мыслительного, познавательного процесса и выражают содержательную суть всякой теории. Особенно велика в этом отношении роль *категорий*, которые являются предельно широкими понятиями, концентрирующими знания о важнейших свойствах реальности.

Важнейшим компонентом теории являются законы. В законах выражается внутреннее содержание понятий, т.е. раскрываются существенные, устойчивые, повторяющиеся и необходимые свойства,

---

⁷ См.: *Копнин П.В.* Гносеологические и логические основы науки. С. 503 и сл.; *Андреев И.Ю.* Указ. соч. С. 9 и сл.

отношения и связи между явлениями, охватываемыми соответствующей теорией. “Закон и сущность – понятия однородные (однопорядковые) или, вернее, одностепенные”⁸. Теория может включать целый ряд законов, но содержательный смысл теории определяется ведущими для данного типа явлений законами. Такими являются законы, которые не выводятся из других законов, входящих в теорию⁹. Однако ни понятийно-категориальный аппарат, ни выражаемые им законы и тенденции функционирования и развития явлений объективного мира еще не создают знания об этих явлениях на теоретическом уровне. Для этого необходим более высокий уровень синтеза. Таким синтезирующим компонентом в теории выступает, по мнению одних философов, *идея*¹⁰, а по мнению других, – *принцип*¹¹.

В этой связи следует отметить, что идея и принцип являются понятиями однотипными. И идея и принцип означают некий исходный момент, ведущее первоначало, лежащие в основе той или иной концепции, определенной системы знаний. Но в научном познании, в частности в формировании научной теории, они, как представляется, выполняют разные функции. Научная идея как таковая является основой объединения воедино других компонентов теории (понятий, законов и самих теорий). Интегративные, синтезирующие способности идеи обусловлены тем, что сравнительно с другими компонентами теории она наиболее широко отражает фундаментальные свойства исследуемой реальности.

Принцип – тоже ведущее начало, но оно выступает в научном познании не как *основа* объединения элементов теории воедино, а прежде всего как *средство* такого объединения. Принцип – тоже идея, но не в структуре самой теории, а в методе ее построения¹².

Таким образом, научная идея может выступать в роли собственно *теоретической и методологической*.

Логическим средством построения и раскрытия содержания теорий являются суждения, представляющие собой универсальную форму выражения человеческих мыслей, в том числе и научных знаний, в естественно-языковой форме. Поэтому едва ли правомерно включать их в структуру теории, как делают некоторые исследователи.

Как видим, теория представляет собой весьма сложную форму научного знания, включающую ряд тесно взаимосвязанных и синтезированных компонентов. Разумеется, это не означает, что в про-

⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 136.

⁹ См.: Голованов В.Н. Закон в системе научного знания. М., 1970.

¹⁰ Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. С. 506 и сл.

¹¹ Андреев И.Д. Указ. соч. С. 10 и сл.

¹² Об этом см.: Зеленков А.И. Принцип отрицания в философии и науке. Минск, 1981. С. 68. и сл.; Иванова Р.И., Симанов А.Л. Реализация методологической функции философии в научном познании и практике. Новосибирск, 1984. С. 36.

цессе познания тех или иных явлений реальности разработка составных компонентов теории идет как бы синхронно и одинаково успешно. Эти компоненты обладают и определенной автономностью, а их “готовность” для синтезирования в теорию возникает не сразу. Поэтому построение теории изучаемых явлений реальности требует значительных исследовательских усилий и достигается на достаточно высоком уровне познания.

Понятно, что знание в форме научной теории не остается неизменным. Выявление новых черт, связей и закономерностей, присущих изучаемым явлениям, приводит к углублению и уточнению теорий и даже к их замене. Но как форма научного знания теория всегда дает то или иное истинное знание. В противном случае она не будет научной теорией, несмотря ни на какие старания представить ее таковой. Это относится не только к тем случаям, когда “теория” является искусственной конструкцией, а не обобщением конкретно-научного анализа реальности, но и к тем, когда теорию строят на основе разрозненных, нетипичных фактов и необоснованных идей. Подобные теории несут *формально-содержательное*, а не *сущностно-содержательное* знание о явлении как истинно научные теории. Истории общественнознания, в том числе истории исторической науки, известно много таких формальных, а потому и псевдонаучных теорий. Например, либерально-буржуазная концепция сущности народничества в России, выдвинутая П. Струве, исходила из того, что, поскольку народники выступают против развития капитализма, то это движение является реакционным. Это был формальный подход к народничеству, исходивший из учета лишь одной из черт его идеологии и игнорировавший объективно-историческое содержание народничества. А оно состояло, как блестяще показал В.И. Ленин, в том, что, несмотря на все присущие им заблуждения, народники вели борьбу за буржуазно-демократический, крестьянский путь развития капитализма в противовес буржуазно-консервативному, помещичьему пути, и эта борьба была прогрессивным историческим явлением.

Основополагающая роль идеи в формировании научной теории обуславливает то, что прежде всего характер идей, лежащих в основе теорий, определяет и научно-познавательную значимость теорий, и их общественно-практическую направленность. Поэтому развитие всякой науки – непрерывная борьба существенно различных в мировоззренческом плане идей и теорий, конкурирование и соревнование однотипных в этом отношении идей и теорий.

Объем знаний, выражаемых научной теорией, может быть различным. Это зависит от широты охвата теорией явлений действительности и от полноты и глубины раскрытия содержательной сущности этих явлений. Для более конкретного раскрытия вопроса о познавательной ценности научно-теоретического знания надо коснуться вопроса о классификации научных теорий.

Хорошо известно, что всякая типологизация и классификация тех или иных объектов и явлений может строиться с различной целью и на различных основаниях. Существуют и различные классификации научных теорий¹³.

Рассмотрим некоторые из существующих и возможных классификаций, представляющих интерес и для исторической науки.

Одна из широко распространенных классификаций систематизирует научные теории по степени их *общности*. Последняя определяется характером тех основных законов, которые составляют фундамент теории. Поскольку законы по широте охватываемых ими явлений делятся на специфические, общие и всеобщие, то выделяют и *теории специфические, общие и всеобщие*. Эту классификацию можно конкретизировать применительно к общественно-гуманитарным наукам. По степени общности здесь можно выделить такие уровни теории: *общефилософский, философско-социологический, специально-научный и конкретно-проблемный*. Общефилософским уровнем марксистской теории является диалектический материализм, а философско-социологическим – исторический материализм. Специально-научные теории – это теории, которые фигурируют в той или иной науке в целом. Что представляет собой такая теория применительно к исторической науке, будет рассмотрено ниже. Конкретно-проблемные теории характеризуют суть отдельных явлений и процессов, рассматриваемых в той или иной науке. Круг конкретно-проблемных теорий в науке весьма обширен и разнообразен, и они имеют свои уровни общности.

Указанные типы, или уровни, теорий диалектически взаимосвязаны и соподчинены. Более низкие уровни теории опираются на более высокие. Последние являются источником тех идей, которые лежат в основе первых. С другой стороны, теории более низкого уровня входят как составные компоненты в теории более высоких порядков и интегрируются в них.

Классификация теорий по степени их общности, которая раскрывает диапазон знаний, заключенных в теории, может быть дополнена классификацией, отражающей глубину этих знаний. Понятно, что глубина знания зависит прежде всего от того, насколько идея адекватно отражает коренные законы реальности. С этой точки зрения все общественно-исторические теории и лежащие в их основе идеи делятся, как хорошо известно, на *материалистические* (вульгарно-материалистические и диалектико-материалистические) и *идеалистические* (субъективно-идеалистические и объективно-идеалистические). Широко распространенный в современную эпоху *плюрализм* фактически является замаскированной формой идеализма¹⁴.

¹³ См.: Андреев И.Д. Указ. соч. С. 55 и сл.

¹⁴ См.: Момджян А.В. Плюрализм: Истоки и сущность. Критический анализ философских основ. М., 1983.

Давно доказано, что лишь идеи, лежащие в основе исторического материализма, позволяют в полной мере адекватно познать глубинную сущность общественной жизни во всем ее многообразии и историческом развитии. Марксизм, как подчеркивал Ф. Энгельс, исходит из того, что “все идеи (в том числе и научные. – *И.К.*) извлечены из опыта, они – отражения действительности, верные или искаженные”¹⁵. Лишь общественная практика, которая выступает как “определитель связи предмета с тем, что нужно человеку”¹⁶, может гарантировать объективное и адекватное отражение в идеях реальности и тем самым обеспечить успех научного познания. Идеализм же выводит идеи из мышления, что неизбежно приводит к искажению ими объективной реальности.

Истинность исторического материализма как теории общественного познания подтверждается и тем, что он позволяет получать теоретическое знание об общественных явлениях на всех его уровнях – от конкретно-проблемного до общеполитического. Однако из этого не следует, как иногда полагают, что все другие теории о явлениях общественной жизни, т.е. теории, исходящие из вульгарно-материалистических и идеалистических идей, являются всецело ненаучными. В тех пределах, в которых эти теории оказываются рационалистическими, они обладают определенной способностью адекватного отражения явлений общественной жизни. Но возможности такого отражения крайне ограничены из-за ограниченности или несостоятельности тех общих идей, которые порождают эти теории. Это признают и наиболее объективно настроенные буржуазные ученые. Отсюда – и непрерывающиеся попытки поиска и “выработки” новых социальных теорий. Но, оставаясь в кругу идеалистических и вульгарно-материалистических идей, эти теории не могут изменить положение и поэтому сравнительно быстро сменяют одна другую. Калейдоскопичность теорий буржуазного обществоведения служит для буржуазных ученых одним из оснований для обвинения марксизма в догматизме. Он усматривается в стабильности ведущих идей социологической теории марксизма. В действительности же устойчивость основных структурных компонентов той или иной материальной или духовной системы является свидетельством ее жизнеспособности и эффективности, а не слабости или ограниченности (что, разумеется, не исключает необходимость совершенствования и развития этих систем). А вот быстрая смена теоретических построений немарксистской социологии как раз и говорит об ее ограниченности и несостоятельности.

Классификация научных теорий по их общеполитическим основаниям многое дает для выявления их познавательной ценности. Вместе с тем всякое знание всегда относительно, а процесс познания бесконечен при любых его научно-идейных основах. Поэтому тео-

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 629.

¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 290.

рии как формы научного знания могут рассматриваться, классифицироваться и оцениваться и с точки зрения глубины отражения в них внутренней сущности изучаемых явлений.

Качественная определенность предмета, т.е. то, что делает его тем, чем он является, и отличает от других предметов, выражается в его сущности, составляющей внутреннюю субстанцию предмета. Проявлением сущности выступает явление, указывал В.И. Ленин¹⁷. Оно (проявление) может быть многообразным и случайным. Поэтому явление относительно и непосредственно не выражает сущности. Сущность же представляет собой целостное качественное отношение. Но сложность действительности, многообразие ее свойств и связей обуславливают то, что она, сохраняя качественную определенность, представляет собой совокупность сущностей разного рода и разного порядка. Так, например, человек как объект действительности обладает совокупностью присущих ему физических, химических, биологических, социальных, духовных и других свойств, которые являются сущностями разного рода и порядка, составляющими в совокупности и взаимосвязи его качественную определенность¹⁸. Так же обстоит дело и со всеми другими явлениями действительности. Поэтому, «чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и “опосредствования”»¹⁹. Но это никогда не может быть достигнуто в силу безграничности свойств и связей явлений объективного мира. Поэтому процесс познания идет путем поэтапного постижения сущностей, перехода от сущности первого порядка к сущностям последующих порядков. “Мысль человека, – указывал В.И. Ленин, – бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т.д. *без конца*”²⁰.

Итак, для оценки познавательной глубины научных теорий (и вообще научного знания в той или иной области на определенной стадии его развития) необходимо установить, как далеко они продвинулись в раскрытии сущности изучаемой реальности. Это может быть достигнуто в результате изучения истории разработки отдельных проблем и развития соответствующей науки. В исторической науке этим занимается историография.

Наконец, для историка может представлять интерес еще одна классификация научных теорий, основанная на учете того, какой метод или логический способ был определяющим при формировании соответствующей теории²¹. По этому критерию теории делят на *сравнительные, аналитические и синтетические*.

¹⁷ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 154.

¹⁸ См.: Авалиани С.Ш. Абсолютное и относительное: (Отношение философии и специальных наук). Тбилиси, 1980. С. 14 и сл.

¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 290.

²⁰ Там же. Т. 29. С. 227.

²¹ См.: Андреев И.Д. Указ. соч. С. 63–64.

Сравнительные теории формируются путем сопоставления черт и свойств изучаемых явлений с аналогичными доступными наблюдениями или уже изученными явлениями или другими стадиями развития рассматриваемых явлений. Сравнительные теории особенно широко применяются в изучении социальных и прежде всего исторических явлений. Они представляют собой как бы исходный уровень теоретического познания реальности. Основным при их построении является метод аналогии.

Аналитические теории чаще всего характеризуют относительно ограниченный круг явлений действительности. Основную роль в их построении играют методы анализа и индукции. Аналитические теории широко распространены во всех конкретных науках, в том числе и исторической. Аналитические теории выражают более высокий уровень познания, чем теории сравнительные.

Высшим уровнем теоретического знания в плане глубины отражения действительности являются *теории синтетические*. Они обобщают все знания данной области и поэтому наиболее глубоко характеризуют исследуемые явления и способны интегрировать на основе той или иной идеи ряд других менее широких теорий. При формировании синтетических теорий используются методы синтеза, дедукции, восхождения от абстрактного к конкретному.

Таким образом, классификация научных теорий в той или иной науке в целом или в отдельных ее аспектах и исследовательских сферах позволяет установить уровень заключенных в них знаний об исследуемой действительности, а также методы получения этих знаний и построения соответствующих теорий, что имеет важное значение не только для оценки состояния научных исследований, но и прежде всего для их последующего проведения.

* * *

Научная теория как высшая форма научных знаний имеет широкий диапазон функций. Основной из них является *онтологически-познавательная*, имеющая цель научного познания явлений объективного мира. Содержательная направленность этого познания сводится, как было показано, к *объяснению* событий, явлений и процессов объективного мира, состоящему в раскрытии основных черт, связей и законов их функционирования и развития. Это позволяет “осознать место объектов объяснения в некоторой системе природных или общественных взаимосвязей и законов и в силу этого эффективно действовать в познавательной и (или) практической сфере”²². Высшим уровнем научного объяснения и является формирование научной теории исследуемых явлений. В ней объяснение дается путем суждений, основанных на ее составных элементах (по-

²² Философская энциклопедия. М., 1967. Т. 4. С. 125.

нениях и категориях, законах и идеях), выраженных в форме логического вывода или системы взглядов. Этим научное объяснение отличается от обыденного, практически-эмпирического, даваемого на основе имеющегося практического опыта или эмпирических наблюдений²³.

Главной целью получения научного знания вообще (и научно-теоретического в особенности) является его использование в практической материальной и духовной деятельности (в том числе и научно-познавательной). Такое использование становится возможным лишь в результате объяснения, которое переводит выявленную и выраженную в научных понятиях и категориях, законах и идеях суть явлений объективного мира в систему логических выводов и заключений, могущих представлять практический интерес и использоваться в общественной практике.

Научные объяснения, как и научные теории, весьма разнообразны и могут иметь свою классификацию. В плане практического использования научно-теоретического знания наибольшее значение имеет классификация теорий по степени их познавательной общности. Применительно к познанию общественного развития, как указывалось, выделяются общефилософский, философско-социологический, специально-научный и конкретно-проблемный уровни научно-теоретического знания, а следовательно, и объяснения. Каждый из них играет важную роль как в научном познании, так и в практическом использовании полученного знания. Но особое значение имеет философская форма научного знания. В нем синтезируется специально-научное и конкретно-проблемное научное знание и в наиболее общей форме выражаются самые фундаментальные черты и закономерности функционирования и развития объективного мира, взятого в целом и рассматриваемого с целью выявления места в нем человека.

Но философия не просто обобщает научное знание более низких теоретических уровней. Она играет важную роль в получении знания на этих уровнях. Как было показано, никакая научная теория не может быть построена без основополагающей идеи (или совокупности идей). Источником же этих идей при формировании специально-научных и проблемно-конкретных теорий могут быть прежде всего категории и законы философского знания. Этим обусловлена важнейшая роль философии в научно-теоретическом познании. В этой связи совершенно очевидна несостоятельность призывов к деидеологизации науки, устранению из нее философии, призывов, с которыми выступают ученые-немарксисты и прежде всего буржуазные философы.

Таким образом, лишь в тесном контакте с философией и на ос-

---

²³ См.: *Никитин Е.П.* Объяснение – функция науки. М., 1970; *Проблема объяснения и понимания в научном познании: Сб. статей.* М., 1982; *Дубинин И.И., Гусякова Л.Г.* Динамика обыденного сознания. Минск, 1985.

нове ее наука в целом и научно-теоретическое познание в особенности могут успешно осуществлять свою научно-познавательную, объяснительную функцию.

Особенностью современного научно-познавательного процесса является все более отчетливо проявляющаяся тенденция к интеграции, к сближению и взаимопроникновению наук. Эта тенденция вызывается не только потребностью обобщения результатов дифференцированных и специализированных исследований явлений объективного мира, но и необходимостью рассмотрения этих явлений в более широком контексте взаимосвязи и взаимодействия с другими явлениями и сторонами действительности. Такая необходимость подготовлена самим ходом развития научного познания. По мере углубления в сущность более высоких порядков, установление которых расширяет диапазон рассмотрения явлений, возникают пересекающиеся зоны, которые становятся предметом познания различных дисциплин и наук. Последние как бы накладываются некоторыми своими сторонами одна на другую. Это, естественно, приводит к возникновению комплексных исследований. Эффективность подобных исследований, особенно на стыках, точнее говоря, в зонах перекрещивания разных наук, доказана ходом современного развития всех наук. Наиболее ценные результаты при осуществлении научно-теоретическим знанием познавательно-объяснительных функций дают интегрально-комплексные исследования.

Другой социальной функцией научно-теоретического знания является *действительно-практическая*. Ценность научного знания, выраженного в теории, состоит в том, что оно может быть использовано в материальной и духовной деятельности, служит основой для осознанного овладения миром, его преобразования.

Сложность стоящих перед современным обществом задач все в большей мере требует опоры на науку, что, естественно, повышает общественные требования к ней.

Важнейшей отличительной особенностью теоретической формы научного знания является его пригодность для практического использования. В литературе справедливо подчеркивается, что в научной идее, как основе всякой научной теории, слиты воедино два момента. С одной стороны, это объективное отражение действительности, т.е. познавательно-созерцательный аспект знания, а с другой – преобразующие возможности идеи, т.е. действительно-практический аспект научного знания. Поэтому идея выступает как предел познания. “В ней теоретическое познание по существу развивается до порога самоотрицания”²⁴, ибо знание превращается в практику и в результате его использования действительность обогащается новыми объектами (материальными и духовными).

Наряду с науками естественно-техническими, обеспечивающи-

²⁴ Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. С. 507.

ми развитие материального производства, важную роль в решении задач общественной практики играют и науки общественно-гуманитарные. Одной из ведущих областей практического применения полученных ими научно-теоретических результатов является решение задач, связанных с *организацией* различных сфер общественной жизни и *управлением* ими. На современном этапе развития советского общества особое значение имеют проблемы организации экономики и управления ею. Задачи регулирования и управления занимают видное место и в других сферах общественной жизни (социальной, политической, культурной).

С проблемами организации и управления тесно связаны задачи *прогнозирования* и *перспективного планирования* последующего хода общественного развития. Они также могут успешно решаться лишь на основе широкого и глубокого научного подхода. Предвидение в полной мере может соответствовать действительности лишь в том случае, когда соответствующая научная теория находится на таком уровне, что дает возможность предсказывать новые факты и события. История науки знает немало таких теорий в области как естественных, так и общественных наук.

Наконец, важнейшей областью практических функций научного знания является *просветительско-воспитательная*. Основная цель всей воспитательной деятельности в советском обществе – *формирование у всех его членов научного марксистского мировоззрения*.

Мировоззрение представляет собой целостную, осмысленную и опосредованную общественными и индивидуальными потребностями “систему обобщенных представлений о мире в целом, о свершающихся в нем природных и социальных процессах, об отношении человека к окружающей действительности”²⁵. Мировоззрение всегда является обобщенным итогом многостороннего духовного развития соответствующей эпохи. Оно выражает социальные представления, идеалы и устремления. Мировоззрение может быть научным, но может и не быть таким. Мировоззрение становится научным по мере того, как начинает верно отражать объективную действительность. Марксистское мировоззрение является высшим уровнем научного мировоззрения. Оно отличается тем, что наиболее адекватно отражает закономерности развития реального мира.

В формирование научного мировоззрения вносят свой вклад все науки. Но универсальную картину мира, его прошлого, настоящего и будущего вырабатывает философия. Она и играет доминирующую роль в формировании мировоззрения²⁶. Поэтому важнейшей функцией марксизма как последовательно научной философской системы является функция мировоззренческая.

---

²⁵ Федосеев П.Н. Философия и научное познание. С. 17.

²⁶ Там же. С. 18–21.

Мировоззрение, имея в качестве основы науку, оказывает, в свою очередь, воздействие на ее развитие, ибо в центре научно-познавательного процесса стоит познающий субъект, ученый, которому присуще определенное мировоззрение.

Помимо формирования мировоззрения, научно-теоретическое знание является основой для практического решения других просветительно-образовательных и воспитательных задач. Видное место в решении общественно-практических задач занимает и историческая наука. О специфике ее функций в этом плане будет идти речь при рассмотрении места истории в системе наук.

Наконец, еще одной важной функцией научно-теоретического знания является функция *методологическая*, связанная с получением нового научного знания. Роль имеющегося научного знания проявляется здесь в ряде аспектов. Прежде всего оно выступает в качестве основы для изучения самого процесса познания во всех его выражениях. Сложность познавательного процесса, многообразие его форм, путей и методов обусловили возникновение специальной научной дисциплины о познании – *теории познания*, или *гносеологии*. Ее важнейшим разделом является *теория научного познания*, или *эпистемология*. Как теория познания в целом (гносеология), так и теория научного познания (эпистемология) занимаются изучением общих проблем познания. Они, естественно, для решения возникающих в этой области проблем должны опираться на наиболее широкое научное знание о природе, обществе и мышлении. Такие знания концентрирует философия. Поэтому и гносеология и эпистемология – философские дисциплины.

Далее, для получения нового знания об объективной реальности необходимы те или иные исследовательские методы. Они могут дать адекватное знание об объекте познания лишь в том случае, если будут учитывать его объективные свойства. Эти же последние отражаются в имеющемся научном знании, прежде всего научно-теоретическом. Поэтому научные теории выступают в качестве основы при разработке исследовательских методов.

Наконец, многообразие объективной реальности требует применения различных методов ее изучения. Это превращает их разработку в важный и самостоятельный раздел научно-познавательного процесса. Возникающие здесь проблемы относятся к сфере *методологии* и *логики* научного познания. Методология и логика тесно связаны с имеющимся научно-теоретическим знанием, с одной стороны, и являются гносеологической основой и средством разработки исследовательских методов – с другой.

Таким образом, существует тесная взаимосвязь научной теории, методологии и методов исследования. Характер этой взаимосвязи, содержание и роль методологии и методов в научном познании требуют особого рассмотрения.

2. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблемы методологии и методов научного познания, так же как и проблемы научно-теоретического знания, привлекают пристальное внимание советских исследователей²⁷. Правда, многие из возникающих здесь вопросов трактуются по-разному.

Научной дисциплиной, занимающейся общим изучением познания как феномена общественной реальности, предстает *гносеология*. “Научная теория познания является особым видом рефлексии над знанием и имеет задачу выявить необходимые условия любого познания и выделить всеобщие познавательные нормы”^{27а}. Теория научного познания (эпистемология) – ведущий раздел гносеологии.

Объектом познания гносеологии выступают все проявления взаимодействия субъекта с познаваемым объектом, т.е. гносеология имеет дело с реальными фактами познания и знания как донаучного, так и научного. Как всякая научная теория, гносеология ставит цель выявить сущность исследуемых явлений. Для этого выработан ряд гносеологических категорий: отражение, чувственное и рациональное, эмпирическое и теоретическое, абстрактное и конкретное, истинное и ложное, историческое и логическое и др.

Сложность и многообразие познавательных процессов определили то, что отдельные их аспекты изучаются различными науками, результаты которых обобщаются гносеологией. Большой материал для понимания познавательного процесса дает изучение истории развития отдельных наук – истории философии, языка, физиологии органов чувств, психико-мыслительных процессов и т.д. Опираясь на результаты конкретных наук о науке и процессе познания и дополняя их собственными исследованиями, гносеология дает общую картину познавательного процесса и научного познания в особенности. В этом плане она является философской наукой. Поскольку “диалектика, как указывал В.И. Ленин, *и е с т ь* теория познания

²⁷ См.: *Андреев И.Д.* О методах научного познания. М., 1964; *Он же.* Научная теория и методы познания. М., 1975; *Штоф В.А.* Введение в методологию научного познания. Л., 1972; *Быков В.В.* Методы науки. М., 1974; *Рузавин Г.И.* Методы научного исследования. М., 1974; *Копнин П.В.* Гносеологические и логические основы науки; *Солдатов В.* Методология научного познания. Киев, 1975; *Ильичев Л.Ф.* Философия и научный прогресс: Некоторые методологические проблемы естествознания и обществознания. М., 1977; *Пальчевский Б.А.* Научное исследование: Объект, направление, метод. Львов, 1979; Эвристическая и методологическая функции философии в научном познании: Коллективная монография / Под ред. В.А. Асеева и Г.А. Подкорытова. Л., 1980; *Лекторский В.А.* Субъект. Объект. Познание. М., 1980; Методология наук в системе вузовского преподавания: Коллективная монография. Воронеж, 1982; Гносеология в системе философского мировоззрения: Коллективная монография / Под ред. В.А. Лекторского. М., 1983; *Иванова Р.И., Симанов А.Л.* Реализация методологической функции философии в научном познании и практике. Новосибирск, 1984, и др.

^{27а} *Лекторский В.А.* Указ. соч. С. 307.

(Гегеля и) марксизма”²⁸, некоторые философы полагают, что гносеологию вообще не следует выделять в самостоятельный раздел или дисциплину марксистской философии²⁹. Материалистическая диалектика, несомненно, включает в себя в наиболее общей форме и теорию познания (как и логику), но это не исключает и самостоятельного развития последней, более конкретной разработки в ней на основе идей и принципов диалектики проблем познания вообще и научного познания в особенности.

Гносеология, занимаясь изучением познавательного процесса в целом, тем самым выступает “как теоретическая основа анализа научного познания в таких дисциплинах, как методология и логика науки, которые делают специальным предметом своего исследования механизмы, процессы и формы познания, как они осуществляются в науке”³⁰. Но прежде чем рассматривать конкретную роль методологии и логики науки (в первую очередь, методологии) в исследовательском процессе, надо остановиться на характеристике метода научного познания, ибо именно он является конкретным средством оперирования имеющимися научными знаниями и приобретения новых знаний.

Несмотря на кажущуюся очевидность того, что представляет собой исследовательский метод, есть мнение, в соответствии с которым определить метод – “задача потруднее, чем задача общего определения закона и теории”³¹. Что же касается ученых-немарксистов, то даже среди наиболее выдающихся из них существует мнение вообще о невозможности такого определения. Так, например, Дж. Бернал утверждает, что “научный метод подобно самой науке не поддается определению”³². Трудности с определением сущности научного метода имеют реальные основания. Прежде всего они состоят в чрезвычайном многообразии и методов науки, и методов практической деятельности. Далее, любой научный метод имеет сложную и изменяющуюся структуру, применяется в совокупности с другими методами и может играть разную роль на разных стадиях исследования (при постановке проблемы, на эмпирической стадии выявления и систематизации фактов, при объяснении фактов и формировании теории). Среди научных методов существенно различаются методы, направленные на оперирование с *имеющимся* научным знанием, и методы, используемые для получения *нового* знания, ибо здесь решаются различные познавательные задачи. Главной из них в первом случае является установление того, насколько ранее полученное знание объективно *отражает* реальность. Во

²⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 321.

²⁹ Об этом см.: Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. С. 43–45.

³⁰ Гносеология в системе философского мировоззрения. С. 127.

³¹ Петров Ю.А. Логические функции категорий диалектики. М., 1972. С. 242.

³² Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956. С. 21.

втором же случае главной задачей выступает обеспечение возможности *получения* истинного знания. Очевидно, что решение этих задач требует разных подходов и методов.

Однако указанные сложности не исключают возможность определить сущность научного метода. И такие определения даны. Одним из них является следующее: “Метод представляет определенную последовательность действий, приемов, операций, выполнение которых необходимо для достижения заранее поставленной цели”³³. В других аналогичных дефинициях подчеркиваются системность метода, согласованность и нормативный характер предусматриваемых им процедур³⁴.

Иначе говоря, научный метод представляет собой совокупность путей и принципов, требований и норм, правил и процедур, орудий и инструментов, обеспечивающих взаимодействие субъекта с познаваемым объектом с целью решения поставленной исследовательской задачи.

Таким образом, если научная теория как форма знания *отражает* объект, то метод как средство познавательной деятельности *направлен на познание объекта*.

Чтобы окончательно решить вопрос о месте метода в системе познавательной деятельности, надо рассмотреть его соотношение с другими элементами этой деятельности. Иногда метод научного познания отождествляют со *способом* познания. Эти понятия действительно однотипны, но не тождественны.

Способ – это познавательное средство, которое не имеет ни строгого обоснования, ни четко выраженного целевого назначения, ни определенной последовательности исследовательских процедур. В общем способ – стихийное, практически-эмпирическое средство познания. Метод – тоже средство познания, но по сравнению со способом его “отличает высокая специализированность, его функциональные возможности всегда четко определены, он является формой *теоретического освоения действительности*”³⁵. Короче говоря, метод – это научно обоснованное познавательное средство.

Поскольку исследовательский процесс включает в себя определенные операции и процедуры, к совокупности их и сводят порой суть метода. Метод несомненно включает в себя соответствующие операции и процедуры, но не исчерпывается ими, как увидим далее. Сами же понятия “*операция*” и “*процедура*” также не однозначны. *Операция* – это некое простейшее действие (например, суммирование каких-либо количественных показателей). *Процедура* же пред-

---

³³ Рузавин Г.И. Методы научного исследования. С. 21.

³⁴ См.: Эвристическая и методологическая функции философии в научном познании. С. 33; Методология наук в системе вузовского преподавания. С. 11–12 и др.

³⁵ Эвристическая и методологическая функции философии в научном познании. С. 32 (курсив мой. – И.К.).

ставляет собой совокупность определенных операций (например, измерение).

Наконец, о понятии “*средство познания*”. Оно является наиболее широким и собирательным. И способ и метод – это средства познания. Но, кроме того, к последним относятся орудия и инструменты познания, различные знаковые системы (естественные и искусственные языки), логические операции и процедуры и т.д.

В общем можно сказать, *научный метод представляет собой теоретически обоснованное нормативное познавательное средство*.

Важное значение для понимания сути метода и его разработки имеет правильный учет соотношения в нем объективного и субъективного. Идеализм всегда представлял метод и по сути, и по происхождению как сугубо субъективное средство, как творение познающего субъекта. Метод – действительно творение исследователя, и его роль нельзя принижать или игнорировать. Но, как подчеркивает диалектический материализм, всякий метод познания имеет объективную основу. Это – независимая от субъекта познаваемая реальность; без учета ее характера не может быть выработан ни один правильный метод ее познания. Поэтому всякий метод научного познания есть единство объективного и субъективного.

Объективные знания о реальности содержит научная теория. Она и является основой для выработки методов, направленных на дальнейшее познание реальности. Однако теория – лишь основа для выработки метода, но не сам метод, как иногда считают³⁶. Категории, законы, идеи той или иной теории отражают свойства и суть объекта, но не сам процесс его познания. Но знание свойств и сути объекта и то, что теория позволяет предвидеть какие-то новые свойства и в этой связи поставить новую познавательную задачу, и является основой для выработки метода познания. Тем самым обуславливается объективность метода.

Между теорией и методом существует диалектическая взаимосвязь, основанная на результатах предыдущих исследований. Теория является основой для выработки метода. Метод же, основываясь на результатах предыдущих исследований, можно считать средством получения нового знания, обогащающего и развивающего теорию. До тех пор, пока метод “работает” на подтверждение существующей теории, происходит ее (теории) постепенное углубление и совершенствование. Когда появляются такие факты, которые не укладываются в старую систему знаний, а это чаще всего связано с применением новых методов исследования, существующая система знаний рушится и на смену ей приходит новая система теоретического знания, которая раскрывает в изучаемых яв-

---

³⁶ Об этом см.: Бухалов Ю.Ф. Соотношение теории и метода в научном познании // Философские науки. 1981. № 4.

лениях действительности сущности более высокого порядка, чем прежняя теория.

Важен вопрос об *истинности* и *правильности* метода, о его способности приводить к объективным знаниям об изучаемой реальности. Напомним в этой связи одно принципиально важное мнение: “В силу того, что метод основывается на объективно-истинной теоретической системе (т.е. системе знаний о действительности. – *И.К.*), он по существу не может быть неправильным. Неправильным может быть практическое применение метода субъектом, в частности распространение сферы действия метода за пределы предмета, закономерности которого отражены в теоретической системе, лежащей в основе данного метода”. Объективно-истинная основа метода в гносеологическом отношении означает “переход истинности в правильность”. Неправильный метод возможен только как ошибка³⁷. К этому, безусловно, справедливому положению надо добавить, что учет имеющегося истинного знания об объекте является важнейшим, но не единственным фактором, определяющим правильность метода. Помимо онтологической основы, есть еще и *гносеологическая* основа правильности метода. Кроме того, метод обладает и свойством *эффективности*, которая определяет, так сказать, его проникающие возможности.

Чтобы быть правильным и эффективным, метод должен опираться не только на истинное знание об объекте познания, но и на такое же знание о чертах, закономерностях и сущности научно-познавательного процесса, т.е. на общую теорию познания и теорию познания соответствующей науки. Для выяснения роли гносеологических оснований метода надо рассмотреть структуру метода и основные этапы его разработки.

Всякий научно-исследовательский процесс начинается с постановки проблемы, исследовательской задачи и определения целей ее решения. Бесконечное многообразие явлений объективной реальности обуславливает необходимость определения конкретного аспекта исследования и его задач. Без этого никакое исследование не может быть плодотворным³⁸. Постановка той или иной проблемы определяется практическими потребностями, непосредственно-деятельностными и научно-познавательными, а ее сущностное содержание – имеющимся научным знанием.

Постановка проблемы является сложной исследовательской процедурой не только при оценке практической значимости проблемы, но и при выявлении того, что некая проблема вообще существует. Здесь требуется анализ имеющегося знания для выявления тех следствий, которые из него вытекают, а также того, в какой мере это знание вписывается в существующую общую научную картину

³⁷ *Копнин П.В.* Гносеологические и логические основы науки. С. 512–513.

³⁸ Об этом см.: *Берков В.Ф.* Научная проблема. Минск, 1979.

соответствующей сферы объективной реальности и как данная система знания (теория) соотносится с другими теориями, характеризующими рассматриваемый круг явлений, и т.д. Выявление антиномий (логических противоречий) и парадоксов в существующем знании, противостоящих или конкурирующих теорий и гипотез ведет к постановке новых исследовательских проблем³⁹.

Для решения всех этих вопросов применяются различные методы изучения существующего знания. Сложности, связанные с постановкой научной проблемы, и породили мнение, выраженное А. Эйнштейном и Л. Инфельдом: “Формулировка проблемы часто более существенна, чем ее решение”⁴⁰.

Решение научной проблемы, даже если она связана с изучением какой-то ограниченной сферы явлений действительности, требует применения целой совокупности методов. Любой метод представляет собой систему определенных компонентов и имеет свою внутреннюю структуру.

Прежде всего метод включает в себя краеугольные посылки, которые образуют его основу и характеризуют суть. Такими посылками являются *подход* и *принцип*. Подход определяет основной путь решения поставленной исследовательской задачи. Он раскрывает стратегию этого решения. “Представляется логичным и целесообразным, – указывает группа авторов, – понятие подхода связывать в первую очередь с фиксацией определенной направленности, ориентации научного исследования”⁴¹. Правда, названные авторы выносят подход за пределы метода, ограничивая содержание последнего лишь “технологией” исследования. Но с этим нельзя согласиться, ибо не может быть технологии без ее определенной направленности.

Существует целая совокупность подходов к решению научно-исследовательских задач. Эти подходы сформировались в результате обобщения научно-исследовательской практики и поэтому имеют общенаучный характер, т.е. применяются во всех или многих науках. Давно известны в науке такие подходы, как абстрактный и конкретный, логический и исторический, индуктивный и дедуктивный, аналитический и синтетический, динамический и статический, описательный и количественный, генетический, типологический, сравнительный и др.

В современной науке выработан ряд новых общенаучных подходов – системный, структурный, функциональный, информационный, вероятностный, модельный и др.⁴² Каждый указанный подход характеризует один из возможных путей проведения исследования.

³⁹ См.: Зеленков А.И. Принцип отрицания в философии и науке. Минск, 1981.

⁴⁰ Цит. по: Зеленков А. И. Указ. соч. С. 78.

⁴¹ Готт В.С., Семенов Э.Л., Урсул А.Д. Категории современной науки. 1984. С. 148.

⁴² Общую характеристику новых научных подходов см.: Там же.

Все исследовательские подходы синтезируются в двух противоположных общефилософских подходах к познанию объективной реальности – диалектическом и метафизическом. Внутреннее содержание конкретных подходов определяется характером философского подхода.

Подход, намечая основной ракурс исследования объекта в свете поставленной задачи, определяет лишь самую общую особенность того или иного метода. Конкретное же содержание метода выражают *принципы*, присущие соответствующему подходу. В определении того, что такое принцип, среди философов существуют самые различные мнения. Принцип рассматривают как правило, средство, метод, существенное суждение, закон, основание, исходное положение и т.д. Отмечают двоякую природу и двоякую роль принципа, т.е. характеризуют его и как знание о действительности (онтологические принципы), и как средство ее познания (гносеологически-методологические принципы)⁴³.

Как показывает исследовательская практика, принцип является гносеологически-методологическим понятием. *Принцип* представляет собой основополагающее начало (в этом плане он выступает как идея) решения той или иной научной проблемы (а в более широком плане любой задачи); его содержание выражается в определенных требованиях, имеющих *нормативно-регулятивный* характер. Соблюдение этих требований – неперемнное условие успешного применения соответствующего метода.

По своему функциональному месту в методе принцип – гносеологически-методологическое средство реализации соответствующего подхода. Так, например, одним из принципов, на основе которых может быть реализован сравнительный подход, является принцип аналогии. Реализация этого принципа требует учета качественной однотипности сравниваемых явлений, т.е. их структурного и функционального родства и стадийных различий в их развитии, для чего, в свою очередь, необходимы сопоставимые в содержательном отношении характеристики явлений. Другим принципом реализации сравнительного подхода может выступать принцип типологизации. Он требует, чтобы типы объектов в сравниваемых их совокупностях выделялись на основе единых общих критериев и конкретных показателей.

Исследовательский подход и принцип тесно взаимосвязаны и переплетены и могут как бы меняться местами. Так, генетический подход основан на принципе историзма. Исторический же подход, наоборот, требует генетического принципа рассмотрения явления. На первый взгляд, это одно и то же. Но в действительности – это не так, ибо история предмета или явления и их генезис не идентичны.

---

⁴³ См.: Подкорытов Г.А. Особенности принципа как формы научного познания // Роль принципов и понятий в социальном познании. Л., 1976. С. 3 и сл.

Тесная взаимосвязь подхода и принципа, в силу чего их часто и называют просто методом, обусловлена тем, что оба они основаны на учете, с одной стороны, знания о действительности, а с другой – о познавательном процессе, т.е. базируются на теории как высшей форме знаний о реальности и гносеологии. В подходе и принципе существующее онтологическое и гносеологическое знание приобретает практически-познавательный, исследовательский характер в форме абстрактного, теоретического знания. Последнее, представляя собой основу метода, является его *теорией*.

Таким образом, в теории метода обосновываются постановка проблемы, основной подход (или путь) ее решения и принципиальные нормативные условия и требования реализации подхода для адекватного реальной действительности раскрытия исследовательской задачи.

Вопрос о теории метода научного познания пока еще не привлек должного внимания специалистов по проблемам научного познания, хотя разработка этого вопроса имеет важное гносеологическое значение. Исследователи еще только приступают к его рассмотрению⁴⁴.

Теория метода при всей ее несомненно определяющей роли сама по себе еще не позволяет осуществить исследование. Принципы получения нового знания, обоснованные в теории метода, практически реализуются в “приемах и логических операциях, с помощью которых принципы... начинают работать”⁴⁵. Совокупность правил и процедур, приемов и операций, позволяющих на практике реализовать идеи и требования принципа (или принципов), на которых основан метод, образуют *методику* соответствующего метода. Методика – такой же неперенный структурный компонент метода, как и его теория.

Наконец, правила и процедуры, приемы и операции (т.е. сама методика) могут быть приведены в действие при наличии определенных орудий и инструментов. Их совокупность составляет третий структурный компонент научного метода – *технику исследования*.

Основные элементы структуры научного метода, его теория, методика и техника тесно и диалектически взаимосвязаны, причем несомненна ведущая роль теории. Именно она определяет содержание методики, а последняя – характер применяемой техники. Но такое положение имеет место в окончательно сложившейся структуре метода. В самой же исследовательской практике формирование нового метода может идти не только по линии: проблема, теория, методика, техника. Много примеров тому, что выработка метода определялась обращением к новым техническим средствам. Это требовало разработки иных методических и теоретических реше-

---

⁴⁴ См.: Методология наук в системе вузовского преподавания. С. 19–20.

⁴⁵ Зеленков А.И. Указ соч. С. 70.

ний научных проблем и в конечном счете приводило к постановке таких проблем, которые прежде даже не выдвигались.

Все это говорит о том, что в тех случаях, когда возникает потребность или стремление в получении принципиально новых знаний, имеющееся знание (как о самой изучаемой реальности, так и о познавательном процессе) может и не создавать достаточной основы для разработки эффективных методов получения такого знания. Необходимо радикальное переосмысление существующей научной традиции (в онтологическом, гносеологическом и методологически-логическом отношении), что требует изменения способа и стиля научного мышления, поиска иных основ для разработки метода. Такие основы и метод могут быть привнесены из другой области науки, либо разработаны на основе оригинальной идеи, либо получены в результате серии экспериментов. Это никоим образом не превращает метод во всецело субъективное познавательное средство, ибо возможность для получения принципиально нового знания, перехода знания на качественно новый уровень подготавливается предшествующим развитием знания, т.е. имеет объективную предпосылку, а не совершается по наитию и вдруг, как порой полагают.

Таким образом, метод имеет совершенно определенную структуру, а его выработка представляет собой сложный процесс. Чрезвычайно разнообразна и совокупность методов, используемых в той или иной науке, не говоря уже о науке в целом. При условии же, что “искусство оперировать понятиями, как указывал Ф. Энгельс, не есть нечто врожденное и не дается вместе с обыденным, повседневным сознанием”⁴⁶, разработка научных методов, использование и изучение их должны опираться на какое-то теоретическое знание. Таким знанием и является *методология* научного познания.

Существуют различные определения научной методологии⁴⁷. Резюмируя их, сущность методологии можно выразить следующим образом. *Методология* есть теория научно-познавательной деятельности, направленная на изучение и разработку методов научного познания. В этом плане методология, несомненно, должна рассматриваться как составная часть гносеологии, на что и указывается в ряде исследований⁴⁸. В гносеологии методология выступает как *учение* о методах познания, т.е. как *теория* методов, ибо именно она, опираясь на онтологическое и гносеологическое знание, преобразуя и перенося его в исследовательскую сферу, определяет и характер постановки проблемы, и выбор адекватных путей (подходов) и

⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 14.

⁴⁷ См.: Андреев И.Д. О методах научного познания. С. 230–232; Иванова Р.И., Симапов А.Л. Указ. соч. С. 40 и сл.

⁴⁸ См.: Штофф В.А. Введение в методологию научного познания. Л., 1972. С. 14; Рузавин Г.И. Методы научного исследования. С. 24–25.

принципов ее решения, и перевод этих принципов в систему нормативных и регулятивных требований.

В философской литературе вызывает споры вопрос об уровнях методологии. Одни исследователи полагают, что существует “единая научная, диалектико-материалистическая методология как система общих принципов подхода к изучению окружающего мира и как учение об общих методах познания, которая своеобразно, специфически применяется и преломляется в каждой конкретной науке”⁴⁹. Другая точка зрения сводится к тому, что наряду с диалектико-материалистической, философской методологией, выступающей в качестве общеметодологической основы познания и практической деятельности, существует и “методология конкретно-научная, т.е. система методологических принципов, исходящая из содержания самой конкретной теории”⁵⁰, т.е. знания, отражающего те или иные явления реальности. Поскольку методология основывается на знании о реальности, а это знание отражает разные ее (реальности) сферы и на разных уровнях, то очевидна справедливость второй точки зрения.

Надо лишь добавить, что основой выделения уровней методологии должен быть уровень теоретического знания о действительности. Применительно к общественным явлениям, как указывалось, существуют четыре таких уровня: общеполитический, философско-социологический, специально-научный и конкретно-проблемный. В методологии, как и вообще в теории, эти уровни тесно взаимосвязаны и ведущим из них, оказывающим определяющее воздействие на другие, является общеполитический. В свою очередь, он синтезирует результаты развития других уровней методологии. Философским уровнем методологии является материалистическая диалектика. Ее принципы (законы) требуют рассмотрения всех явлений в развитии, во взаимосвязи и внутренней закономерности, в единстве и борьбе противоположностей, в обусловленности изменений внутренними противоречиями⁵¹.

При объяснении же явлений общественной жизни основополагающим принципом, выражающим методологическую функцию исторического материализма, является признание первичности бытия и вторичности общественного сознания⁵². Все эти принципы выступают определяющими при разработке требований и норм, имеющих как регулятивно-нормативный (т.е. обеспечивающий объективный ход исследовательского процесса), так и конструк-

⁴⁹ Андреев И.Д. О методах научного познания. С. 231.

⁵⁰ Иванова Р.И., Симанов А.Л. Указ. соч. С. 44.

⁵¹ См.: Принципы материалистической диалектики как теории познания. М., 1984.

⁵² О методологических функциях исторического материализма см.: Исторический материализм как социально-философская теория /Под ред. В.И. Разина. М., 1982. С. 27 и сл.; Категории исторического материализма и их методологическая функция. Киев, 1986.

тивный (т.е. позволяющий получить адекватное знание) характер научного метода⁵³.

Если говорить о регулятивных требованиях принципов материалистической диалектики, то к числу важнейших из них принадлежат следующие.

Объект познания должен рассматриваться во всем реальном многообразии, и постановка научной проблемы не должна иметь никаких ограничений.

Никакой метод научного познания не может быть абсолютным. Для успешного решения исследовательской задачи необходимо применение различных, адекватных ее сути методов.

При материалистической основе интерпретации конкретно-научных фактов и раскрытии сути исследуемых явлений должно учитываться воздействие на них других факторов, т.е. подход к объяснению должен быть самым широким.

Конструктивные требования принципов материалистической диалектики применительно к познанию общественных явлений предполагают раскрытие⁵⁴: 1) материальной обусловленности возникновения и функционирования соответствующего явления; 2) его места в целостном социальном организме; 3) присущих ему закономерностей, особенностей и специфических черт; 4) его социальных функций и роли в развитии социального целого.

Очевидно, что указанные методологические подходы, принципы и требования философского уровня должны учитываться при разработке любых методов. Но эти подходы, принципы и требования не покрывают собой всей методологии, не исключают ее специального и конкретного научного уровня, ибо они играют роль лишь общей исследовательской стратегии, не определяя ни конкретного содержания, ни этапов исследования. Эти последние могут быть выработаны лишь при учете сути исследуемых явлений и специфики их познания, т.е. на основе теории и методологии познания соответствующего уровня.

Наконец, следует отметить, что методология, как и теория, играет важную роль в мировоззрении, особенно на общеполитическом уровне. Это вполне закономерно, ибо основной задачей философской методологии выступает общетеоретический анализ общих подходов, принципов и методов познания, их возможностей и ограниченности, ведущих направлений и тенденций научного познания, выработки общей стратегии научно-исследовательской деятельности и т.д. Поэтому история науки – это борьба не только теорий, от-

---

⁵³ В литературе справедливо отмечается, что “работа по систематическому обоснованию и формулированию правил диалектического метода еще только начата” (Иванова Р.А., Симанов А.Л. Указ. соч. С. 36–37).

⁵⁴ См.: Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история: (Проблемы теории исторического процесса). М., 1981. С. 45.

ражающих знание о мире, но и теорий, направленных на получение этого знания. Рубежом всемирно-исторического значения здесь было возникновение марксизма, теории диалектического и исторического материализма, которая и является единственной последовательно научной, объективной теорией, методологией и логикой научного познания.

Таким образом, методология выступает как теория методов научного познания. Но в методе теория приводится в действие посредством методики, которая принципы и требования методологии переводит в логические правила и процедуры.

Логика (формальная и диалектическая) – наука о формах и законах мышления – изучает движение научного знания к истине. Логика является не только методом анализа и преобразования имеющегося знания, но и средством получения нового знания. “Даже формальная логика, – указывал Ф. Энгельс, – представляет собой прежде всего метод для отыскания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному”⁵⁵. Однако познавательные возможности формальной логики ограничены в силу того, что она рассматривает предметы как таковые вне их взаимосвязи и развития всех процессов. Этот основной недостаток формальной логики преодолевается в логике диалектической, которая ориентирована на всестороннее рассмотрение явлений реальности во всей их сложности, изменчивости, противоречивости и движении⁵⁶.

Логика формальная и логика диалектическая выполняют в познавательном процессе разные роли. Диалектическая логика является конструктом в методологии научного познания, в разработке теории исследовательских методов. Логика же формальная выступает средством разработки методики, поскольку последняя составляет совокупность правил и процедур, складывающихся из простых операций.

Логика является мощным средством научно-познавательной деятельности в силу того, что ее понятия и категории, законы и принципы представляют собой адекватное отражение объективного в субъективном сознании человека.

С одной стороны, это обусловлено практической деятельностью человека, которая **“МИЛЛИАРДЫ РАЗ ДОЛЖНА БЫЛА ПРИВОДИТЬ СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ПОВТОРЕНИЮ РАЗНЫХ ЛОГИЧЕСКИХ ФИГУР, ДАБЫ ЭТИ ФИГУРЫ МОГЛИ ПОЛУЧИТЬ ЗНАЧЕНИЕ АКСИОМ”**⁵⁷.

С другой стороны, способность сознания объективно отразить реальный мир вытекает и из того, что “продукты человеческого

---

⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 138.

⁵⁶ См.: Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1974; Диалектика научного познания: Очерк диалектической логики. М., 1978; Проблемы материалистической диалектики как логики и теории познания. М., 1978, и др.

⁵⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 172.

мозга, являющиеся в конечном счете тоже продуктами природы, не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей”⁵⁸. Поэтому “диалектика понятий сама становилась лишь сознательным отражением диалектического движения действительного мира”⁵⁹.

Следовательно, существует объективная возможность и реальность построения правильного метода исследования и на уровне его теории, и на уровне его методике. Что касается техники научного метода, то ее базой являются материальные и духовные достижения общественной практики. Общественная практика либо непосредственно дает необходимые орудия и инструменты научного исследования, либо они специально конструируются на основе ее достижений.

И последний вопрос – *об уровнях методов* научного познания. Существует мнение, что “ни в одной науке нет каких-то абсолютно своих, неповторимых методов”. То, что относится к частнонаучным методам, представляет собой различные сочетания “в процессе исследования небольшого количества широко известных исследовательских приемов”. Специфика использования последних обуславливается “новизной условий, в которых они применяются, качеством объектов, на исследование которых они направлены”⁶⁰. Такое положение действительно имеет место, но дело в том, что метод – это ведь не просто совокупность каких-то исследовательских приемов, которые могут быть стандартными, а сложное сочетание теории, методике и техники, определяемое особенностями объекта познания. Поэтому для уяснения “технологии” построения и функционирования методов исследования, предназначенных для познания той или иной конкретной реальности, нужна классификация методов, в которой, так сказать, была бы видна вертикальная структура компонентов, образующих метод, предназначенный для решения определенной исследовательской задачи (горизонтальная структура метода выражается во взаимосвязи его теории, методике и техники). Такая классификация может быть основана на учете степени общности методов, т.е. диапазоне реальности, которая может быть охвачена при их применении. В этом плане можно выделить следующие уровни (или категории) научно-исследовательских методов⁶¹.

Философские методы научного познания, раскрывающие общие пути (подходы) и принципы познания реальности, являются всеобщими, характеризуют ход исследовательского процесса в целом и применимы при изучении всех проявлений действительности. Это – диалектико-материалистический и метафизический методы. Если в

⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е-изд. Т. 20. С. 35.

⁵⁹ Там же. Т. 21. С. 302.

⁶⁰ Эвристическая и методологическая функции философии в научном познании. С. 41.

⁶¹ О классификации методов научного познания см.: *Копнин П.В.* Гносеологические и логические основы науки. С. 514 и сл.

области теории основной линией борьбы была и остается борьба материализма с идеализмом, то в области методологии науки и исследовательских методов – борьба диалектики и метафизики. Метафизика, как известно, была закономерным этапом в развитии науки и сыграла конструктивную роль в этом развитии на той его стадии, когда в центре внимания исследователей находилось познание вещи как таковой вне ее взаимосвязи и развития⁶².

Но в дальнейшем в силу своей статичности, односторонности и умозрительности метафизика стала преградой на пути научного прогресса. Действенным методом научного познания, как показывает вся история науки, является материалистическая диалектика.

Другую категорию научно-исследовательских методов образуют *общенаучные методы* познания. Они применяются во всех или многих науках и в отличие от общеполитических методов охватывают лишь определенные аспекты научно-познавательной деятельности, являются одним из средств решения исследовательских задач. Так, индукция и дедукция выражают разные подходы к раскрытию сути изучаемых явлений, а анализ и синтез – это разные методы проникновения в эту суть. Описательные и количественные методы – это средства и формы выражения информации об исследуемых явлениях, а моделирование – метод формализованного представления знаний, присущий более высоким ступеням научного познания.

Развитие науки ведет к появлению новых общенаучных методов, что обогащает ее исследовательский арсенал. Уже отмечалось, что успехи в развитии современной науки привели к возникновению ряда общенаучных подходов и методов (системно-структурный и функциональный анализ, моделирование, информационно-энтропийный анализ, алгоритмизация и др.).

В практике научных исследований обращение к тому или иному общенаучному методу определяется характером изучаемых явлений и поставленной исследовательской задачей.

То, что общенаучные методы выражают лишь отдельные аспекты познавательной деятельности, обуславливает необходимость применения при изучении тех или иных явлений ряда этих методов. Так, моделирование требует системно-структурного подхода и анализа, оно может быть индуктивным или дедуктивным и основываться на описательных или количественных методах.

Успех применения общенаучных методов зависит от общих теоретико-методологических основ исследования и от того, на каком общеполитическом методе они базируются. В этом отношении лишь материалистическая диалектика открывает возможность для успешного использования всех общенаучных методов. Сами же эти методы позволяют на практике реализовать принципы диалектико-материалистического познания действительности. Лишь возникно-

---

⁶² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 20–21.

вание марксизма, выработавшего и утвердившего диалектико-материалистический метод, позволяющий последовательно объективно, адекватно и наиболее результативно познать реальность, привело к тому, что общенаучные методы познания сложились в единую и развивающуюся *систему* познавательных средств. С марксизмом связано и возникновение ряда из этих методов.

Таким образом, общефилософские и общенаучные методы представляют два уровня тесно взаимосвязанных методов научного познания.

На философских и общенаучных методах основываются методы *специально-научные*. Это – методы, которые применяются в той или иной науке *в целом*. Их теоретическим базисом являются теории специально-научного уровня. Роль этих онтологически направленных теорий в формировании специально-научных методов состоит в том, что они определяют характер тех методологических принципов и нормативно-регулятивных требований, которые составляют теорию метода. Специфика этих принципов и требований определяется особенностями объекта познания соответствующей науки. Скажем, историческую науку от других общественно-гуманитарных наук отличает то, что она изучает прошлое. Это, как будет показано далее, обусловило выработку методов, которые характерны именно для исторического исследования.

Наконец, низший уровень образуют методы *конкретно-проблемные*. Они направлены на изучение конкретных явлений, характеризующих те или иные стороны и явления действительности, составляющей объект познания соответствующей науки. Суть этих явлений выражается в теориях конкретно-проблемного уровня. Они и определяют специфику методологии (теории) конкретно-проблемных методов, т.е. тех принципов и требований, на которых основаны эти методы. Если, например, изучается ход экономического развития той или другой страны в тот или иной период времени, то неперенными принципами и требованиями к такому изучению и его методам должен быть показ производственно-экономической (формационной) сущности этого развития, его стадийного уровня, обусловленности его темпов характером соотношения производительных сил и производственных отношений и т.д. Иначе говоря, это развитие должно быть представлено как объективный, закономерный и внутренне обусловленный исторический процесс. А если же исследуется какое-то идеологическое общественное явление, то здесь неперенным принципом и требованием к анализу будет сведение индивидуального к социальному и раскрытие сущности идеального через материальное, т.е. показ сути субъективного на основе объективного. Ясно, что исследовательские методы в первом и втором случае будут различными.

Кроме теорий, отражающих суть рассматриваемых явлений, конкретно-проблемные методы основываются на специально-научных, общенаучных и философских методах.

Следовательно, при всем многообразии (прежде всего за счет многочисленности конкретно-проблемных методов) вся совокупность научных методов представляет собой иерархически упорядоченную и тесно взаимосвязанную систему, включающую методы разных уровней.

Таков основной круг вопросов, на которых необходимо было остановиться прежде, чем переходить к рассмотрению проблем, связанных с методологией и методами исторического исследования.

Глава 2

МЕСТО ИСТОРИИ В СИСТЕМЕ НАУК, ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТА И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Специфика методов научного познания, применяемых в той или иной области науки, как было показано, определяется характером тех явлений объективной реальности, которые подвергаются изучению, сутью поставленной исследовательской задачи, а также местом данной науки в общей системе наук, ибо от этого зависят возможности применения в данной науке методов других наук. Поэтому в настоящей главе прежде всего рассматривается вопрос об объекте познания общественно-гуманитарных наук и исторической науки, о месте последней в системе наук. Центральной здесь является задача определения соотношения исторического материализма и исторической науки, социологического и исторического познания и знания, поскольку объект познания этих наук один и тот же.

Вопрос о соотношении социологии как обобщающей, и истории как конкретной науки давно вызывает среди ученых споры. Среди советских философов и историков по этому вопросу также высказываются различные мнения.

Иной круг проблем связан со спецификой объекта общественно-гуманитарного, в том числе и исторического познания, которая состоит в органическом сочетании в общественной жизни объективного и субъективного. Одним из важнейших выражений этой специфики является альтернативность общественно-исторического развития. Выявление предпосылок возникновения исторических альтернатив, а также целей и путей изучения их требует специального рассмотрения, тем более, что проблемы альтернативности в историческом развитии и в исторической науке еще не привлекли должного внимания советских историков.

Далее, историческая наука сравнительно с другими общественно-гуманитарными науками характеризуется тем, что объектом ее познания является прежде всего общественное развитие в прошлом.

Это, естественно, определяет особенности исторического познания. Поскольку объект познания здесь, как правило, невозможно наблюдать или воспроизвести в эксперименте, постольку возникает вопрос о реальности прошлого как объекта познания и возможности отражательного его познания. В этом вопросе между представителями различных направлений в теории и методологии исторического познания также существуют принципиальные расхождения, отражающие диалектико-материалистический и субъективно-идеалистический подходы к пониманию прошлого и его изучению. Наконец, будучи обращено на прошлое, историческое познание имеет ретроспективный характер. Как это сказывается на методах и результатах исторических исследований – важный, но опять-таки слабо изученный вопрос.

Таким образом, задачей главы является рассмотрение вопросов о том, в какой мере историческое познание подчинено общим закономерностям научного познания и обладает его основными чертами и в чем специфика исторического познания.

1. МЕСТО ИСТОРИИ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Диалектический материализм исходит из того, что всякое познание и полученное в результате него знание представляют собой отражение сознанием людей черт, свойств, связей, закономерностей и тенденций развития явлений и процессов объективного естественного и общественного мира. Все знания имеют отражательный характер. Поэтому основой марксистской теории познания является теория отражения.

Всякое научное познание представляет собой взаимодействие познающего общественного субъекта с познаваемым объектом. Разные науки отличаются прежде всего своими объектами познания.

Объект познания – это совокупность качественно определенных явлений и процессов реальности, существенно отличных по своей внутренней природе, основным чертам и законам функционирования и развития от других объектов этой реальности.

Среди некоторых советских философов существует мнение, что объект – это не просто вся реальность, существующая независимо от субъекта, а та ее часть, которая находится во взаимодействии с субъектом, т.е. вовлечена в познавательный процесс. Не включенная же в этот процесс действительность, оставаясь объективной реальностью, являет собой некую всеобщность, в которой слиты воедино все ее свойства и черты¹. Указанное ограничение правомерно

---

¹ См., например: *Петров Ю.В.* Практика и историческая наука: Проблемы субъекта и объекта в исторической науке. Томск, 1981. С. 231–234.

лишь с позиций чисто гносеологического подхода к познавательному процессу. Но и в этом случае надо учитывать, что, во-первых, онтологический и гносеологический аспекты познания тесно взаимосвязаны и познание имеет практически-действенную направленность; во-вторых, и в гносеологическом плане, с точки зрения интересов практически-познавательной деятельности, целесообразно под объектом познания иметь в виду всю объективную реальность. Тем самым познание приобретет реальный ориентир для своего расширения и углубления.

Поскольку практически познание на любом историческом этапе своего развития охватывает лишь часть реальности, необходимо понятие, раскрывающее то содержание объекта познания, которое включено в познавательный процесс. Таким понятием является *предмет* познания. Приведенное выше ограниченное понимание объекта познания фактически и выступает как предмет познания. Поэтому сторонники указанного мнения и полагают, что необходимость в использовании понятия “предмет” отпадает². В последующем изложении мы будем исходить из традиционного подхода, а именно: рассматривать в качестве *объекта* познания определенную объективную реальность, а в качестве его *предмета* – те аспекты и черты объекта, которые охвачены изучением.

Наиболее существенные различия в объективной реальности имеют явления естественные и общественные. Характеризуя эти различия в работе “Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии”, Ф. Энгельс писал: “...История развития общества в одном пункте существенно отличается от истории развития природы. В природе (поскольку мы оставляем в стороне обратное влияние на нее человека) действуют одна на другую лишь слепые, бессознательные силы, во взаимодействии которых и проявляются общие законы. Здесь нигде нет сознательной, желаемой цели... Наоборот, в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели”³. Соответственно с этими различиями возникли две группы наук, изучающих эти явления, – науки естественные и общественные (или общественно-гуманитарные). Но общественная жизнь (так же, как и естественная) представляет собой сложное сочетание разного рода явлений и процессов, которые имеют качественную определенность. Это – явления социально-экономические, политически-правовые, общественно-идеологические, художественно-культурные, нравственно-этические, социально-психологические и т.д. Процесс их познания привел к возникновению отдельных общественно-гуманитарных наук, объектом позна-

² Петров Ю.В. Указ. соч. С. 233.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 305–306.

ния которых и являются определенные целостные компоненты общественного развития.

Объект познания исторической науки – вся совокупность явлений общественной жизни на протяжении всей истории общества. Таким образом, историческая наука по сравнению с другими конкретными общественно-гуманитарными науками выступает как наука комплексная, интегральная. Она имеет дело со всеми общественными явлениями, которые изучаются этими науками. В любом историческом исследовании историк предстает в двух или даже нескольких ролях. Если, к примеру, изучаются процессы социально-экономические, то он – и историк и экономист. А если же освещается какой-либо исторический период в целом, то историк должен быть и историком, и экономистом, и юристом, и искусствоведем и т.д. Все это хорошо известно, но не всегда из этого делаются необходимые практические выводы. А они состоят в том, что историк должен профессионально владеть теорией, методологией и методами научного познания не только исторической науки, но и тех наук, которые специально изучают исследуемые им явления и процессы. В советской исторической науке есть немало примеров блестяще выполненных историками исследований, которые имеют комплексный характер и органически сочетают подходы, принципы и методы разных гуманитарных наук. К их числу относятся, например, исследования Н.М. Дружинина по аграрной истории России XVIII–XIX вв., Б.А. Рыбакова по истории Древней Руси, Е.А. Косминского по аграрной истории средневековой Англии и многие другие.

Таким образом, отдельные конкретные общественно-гуманитарные науки имеют разные объекты познания, и следовательно, различные специально-научные и конкретно-проблемные теоретико-методологические основы и методы познания. Поскольку эти науки ставят целью изучение прежде всего современности, то для исторической науки они могут не только давать соответствующие теоретико-методологические подходы и методы познания, но и быть ориентиром в выборе наиболее актуальных в содержательном отношении направлений исторических исследований и постановке конкретных исследовательских задач. Специалисты же отдельных обществоведческих наук могут применять исторический подход и исторические методы исследования при изучении явлений современных, а также, опираясь на исторические исследования, охватывающие все явления общественной жизни, более обоснованно и широко проводить специализированные исследования и интерпретировать их результаты. В общем, необходим тесный творческий контакт между всеми областями общественно-гуманитарных наук. К сожалению, глубокая дифференциация и специализация исследований и стремительно растущий объем накапливаемых научных знаний мешают превращению таких контактов в органический элемент обществоведческих исследований.

Безграничность свойств и взаимосвязей, присущих всем без исключения явлениям и процессам реальности, обуславливает невозможность “разового” познания любого объекта во всей полноте и глубине. Это познание в той или иной мере всегда относительно и ограничено. Поэтому в познавательном процессе наряду с объектом фигурирует и *предмет познания*.

Предмет познания – это определенная целостная совокупность наиболее существенных свойств и признаков объекта познания, которая подвергается изучению. Очевидно, что если объект познания представляет собой независимую от познающего субъекта реальность, то предмет познания – это выделенная субъектом или привлекающая его внимание часть этой реальности. По мере углубления знания предмет познания расширяется. Это хорошо видно на примере развития исторической науки⁴.

Превращение исторических знаний в науку было связано с переходом в объяснении явлений общественной жизни с провиденциалистских позиций на рационалистические. Суть этого перехода в том, что характер и ход общественного развития стали объяснять не воздействием потусторонних, божественных сил, а деятельностью самих людей, умственными и психологическими чертами тех из них, которые имели возможность оказывать наибольшее влияние на общественную жизнь. Понятно, что таковыми оказались царствующие особы и выдвигаемые ими крупнейшие государственные деятели и сановники. Им как бы было передано то, что раньше приписывалось потусторонним силам. Поэтому в течение длительного времени предметом исторической науки являлось описание политической истории, а говоря точнее, истории империй, династий, царствований и княжений. Лишь в эпоху крушения феодализма и утверждения капитализма усилиями представителей передовых направлений исторической мысли этот предмет был расширен в результате включения в сферу исторических исследований изучения хода социально-экономического развития, истории народных масс и их борьбы.

В домарксистский период истории исторической науки наиболее широкая и глубокая теоретическая постановка вопроса о предмете исторической науки была дана французскими просветителями XVIII в. и русскими революционерами-демократами 40–60-х годов XIX в. То основное, что отличало их понимание предмета исторической науки от других, можно свести прежде всего к признанию роли в историческом развитии материальных факторов, деятельности народных масс, их борьбы и революционных преобразований⁵. Пони-

⁴ Наиболее широко вопрос о предмете исторической науки рассмотрен Б.Г. Могильницким (О природе исторического познания. Томск, 1978. Гл. I), хотя и вне прямого контекста “объект – предмет”.

⁵ См.: *Историография нового времени стран Европы и Америки*. М., 1967; *Иллерицкий В.Е.* Революционная историческая мысль в России (домарксистский период). М., 1974, и др.

мание ими предмета и целей исторической науки можно выразить словами Вольтера. “Я вижу почти повсюду, – писал он, – только историю королей; я хочу написать историю людей”⁶. И хотя западно-европейские и российский просветители реализовали свои представления о предмете исторической науки лишь частично, им принадлежит несомненная заслуга в радикальном его расширении сравнительно с его пониманием в господствовавшей тогда дворянской исторической науке.

Предмет исследования либерально-буржуазной историографии XIX в. был более узким по сравнению с просветителями. И хотя наряду с политической историей стала изучаться и сфера социально-экономических явлений, эти последние рассматривались прежде всего со стороны их внешних форм (хозяйство натуральное, товарно-денежное и т.п.). Ведущая роль народных масс игнорировалась, ход социального прогресса трактовался в духе буржуазного реформизма и т.д.

В XX в. развитие буржуазной исторической науки характеризуется глубоким теоретико-методологическим кризисом. Основным выражением кризиса является неспособность буржуазной историографии объективно и адекватно познать прошлое, углублять это познание применительно к общему ходу исторического развития, основным его проявлениям и закономерностям с учетом прогрессивных потребностей современности и перспектив последующего исторического развития. Вместе с тем кризис не означает некоей абсолютной стагнации и упадка буржуазной исторической науки. В исследовательской проблематике, накоплении конкретно-исторических данных, разработке методики и техники исторических исследований и освещении отдельных явлений и процессов прошлого имеет место и движение вперед. Но на основе ограниченных или вовсе ошибочных теоретико-методологических посылок это не дает результатов, имеющих существенное научно-познавательное или практически-прикладное значение. Одним из выражений этого является и то, что понимание предмета исторической науки остается крайне узким.

Лишь отдельные направления буржуазной исторической мысли XX в. исходят из сравнительно широкого понимания предмета исторической науки. Вершиной в этом отношении выступает французская историческая школа 20–60-х годов, связанная с журналом “Анналы” (“Annales”) и возглавляемая его руководителями, известными историками М. Блоком, Л. Февром и Ф. Броделем⁷.

Ф. Бродель обосновал представление о глобальном характере предмета исторической науки и считал, что историк должен в конеч-

⁶ Цит. по: *Державин К.Н.* Вольтер. М., 1946. С. 207.

⁷ См.: *Афанасьев Ю.Н.* Историзм против эклектики: Французская историческая школа “Анналов” в современной буржуазной историографии. М., 1980.

ном счете охватить всю совокупность социальных явлений. В этой связи он возражал против поисков однозначного определения предмета исторической науки. “Для меня, – писал Бродель, – история (историческая наука. – *И.К.*) – это сумма всех возможных историй, всех подходов и точек зрения – прошлых, настоящих и будущих”⁸. Несмотря на эклектический призыв к объединению всех пониманий предмета исторической науки, верно, что предмет исторической науки (как и любой другой) подвижен, а его расширение идет по линии все более полного охвата историческим исследованием проявлений общественного развития. Но поскольку прошлое никогда не может быть познано во всем его реальном многообразии, правомерно выделение в нем того наиболее существенного, что должно быть предметом познания на соответствующем этапе развития науки в интересах наиболее эффективного выполнения ею своих социальных функций. Однако у Ф. Броделя провозглашенная им тотальность предмета исторического познания осталась лишь теоретическим тезисом, а конкретные задачи исторического исследования значительно сужались. Достаточно сказать, что он призывал изъять из исторической науки понятие “*общественное развитие*” и заменить его понятием “*состояние исторической действительности на данном отрезке времени*”⁹. Так, в глобальной истории исчезало развитие, поскольку не оказалось методологических подходов, дающих возможность совместить анализ структуры общественных систем с их развитием.

Но тем не менее школа “Анналов” времени Блока, Февра и Броделя (в 70-х годах “Анналы” стали другими)¹⁰ – это один из наиболее ярких примеров предпринимаемых время от времени буржуазными историками попыток преодоления кризиса, переживаемого буржуазной исторической наукой. Общая безуспешность этих попыток выражается уже в их исходном пункте, в определении предмета исторической науки. Господствующими же в современной буржуазной исторической науке, даже в тех случаях, когда признается возможность получения объективного исторического знания, являются подходы, ограничивающие предмет исторической науки изучением лишь отдельных проявлений исторического развития. В описательной событийной историографии – это индивидуальные неповторимые события, а в структурализме – изначальные, внутренне непротиворечивые и неизменные структуры.

Последовательно научное, т.е. наиболее полное, конкретное и цельное определение предмета исторической науки можно дать

---

⁸ Бродель Фернан. История и общественные науки: Историческая длительность // Философия и методология истории: Сб. статей. М., 1977. С. 128.

⁹ Афанасьев Ю.Н. Указ. соч. С. 123.

¹⁰ Новые руководители журнала ведут курс на сближение с субъективно-идеалистической буржуазной историографией, в которой абсолютизируется индивидуальное и неповторимое в общественно-историческом развитии, а основы этого развития усматриваются в духовных факторах.

лишь с позиций марксистской теории и методологии общественного познания. Это обусловлено тем, что определение предмета науки в сущности есть определение диапазона и характера ее исследовательских задач. Последние же могут быть правильно выявлены при адекватном отражении теорией основной природы объекта исторического познания, а методологией – основных путей этого познания. Применительно к общественному историческому развитию этого достиг только марксизм. Марксизм показал, что суть исторического развития состоит не в деятельности отдельных, пусть даже выдающихся личностей, не в беспорядочном сочетании индивидуальных и неповторимых событий или структур и не в некоей нерасчлененности всего сущего. Историческое развитие представляет собой деятельность преследующего свои цели человека, которая является естественно-историческим, поступательно-прогрессивным, закономерным и внутренне обусловленным процессом. В конкретном ходе этого процесса органически сочетаются материальное и духовное, объективное и субъективное, общее и особенное, единичное, массовое и индивидуальное, закономерное и случайное, возможное и действительное, сознательное и стихийное, а само это сочетание выступает в единстве явлений и сущности, содержания и формы, количества и качества.

Указанная основная природа объекта исторического познания (она может быть раскрыта и более развернуто) и является содержанием предмета этого познания. Марксизм дал наиболее широкое и глубокое определение предмета исторической науки. Подчеркивая это, В.И. Ленин писал: «Домарксовская (и вся последующая немарксистская. – *И.К.*) “социология” и историография в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных “главенствующих” идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил»¹¹ и всех других проявлений человеческой деятельности. Возможности для такого раскрытия исторического прошлого созданы материалистическим пониманием хода исторического развития и диалектическим методом его познания. Они являются основой для непрерывного расширения предмета исторической науки.

О том, насколько значительно расширился предмет марксистских исторических исследований, свидетельствует история развития

---

¹¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 57–58.

советской исторической науки. От почти исключительного внимания к изучению социально-экономического развития и классовой и революционной борьбы на первых этапах своего развития (примерно до конца 50-х годов) в наше время она пришла к всестороннему освещению исторического процесса. Конечно, и здесь еще далеко не все сделано в проблемном, временном и пространственном охвате этого процесса. Например, отстают изучение историками массовых культурно-бытовых, социально-психологических и идеологических явлений и образа жизни в различные эпохи, включая современную. Настоятельно требует исследования исторический процесс взаимодействия природы и общества. Слабо разрабатываются проблемы естественного и общественного разделения труда, его специализации и производительности на разных этапах исторического развития, без чего не может быть полной картины развития производительных сил. Этот перечень может быть умножен и детализирован в пространственном и временном аспектах.

Таким образом, развитие советской исторической науки свидетельствует о непрерывном расширении фактического содержания ее предмета, а его теоретическое раскрытие показывает те направления, по которым должно идти это расширение.

Кроме исторической науки есть еще одна наука, объектом познания которой является вся совокупность явлений общественной жизни. Это – исторический материализм, марксистская социологическая теория. Наличие двух наук, объектом познания которых является вся совокупность явлений общественной жизни в ее развитии, поставило вопрос о соотношении социологии как обобщенно-философской науки и исторической науки как науки конкретной. Давались и разные решения этой проблемы. Так, позитивизм во всех разновидностях исходит из противопоставления этих наук. Задача исторической науки сводится к выявлению конкретного хода общественного развития и раскрытию присущих ему непосредственных причинных взаимосвязей и факторов. Выявление же основных черт общественного развития и его закономерностей, их обобщенное объяснение – задача социологии. Субъективный идеализм в своем неокантианском и других вариантах также противопоставляет социологию и историю. Но здесь вообще отрицается возможность получения объективного знания о прошлом¹².

Вопрос о соотношении исторического материализма и исторической науки, т.е. вопрос о предмете этих наук, активно обсуждается и советскими обществоведами, прежде всего философами. Исто-

---

¹² См.: Кон И.С. Позитивизм в социологии. Л., 1964; Грзал Л., Попов С. Критика современных буржуазных социологических теорий. М., 1976; Вайнштейн О.Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX–XX веках. Л., 1979; История и буржуазная социология XIX – начала XX века. М., 1979; Буржуазная социология на исходе XX века: Критика новейших тенденций. М., 1986, и др.

рики, за редкими исключениями, не проявляют особого интереса к проблемам предмета своей науки, что, естественно, говорит не в их пользу и является одним из выражений недооценки необходимости активной разработки теоретико-методологических проблем исторической науки.

В первой половине 60-х годов по вопросу о соотношении исторического материализма и исторической науки философами было высказано следующее мнение: историческая наука лишь изображает историческую действительность, а исторический материализм объясняет общественное развитие, раскрывая его законы¹³. Несостоятельность подобной трактовки очевидна. Если нет анализа сущности изучаемых явлений и процессов, то, следовательно, нет и науки, хотя такого вывода указанные авторы и другие сторонники изложенной точки зрения не делают.

Вполне можно согласиться, что причиной указанных несостоятельных определений предмета исторической науки является то, что здесь возводится в принцип “то, чем историки веками преимущественно занимались, но только не то, чем они должны заниматься в рамках современной системы наук вообще и на почве марксистского историзма в особенности”¹⁴.

Естественно, предложенная трактовка разграничительных линий исторического материализма и исторической науки вызвала возражения и было выдвинуто иное, мы бы сказали компромиссное, мнение об их предмете. Его исходной основой была идея о том, что, коль скоро главной задачей всякой науки является раскрытие тех законов, которые определяют функционирование и развитие всякой объективной реальности, то различия в предмете исторического материализма и исторической наук и надо искать в характере тех законов, которые познаются этими науками. Исходя из этого к компетенции исторического материализма были отнесены *законы социологические*, а к компетенции исторической науки – *законы исторические*. Надо было найти критерии для разграничения тех и других законов.

---

¹³ Так, В.И. Приписнов писал, что “исторический материализм, исследуя историческую действительность, раскрывает законы развития общества”, а задачей исторической науки “является изображение исторической действительности” (О соотношении исторического материализма и исторической науки // Вопросы философии 1961. № 1. С. 12). Это же утверждал в своей монографии и В.П. Рожин (Введение в марксистскую социологию. Л., 1962. С. 36). Авторы труда “Марксистско-ленинская философия” (М., 1964) считают, что “историческая наука изучает историю общественных явлений во всей их конкретности, следуя по стопам событий”, а марксистская социология “объясняет, что они собой представляют по существу (их общую и особенную природу), каковы закономерности их развития” (с. 294). Наконец, в учебнике “Марксистско-ленинская философия” (М., 1981) исторический материализм и историческая наука хотя и не противопоставляются, как в указанных работах, но в задачу последней входит, как можно понять, только “изучение истории стран и народов в их хронологической последовательности” (с. 184).

¹⁴ Барз М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. С. 13.

К первым, социологическим, отнесли наиболее общие законы общественного развития, которые действуют на всех стадиях этого развития, т.е. присущи всем общественно-экономическим формациям (это законы типа соответствия производительных сил и производственных отношений, определяющей роли социально-экономического базиса по отношению к политико-идеологической надстройке, объективной детерминированности результатов субъективной человеческой деятельности и т.д.), либо законы, присущие ряду формаций (такие, как закон классового антагонизма и классовой борьбы). В этой связи к “историческим” законам естественно было отнести законы меньшей степени общности, характерные для определенных этапов и сторон исторического развития. Однако предпринятые попытки конкретного раскрытия сути “исторических” законов не дали определенных результатов. Полагают, что конкретные “исторические” законы возникают как пересечение ряда законов, действующих в обществе. Историческая закономерность “складывается на основе действия не одних лишь социальных законов, но также и закономерностей чисто хозяйственных, демографических, закономерностей биологической и психической жизни человека, духовной жизни общества, законов природы, во взаимодействие с которой вступают люди. Только совокупность действия всех этих закономерностей... порождает историческое движение. Конкретная историческая закономерность есть результат пересечения, сочетания закономерностей разных систем. Это пересечение происходит на основе ведущей закономерности, каковой для общества неизбежно является социологический закон”¹⁵.

В общем “исторические” законы характеризуют то или иное общественное явление или состояние. Развитие тезиса о двух видах общественных законов привело к выводу, что специфические “исторические” законы являются законами “исторических ситуаций”, “выражающие механизм действия общих законов и устанавливающие зависимость между типом ситуаций и возможностью следствий из этой ситуации”¹⁶.

Итак, суть “исторических” законов сводится фактически к конкретно-историческому проявлению законов социологических. Это и было прямо признано в дальнейшем: “Исторические законы вскрывают механизм действия общесоциологических законов в определенных конкретно-исторических условиях. В этом отношении они подчинены общесоциологическим законам”¹⁷. Но это значит, что

---

¹⁵ Гуревич А.Я. Об исторической закономерности // *Философские проблемы исторической науки*. М., 1969. С. 63. См. также: Уледов В.К. Социологические законы М., 1975. С. 211–212.

¹⁶ Кертман Л.Е. Законы исторических ситуаций // *Вопросы истории*. 1971. № 1. С. 66.

¹⁷ Жуков Е.М. О соотношении общесоциологических и исторических закономерностей // *Вопросы философии*. 1977. № 4. С. 51; См. также: *Он же*. Очерки методологии истории. С. 68.

“исторические” законы представляют собой лишь вариации законов социологических. Поэтому никто из сторонников деления законов на “социологические” и “исторические” не смог выявить и конкретно охарактеризовать ни одного специфически “исторического” закона, как справедливо заметили исследователи, не разделяющие рассматриваемое мнение¹⁸.

Выдвигаются и другие возражения против выделения особой категории “исторических” законов¹⁹. Обращается внимание на то, что все общественные законы являются историческими, ибо имеют временную протяженность. Это, впрочем, признают и сторонники выделения особых “исторических” законов. Указывается, что вычленение особых “исторических” законов подрывает правомерность применения исторического и логического методов анализа любого общественного явления, ибо специфически “исторические” законы познаются лишь историческим методом. И наиболее существенным аргументом против выделения особых “исторических” законов является тот, что в общественной реальности «объективно не существует какой-либо “специфической исторической деятельности”», которая порождала бы такие законы²⁰.

Более обоснован другой подход к проблеме “социологических” и “исторических” законов, т.е. предмета исторического материализма и исторической науки. “Единственная возможность, – отмечает М.А. Барг, – разграничения предметной области социологии и истории заключается в разграничении уровня сущности, на котором она изучается каждой из указанных дисциплин”²¹. Здесь дается ссылка на К. Маркса, который писал: “Так как процесс мышления сам вырастает из известных условий, сам является *естественным процессом*, то действительно постигающее мышление может быть лишь одним и тем же, отличаясь только по степени... Все остальное – вздор”²².

Характеризуя уровни сущности, познаваемые социологией и исторической наукой, Барг пишет, что “уровень сущности, доступный историческому познанию социальной действительности... тяготеет, воплощен логически в особенном”. “Уровень сущности особенного (внутриформационные разновидности) представляет ту специфическую форму всеобщего (всемирно-исторического), которая раскры-

---

¹⁸ См.: *Ирибаджиков И.* Клио перед судом буржуазной философии. М., 1972. С. 202–203.

¹⁹ См.: *Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В.* Методологические проблемы исторического познания. М., 1981. С. 243 и сл.; *Петров Ю.В.* Практика и историческая наука. С. 372 и сл.; *Методология наук в системе вузовского образования: Коллективная монография.* Воронеж, 1982. С. 223 и сл. и др.

²⁰ *Попов С.* Существуют ли “специфические исторические” законы? // *Философские науки.* 1971. № 6. С. 150, 151.

²¹ *Барг М.А.* Указ. соч. С. 24–25.

²² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 461.

вается в понятии *собственно историческая закономерность*. Естественно, что с точки зрения философии последняя – лишь форма проявления общесоциологических законов, но столь же правомерно с точки зрения историографии рассматривать ее как определенную модификацию, т.е. как собственно-историческую закономерность”²³.

Перед нами – несомненно более глубокая постановка проблемы, ибо сущность общественной реальности действительно имеет разные уровни выражения, если подразумевать под ними различную пространственно-временную протяженность закономерностей, присущих функционированию и развитию этой реальности. Это обусловлено тем, что общественная жизнь есть сочетание общего, особенного (специфического) и единичного. Однако и указанный подход не решает вопроса о соотношении предметов познания исторического материализма и исторической науки. Представляется необоснованным ограничивать предмет познания исторической науки лишь сущностью особенного. И дело здесь не только в том и даже не столько в том, что исторической науке приписывается определенная “ущербность”, поскольку она не может раскрывать объект своего познания во всей полноте и глубине, а должна довольствоваться сущностями более низкого порядка, чем социология. Дело в том, что такое ограничение, несмотря на наличие в общественной реальности общего, особенного и отдельного, не имеет объективной основы. “Отдельное, – отмечал В.И. Ленин, – не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного”²⁴. Органическое переплетение общего, особенного и отдельного, во-первых, означает: не только особенное может быть познано на основе знания общего (т.е. историческое познание должно опираться на социологическое, что правильно отмечается), но и общее в полной мере может быть раскрыто лишь на основе глубокого знания особенного (т.е. социология должна учитывать результаты исторических и других конкретных обществоведческих исследований). Это очевидно и признается всеми. Во-вторых, и это главное, органическая слитность общего, особенного и отдельного означает, что никакая наука не может ограничиваться лишь изучением особенного, ибо углубление познания, переход к выявлению сущностей более высоких порядков, присущий всякому познавательному процессу, неизбежно требует обращения к общему, его раскрытия через особенное. В противном случае соответствующая наука не будет выполнять функций научного познания. Значит, историческая, как и всякая другая, наука не только может, но и долж-

---

²³ Барг М.А. Указ. соч. С. 23, 24.

²⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 318.

на познавать сущности и законы всех уровней как в пространственно-временном, так и в содержательном выражении.

Таким образом, и “компромиссные” варианты разграничения предметных областей исторического материализма и исторической науки не решают проблемы.

При разграничении предметов исторического материализма и исторической науки следует исходить, как правильно указывают многие исследователи, не из того, *что* познается в общественной жизни этими науками, а из того, *как и для чего* познаются ее основные проявления, черты и закономерности.

Потребность обобщенного социологического познания общественной жизни обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, такое знание необходимо для познания человеком как социальной (т.е. коллективной) личностью основной сути окружающего мира и своего места в нем. При бесконечном многообразии мира такое познание возможно только на предельно обобщенном уровне. Здесь, как указывалось, философское знание имеет решающее значение в формировании мировоззрения. Во-вторых, обобщенное знание необходимо как теоретическая и методологическая основа для конкретного изучения общественного развития. В.И. Ленин указывал, что «кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя “натывать” на эти общие вопросы»²⁵. Следует отметить важную методологическую роль исторического материализма²⁶, что подчеркивали его основоположники и что не всегда учитывается и должным образом реализуется историками. Порой в положениях исторического материализма ищут ответы на конкретно-исторические вопросы. Между тем, “наше понимание истории, указывал Ф. Энгельс, есть прежде всего руководство к изучению, а не рычаг для конструирования”²⁷. Ф. Энгельс подчеркивал, что “миропонимание... Маркса – это не доктрина, а метод. Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования”²⁸.

В общем практически действенная и научно-познавательная роль марксистской философско-социологической теории очевидна. Предметом ее познания выступает общественная жизнь как единая система с основными проявлениями и глубинными законами развития, которые выражают “структурную, функциональную и динамическую целостность социальной жизни”. Эти законы характеризуют исторические универсальные черты, отношения и связи, кото-

---

²⁵ Там же. Т. 15. С. 368.

²⁶ См.: Категории исторического материализма и их методологическая функция. Киев, 1986.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 371.

²⁸ Там же. Т. 39. С. 352.

рые “с необходимостью воспроизводятся в любом обществе”²⁹. Социологическое познание может оперировать и с менее общими, частными законами, но в связи с раскрытием законов общих. Методом социологического познания выступает метод *логический*.

Однако для использования знаний о прошлом для познания современности и в практически-предметной общественной деятельности недостаточно лишь общего знания об историческом развитии. Нужны конкретные знания как пространственно-временной специфики проявления общих законов, так и законов, присущих особенному и единичному. Такие знания дает историческая наука, выполняя тем самым важные социальные функции. Поэтому *предметом* познания исторической науки является раскрытие человеческой деятельности как естественно-исторического, поступательно-прогрессивного, внутренне обусловленного и закономерного процесса *во всем его многообразии, пространственной и временной конкретности*. Именно в конкретности, а не в уровне познаваемой сущности состоит основное отличие предмета познания исторической науки от предмета познания исторического материализма. Историческая наука может и должна познавать сущность общественного развития не только на уровне единичного и особенного, но также и на уровне общего, однако в его конкретном выражении. Этим ее познание общего отличается от социологического. Конкретность исторического познания требует последовательного освещения хода исторического развития, чего не делает социология, и не может обойтись без применения *исторического* метода, что, естественно, не исключает из ее исследовательского арсенала и метода логического. В целом предмет познания исторической науки содержательно является более богатым, чем предмет социологического познания.

В свете указанного понимания различий в предметах социологического и исторического познания представляется целесообразным внести уточнения в терминологию. Речь идет о делении законов общественного развития на социологические и исторические. Выше отмечалось, что все общественные законы являются историческими. Но вследствие того, что в исторической реальности отдельное, особенное и общее органически переплетены, неправомерно выделять и категорию законов собственно социологических. *В объективной действительности законы не распадаются на исторические и социологические. Они различаются лишь своей пространственной и временной протяженностью и степенью, силой воздействия на функционирование и развитие общественной жизни*. Поэтому в гносеологическом отношении правомерно деление их по степени общности (всеобщие, общие, особенные и частные общественные законы) и с учетом их содержательной сущности (законы

---

²⁹ Исторический материализм как социально-философская теория / Под ред. В.И. Разина. М., 1982. С. 9.

экономические, социальные, политические и т.д.). Многие исследователи и исходят из этого принципа при характеристике общественных законов³⁰.

Такое уточнение снимает искусственно сложившееся представление, будто бы законы социологические могут открывать только философы, а ученые других обществоведческих наук должны довольствоваться выявлением и анализом законов других уровней. Законы общественного развития всех уровней, включая и самые общие и фундаментальные, могут быть открыты любой из общественно-гуманитарных наук. Это подтверждает история обществознания. Так, хорошо известно, что несомненно “социологический” закон – закон классовой борьбы – был открыт не философами, а историками. Или, разве только выступая в роли социологов, К. Маркс и Ф. Энгельс открыли наиболее общие и фундаментальные законы общественного развития, составляющие суть исторического материализма? Объективная реальность, в том числе и общественная, характеризуется не только многообразием, но и единством. Поэтому сущности и законы общественной жизни всех уровней доступны познанию не только социологии, но и любой общественно-гуманитарной науке. Все зависит от глубины проникновения в объект познания.

Наконец, чтобы закончить с вопросом о месте исторической науки в системе общественно-гуманитарных наук, несколько замечаний о социальных функциях исторической науки. Они в целом обстоятельно освещены в исследованиях философов и историков³¹. Общественная потребность в историческом знании и в историческом самосознании, как известно, возникла еще в древности. Издавна накапливались и исторические знания. Первоначально они имели мифологический характер, а объяснение явлений общественной жизни основывалось на идеях провиденциализма. С превращением исторических знаний в науку возникла и потребность в специальном выяснении и обосновании социальных функций исторической науки. Разные общественно-классовые направления в исторической науке по-разному определяли и определяют ее общественную значимость и социальные функции. Но лишь марксизм, превративший историческое знание в последовательно научное и в полной мере объективное знание, раскрыл его истинное общест-

---

³⁰ О классификации общественных законов см.: *Попов С.* Общественные законы. Сущность и классификация. М., 1980.

³¹ См.: *Персов М.С.* Обобщение и использование исторического опыта в работах В.И. Ленина. Саратов, 1970; *Иванов В.В.* В.И. Ленин о некоторых вопросах соотношения истории и современности. Томск, 1970; *Он же.* Соотношение истории и современности как методологическая проблема. М., 1973; *Могильницкий Б.Г.* О природе исторического познания. Томск, 1978; *Петров Ю.В.* Практика и историческая наука; *Ракутов А.И.* Историческое познание. М., 1982, и др.

венное значение и социальные функции. Поэтому Ф. Энгельс имел полное основание утверждать: “История – это для нас все, и она ценится нами выше, чем каким-либо другим, более ранним философским учением”³².

Марксизм показал органическую связь истории и современности, прошлого, настоящего и будущего. “История, – писали К. Маркс и Ф. Энгельс, – есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности”³³. Следовательно, без знания прошлого не только нельзя познать настоящее, но и правильно, объективно и реально определить перспективы последующего развития, т.е. задачи практической деятельности и пути их достижения. Именно исходя из этого, В.И. Ленин, определяя задачи и пути революционной “борьбы российского пролетариата, подчеркивал: “Для того, чтобы победить, надо понять всю глубочайшую историю старого буржуазного мира”³⁴. Он призывал “разработать подробнее марксистское понимание русской истории и действительности”³⁵. Как известно, решающий вклад в эту разработку внес сам В.И. Ленин.

Основной социальной функцией исторической науки, как и всякой другой науки, является *научно-познавательная*. Конкретное научное изучение всего хода общественного развития с древности до современности во всей его внутренней обусловленности и закономерности, с одной стороны, дает фундаментальное, теоретическое научное знание. Накопление такого знания само по себе является важнейшей задачей науки. С другой стороны, это знание служит основой для успешного выполнения исторической наукой всех других ее социальных функций, имеющих непосредственное практически-действенное (прикладное) значение. Вся совокупность этих функций в целом правомерно сводится к выполнению задач *прогностических*, накопления и обобщения *социального опыта* (функция социальной памяти) и *воспитательных*. Поскольку содержание и значение этих функций, как указывалось, обстоятельно охарактеризовано в литературе³⁶, отметим лишь некоторые моменты, не всегда привлекающие должное внимание.

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 592.

³³ Там же. Т. 3. С. 44-45.

³⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 253.

³⁵ Там же. Т. 1. С. 333.

³⁶ Наиболее последовательно и развернуто социальные функции исторической науки анализируются Б.Г. Могильницким в его указанной выше работе “О природе исторического познания”.

Прежде всего надо коснуться вопроса об *актуальности* исторических исследований. Безусловно, что актуальность исторического знания определяется его практической полезностью. Поэтому совершенно верно, что в целом можно “определить актуальность в истории как свойство прошлого быть полезным в решении насущных проблем, выдвигаемых настоящим”³⁷. Однако это положение не должно пониматься так узко, только в том смысле, что в прошлом должно изучаться только то, что служит удовлетворению *уже выжившихся* потребностей современности. Наука должна *идти впереди* практики. Она должна быть готова к решению не только стоящих задач, но и тех, которые могут возникнуть и в ближайшем и даже в более отдаленном будущем. Чтобы такая готовность была, историческая наука, представляющая собой (как и всякая другая наука) определенную познавательную систему, должна в целом развиваться комплексно и гармонично. Разумеется, эту гармоничность надо понимать не как равномерное распределение усилий по всем сферам исторических исследований, хотя и в этом плане не должно быть зияющих пробелов. Речь идет о комплексном и сбалансированном развитии прежде всего теоретико-методологического, научно-методического и историографически-источниковедческого арсенала исторической науки. Если этот арсенал будет на должном уровне, то могут быть успешно решены и задачи, выдвигаемые перед исторической наукой текущими потребностями общественной практики.

Одним из показателей превосходства марксистской исторической науки над ее немарксистскими направлениями и течениями является то, что марксистская теория и методология исторического познания не просто допускают, а требуют развития исторической науки как целостной системы научного знания, которое должно охватывать все этапы и стороны исторического развития, естественно, выдвигая на первый план сферу производственной деятельности, поскольку она оказывает определяющее влияние на другие стороны общественной жизни, испытывая в то же время их обратное воздействие. Развитие же немарксистской исторической науки, как известно, характеризуется отсутствием такой цельности. Для нее характерно выдвижение на первый план и абсолютизация либо тех или иных отдельных элементов общественной жизни (события, структуры, развитие), либо тех или иных определяющих его факторов (политические, психологические, природно-географические).

Задача советских историков состоит в том, чтобы в полной мере использовать указанные преимущества марксизма. Здесь важно добиваться того, чтобы при изучении определенных исторических явлений и процессов не только были получены существенные конкретно-научные итоги, в том числе и такие, которые имеют практи-

---

³⁷ Могильницкий Б.Г. Указ. соч. С. 163.

чески-прикладное значение, но и достигнуты теоретико-методологические, научно-методические историографически-источниковедческие результаты, выходящие по своему значению за пределы поставленной исследовательской задачи. Тем самым будет расширяться задел для успешного решения новых исследовательских задач.

Следующий вопрос связан с пониманием *прогностических*, предсказательных функций исторической науки. Буржуазная социология и историография в целом отрицают наличие у исторической науки прогностических возможностей на том прежде всего основании, что якобы свободная воля исторических деятелей делает непредсказуемым будущее. Предвидение допускается лишь как субъективная конструкция различного рода в той или иной мере вероятных альтернатив. При этом, как правило, все выдвигаемые прогнозы носят пессимистический характер. Все это является следствием отрицания закономерности и поступательно-прогрессивного характера хода общественного развития.

Марксистское обществознание (и историография в том числе) исходит из признания возможности научного предвидения последующего хода общественного развития и поэтому прогностические функции относит к важным задачам науки. Всеми советскими обществоведами признается наличие прогностических функций и у исторической науки. Но ее возможности в этом отношении оцениваются по-разному. Оптимистическое мнение состоит в том, что “родовым признаком всякого научного познания является его способность к прогнозированию в своей области. Отрицание этой способности равнозначно отрицанию научности. С другой стороны, отрицание прогностической функции исторической науки объективно снижает ее социальную роль”³⁸.

Более умеренное мнение состоит в том, что историческая наука “в состоянии дать более объективную картину прошлого, понять и сформулировать действительные тенденции и закономерности его развития”, чем могут сделать современники, которые находятся во власти различных иллюзий. “Этим вполне оправдывается существование исторической науки и актуальность ее проблем, и совершенно незачем вменять в круг ее обязанностей изучение будущего в качестве основной задачи”³⁹. В этой связи выдвигается ряд возражений против первого мнения⁴⁰. В итоге делается вывод о том, что социальное предсказание “дает вероятностное знание об устойчивых типах и последовательности социально значимой деятельности в определенных временных интервалах, а не о конкретных, точно фиксированных результатах-событиях”⁴¹.

³⁸ Могильницкий Б.Г. Указ. соч. С. 202–203.

³⁹ Ракитов А.И. Указ. соч. С. 240.

⁴⁰ Там же. С. 283–284.

⁴¹ Там же. С. 288.

В общем расхождении, если отвлечься от формальных соображений, сводятся к тому, в какой мере прогностическая функция является фундаментальной задачей исторической науки. Представляется, что здесь верен первый подход. Разумеется, предвидение будущего хода общественного развития не может выразиться в “точно фиксированных результатах-событиях”. Это никто и не утверждает. Прогноз может раскрыть лишь основные тенденции, направления и этапы последующего развития и его самые общие результаты. Хотя могут быть предсказаны и отдельные крупные исторические события. Яркий и хорошо известный тому пример предсказание Ф. Энгельсом первой мировой войны. В 1887 г. он писал: “Для Пруссии–Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы”⁴². Но ведь и предсказания основных направлений и тенденций последующего развития имеют громадное значение. При этом такие предсказания будут тем более верными, чем в большей мере они будут “основываться на широком и глубоком историческом подходе и анализе. Это и делает прогностическую функцию исторической науки ее важнейшей задачей. Другое дело, как эта задача выполняется историками. Историки еще далеко не сделали всего, что они могут и должны сделать в этом отношении, действуя совместно с другими обществоведами. А сделать это необходимо. Как показывает современная практика прогнозирования тех или иных аспектов общественного развития (демографического, экономического, социального), многие из таких прогнозов, несмотря на привлечение обширного материала, математических методов и ЭВМ, оказываются неточными. Думается, что одной из причин этого является ограниченность исторического подхода как в пространственно-временном, так и особенно в сущностно-содержательном аспекте.

Здесь необходимо обратить внимание еще на один момент. Прогностические функции исторической науки рассматриваются обычно в связи с предвидением хода общественного развития в более или менее широкой перспективе. Но историческая наука может сыграть важную роль в предвидении еще в одном аспекте. Речь идет о выявлении объективных результатов тех или иных видов общественной деятельности, выполняемых в настоящем. Хорошо известно, что объективные результаты многих общественных действий оказываются иными, чем те, которые стремились достигнуть. Это обусловлено сложностью явлений общественной жизни, столкновением в ней различных интересов и сил. Ф. Энгельс писал: “История делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных волей... Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконеч-

---

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 361

ная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая – историческое событие... и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел”⁴³. Поэтому предвидение объективных результатов текущей общественной деятельности имеет огромное значение. И здесь особенно велика может быть роль исторической науки, которая обладает наибольшим опытом и методами анализа движения в исторической реальности от поставленной цели к конечному объективному результату. Данный аспект прогнозирующей роли исторической науки еще предстоит осваивать.

Огромна роль исторической науки как *социальной памяти*, как накопителя и хранителя многообразного практического опыта предшествующих поколений, достижений человеческой цивилизации. Этот опыт широко используется в современности и представляет большую ценность для грядущих эпох. Важной задачей исторической науки являются целенаправленное, систематическое и конкретное изучение и обобщение исторического опыта с точки зрения интересов и потребностей современности, ибо, не будучи целенаправленным и конкретным, никакой опыт не принесет пользы. “Всякое общее историческое соображение, – указывал В.И. Ленин, – применяемое к отдельному случаю без особого разбора условий именно данного случая, становится фразой”⁴⁴. Здесь у историков имеется обширное поле для исследовательской деятельности.

Другой важной задачей является борьба за использование и учет исторического опыта в современности. Исторический опыт социален, т.е. классово-субъективен (партиен) по своей природе. Классово-партийным является и использование этого опыта. Поэтому воспринимается и используется только тот исторический опыт, который соответствует определенным интересам. Лишь социальные силы, заинтересованные во всестороннем общественном прогрессе, способны широко и объективно учесть опыт истории. Силы же консервативные и реакционные противятся такому использованию и могут учесть этот опыт только под давлением сил прогрессивных. В той острой идеологической борьбе, которая характерна для современной эпохи, в вопросе о необходимости учета исторического опыта голос историков может быть более весомым, чем есть на самом деле. В общем для историка борьба за претворение в общественную практику и исторического опыта и всех других достижений исторической науки является такой же непременной обязанностью, как для специалистов естественных и технических наук внедрение их достижений в материальное производство.

Воспитательные функции исторической науки более всего подчеркиваются при характеристике ее общественной значимости,

---

⁴³ Там же. Т. 37. С. 395–396.

⁴⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 373.

хотя порой ошибочно воспринимаются историками (да и не только ими) прежде всего как научно-популяризаторская задача. Нередко изучение историками патриотизма и интернационализма, боевых и трудовых подвигов, героического прошлого и революционных традиций ориентируется лишь на популяризаторский уровень. Между тем лишь глубокий научный анализ этих и других имеющих наибольшее воспитательное значение исторических аспектов может быть эффективной и фундаментальной основой для решения важнейших задач, связанных с воспитанием нового человека. Главной задачей является формирование глубокого, научного, марксистского мировоззрения. Оно может быть успешным лишь на базе последовательно научного показа всех проявлений общественной жизни в прошлом и настоящем. Здесь особенно велика роль исторической науки, ибо она является конкретной интегральной общественно-гуманитарной наукой. Историки должны в большей мере учитывать общие мировоззренческие возможности своей науки.

Таковы некоторые моменты, которые представлялось целесообразным отметить, рассматривая вопрос о социальных функциях исторической науки.

2. СУБЪЕКТИВНОЕ И ОБЪЕКТИВНОЕ, ВОЗМОЖНОЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ И ПРОБЛЕМЫ АЛЬТЕРНАТИВНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Общественно-историческое развитие представляет собой естественно-исторический, внутренне обусловленный, закономерный, поступательно-прогрессивный процесс. Вместе с тем хорошо известно, что в отличие от природы “история, как указывал К. Маркс, *не что иное*, как деятельность преследующего свои цели человека”⁴⁵. В общественно-историческом развитии, подчеркивал Ф. Энгельс, “действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели”⁴⁶. Этим определяется то, что в историческом развитии органически переплетаются материальное и духовное, объективное и субъективное, массовое и индивидуальное, сознательное и стихийное, прогрессивное и реакционное, а также имеет свою специфику сочетание необходимого и случайного, возможного и действительного. В этой связи и возникает вопрос о том, в какой мере в общественно-историческом развитии существует возможность выбора, насколько распространены альтернативные, т.е. допускающие существенно различные исходы, исторические ситуации.

⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 102.

⁴⁶ Там же. Т. 21. С. 306.

Прежде, чем переходить к рассмотрению возникающих здесь проблем, отметим несостоятельность неоднократно предпринимавшихся в немарксистской социологии и историографии попыток свести многообразие общественно-исторического развития к одной из его форм. Так, разные течения субъективизма представляют это развитие как неупорядоченную совокупность индивидуальных и неповторимых событий. Структурализм стремится свести это развитие к столь же неупорядоченной совокупности разного рода структур. Релятивисты, акцентируя внимание на развитии и абсолютизируя его, видят во всем лишь относительность. В действительности же общественно-историческая жизнь одновременно представляет собой органическое сочетание и событий, и систем с присущими им структурами и функциями, и развитие.

Проблема исходной “клеточки”, из которой складываются общественно-исторические явления и процессы, привлекает внимание и советских ученых, прежде всего философов. Но подход к решению этой проблемы здесь, естественно, принципиально иной. Основной его является материалистическое понимание истории и общественный характер всей человеческой деятельности. Поэтому все более широкое распространение получает мнение, что в качестве исходной “клеточки” общественной жизни следует рассматривать человеческую деятельность⁴⁷. Субстанциональный характер деятельности в общественной жизни несомненен. Но, поскольку любая человеческая деятельность представляет собой вместе с тем и отношения людей и протекает при определенной системе этих отношений, то возникает и дебатруется вопрос о сравнительной роли деятельности и отношений. Можно присоединиться к мнению тех, кто полагает, что спор о первенствующей роли деятельности или отношений равнозначен решению вопроса о приоритете пространства или времени, т.е. для дискуссии нет оснований.

Чрезвычайная сложность общественно-исторического развития обуславливает трудности в его познании. В отличие от природы общество является не только объектом познания, но и его субъектом. Этим порождалось и порождается в немарксистской идеалистической социологии и историографии стремление свести все факторы, определяющие ход исторического развития, к субъективным устремлениям и действиям личности, что в силу их индивидуальности и неповторимости неизбежно ведет к отрицанию объективно-закономерного и внутренне обусловленного характера этого развития и ограничивает его познание лишь описанием событий в их последовательности и субъективной их оценкой историками (событийная, описательная историография). С другой стороны, подход к общественному развитию с позиций абсолютизации созна-

---

⁴⁷ См.: Философские проблемы деятельности: (Материалы “Круглого стола”) // Вопросы философии. 1985. № 2–5.

тельно-личностного момента даже в том случае, когда признается наличие внутренней связи и обусловленности в историческом развитии, как, например, было у Гегеля, приводит к тому, что движущие силы этого развития усматриваются в сознании. Тот же Гегель приносил “их туда (в общественную жизнь. – *И.К.*) извне, из философской идеологии”⁴⁸.

Вульгарный материализм объясняет ход общественного развития воздействием на него всякого рода внеобщественных природно-естественных факторов. В тех же случаях, когда обращаются к экономическим факторам, что присуще различным течениям буржуазного экономизма в историографии, характеризуются не способы общественного производства с присущими им системами производительных сил и производственных отношений, а формы хозяйственной деятельности и обмена и их последовательная смена.

Лишь марксизм, исходя из материалистического понимания сущности общественно-исторического развития и опираясь на диалектический метод его познания, адекватно действительности решил вопрос о соотношении материального и духовного, массового и индивидуального, объективного и субъективного, закономерного и случайного, возможного и действительного в этом развитии.

В данном разделе рассматривается соотношение субъективного и объективного, возможного и действительного в историческом развитии, поскольку прежде всего с этими явлениями связано возникновение так называемых альтернативных исторических ситуаций, которые в последнее время привлекают все большее внимание историков.

Общественно-историческое развитие представляет собой сознательную и целенаправленную деятельность людей. Поэтому “все, что приводит людей в движение, указывал Ф. Энгельс, должно пройти через их голову”⁴⁹, оформиться в виде определенных идей и целей.

Однако источником этих идей и целей является не сознание, а объективный мир. В конечном счете “все идеи извлечены из опыта, они – отражения действительности, верные или искаженные”⁵⁰. То обстоятельство, как нередко “кажется человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы”⁵¹, является иллюзией. Эта иллюзия проистекает из того, как указывал Ф. Энгельс, что “люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того чтобы объяснять их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются)”⁵².

---

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 307.

⁴⁹ Там же. С. 308

⁵⁰ Там же. Т. 20. С. 629.

⁵¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 171.

⁵² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 493.

Потребности являются глубинным источником, коренной причиной общественно-исторического развития и лежат в основе его движущих сил⁵³. В многообразной системе человеческих потребностей основную роль играют потребности материальные, ибо от их удовлетворения зависит сама возможность существования и развития общества. Поэтому производственная деятельность, указывал Ф. Энгельс, это – “самая существенная историческая деятельность людей, та деятельность, которая подняла их от животного состояния до человеческого, которая образует материальную основу всех прочих видов их деятельности”⁵⁴, а труд, как подчеркивал К. Маркс, представляет собой “вечное естественное условие человеческой жизни”⁵⁵ и является базисом всей человеческой деятельности. Этим обусловлено и то, что ведущей движущей силой общественно-исторического прогресса выступают народные массы.

Человеческие потребности не только требуют постоянного удовлетворения, но и непрерывно возрастают. “Сама удовлетворенная первая потребность, – отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, – действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям”⁵⁶. Поэтому противоречие между опережающим ростом потребностей по сравнению с реальными возможностями их удовлетворения выступает коренной движущей силой общественного и исторического прогресса.

Производственная деятельность является необходимым и непрерывно повторяющимся, внутренне обусловленным и закономерным естественно-историческим процессом. Этот процесс в конечном счете детерминирует другие сферы человеческой деятельности. И не только потому, что материальные потребности первичны по отношению к другим потребностям, но и потому, что производственно-экономические отношения, складывающиеся в процессе производства, через определяемую ими классовую структуру общества воздействуют на формирование как самих потребностей, так и вытекающих из них интересов, мотивов и целей деятельности.

Объективный и закономерный характер производственной деятельности сочетается с ее осознанностью и целенаправленностью, т.е. с субъективной формой. К. Маркс подчеркивал, что в сфере материальной деятельности, которая состоит во взаимодействии человека с природой, “человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и

---

⁵³ Подробнее см.: Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1981 (Разд. второй. Гл. IV); *Келле В., Ковальзон М.* Теория и история: (Проблемы теории исторического процесса). М., 1981. С. 98 и сл.; Исторический материализм как социально-философская теория. С. 297 и сл.; *Здравомыслов А.Г.* Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986.

⁵⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 358.

⁵⁵ Там же. Т. 23. С. 195.

⁵⁶ Там же. Т. 3. С. 27.

свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой (цели. — *И.К.*) он должен подчинять свою волю”⁵⁷.

Таким образом, осознанность и целенаправленность человеческой деятельности, т.е. субъективный ее характер, пронизывает все явления общественно-исторического развития. И все упреки в адрес марксизма в игнорировании или принижении роли субъективного фактора в историческом развитии продиктованы либо незнанием, либо намеренным искажением марксизма.

Субъективная человеческая деятельность протекает в определенных независимых от людей условиях и приводит к объективным результатам. “Человек в своей практической деятельности имеет перед собой объективный мир, зависит от него, им определяет свою деятельность”⁵⁸. Эта зависимость диктуется прежде всего тем, что хотя “люди, как указывал К. Маркс, сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбирали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого”⁵⁹. Каждое историческое поколение людей в каждый данный момент исторического развития располагает определенными материальными и духовными ресурсами, определенной системой производственных, политических, культурных и других отношений, на основе которых только и может строить свою деятельность. В результате целенаправленной деятельности эти ресурсы могут быть приумножены, отношения изменены, но действовать можно, только исходя из тех и других.

Кроме того, осознанная и целенаправленная деятельность людей подчинена объективным законам, которые действуют “с железной необходимостью”⁶⁰. Незнание этих законов делает людей рабами “слепой необходимости”. Но, и познав их, люди становятся “господами” положения лишь постольку, поскольку действуют в соответствии с этими законами⁶¹.

Чрезвычайно сложный характер общественно-исторического развития обуславливает и то, что осознанная и целенаправленная деятельность людей может приводить к иным результатам, чем те, которых стремились достигнуть, т.е. деятельность имеет объективный, независимый от субъективных устремлений и целей характер. Это происходит потому, как указывал Ф. Энгельс, что, с одной стороны, в историческом развитии взаимодействует множество всяких факторов (экономических, социальных, политических, идеологических и др.), поэтому даже “экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множе-

⁵⁷ Там же. Т. 23. С. 189.

⁵⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 169–170.

⁵⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 119.

⁶⁰ Там же. Т. 23. С. 6.

⁶¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 198.

ство случайностей”; с другой стороны, “конечный результат всегда получается от столкновения множества отдельных волей”, и может возникнуть “нечто такое, чего никто не хотел”⁶². Поэтому в целом общественно-историческое развитие, органически сочетающее объективное и субъективное, имеет необходимо закономерный характер, представляет собой естественно-исторический процесс.

Но “идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории”⁶³. Во-первых, субъект выступает не как пассивный созерцатель объективной реальности, а как ее сознательный и активный преобразователь. Во-вторых, от субъекта зависит выбор объективно детерминированного направления и способа деятельности. При этом по мере прогресса роль субъективного фактора в общественно-историческом развитии возрастает, ибо более высокий уровень развития объективных факторов расширяет возможности выбора и созидательно-преобразующей деятельности людей, т.е. повышает степень их субъективной свободы. Реальные возможности такой свободы зависят прежде всего от социально-экономического строя, который непосредственно определяет степень участия в созидательно-преобразующей деятельности членов общества, их реальную субъективную свободу, а следовательно, и их возможности воздействия на ход поступательно-прогрессивного развития. В этом плане несомненно превосходство социалистического общественного строя над всеми видами антагонистических обществ. Особенно ярко это проявляется на современном этапе развития социализма в нашей и других странах, когда все большую роль играет человеческий фактор.

Из сказанного о соотношении в общественно-историческом развитии субъективного и объективного становится более ясной необходимость учета в конкретно-исторических исследованиях того, что в этом развитии нет неких абсолютных, чистых объективных или субъективных факторов и явлений. Между объективным и субъективным всегда имеют место тесные диалектическая взаимосвязь и взаимодействие, основой которых является объективное. Говорить об этом приходится потому, что порой объективное и субъективное разрываются и даже противопоставляются, субъективное лишь формально сводится к объективному, а в объективном не раскрывается конкретно роль субъективного, сознательно целенаправленного.

Впрочем, можно привести немало примеров и успешного, ярко и убедительного решения этой трудной исследовательской задачи, особенно в области раскрытия объективной детерминированности субъективной деятельности.

Наконец, заметим, что субъективное и объективное в общественно-историческом развитии не только диалектически взаимосвя-

---

⁶² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 394–396.

⁶³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 159.

зано, но и в каждом конкретном случае относительно. Иначе говоря, тот или иной вид человеческой деятельности в одном отношении может выступать как субъективный фактор, а в другом – как объективный. Так, классовая борьба с позиций представителей класса, который ведет эту борьбу, является субъективной деятельностью, хотя и обусловленной объективными факторами. С позиций же класса, против которого ведется борьба, она выступает как фактор объективный. Вообще субъективные устремления, цели и деятельность любого индивидуума или коллектива объективны по отношению к любому другому индивидууму и коллективу. Даже результаты деятельности отдельного субъекта обретают объективный, независимый от него характер по отношению к его последующей деятельности.

Сложная взаимосвязь в общественно-историческом развитии объективного и субъективного и относительность последних обусловлены тем, что человеческая деятельность представляет собой непрерывный процесс *субъективизации объекта*, т.е. овладения человеком в своих интересах объективной реальностью, и *объективизации субъекта*, т.е. превращения всех проявлений деятельности последнего в противостоящую ему реальность. Поэтому иногда объективным считают все совершившееся, т.е. историю, а субъективным все происходящее, т.е. современность⁶⁴. В этом есть свой смысл. В общем надо постоянно иметь в виду, что “различие субъективного от объективного, как подчеркивал В.И. Ленин, есть, **НО И ОНО ИМЕЕТ СВОИ ГРАНИЦЫ**”⁶⁵, которые должны определяться конкретно.

Таким образом, перед историками стоит задача более глубокого проникновения в объективную диалектику субъективного и объективного в общественно-историческом развитии⁶⁶. Такое углубление, направленное на проникновение в сущность общественно-исторического развития, требует также учета соотношения в этом развитии возможности и действительности.

Объективная реальность, действительность противостоят субъекту, стремящемуся осознанно овладеть этой реальностью в познавательных или практически-прикладных целях. Эта действительность, с одной стороны, обладает многообразными сторонами, чертами, свойствами и связями, которые выражают ее внутреннюю

---

⁶⁴ См.: Яцукевич А.Ф. Диалектика объективного и субъективного в проявлении законов общества. Минск, 1982. С. 171.

⁶⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 90.

⁶⁶ Об объективном и субъективном и их отношении в действительности и познании см.: Кузьмин В.Ф. Объективное и субъективное: (Анализ процесса познания). М., 1976; Лекторский В.А. Субъект. Объект. Познание. М., 1980; Воронович Б.А. Объективное и субъективное в социальных процессах // Философские науки. 1984. № 3, и др.

сущность и способы функционирования. С другой стороны, этой действительности, как всякой материи, присуще развитие на основе внутренних противоречий, потенций и тенденций, что приводит к переходу от одних состояний к более высоким по уровню развития и формам другим состояниям. В.И. Ленин подчеркивал, что “действительная жизнь, действительная история *включает* в себя ...различные тенденции”⁶⁷. Наличие в действительности различных свойств и потенций, которые при определенных условиях могут привести к новой реальности, и образует возможности, заключенные в действительности. Следовательно, *возможности* – это свойства, определенные черты или тенденции текущей действительности, которые создают предпосылки будущей действительности, являются ее потенциями. *Возможность не существует вне действительности*. *Возможность* и действительность органически взаимосвязаны. *Возможность* – это потенциальная, грядущая действительность, а *реальная действительность* – это реализованная, осуществленная возможность.

Действительность может содержать одну либо несколько возможностей перехода в иное состояние. В первом случае такой переход будет иметь *однозначно закономерный* характер. Во втором превращение той или иной из возможностей в новую реальность имеет *случайно-закономерный, вероятностный* характер. Таким образом, реализация возможностей связана с необходимостью, случайностью и вероятностью⁶⁸. Так, например, капитализму на стадии его развития в условиях свободной конкуренции присуща тенденция к концентрации производства. Это порождало возможность превращения “свободного” капитализма в монополистический капитализм и империализм. Превращение этой возможности в действительность применительно к развитой капиталистической стране в целом имело однозначно необходимый и закономерный характер. Превращение же в реальность возможности возникновения монополистических объединений в той или иной отрасли промышленности или в том или ином регионе определенной страны могло реализоваться лишь как случайно-закономерный процесс, ибо эта реализация зависела от множества причин, равнодействующая которых может быть оценена лишь с определенной вероятностью.

Для превращения возможности в действительность необходимы определенные условия. В общественно-историческом развитии эти условия складываются в результате действия субъективных факторов, поскольку возникшая возможность сама по себе составляет лишь объективную предпосылку для перехода к новой реальности. Так, например, складывание революционной ситуации создает возможность, объективную предпосылку для возникновения револю-

⁶⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 66.

⁶⁸ См.: Пилипенко Н.В. Диалектика необходимости и случайности. М., 1980. С. 110.

ции. Поэтому революции всегда должна предшествовать революционная ситуация. Но для превращения этой возможности в действительность необходимо еще наличие субъективного фактора. “Переворот, – указывал В.И. Ленин, – может назреть, а силы у революционных творцов этого переворота может оказаться недостаточно для его совершения”⁶⁹.

Роль субъективно-исторических факторов в превращении возможности в действительность состоит, во-первых, в выборе той или иной из имеющихся возможностей, и во-вторых, в создании условий, необходимых для превращения ее в новую реальность. Понятно, что при этом выборе те или иные общественные силы исходят из своих интересов и преследуемых целей, которые всегда осознанно или стихийно являются в конечном счете классовыми. Поэтому ориентация на реализацию возможностей, которые в наибольшей мере соответствуют поступательно-прогрессивному ходу общественно-исторического развития, возможна лишь в той мере, в какой интересы определенных общественных сил соответствуют объективному ходу этого развития.

Для выбора той или иной из возможностей современники должны иметь определенное представление о действительности, видеть наличие тех или иных возможностей. Всесторонне обоснованный, объективный выбор возможностей и деятельность по их реализации могут иметь место лишь на основе научного анализа действительности. В полной мере такой выбор стал доступен лишь с возникновением марксистского обществоведения. Собственно и сама проблема действительного и возможного, играющая столь важную роль в общественно-историческом развитии, была последовательно научно поставлена лишь марксизмом. Другие научные подходы в лучшем случае позволяют ограниченно верно оценить и выбрать ту или иную из возможностей. Еще в большей мере такой выбор ограничен на основе практически-эмпирического подхода к действительности.

Впрочем, следует заметить, что и научный подход к оценке и выбору возможностей сам по себе еще не гарантирует правильности этого выбора. Принципы и методы любого подхода могут быть применены верно и неверно. Возможны ошибки и заблуждения в этом выборе. Основной гарантией от таких ошибок и обоснованности выбора, так же как и успеха в реализации соответствующих возможностей, являются широта и активность участия в этом выборе и его реализации исторически действующих субъектов на всех уровнях общественной деятельности, включая деятельность широких народных масс. Это возможно там, где степень субъективной свободы в обществе не формально, а реально, т.е. не в плане прав, а в сфере практической, прежде всего производственной деятельности является наиболее высокой. Такой она является в социалистическом

---

⁶⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 367.

обществе, развитие которого в нашей стране на современном этапе и характеризуется стремлением всемерно активизировать эту ведущую движущую силу общественного прогресса.

Таким образом, диалектическая взаимосвязь действительного и возможного является важнейшей стороной общественно-исторического развития. Этим диктуется необходимость для историка учитывать при анализе и реальную действительность и заключенные в ней возможности.

Обществоведам, занимающимся изучением современной им эпохи, анализ заключенных в ней возможностей служит объективной основой для прогнозирования последующего хода общественно-го развития как в целом, так и в отдельных его аспектах. Блестящие образцы такого анализа как в смысле предвидения общего хода исторического развития в его глобальной и широкой перспективе, так и применительно к непосредственному будущему дали классики марксизма. Глубокий анализ сути капиталистического способа производства и коренящихся в нем возможностей позволили К. Марксу и Ф. Энгельсу доказать неизбежность перехода от капитализма к коммунизму. В.И. Ленин, рассматривая историческое развитие России на рубеже XIX–XX вв., показал не только неизбежность буржуазно-демократической революции, но и возможность ее перерастания в революцию социалистическую. Анализируя же характер общественно-исторического развития в условиях империализма и первой мировой войны, В.И. Ленин раскрыл возможность победы социализма в отдельно взятой стране. Все эти прогнозы, основанные на глубоком понимании закономерностей исторического развития и учете объективных возможностей реальной действительности, подтвердились последующим ходом этого развития.

Изучение историком возможностей той или иной действительности прошлого имеет, разумеется, свои особенности. Эта общественная действительность в том виде, как она совершилась, была *инвариантной*, т.е. *однозначной*. В познании прошлого в его инвариантности и состоит главная задача историка. Но эта инвариантность часто была результатом реализации одной из *поливариантных, многозначных возможностей*, заключенных в предшествующей этой действительности исторической реальности. Поэтому историк, характеризуя сущность рассматриваемой им действительности, должен показать, во-первых, результатом реализации каких возможностей прошлого она была, и, во-вторых, какие объективные возможности, потенции для будущего она содержала. Очевидно, что такой подход позволяет, с одной стороны, более глубоко раскрыть изучаемую действительность, и с другой – конкретно показать органическую взаимосвязь прошедшего, настоящего и будущего, т.е. раскрыть ход исторического развития как осознанно-целенаправленный и одновременно объективно-закономерный процесс. Пока еще такой подход не стал характерной чертой всех исторических исследований.

Непременным условием при изучении возможностей в историческом развитии является выделение *реальных, существенных* возможностей. Историческая действительность чрезвычайно многообразна по присущим ей чертам, связям и тенденциям, и в ней заключено множество всякого рода возможностей, в том числе и формальных. Поэтому В.И. Ленин подчеркивал необходимость отличать возможность от действительности и возможности реальные от формальных. В этой связи он, например, писал: «Возможны *всякие* превращения, даже дурака в умного, но *действительным* такое превращение является редко. И по одной “возможности” превращения этого рода дурака я не перестану считать дураком»⁷⁰.

При выделении и оценке реальных возможностей важным и сложным, но необходимым является определение их временных и пространственных границ. В ходе общественного развития всякая возможность возникает в определенный момент. При наличии соответствующих условий, создаваемых общественными силами, она может превратиться в действительность. Но этого может и не произойти, если предпринимаемых усилий оказывается недостаточно. Некоторые возможности вообще могут оставаться потенциями, не замеченными современниками. Но в любом варианте возможность имеет пределы реального существования. Игнорирование этих пределов при анализе исторических возможностей может привести историка к ошибочным заключениям. Этим грешат многие исследования буржуазных историков.

Так, например, видное место в буржуазной историографии занимают вопросы социально-экономического развития России в начале XX в., предпосылок социалистической революции в нашей стране. Одно из распространенных мнений о якобы исторически случайном характере революции основывается на утверждении, что если бы первая мировая война не помешала реализации столыпинской аграрной реформы, то в России укрепился бы капитализм западноевропейского типа и Октябрьская революция не произошла бы. Несостоятельность этого мнения состоит в игнорировании того несомненного факта, что все возможности укрепления существовавшего в России буржуазного социально-экономического строя и самодержавного государства на базе преобразований, предусмотренных столыпинской аграрной реформой, были исчерпаны уже к началу первой мировой войны. На это впервые обратил внимание В.И. Ленин. В январе 1912 г. он писал, что даже некоторые защитники реформы «начинают чувствовать, что над этой “великой реформой” веет дыханием смерти»⁷¹. В апреле же 1913 г. В.И. Ленин подчеркивал, что аграрная политика Столыпина “*исчерпала себя, исчерпала свои социальные силы*. Обстоятельства сложились так, что никакая

⁷⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 320.

⁷¹ Там же. Т. 21. С. 119.

реформа в современной России невозможна... *Реформистских возможностей в современной России нет*⁷².

Эти выводы нашли полное конкретно-историческое подтверждение в исследованиях советских историков⁷³.

Таким образом, необоснованное расширительно-временное толкование возможностей укрепления буржуазного строя в России, допускавшееся столыпинской реформой, служит основой для искажения реального хода исторического развития.

Анализируя возможности той или иной исторической действительности, историк не должен становиться и на позицию сожаления по поводу того, что какие-то из существовавших возможностей не были замечены современниками или неправильно реализованы, в результате чего исторические события или даже историческое развитие якобы совершились не так, как могли бы совершиться. Имея в виду подобные подходы, В.И. Ленин подчеркивал, что надо, как это делал К. Маркс, смотреть на «историю с точки зрения тех, кто ее *творит*, не имея возможности наперед *непогрешимо* учесть шансы, а не с точки зрения интеллигента-мещанина, который морализирует “легко было предвидеть... не надо было браться...”»⁷⁴. Сам К. Маркс указывал, что “творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов”⁷⁵. Поэтому задача историка состоит прежде всего в выяснении и объяснении того, почему были учтены и реализованы именно данные возможности. Только при таком подходе изучение прошлого может быть основой для накопления исторического опыта, который будет содействовать прогрессивному решению современных задач.

Что же касается анализа самих возможностей, заключенных в изучаемой действительности, то надо искать пути и методы для измерения той вероятности (определяемой всей совокупностью факторов общественно-исторического развития), с которой та или иная из этих возможностей могла превратиться в действительность. Тем самым откроется путь к наиболее точной и объективной оценке тех потенциалов будущего, которые были присущи определенной исторической реальности. Поиск путей и методов указанного измерения – задача, которую еще предстоит решать историкам совместно с другими специалистами. На первый взгляд, постановка такой задачи может показаться не только мало реальной, но и даже необоснованной. Но это не так. Обоснованность постановки такой задачи определяется тем, что в самом общественно-историческом развитии претворение в действительность многих (можно сказать, боль-

⁷² Там же. Т. 23. С. 57.

⁷³ См.: Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963, и др.

⁷⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 379.

⁷⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 175.

шинства) возможностей имеет, как указывалось, вероятностный характер. Значит, надо искать способы измерения этой вероятности. Далее, историки уже давно пытаются оценивать вероятность реализации тех или иных возможностей, но делают это, не прибегая к измерению.

Естественное стремление к оценке потенциалов исторического развития является одним из факторов, определяющим растущий интерес историков к изучению так называемых альтернативных ситуаций в историческом развитии. Анализ этих ситуаций дает возможность не только конкретно представить эти потенциалы, но и наглядно раскрыть соотношение и взаимосвязь в этом развитии объективного и субъективного, действительного и возможного, необходимого и случайного. В этой связи следует подробнее остановиться на вопросах альтернативности в историческом развитии и их изучении в исторической науке.

Проблемы альтернативности в общественном, в том числе и историческом развитии в той или иной мере затрагиваются во многих работах. Однако специальных исследований, посвященных анализу теоретико-методологических проблем альтернативности или развернутой характеристики конкретных общественно-исторических альтернативных ситуаций, крайне мало⁷⁶.

Проблема альтернативности в историческом развитии может рассматриваться, как и всякая другая проблема, в двух аспектах – онтологическом и гносеологическом, т.е. как явление исторической реальности и как задача исторического познания.

Рассматривая альтернативу как историческую реальность, надо начать с ее определения. *Альтернативной* является такая историческая ситуация, которая характеризуется борьбой общественных сил за реализацию существенно отличных возможностей общественного развития. Следовательно, историческая альтернатива может иметь место тогда, когда в действительности, во-первых, содержатся существенно отличные возможности (потенци, тенденции) последующего развития и, во-вторых, имеются общественные силы, ведущие борьбу за реализацию этих возможностей. Значит, альтернативность в общественно-историческом развитии органически связана с возможностью и действительностью, с объективным и субъективным. Учитывая то, что органическое сочетание объективного и субъективного выступает главным выражением особенностей явлений общественных по сравнению с естественными, можно рассматривать альтернативность как наиболее

---

⁷⁶ Из этих работ обращают на себя внимание следующие: *Могильницкий Б.Г.* Альтернативность исторического развития в ленинской теории народной революции // *Методологические и историографические вопросы исторической науки.* Томск, 1974. Вып. 9; *Херманн Иштван.* В.И. Ленин об исторической альтернативе // *Вопросы философии.* 1980. № 12.

яркое выражение этой особенности. В природе альтернатив нет, хотя и там реальность содержит разные возможности для последующего развития. Но эти возможности в зависимости от множества факторов реализуются как стихийно проявляющаяся однозначная необходимость.

Далее, историческая альтернатива – это феномен, связанный с массовыми явлениями общественной жизни, ибо только различия в массовых явлениях и процессах могут приводить к существенно отличным вариантам общественного развития. “Существенность” здесь определяется тем, насколько фундаментальны в плане хода общественного развития различия в интересах и целях, за реализацию которых ведется борьба, и в объективных результатах этой борьбы. Фундаментальность целей и результатов и массовость общественных сил, стремящихся достигнуть их, определяют историческую масштабность и значимость альтернатив, являются критериями для выявления исторических альтернатив. Это важно подчеркнуть потому, что выбор тех или иных из возможностей и альтернативность результатов той или иной деятельности имеют место в историческом развитии не только на уровне массовом и общественно значимом, но и на уровне узкогрупповом и индивидуальном. В сущности всякое решение о том или ином направлении и способе деятельности есть выбор из совокупности разных возможностей, что обуславливает и различные, в том числе и альтернативные результаты этой деятельности. Точно так же всякая индивидуальная и групповая борьба связана с альтернативностью ее исхода для борющихся сторон. Подобные обыденные (повседневные) альтернативы не следует смешивать с историческими альтернативами, ибо обыденные альтернативы не влияют на содержание и формы, на направление, темпы и результаты функционирования и развития общественных систем, на интересы и положение различных классов и социальных слоев. Поэтому в дальнейшем речь будет идти об исторических альтернативах.

В исторической реальности возникновение альтернативной ситуации имеет объективные и субъективные предпосылки. Очевидно, что объективной основой альтернатив является наличие в исторической действительности существенно различных возможностей, потенциалов и тенденций последующего развития. Что же порождает такие возможности? Говоря кратко, возникновение таких возможностей обусловлено тем, что в историческом развитии в силу многообразия условий его протекания нет однозначной обусловленности формы содержанием. Содержание этого развития может иметь определенный диапазон форм, в которых оно выражается. “Материалистическое понимание истории, – совершенно справедливо подчеркивает Х.Н. Момджан, – исходит из того что одна и та же закономерность – одна и та же по своей сущности – проявляется в многообразных формах... Существенные, решающие признаки данной

исторической закономерности проявляются в поливариантных формах в различных социальных средах”⁷⁷.

Можно привести много примеров неоднозначной детерминированности формы содержанием как в сфере базисных, так и в сфере надстроечных явлений. К. Маркс указывал, что один и тот же базис “благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т.д. – может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации”⁷⁸. Эти вариации могут иметь и существенные различия, т.е. представлять альтернативные варианты развития. Так, например, феодальной системе производственных отношений как качественной определенности повсюду было присуще наличие личной зависимости крестьянина от феодала и связанной с этим системы внеэкономического принуждения. Но их формы варьировали от простого оброчного обязательства до личного закрепощения и прямого насилия над крестьянами.

Однозначно и то, что основой капиталистического способа производства являются частная собственность на орудия и средства производства и эксплуатация свободного наемного труда. Но формы этой собственности могут быть разными – индивидуальными, корпоративными и государственными.

Безусловно, что капиталистический базис (как и всякий другой) однозначно определяет политическую надстройку в том плане, что политическая власть всегда принадлежит господствующему классу буржуазии, а государство выступает выразителем и защитником интересов этого класса. Но эта однозначность допускает варьирование форм политической надстройки от сравнительно развитых форм буржуазной демократии до фашистской диктатуры.

Понятно, что многообразие форм, в которых выражается одно и то же содержание, приводит к возникновению разных возможностей, что создает объективные предпосылки для возникновения альтернатив. Но есть и обратная сторона этого явления. Не только одно содержание может выражаться в разных формах, но и одна и та же форма может наполняться разным содержанием. Это происходит при переходе одного содержания в другое. Пока новая содержательная сущность не достигла зрелости и не породила адекватную форму, она может развиваться в старых формах. Если становление новой сущности идет в уже наличных, но разных формах, то будут иметь место разные, конкурирующие и в определенных условиях альтернативные возможности развития.

Таким образом, сложная диалектическая взаимосвязь содержания и формы в общественно-историческом развитии обуславливает

---

⁷⁷ Момджан Х.Н. Единая сущность и многообразие форм проявления исторической закономерности // Диалектика общего и особенного в историческом процессе. М., 1978. С. 8.

⁷⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 354.

возникновение существенно отличных возможностей, а следовательно, и альтернативных потенций этого развития.

Другой объективной предпосылкой возникновения альтернативных возможностей является специфика взаимосвязи в общественно-историческом развитии цели и средства ее достижения. Здесь также нет однозначно обусловленной зависимости средства от цели. Одна и та же цель в зависимости от конкретно-исторических условий может достигаться разными средствами. Реформистские и революционные, легальные и нелегальные, мирные и вооруженные методы деятельности – все эти разные средства могут использоваться для достижения одних и тех же целей. Сам характер этих, как и многих других, средств является альтернативным. Очевидно, что хотя разные средства и позволяют достигнуть одного и того же результата, но этот результат может иметь разные формы выражения, разный уровень развитости и зрелости и т.д., что будет оказывать существенное воздействие на многие стороны общественного развития, на положение, потребности и интересы различных классов и социальных слоев⁷⁹. Так, например, тот факт, что в России и Японии переход от феодализма к капитализму совершался не революционным, а реформистским путем, оказал, как известно, существенное воздействие на их социальный и политический строй. Соотношение цели и средства в сущности представляет разновидность соотношения содержания и формы. Таким образом, объективные предпосылки возникновения альтернативных ситуаций связаны с наличием в текущей действительности существенно отличных возможностей ее последующего развития. В этой связи надо внести ясность в один существенный вопрос – о том, представляет ли историческая альтернатива антитезу, существенно отличный вариант развития, реально противостоящий существующей исторической действительности, или же альтернатива – это разные варианты *последующего* развития, заключенные в этой действительности, но еще не проявившиеся реально. Часто в исторических работах, когда говорят об альтернативах, имеют в виду иное направление развития в будущем по сравнению с существующей действительностью. С этим нельзя согласиться. *Существующая действительность* может представлять собой либо уже реализованную возможность прошлого, либо борьбу, которая ведется за реализацию существенно отличных, альтернативных возможностей последующего развития. Будущее является естественным и неизбежным продолжением настоящего. Оно вырастает из настоящего. Но оно не может быть альтернативой настоящему, ибо как может быть альтернативой реальному то, чего еще нет? Значит *альтернативы как реальность – это действительность, а как будущее – это лишь потенции этой действи-*

---

⁷⁹ О соотношении цели, средства и результата см.: Трубников Н.Н. О категориях “цель”, “средство”, “результат”. М., 1967.

тельности, заключенные в ней различные возможности. Правильно понять место альтернатив в общественно-историческом развитии можно, только учитывая тесную и диалектическую связь прошлого, настоящего и будущего. Следовательно, *альтернативность в общественно-историческом развитии – это реальная борьба, ведущаяся в действительности за существенно отличные варианты будущего*. Ее пределы (в плане объективных возможностей) занимают промежуток социального времени от возникновения существенно отличных возможностей дальнейшего развития и начала борьбы за реализацию разных возможностей и до воплощения в действительность одной из альтернативных возможностей либо до снятия их ходом развития в результате возникновения новых возможностей.

Неправомерность трактовки альтернатив как антитезы настоящему иногда сочетается с попытками представлять как альтернативный такой ход последующего развития, который имеет однозначно закономерный характер. Так, часто говорят о социализме как альтернативе капитализму в будущем. Но с точки зрения общего хода исторического развития социализм не альтернатива капитализму, поскольку альтернатива, как и всякая возможность, может быть реализована, а может остаться и не реализованной, а переход от капитализма к социализму – исторически и однозначно обусловленная неизбежность. В зависимости от конкретно-исторических условий отдельных стран альтернативными могут быть пути и формы перехода к социализму, но не сам этот переход, когда для этого сложатся необходимые предпосылки.

В общем еще раз подчеркнем, что объективной основой для возникновения исторических альтернатив является наличие в действительности существенно отличных возможностей для последующего развития, которые могут быть реализованы лишь с определенной вероятностью. Естественно, здесь возникает вопрос о том, чем же определяется то, какая из существенно отличных возможностей может восторжествовать. Чтобы ответить на этот вопрос, надо рассмотреть роль субъективно-исторических факторов в возникновении и разрешении альтернатив.

Прежде всего отметим, что одни объективные предпосылки еще не создают альтернативы. Для возникновения альтернативы необходимо наличие субъективного фактора, т.е. определенных общественных сил, которые деятельно стремятся претворить существенно отличные возможности в реальность. Это неизбежно приводит к столкновению разных общественных сил, к их борьбе. Но борьбе за реализацию той или иной возможности должен предшествовать ее выбор. Возможности такого выбора на основе научно-теоретического анализа исторической действительности ограничены до сих пор, ибо анализ может быть осуществлен лишь на основе

теорий и методов, адекватно отражающих эту действительность. Такими теорией и методом является только марксизм. Поэтому в историческом развитии выбор той или иной из возможностей осуществляется в процессе практически-эмпирического, обыденного познания действительности⁸⁰. Такой путь выбора обуславливался еще и тем, что его осуществляли не отдельные личности или узкий их круг, а широкие круги исторических субъектов, целые классы и социальные слои.

Тем реальным индикатором, которым руководствовались в своем выборе эти классы и слои, были их *интересы*. Надо коснуться механизма, который вовлекал людей в активную общественно-историческую деятельность. Уже отмечалось, что исходным двигателем здесь были *потребности*. Возможности удовлетворения потребностей, как и сама их суть, определялись соответствующим способом производства, т.е. имели объективный характер. Потребности порождают стремление к чему-то, что находит непосредственное выражение в *интересе*. *Интерес* выступает как побудительная причина деятельности субъекта, служит непосредственным источником его активности. Потребности и интересы имеют объективный характер и поэтому первоначально могут и не осознаваться. К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что “там, где индивиды имеют потребности, они уже в силу этого имеют некоторое *призвание* и некоторую *задачу*, причем вначале еще безразлично, делают ли они это своим призванием также и в представлении”⁸¹.

Интересы осознаются и проявляются в форме *мотивов* и *стимулов* деятельности людей, на основе которых формируются *цели* этой деятельности и складываются *идеалы*, к которым люди стремятся.

Таким образом, в объективно-субъективном процессе восприятия историческими субъектами современной им действительности имеется цепь: *способ производства – потребности и интересы – мотивы и стимулы – цели и идеалы*⁸². В данном случае не столь важно, насколько эта цепь восприятия действительности полна. Существенно то, что ее звенья могут складываться на основе как теоретического, так и обыденного восприятия действительности, и то, что в отношении к этой действительности и к тем возможностям, которые в ней заключены, у ее современников есть совершенно определенный критерий – прежде всего их интересы.

Единство объективных и субъективных факторов в складывании исторических альтернатив означает, что наличие общественных сил и их борьба за такой путь развития, для которого нет объ-

⁸⁰ См.: Черняк В.А. Диалектика теоретического и обыденного сознания: (Мировоззренческий аспект). Алма-Ата, 1985.

⁸¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 279.

⁸² Подробнее см.: Черненко Л.К. Причинность в истории. М., 1983; *Здравомыслов А.Г.* Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986.

ективных возможностей в действительности, не создают альтернативы. В качестве примера можно привести борьбу революционного народничества в России. Народники исходили из того, что капитализм в силу присущих ему противоречий является упадком и регрессом в историческом развитии. Они отстаивали идею о возможности для России благодаря наличию общины перехода к социализму, минуя капитализм. Исходя из этой идеи, они вели борьбу за революционный социальный переворот, который, по их мнению, приведет к установлению социализма. Идея эта была утопией, ибо в России того времени еще не существовало объективных исторических возможностей для перехода к социализму. Героическая борьба народников не создавала альтернативы: капитализм или социализм. Шло неуклонное становление и утверждение капитализма. Поэтому никак нельзя согласиться с мнением, что борьба народников якобы представляла альтернативный вариант социального развития⁸³.

Народники, руководствуясь ошибочной социологической теорией, не могли правильно понять современную им историческую действительность и те объективные возможности последующего развития, которые ей присущи. Ошибочными были и их представления об интересах и устремлениях крестьянства. «Нет ничего более нелепого, – указывал В.И. Ленин, – как выводить из противоречий капитализма его невозможность, непрогрессивность и т.д. – это значит спастись в заоблачные выси романтических мечтаний от неприятной, но несомненной действительности»⁸⁴.

Борьба народников никак не может быть представлена альтернативой – капитализм или социализм – еще и потому, что объективно она была не борьбой против капитализма, а борьбой за один из вариантов его развития. «Реальное историческое значение народнической идеологии (и борьбы. – И.К.) состояло в противопоставлении двух путей капиталистического развития: одного пути, приспособляющего новую, капиталистическую Россию к старой... и другого пути, заменяющего старое новым, устраняющего полностью отжившие помехи новому, ускоряющего ход развития»⁸⁵. Объективно народники-таки боролись за альтернативу, но не ту, которую им приписывают.

Субъективный фактор в исторических альтернативах представлял собой компонент, который определял исход борьбы за реализацию той или иной из существенно отличных возможностей развития. Этот исход зависел от соотношения борющихся сил, их целеустремленности, сплоченности и организованности. Можно привести немало примеров, когда альтернативные ситуации разрешались победой одной из сторон и утверждением одной из объективно допустимых возможностей.

⁸³ См.: Сухов А.Д. Прогресс и история. М., 1983. С. 146.

⁸⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 48.

⁸⁵ Там же. Т. 20. С. 168–169.

Примером утверждения консервативной возможности и перевеса реакционных сил над демократическими может служить установление фашизма в Германии. Социально-политическая ситуация в стране в начале 30-х годов, несомненно, имела альтернативный характер. Дальнейшее развитие могло идти как в форме буржуазной демократии, так и в форме фашистской диктатуры. Соотношение борющихся социальных сил оказалось таково, что победил фашизм.

Примером победы прогрессивных тенденций и сил в историческом развитии могут служить те из развивающихся стран, которые стали на путь построения социализма. Разумеется, это пока не исключает попыток со стороны внешней и внутренней контрреволюции к утверждению капиталистического пути развития. Исход борьбы альтернативных тенденций здесь окончательно еще не решен.

Победа одной из альтернативных возможностей снимает противостоящую ей возможность, и альтернативная ситуация исчерпывает себя. В какой мере снятие является окончательным, зависит от того, насколько победившим силам удалось подавить противостоящие силы и устранить возможности альтернативного развития. Это определяется тем, насколько глубоки объективные исторические корни этой возможности и как велики силы, борющиеся за нее.

Но возможны и такие альтернативные ситуации, когда ни одна из противоборствующих тенденций развития и стоящие за ними общественные силы не могут взять верх. Если такое противостояние длительно, то ход исторического развития может снять эти альтернативы в результате возникновения новых возможностей. Так было в России с борьбой двух путей буржуазной аграрной эволюции, о чем подробнее будет сказано ниже.

И еще один вопрос, связанный с рассмотрением альтернатив как явлений исторической реальности. Это вопрос о соотношении *альтернативности* и *закономерности*, о том, не нарушает ли наличие альтернативных ситуаций и ведущая роль в их разрешении субъективных факторов закономерности общественно-исторического развития. Несомненно, что ход исторического развития и в его однозначно-необходимом и альтернативном вариантах закономерен. Альтернативный характер развития многих исторических явлений не нарушает закономерности этого развития потому, что при ведущей роли субъективного фактора в складывании и разрешении альтернатив действие этого фактора ограничено объективными условиями. Альтернатива – это выбор из существующих возможностей и борьба за реализацию выбора. Но ведь возникновение разных возможностей – объективный процесс. Поэтому при однозначно-необходимом и альтернативном ходе развития различаются лишь формы проявления обществен-

ных законов⁸⁶. Одни из них являются законами жесткой, однозначной детерминации. Это прежде всего наиболее общие законы общественно-исторического развития, законы об определяющей роли способа производства в общественном развитии, о соответствии производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил, о первичности общественного бытия по отношению к общественному сознанию, об определяющей роли социально-экономического базиса по отношению к политически-правовой и культурно-идеологической надстройке и др. Действие законов однозначной детерминации распространяется на каждый элемент общественно-исторической системы. Эти законы прежде всего определяют динамику, развитие общественных систем.

К другому типу относятся законы с вероятностной детерминацией, законы, присущие стохастическим, случайным процессам. Они проявляются как безусловная необходимость лишь по отношению к той или иной общественной системе в целом. Поведение же отдельных элементов системы детерминируется лишь вероятностным образом⁸⁷.

Вероятностные законы, как и всякие другие, характеризуются необходимостью, всеобщностью, повторяемостью. Эти законы присущи функционированию и развитию массовых случайных явлений. Они проявляются как законы-тенденции, как определенные закономерности, присущие общественно-историческому развитию. К. Маркс подчеркивал, что общественные “законы осуществляются весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господ-

---

⁸⁶ Для характеристики внутренне обусловленных и неизбежных связей и тенденций в функционировании и развитии объективной реальности в науке применяются понятия “закономерность” и “закон”. Но соотношение между ними трактуется по-разному. Одно из них состоит в том, что закономерность – это объективные свойства и связи реального мира, а закон – отражение закономерностей в научном познании этой реальности, т.е. понятие гносеологическое (см.: *Карпович В.Н.* Проблема. Гипотеза. Закон. Новосибирск, 1980. С. 140–141). Думается, что более обоснованным является понимание и закономерности и закона как свойств реальности, которые отражаются сознанием в процессе ее познания. “Закон есть прочное (остающееся) в явлении” (*В.И. Ленин*. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 136), закон – это “господствующая тенденция” (*К. Маркс, Ф. Энгельс*. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. С. 176). В конечном счете закон – это сущность, которая в своем функционировании и развитии выражается в *закономерности*, т.е. в устойчивости и повторяемости присущих ей коренных свойств.

⁸⁷ Подробнее см.: *Виноградов В.Г., Гончарук С.Н.* Законы общества и научное предвидение. М., 1972; *Сирин А.Д.* Специфика законов общества и их роль в регулировании общественных процессов. Томск, 1979; *Пилипенко Н.Я.* Диалектика необходимости и случайности. М., 1980; *Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Б.Б., Павлов В.М.* Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979; *Попов С.* Общественные законы. М., 1980; *Панибратов В.Н.* Категория закон. Л., 1980; *Яцкевич А.Ф.* Диалектика объективного и субъективного в проявлении законов общества. Минск, 1982, и др.

ствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний”⁸⁸.

Ход общественно-исторического развития в его альтернативных вариантах и регулируется вероятностными законами. Законы однозначной детерминации как наиболее общие законы общественного развития определяют пределы действия законов вероятностных как законов, присущих особенному в этом развитии. Первые определяют (характеризуют) сущность высшего порядка, а вторые – сущности более низких порядков, которые конкретизируют первую. Эта конкретизация может быть весьма многообразна, но лишь в пределах общей сущности. Это значит, что альтернативные варианты общественно-исторического развития не только подчинены законам, но и имеют объективно ограниченный возможностями, присущими действительности, и законами, определяющими ее функционирование и развитие, диапазон проявления. Поскольку в общественно-историческом развитии преобладают массовые случайные явления и процессы, постольку “для законов общества в основном характерна вероятностная детерминация”⁸⁹. Таково мнение большинства советских исследователей. Но есть и иные взгляды. Так, высказывается соображение, что в “области общественных явлений нет места стохастическому процессу”⁹⁰. А это значит, что нет места и для альтернативности общественно-исторического развития. Противоположное мнение состоит в следующем. В любой исторической ситуации есть возможность выбора, и историческое развитие ставит перед человеком альтернативу поведения. Это обусловлено тем, что “абсолютной неизбежности именно данного хода событий, исключающей какие бы то ни было иные возможности развития, не существует: всегда имеется множество тенденций”, которые все возможны и при определенных условиях могут осуществиться. Многозначность (случайность) общественных явлений порождает вероятностный характер их осуществления⁹¹. Следовательно, основная суть сводится к тому, что в общественно-историческом развитии имеют место лишь случайно-вероятностная детерминированность и закономерность⁹². Поскольку всегда есть выбор, в сущности все развитие оказывается якобы альтернативным. В свете сказанного очевидна необоснованность столь расширительной трактовки пределов исторических альтернатив.

Таким образом, альтернативность общественно-исторического развития никоим образом не устраняет объективного и закономерного характера этого развития.

---

⁸⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. С. 176.

⁸⁹ Исторический материализм как социально-философская теория. М., 1982. С. 41.

⁹⁰ Маслов П.П. Статистика в социологии. М., 1971. С. 4.

⁹¹ Гуревич А.Я. Об исторической закономерности // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 69, 72.

⁹² Такой же позиции придерживается и А.В. Гулыга (Эстетика истории. М., 1974. С. 16–17).

Важное место, которое занимают альтернативы в историческом развитии, обуславливает необходимость их изучения историками. Возникающие порой сомнения в такой необходимости неосновательны. Игнорирование альтернативных ситуаций обедняет представления об исторической реальности. Изучение этих ситуаций позволяет более широко и глубоко охарактеризовать ход исторического развития. Однако сложность альтернативных ситуаций как явлений исторической действительности и неразработанность принципов, путей и методов их изучения делают его трудным. Отметим наиболее существенные моменты, которые следует иметь в виду при изучении исторических альтернативных ситуаций.

Прежде всего необходимо установить *реальность* такой ситуации, ее действительное наличие в историческом развитии. Это приходится подчеркивать потому, что существует опасность увидеть такую ситуацию там, где ее в самой исторической реальности не было. В данном случае мы не имеем в виду преднамеренное конструирование альтернативных исторических ситуаций, которые присущи многим представителям современной буржуазной историографии. Такие подходы порождены совершенно определенными социально-политическими целями и основаны на субъективистских принципах методологии исторического познания. Речь идет о том, что сложность исторических альтернатив и трудности их анализа могут привести и к непреднамеренной ошибке.

При выявлении альтернатив надо учитывать два момента. Во-первых, альтернатива, как было показано, – это не антитеза существующей реальности. Альтернативы возникают в тот момент в историческом развитии, когда происходит переход от данной реальности к новой реальности, от данной качественной сущности к новой и эта новая сущность может иметь разные формы или достигаться разными путями. Во-вторых, альтернативы складываются только тогда, когда в действительности содержатся существенно отличные возможности перехода к новому и когда имеются общественные силы, ведущие борьбу за реализацию отличных возможностей.

Первый момент методологически важен в том отношении, что он предохраняет от необоснованного расширения круга исторических альтернатив. Между тем это важное обстоятельство нередко предается забвению при выявлении и анализе альтернатив. Указывают, например, на то, что в России в 1917 г. (после февральской революции) якобы имела место альтернатива: либо победа пролетарской социалистической революции, либо диктатура буржуазии⁹³. В.И. Ленин действительно писал, что “*нельзя* выскочить из империалистической войны, *нельзя* добиться демократического, не насильственного, мира без свержения власти капитала, без перехода госу-

⁹³ См., например: Херманн Иштван. Указ. соч. С. 101.

дарственной власти к *другому* классу, к пролетариату⁹⁴. Без такого перехода, как известно, нельзя было решить и другие важнейшие вопросы (например, аграрный и национальный). Но альтернативы — либо победа пролетариата либо диктатура буржуазии — не было, ибо, во-первых, после июльских событий власть безраздельно принадлежала буржуазии, во-вторых, переход власти к пролетариату был после февральской революции не альтернативой, а безусловной исторической необходимостью, диктовавшейся всем ходом исторического развития⁹⁵. Эта необходимость к осени 1917 г. была осознана не только рабочим классом, но и его союзниками, что и определило время революции и относительную легкость победы революционного переворота и перехода власти к пролетариату. Навязанная же пролетариату гражданская война, которая была бы невозможна без поддержки международного империализма и иностранной военной интервенции, — это уже иная историческая ситуация. Приведенный пример хорошо показывает, какое важное значение имеет в понимании хода исторических событий определение реальности исторической альтернативы.

В целом очевидно, что представление как альтернативного односторонне детерминированного хода последующего развития и изображение альтернативы как некоей антитезы, которая бы могла прийти на смену существующей реальности, запутывают понимание истинного хода исторического развития и даже чревато его искажением.

Столь же важно и рассмотрение исторической альтернативы в единстве образующих ее объективных и субъективных факторов. Возможные здесь просчеты связаны с тем, что наличие альтернативы констатируется лишь по наличию одного из этих факторов. Чаще всего в силу его ведущей роли в альтернативе и большей очевидности, таким является субъективный фактор. Уже приводился пример с народничеством. Можно привести и другие примеры.

В связи с анализом роли субъективного фактора в альтернативных ситуациях следует обратить внимание и на такой момент. Всякая общественная борьба, вообще говоря, может иметь в исходе либо победу либо поражение, т.е. ее исход альтернативен. Но на этом основании относить всякую борьбу к альтернативной ситуации неправомерно. На это обращал внимание В.И. Ленин. В работе “Что делать?”, возражая противникам создания централизованной революционной организации, утверждавшим, что такая организация может легко броситься в преждевременную атаку, он писал: “...Абстрактно говоря, нельзя, конечно, отрицать, что боевая организация

---

⁹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 161.

⁹⁵ Отметим, что Херманн, говоря об указанной альтернативе, признает, что существовали объективные и субъективные условия для социалистической революции (Херманн Иштван. Указ соч. С. 103–104).

может повести на необдуманный бой, который *может* кончиться вовсе не необходимым при других условиях поражением. Но ограничиваться абстрактными соображениями в таком вопросе невозможно, ибо всякое сражение включает в себя абстрактную возможность поражения, и нет другого средства *уменьшить* эту возможность, как организованная подготовка сражения”⁹⁶.

Значит, к таким ситуациям надо подходить конкретно-исторически. Объективно-абстрактная возможность победы или поражения в той или иной общественной борьбе может представлять и реальную историческую альтернативу. Это имеет место тогда, когда борющиеся осознают возможные исходы и, руководствуясь определенными целями, делают выбор. Такая ситуация, например, сложилась в период Парижской Коммуны. Как указывал К. Маркс, рабочий класс оказался перед выбором: «Либо принять вызов к борьбе либо сдаться без борьбы. Деморализация рабочего класса в последнем случае была бы гораздо большим несчастьем, чем гибель какого угодно числа “вожаков”»⁹⁷. Как известно, вызов был принят, хотя шансов на победу не было. Альтернатива состояла не в абстрактной возможности победить или потерпеть поражение, а в том, что в этой борьбе рабочий класс должен был выбирать между возможностью продолжать борьбу и потерпеть поражение и возможностью отказаться от борьбы и заплатить за это собственной деморализацией.

Для более ясного представления о тех просчетах, которые могут быть допущены при выявлении исторических альтернатив, приведем еще два примера, когда наличие альтернатив констатируется при отсутствии и объективных и субъективных предпосылок для их возникновения, т.е. когда альтернативы в сущности лишь декларируются.

Так, некоторые историки полагают, что в России XVI в. имела место альтернатива, шла “борьба за два пути развития России – феодально-крепостнический и буржуазный”⁹⁸. Выражение этой альтернативы усматривается в борьбе поднимающегося третьего сословия за освобождение городов от засилья феодалов и против централизаторской политики правительства, стягивавшего в Москву крупнейших представителей местного купечества, а ее объективной основой выступает значительное расслоение среди посадских людей и крестьян черносошных волостей, якобы свидетельствовавшее о зарождении раннебуржуазных связей. Не будем касаться вопроса о

⁹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 137.

⁹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 175.

⁹⁸ См.: Носов Н.Е. Русский город и русское купечество в XVI столетии // Исследования по социально-экономической истории России. Л., 1971. С. 168. См. также: Он же. О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV–XVI в.: (К постановке вопроса) // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 70.

том, в какой мере указанные явления имели буржуазный характер. Здесь есть и другие мнения. Допустим, что все было именно так, как полагают сторонники наличия указанной альтернативы. Но каким образом раннебуржуазные связи и классовая борьба посадских людей могли быть альтернативой развитию по пути крепостничества? Ведь переход от феодализма к капитализму – это не альтернативный процесс дальнейшему развитию феодализма, а историческая неизбежность, когда для этого сложились необходимые предпосылки. Коль скоро утвердилось и длительное время существовало крепостничество, то значит, объективных возможностей развития по буржуазному пути в XVI в. не было. Ростки нового, если они и имели место, были слишком слабы, чтобы создать такую возможность. Не было поэтому и общественных сил, которые могли выбирать между разными путями. Трактовка борьбы посадских людей и черносотенных крестьян как борьбы за буржуазный путь развития необоснованна. Ни субъективно, ни объективно эта борьба не выходила за пределы феодального строя. Наконец, признание указанной альтернативы, которая разрешилась победой крепостничества в результате насаждения поместного землевладения, опричнины и т.п., означает, что почти трехсотлетний ход исторического развития страны был определен субъективными факторами, что не соответствует исторической реальности и несостоятельно теоретически.

Более привлекательным, на первый взгляд, является мнение о наличии другой альтернативы в историческом развитии средневековой России. Она якобы состояла в следующем. “В конце XV в. явственно определились два пути развития феодального сельского хозяйства. Первый путь – путь без помещика (или частного вотчинника), без крепостного права”. “Другой путь означал укрепление и расширение поместного и вотчинного землевладения... увеличение уровня эксплуатации и связанного с ним закрепощения”⁹⁹. Иначе говоря, существовала альтернатива: государственный или поместно-вотчинный феодализм. Сторонники первого – крестьяне, второго – господствующий класс феодалов. Все вроде бы логично. Однако объективные возможности первого пути остаются нераскрытыми. Тот факт, что основой сельскохозяйственного производства в период феодализма является крестьянское хозяйство и что крестьянин мог обойтись без помещика, – это лишь абстрактная, формальная возможность развития феодализма без помещиков и вотчинников. Такая возможность могла бы быть реальной при наличии четко определенной объективной тенденции к упразднению вотчинной формы феодальных отношений и определенных сил, которые были способны претворить ее в жизнь. Но ни такой тенденции, ни таких сил не было в действительности. Наоборот, имела место тенденция

---

⁹⁹ Аграрная история Северо-Западной России. Вторая половина XV – начало XVI в. Л., 1971. С. 372.

к расширению и укреплению частных форм феодальных отношений. Поэтому в конечном счете указанная альтернатива, хотя и представляется привлекательной, является необоснованной. В исторической действительности такой альтернативы не было.

Все указанные просчеты в выявлении исторических альтернатив свидетельствуют о сложности их выявления и анализа и необходимости придерживаться четких методологических принципов, которые надо разрабатывать. Но можно привести примеры и иного рода, которые показывают, как анализ реальных исторических альтернатив углубляет познание прошлого. Остановимся на двух примерах такого анализа, который был проделан В.И. Лениным.

Много интересного в плане выявления и анализа реальных исторических альтернатив дает историку ход борьбы за переход от буржуазно-демократической революции в России к социалистической в 1917 г. Об исторической неизбежности такого перехода и обусловленности победы пролетариата мы уже говорили. Проблема альтернативности связана здесь с конкретными путями этого перехода.

Первый вопрос, который возникает в этой связи, – вопрос о том, существовали ли возможности и альтернатива такого перехода мирным или революционным путем. При обсуждении этого вопроса часто два этих пути представляют как альтернативные. В действительности такой альтернативы не было. В.И. Ленин подчеркивал: “Чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону: *пока* нет насилия над массами, нет иного пути к власти”¹⁰⁰. Положение же было таково, что до осени 1917 г. “объективных условий для победы восстания... *не* было”, ибо пролетариат не имел указанного большинства^{100а}. Следовательно, альтернативы – мирный путь или вооруженное восстание – как явления, характерного для периода между двумя революциями, не существовало. После февральской революции в стране сложилось двоевластие, две диктатуры: диктатура буржуазии во главе с Временным правительством и революционно-демократическая диктатура рабочего класса и крестьянства во главе с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Ни одна власть не была полной. Временное правительство обладало силой чиновничьего государственного аппарата. Силой Советов был вооруженный народ. И хотя Временное правительство проводило антинародную империалистическую политику, оно не могло применить насилие к вооруженному народу. Это и “открывало и обеспечивало мирный путь развития вперед всей революции”¹⁰¹. Иного пути не было, так как возможности для вооруженного взятия власти пролетариатом не существовало.

---

¹⁰⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 147.

^{100а} Там же. Т. 34. С. 243.

¹⁰¹ Там же. С. 11.

Мирный путь развития революции мог быть реализован переходом власти к Советам. Чтобы стать органом диктатуры пролетариата и орудием подготовки и проведения социалистических преобразований, Советы должны были стать пролетарскими. Сознательные слои рабочего класса во главе со своей партией могли добиться этого путем революционной работы среди пролетариата и его союзников и в самих Советах. Отсюда и большевистский лозунг “Вся власть Советам”. Но в Советах большинство принадлежало представителям мелкобуржуазных слоев населения. Мелкобуржуазная волна, подавив все, отдала большинство в Советах мелкобуржуазным партиям, меньшевикам и эсерам¹⁰². Поэтому мирный путь развития революции зависел от того, возьмут ли мелкобуржуазные Советы власть. Объективная возможность для этого существовала. Ее же практическая реализация зависела от субъективного фактора – поведения политических партий, господствовавших в Советах.

Поскольку двоевластие не могло продолжаться долго, судьба Советов представляла собой альтернативу – “либо дальнейшее развитие этих Советов, либо они умрут бесславной смертью”¹⁰³. Соотношение сил сложилось таким образом, что, несмотря на все усилия революционного пролетариата во главе с большевистской партией, мелкобуржуазные партии и их вожди, которые с самого начала пошли на сотрудничество с буржуазией, во время июльских событий окончательно предали дело революции¹⁰⁴. Двоевластие завершилось установлением полной диктатуры буржуазии. Возможность мирного перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической исчерпала себя. Единственным путем такого перехода становилось вооруженное восстание, к подготовке которого и перешла большевистская партия.

Что же дает историку учет того, что развитие Советов в период двоевластия имело альтернативный характер, и того, в чем историческое развитие от февраля к октябрю было альтернативным, а в чем – нет. Такой подход прежде всего требует при изучении столь важного этапа в историческом развитии более глубокого и конкретного выявления соотношения в этом развитии объективного и субъективного, возможного и действительного, закономерного и случайного, стихийного и сознательного, массового и индивидуального в органическом единстве и противоречии. Из-за богатства и яркости событий эпохи эти важные исследовательские задачи порой оказываются потесненными фактической стороной. Анализ же рассмотренной альтернативы, действий мелкобуржуазных партий, если можно так сказать, в экстремальных исторических условиях, позволяет наиболее глубоко раскрыть их истинную социально-политиче-

---

¹⁰² См.: Там же. Т. 31. С. 156.

¹⁰³ Там же. С. 358.

¹⁰⁴ См.: Там же. Т. 34. С. 2.

скую суть, их соглашательскую природу и в конечном счете буржуазную ориентацию, которые в обычных условиях не столь очевидны, да еще к тому же прикрываются изрядной дозой революционно-демократической фразеологии и демагогии. Все это необходимо учитывать при изучении деятельности мелкобуржуазных партий в предшествующий 1917 г. и последующий периоды.

Другим примером изучения альтернативной исторической ситуации, которое обогащает и углубляет понимание хода исторического развития, является анализ двух путей буржуазной аграрной эволюции в пореформенной России, данный В.И. Лениным в ряде его работ¹⁰⁵. В.И. Ленин прежде всего раскрыл суть имевшей место альтернативы. Она состояла в том, что буржуазная аграрная эволюция шла как на основе крестьянского хозяйства, по буржуазно-демократическому (“американскому”) пути, так и на основе помещичьего хозяйства, по буржуазно-консервативному (“прусскому”) пути. Хорошо известно, что это были два существенно различных пути.

Объективно-исторической предпосылкой двух путей являлось то, что аграрный капитализм мог утвердиться и на основе помещичьего и на основе крестьянского хозяйств. Так как именно эти формы организации сельскохозяйственного производства и были присущи феодализму, все конкретные формы перехода от феодализма к капитализму сводились в конечном счете, как указывал В.И. Ленин, к “прусскому” и “американскому” путям. Общественными силами, ведущими борьбу за указанные пути, были крестьянство и выражавшие его интересы общественно-политические группировки, которым противостоял помещичье-буржуазный лагерь.

Победа одного из путей буржуазной аграрной эволюции определялась соотношением этих сил. Там, где помещичье землевладение отсутствовало (как, например, в США) или его позиции были радикально подорваны в результате революционного перехода от феодализма к капитализму (как, например, во Франции), сравнительно быстро торжествовал в чистом виде либо становился явно преобладающим американский тип буржуазной аграрной эволюции. Там же, где ведущую роль в сельскохозяйственном производстве при переходе к капитализму играло помещичье хозяйство (как, например, в Пруссии), побеждал прусский путь.

Особенность России состояла в том, что здесь при в целом преобладающей роли буржуазно-помещичьей тенденции (хотя в ряде регионов – Юг и Север Европейской части страны, а также Сибирь и Дальний Восток – господствовало развитие по буржуазно-крестьянскому пути) ни один из двух путей буржуазной аграрной эволюции вплоть до 1917 г. так и не победил. На стороне крестьянства была его господствующая роль в сельскохозяйственном производстве. К концу эпохи капитализма крестьяне давали более 90% валового

¹⁰⁵ Там же. Т. 16. С. 215–220; Т. 17. С. 77, 125 и др.

производства продукции земледелия и скотоводства и значительно более половины ее товарной массы¹⁰⁶. Помещики же владели лучшими землями и пользовались мощной экономической и политической поддержкой самодержавного государства, т.е. располагали широкими возможностями давления на крестьянское хозяйство. В итоге ход исторического развития был таков, что в результате провала столыпинской аграрной реформы к кануну первой мировой войны, как отмечалось, все возможности победы аграрного капитализма в его “прусском” варианте были исчерпаны. В результате буржуазно-демократической революции, которая должна была устранить помещичье землевладение, мог восторжествовать буржуазно-крестьянский тип аграрных отношений. Но и здесь ход истории внес коррективы. “Война, – указывал В.И. Ленин, – причинила такие неслыханные бедствия воюющим странам, а в то же время она так гигантски ускорила развитие капитализма, превращая монополистический капитализм в государственно-монополистический, что ни пролетариат, ни революционная мелкобуржуазная демократия *не могут* ограничиваться рамками капитализма”¹⁰⁷. В этих условиях приобрела иное значение и такая буржуазно-демократическая мера, как национализация земли. «Национализация земли, – подчеркивал В.И. Ленин, – есть не только “последнее слово” буржуазной революции, но и шаг к социализму»¹⁰⁸.

Таким образом, в России вскоре после того, как определилась невозможность победы буржуазно-помещичьего пути аграрной эволюции, обнаружилась невозможность победы и буржуазно-демократического, крестьянского пути этой эволюции. Буржуазно-демократические по своей сущности аграрные преобразования могли быть теперь лишь частными задачами социалистической революции, оказывались отправным моментом на пути к социалистическим аграрным преобразованиям.

Блестящий ленинский анализ альтернативного характера буржуазного аграрного развития России в пореформенный период позволяет более глубоко понять целый ряд явлений как данного периода, так и предшествующих ему этапов исторического развития. Начать с того, что при учете этой альтернативы становится более очевидным: аграрно-крестьянский вопрос в России был в течение всей эпохи капитализма основным вопросом общественной жизни, главной социально-экономической задачей, которую должна была решить буржуазно-демократическая революция. Более существенно, что наличие объективных предпосылок для победы буржуазно-кре-

---

¹⁰⁶ См.: Ковальченко И.Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971.

¹⁰⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 412.

¹⁰⁸ Там же. С. 413.

стьянского пути и практическая невозможность такой победы в результате совместного противостояния этому пути дворянско-буржуазного лагеря и самодержавия фактически создавали ситуацию, когда буржуазные по своей сути преобразования (ликвидация помещичьего землевладения и других феодально-крепостнических пережитков) не могли стать реальностью в буржуазных условиях. Это, несомненно, было одним из важных факторов, ускоривших перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Анализ рассматриваемой альтернативы позволяет историкам более глубоко понять историческое значение и некоторых черт в аграрной истории феодальной эпохи. Это прежде всего относится к пониманию роли такой формы феодальных отношений, как система государственного феодализма. Широкое распространение в России государственного феодализма (перед отменой крепостного права государственные крестьяне составляли более 40% их общей численности) было одним из важнейших факторов, обусловивших господствующую роль крестьянского хозяйства в сельскохозяйственном производстве.

В свете указанной альтернативы необходимы коррективы и во взглядах на крестьянскую общину. Она тоже сыграла роль в том, что крестьянское хозяйство объективно оказалось более подготовленным к буржуазной аграрной эволюции, чем помещичье. В общине, разумеется, отсутствовало равенство входивших в нее хозяйств. Но при общинном землепользовании каждый крестьянин имел право на надел и, как правило, получал его. Принцип круговой поруки побуждал общину добиваться, чтобы все дворы вели хозяйство и были тяглоспособны. Более того, существовала целая система мер по оказанию помощи нетяглоспособным крестьянам. Все это давало определенные результаты. В районах с общинным землепользованием слой крестьян, не ведущих собственного хозяйства, был в целом невелик. Во всяком случае он был в несколько раз меньше, чем в районах с подворным землепользованием (западные районы страны). Такое положение позволяло помещикам, ведущим собственное хозяйство и эксплуатирующим крестьян на барщине, почти всецело базировать производство на крестьянском хозяйстве, используя не только рабочую силу крестьян, но и их инвентарь и тягловый скот. В результате большинство помещиков не имели собственной производственно-технической базы и не обрели опыта ведения хозяйства на основе этой базы путем эксплуатации лишенных средств производства крепостных крестьян. Этим была обусловлена неподготовленность помещичьего хозяйства к перестройке на капиталистический лад после падения крепостного права. Поэтому не только из-за своего низкого удельного веса в сельскохозяйственном производстве, но и по уровню производственно-технической базы и организации производства помещичье хозяйство не могло доминировать в процессе буржуазной аграрной эволюции.

Иллюстрацию того, как анализ альтернативного характера буржуазной аграрной эволюции в пореформенной России позволяет углубить изучение целого ряда других явлений исторического развития, можно было бы и продолжить. Очевидна необходимость тщательного изучения исторических альтернатив с целью более глубокого понимания реального хода исторического развития. Главное состоит в том, чтобы выявлялись и конкретно исследовались реальные исторические альтернативы. Успех здесь определяется как обобщением опыта конкретно-исторического изучения альтернатив, так и прежде всего разработкой теоретических и методологических основ такого изучения.

В целом же альтернативность в общественно-историческом развитии наиболее ярко выражает его основную специфику, состоящую в органическом сочетании в нем объективного и субъективного. Это сочетание историк всегда должен иметь в виду, изучая ход общественно-исторического развития.

3. СПЕЦИФИКА ПРОШЛОГО КАК ОБЪЕКТА ПОЗНАНИЯ И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

В предыдущем разделе были рассмотрены общие особенности общественно-исторического развития, которые присущи прошлому, настоящему и будущему. С этими особенностями общественной жизни так или иначе имеют дело все обществоведы, а не только историки, хотя при их освещении, естественно, внимание акцентировалось на историческом аспекте. Но общественная жизнь имеет еще и специфику, которая обнаруживается лишь при изучении ее истории и с которой приходится иметь дело лишь в историческом исследовании. Эта специфика объекта исторического познания состоит в том, что историк изучает *прошлое*. Даже когда историк занимается изучением настоящего, в отличие от других обществоведов он подходит (во всяком случае должен подходить) к настоящему с позиций прошлого, показывает и анализирует его как результат предшествующего развития. Разумеется, в данном случае имеются в виду исследования не только собственно историков, а всех обществоведов, занимающихся прошлым.

Указанная специфика объекта исторического познания обуславливает то, что историк в целом лишен возможности изучения объекта познания путем его непосредственного наблюдения или воспроизведения присущих ему черт и свойств в эксперименте. Это ставит ряд проблем, связанных с историческим познанием. Во-первых, насколько объект исторического познания, прошлое человечества являются *реальным* и в какой мере в этой связи историческое познание подчинено *общим* принципам научного познания и обладает чертами, присущими этому познанию, или же оно является особым видом знания. Во-вторых, какие особенно-

сти получения исторического знания порождаются спецификой его объекта.

Все эти вопросы поставлены давно, и на них давались и даются различными направлениями философской, социологической и исторической мысли принципиально различные ответы. В данном случае нет возможности, да и необходимости характеризовать историю их решения в общественно-научной мысли. Наиболее существенные различия в подходах к этим вопросам будут отмечены далее при их конкретном рассмотрении. Главной задачей является показ сути их диалектико-материалистического, марксистского решения. Разумеется, и этот подход не исключает разных мнений и трактовок, но в пределах единых диалектико-материалистических принципов научного познания.

Диалектический материализм рассматривает процесс научного познания как одну из форм социального отражения, которое является высшей формой присущего материи свойства к отражению¹⁰⁹. “Вся материя, – указывал В.И. Ленин, – обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения”¹¹⁰. Отражение представляет собой “способность материальных объектов изменяться в соответствии с внешним воздействием, т.е. путем преобразования собственных свойств и структуры воспроизводить особенности воздействующего, или отражаемого, материального объекта”¹¹¹. Иначе говоря, отражение – это способность объектов реального мира воспроизводить, запечатлеть в процессе их непосредственного и опосредованного взаимодействия присущие им черты и свойства.

Всякое взаимодействие порождает причинно-следственную связь. Поэтому отражение является причинно-следственной связью. В качестве причины выступает отражаемый объект, а следствия – отражающий. В процессе отражения свойства причины воспроизводятся в следствии. Всеобщность взаимодействия как способа функционирования и развития всех видов материи обуславливает и всеобщность отражения, что подчеркивает большинство советских философов, хотя высказываются и иные мнения. “*Взаимодействие* – вот первое, что выступает перед нами, когда мы рассматриваем движущуюся материю... Только исходя из этого универсального взаимодействия, мы приходим к действительному каузальному отношению”¹¹².

¹⁰⁹ См.: Урсул А.Д. Отражение и информация. М., 1973; Ленинская теория отражения. Свердловск, 1974; Коришунов А.М. Отражение, деятельность, познание. М., 1979; Лекторский В.А. Субъект. Объект. Познание; Материалистическая диалектика. Т. 2. Субъективная диалектика. М., 1982; Ленинская теория отражения как методология научного познания. Минск, 1985; Губанов Н.М. Чувственное отражение: Анализ проблемы в свете современной науки. М., 1986; Фофанов В.П. Социальная деятельность и теоретическое отражение. Новосибирск, 1986, и др.

¹¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 91.

¹¹¹ Материалистическая диалектика. Т. 2. С. 11.

¹¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 546.

Отражение в социальной жизни является высшей и наиболее сложной формой отражения, в особенности в области познания. Диалектический материализм, как хорошо известно, исходит из того, что источником всякого знания является объективная реальность, окружающий человека естественный и общественный мир, а само знание не может быть ничем иным, как отражением в сознании людей черт и свойств, взаимосвязей и законов, присущих этому миру. Такое отражение при всей его относительности и неполноте может быть вполне адекватным, поскольку, как уже указывалось, “разум не может противоречить природе”¹¹³. Естественно, что отражение сознанием объектов реального мира не тождественно самим этим объектам, во-первых, и всегда оказывается приближенным, относительно верным, во-вторых. Познание – “это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов etc., каковые понятия, законы etc. ...и *охватывают* условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы”¹¹⁴ и общественной жизни. Поэтому процесс познания представляет собой бесконечное, вечное приближение к полному охвату объективной реальности и раскрытию присущих ей форм и содержания, явления и сущности, количества и качества, к познанию абсолютной истины. Основой такого приближения при относительности, неполноте всякого знания является то, что во всякой относительной истине заключены крупинцы истины абсолютной.

Отражательно-познавательный процесс складывается из ряда тесно взаимосвязанных этапов. “От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике – таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности”¹¹⁵, – подчеркивал В.И. Ленин, развивая марксистское учение об отражении и познании. В этом процессе решающая роль принадлежит практике. Во-первых, “**практика выше (теоретического) познания**, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности”¹¹⁶. Это и делает ее критерием истины. Во-вторых, всякое научное познание служит интересам практической деятельности, удовлетворяет определенные потребности, т.е. служит средством овладения и преобразования объективного мира. Поэтому всякий познавательный процесс не только представляет собой взаимодействие познающего субъекта с объектом познания, но и непременно предполагает, требует *активности* субъекта. Вне такой активности, целевой заданности и осмысленности вообще не может быть получено какое-либо знание. Активность субъекта

---

¹¹³ Там же. С. 537.

¹¹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 163–164.

¹¹⁵ Там же. С. 152–153.

¹¹⁶ Там же. С. 195.

имеет место на всех этапах познания. Применительно к абстрактному мышлению и практике это очевидно. Но активность столь же необходима и имеет место и на стадии чувственного восприятия, созерцания действительности. Пассивное чувственное созерцание окружающего мира может дать лишь определенный эстетический результат, который сам по себе еще не дает знаний об этом мире. Говоря о *живом* созерцании, В.И. Ленин тем самым подчеркивал его активный характер.

Исходным этапом познания выступает чувственное восприятие, живое созерцание. “Все знания, – указывал В.И. Ленин, – из опыта, из ощущений, из восприятий”¹¹⁷. В этой связи и возникают указанные вопросы о *реальности* прошлого и о применимости общих принципов научного познания к его изучению. Чувственно воспринимать, живо созерцать и ощущать можно только то, что является реальным. Отсюда – первая проблема: о прошлом как объективной реальности.

Вопрос о прошлом как объективной реальности и о соотношении его с настоящим связан с кардинальной проблемой философии о сущности бытия и небытия и их соотношении, которая занимала и занимает до сих пор важное место в борьбе материализма и идеализма, марксизма и немарксистских направлений в философии и социологии¹¹⁸.

В немарксистской социологической и исторической мысли нового и новейшего времени в трактовке прошлого и его соотношения с настоящим высказывались различные точки зрения, начиная с разрыва и полного противопоставления до отождествления. Представители классического позитивизма, подходя к вопросу с наивно-реалистических позиций, признавали объективную реальность прошлого и считали, что оно непосредственно дано историку в виде остатков – исторических документов и вещественных памятников. В соответствии с требованиями точного положительного (позитивного) знания историк не может знать больше того, что заключено в документах. Поэтому его задача сводится к возможно более точному воспроизведению прошлого по этим документам. При этом якобы в интересах объективности необходимо всемерно избегать толкования и объяснения исторических фактов, ибо они говорят сами за себя.

---

¹¹⁷ Там же Т. 18. С. 129.

¹¹⁸ Из советских исследований по теоретико-методологическим проблемам исторической науки наиболее развернуто вопрос об объективной реальности прошлого рассмотрен в работах: *Кон И.С.* Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959; *Иванов Г.М.* Исторический источник и историческое познание. Томск, 1973; *Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В.* Методологические проблемы исторического познания. М., 1981; *Барз М.А.* Категории и методы исторической науки. М., 1984, и др.

Метафизический субъективный идеализм (неокантианство и его разновидности) исходит из разрыва и противопоставления бытия и небытия, прошлого и настоящего. Прошлое – абсолютное небытие и не имеет связи с настоящим. Оно не существует как объективная реальность, и единственным источником знаний о нем является сознание познающего субъекта, историка.

Представители презентизма полагают, что бытие и небытие, прошлое и настоящее совпадают. Реально только настоящее. Прошлое целиком сводится к настоящему, между ними нет различий. Поэтому единственный источник познания прошлого – современность, т.е. опять-таки субъективное сознание историка. Отсюда – модернизация прошлого, с одной стороны, и метафизическое объяснение современных событий их прошлой историей, с другой.

Марксистская трактовка соотношения прошлого, настоящего и будущего исходит из диалектико-материалистического понимания материи и ее развития. Материя – объективная реальность – во всех видах существует и развивается во времени и пространстве. Как целое материя является вечной и бесконечной объективной реальностью. Но каждое конкретное состояние материи преходяще, имеет свои начало и конец. Но ничто не исчезает бесследно. В бесконечном и вечном развитии материя лишь переходит из одних состояний и форм в другие. Поэтому между бытием и небытием, прошлым, настоящим и будущим существуют взаимосвязь и преемственность. Непосредственное бытие, нечто, существовавшее в процессе развития, становится бытием опосредованным, аккумулируется в существующем, присутствует в нем в так называемом снятом виде.

Общественная жизнь – высшая форма материи, ее развитие подчинено общим законам развития материи. В процессе общественного развития существует непрерывная преемственность от прошлого к настоящему, от настоящего – к будущему. Основой такой преемственности и ее непрерывности является человеческая жизнь, во-первых, и каждый раз разворачивается на базе результатов, достигнутых в предшествующей деятельности, во-вторых. В этом плане прошлое не только “живет в настоящем как аккумулированный исторический опыт предшествующих поколений”¹¹⁹, но и выступает как непереносимое условие поступательного развития общества.

Общественному развитию как целостности присущи общие законы, которые связывают не только прошлое с настоящим, но и настоящее с будущим на протяжении всей истории человечества. Менее общие законы (например, закон классовой борьбы) соединяют прошлое, настоящее и будущее на определенных этапах исторического развития.

Важнейшим моментом в единстве и связи прошлого, настоящего и будущего выступает и то, что настоящее представляет собой

---

¹¹⁹ *Иванов Г.М.* Исторический источник и историческое познание. С. 123.

реализованные возможности прошлого, с одной стороны, и содержит определенные возможности, потенции и тенденции, которые становятся реальностью в будущем, с другой. Поэтому настоящее, будучи связано с прошлым, само становится прошлым, а будущее превращается в настоящее.

Наконец, прошлое присутствует в настоящем и в виде его различных остатков (вещественно-материальных, изобразительных, письменных и устных).

Таким образом, несомненна тесная связь прошлого с настоящим, объективная реальность прошлого по отношению к настоящему. Справедливо указывают, прибегая к образному сравнению, что прошлое общества также реально и объективно для настоящего, как реальна и объективна для отдельного человека его предшествующая жизнь. Вместе с тем, констатируя объективную реальность прошлого и его органическую связь с настоящим, следует подчеркнуть и то, что прошлое отлично от настоящего. *Настоящее* представляет собой *непосредственное бытие*, а *прошлое* – лишь *бытие опосредованное*. Во временном ряду: прошлое – настоящее – будущее – центральным звеном является настоящее. С одной стороны оно связано с прошлым, а с другой – с будущим. Поэтому настоящее выступает основой и для познания прошлого, и для прогнозирования будущего. Разумеется, основой не в том смысле, что из настоящего выводится прошлое, а в том, что потребности и интересы настоящего определяют круг тех явлений и процессов прошлого, изучение которых необходимо, актуально для решения задач настоящего. Точно так же предвидение и прогнозирование будущего необходимы не только для уяснения того, насколько близки к претворению в жизнь те идеалы и цели, к достижению которых стремится общество, но и для правильного, реального понимания настоящего и решения текущих задач его развития в интересах успешного достижения этих идеалов и целей. Но здесь возникает вопрос о временной протяженности настоящего, о границах между прошлым и настоящим.

В решении сложного вопроса о пределах настоящего среди советских ученых нет единого мнения. Одно из мнений сводится к тому, что к историческому прошлому “можно отнести события и процессы, не оказывающие непосредственного влияния на социальную деятельность в современном обществе, на цели, характер и содержание принимаемых политических и социально-экономических решений”, а к настоящему, современности “следует отнести события и процессы, которые такое влияние оказывают”¹²⁰. В качестве примера указывается на то, что ни один современный генеральный штаб не будет серьезно учитывать маршруты походов крестоносцев, и поэтому маршруты походов крестоносцев – прошлое, а, напротив, договор о границах, заключенный даже 100 лет назад современными

¹²⁰ *Ракитов А.И.* Историческое познание. С. 285.

государствами, но не утративший силы, – настоящее. Подобное разграничение прошлого и настоящего не убедительно. Все дело в том, что практически невозможно указать те события и процессы прошлого, которые исчерпали свои возможности непосредственного воздействия на настоящее, да и на будущее тоже. Истории известно много примеров того, как достаточно далекие и не привлекавшие внимание современников события прошлого вдруг настойчиво вторгались в современность и не будучи зафиксированными ни в каких договорах. Трудно сказать, какой интерес для современных генеральных штабов имеют маршруты крестовых походов; но то, что история оросительных систем в древней Средней Азии, выявленная в результате археологических раскопок, была с пользой учтена в решении проблем ирригации в современной Средней Азии, – это факт¹²¹.

Другой подход состоит в следующем. “Длительность настоящего, наличие у него подчас сравнительно значительного интервала связано с сохранением в известных границах качественной определенности объекта, характеризующейся как его устойчивость. И лишь превращение явления в новое качество или определенная степень изменения в пределах данного качества выражают отрицание настоящего”¹²². При всей общности это разграничение настоящего и прошлого представляется убедительным, ибо связывает границы настоящего с тем главным, что отличает общественные явления и процессы в самой общественной жизни, а именно – с их качественной определенностью. Более конкретный критерий отграничения настоящего от прошлого, наверное, нельзя и выдвинуть. Это связано со сложностью протекания общественной жизни во времени и пространстве.

Общественная жизнь протекает во *времени и пространстве*¹²³, но это – социальное, а применительно к истории, социально-историческое, т.е. специфическое, пространство и время. В плане соотношения прошлого, настоящего и будущего, а также периодизации хода исторического развития прежде всего важно учитывать специфику социально-исторического времени¹²⁴. Как и время физическое, точнее говоря, календарное, социально-историческое время асимметрично, необратимо и всегда направлено от прошлого к будущему. Но в отличие от одномерности и равномерности ритма кален-

¹²¹ См.: Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного освоения. М., 1969; Андрианов Б.В. Земледелие наших предков. М., 1978.

¹²² Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В. Методологические проблемы исторического познания. С. 30.

¹²³ Об общих проблемах пространства и времени см.: Ахундов М.А. Концепции пространства и времени: Истоки, эволюция, перспективы. М., 1982.

¹²⁴ В историко-методологических исследованиях этот вопрос наиболее конкретно рассмотрен в работе: Барг М.А. Категории и методы исторической науки (гл. II).

дарного времени *социально-историческое время* как предметно-содержательное многомерно и протекает в разных ритмах, т.е. имеет разную событийную насыщенность или плотность и в качественном и в количественном отношении. Хорошо известно, что в историческом развитии месяцы и даже дни могут иметь большее значение для общественного прогресса, чем многие годы и десятилетия. Именно поэтому такие концентрированные во времени, революционные по своей сущности (независимо от сферы проявления) события, приводящие к возникновению нового качества, и являются объективно обоснованными рубежами для периодизации тех или иных аспектов или общего хода исторического развития. Например, “весь XIX в. только то и делал, что дорабатывал, развивал и углублял дело Французской революции конца XVIII в. Точно так же нельзя даже приблизиться к пониманию истории XX в., если не избрать в качестве ее исторического и логического узла Великую Октябрьскую революцию”¹²⁵.

Каждое историческое явление, система и процесс протекают по собственным временным ритмам и имеют разную продолжительность существования в определенном качественном состоянии. Поэтому, с одной стороны, не существует единых временных рубежей, отделяющих прошлое от настоящего и настоящее от будущего, а с другой, – один и тот же календарно-исторический период включает существенно различные по характеру и уровню развития пространственно-социальные общности, системы и процессы. В одно и то же календарное время для разных пространственно-локальных социально-исторических общностей одни и те же общественные системы и процессы могут быть и прошлым, и настоящим, и будущим, т.е. календарное время может не совпадать (и, как правило, не совпадает) с социально-историческим. Так, в современную эпоху социализм как общественная система для одних стран является настоящим, а для других – лишь будущим. Капитализм для социалистических стран – прошлое, а для капиталистических – настоящее. Есть страны и народности, для которых и социализм и капитализм – лишь возможное будущее. Поэтому возникают сложности с определением качественной сущности как всемирно-исторического процесса в целом, так и его локально-пространственных подразделений (регионов) на том или ином календарно-временном срезе. Ориентиром здесь должна служить та общественная система, которая воплощает возможности и тенденции будущего.

Внутреннее время той или иной системы связано со временем более широкой временной системы и потому содержательно-исторически может быть раскрыто через время более широкой системы и т.д. Так, понять смысл периода перехода от мануфактуры к

---

¹²⁵ Барг М.А. Категории и методы исторической науки. С. 90.

фабрике можно только при учете того, что этот период был лишь завершающим этапом более длительной эпохи генезиса капитализма.

В историческом развитии не совпадает не только календарное и социальное время, но и физическое (географическое) и социальное пространство. Если для географического пространства характерны местоположение, непрерывность и связанность, то *социальное пространство* представляет собой совокупность однотипных, качественно определенных объектов и систем независимо от их местоположения и связанности. Так, например, страны с определенным социально-экономическим строем, морские порты мира или отдельных стран, города с наличием тех или других отраслей промышленности и т.д. и т.п. образуют определенное социальное пространство, не совпадающее с пространством физическим.

Общий ход исторического развития идет в целом со все нарастающим, особенно в XX в., ритмом. Это ускоряет превращение настоящего в прошлое, переход от настоящего к будущему и существенно влияет на временную ориентацию исторических поколений. Можно в целом сказать, что почти до XX в. современники жили, ориентируясь в основном на прошлое, представляя себе будущее как нечто весьма и весьма отдаленное. В нашем столетии они все больше обращаются к будущему. Естественно, эти изменения должны учитываться историками.

Опосредованный характер прошлого как объективной реальности и вытекающая из этого временная отдаленность историка от объекта познания служат основой для постановки вопроса о том, в какой мере при познании объекта возможно чувственное восприятие, выступающее в свете диалектико-материалистической теории познания основой всякого знания. В этой связи выдвигаются утверждения о том, что историк “не связан совсем с прошлым”¹²⁶, что “у него нет непосредственного контакта с фактами прошлого, он имеет дело с источником”¹²⁷. Логическим завершением такого подхода является утверждение, что “в исторической науке *исторический источник* может рассматриваться как *объект и средство познания* (“объект – оперирования”), а исторический факт – как объект исследования, создаваемый в ходе изучения конкретных источников”¹²⁸. Подобное представление фактически равнозначно отказу от рассмотрения прошлого как реального объекта познания. Другим следствием отрицания связи историка с прошлым мо-

---

¹²⁶ *Пушкарев Л.Н.* Исторический источник в свете ленинской теории отражения // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970. С. 81.

¹²⁷ *Гулыга А.В.* Эстетика истории. М., 1974. С. 11.

¹²⁸ *Петров Ю.В.* Практика и историческая наука. Проблема субъекта и объекта в исторической науке. Томск, 1981. С. 342 (курсив мой. – *И.К.*).

жет быть вывод о том, что чувственное восприятие прошлого вообще невозможно¹²⁹.

Все указанные заблуждения проистекают оттого, что возможность чувственного восприятия допускается только при наличии *непосредственного* контакта познающего субъекта (в данном случае историка) с объектом познания. Такое ограничение возможностей чувственного восприятия неправомерно.

Начать с того, что не только прошлое, но и многие другие явления объективной реальности не могут восприниматься путем непосредственного чувственного контакта с ними. Более того, “непосредственно человек может получить информацию при взаимодействии с весьма ограниченной частью объективной реальности. Неограниченная возможность ее познания открывается только благодаря включению опосредствующих звеньев в это взаимодействие”¹³⁰.

В процессе чувственного восприятия (живого созерцания) формируются предметные содержательные образы объективной реальности. Для этого необходимы, с одной стороны, информация об этой реальности, а с другой – осмысленное отношение к этой информации. Поэтому “субъект может воспринимать и такие стороны объекта, которые не воздействуют на его органы чувств”¹³¹, а “предметный смысл может быть включен в систему знания и в том случае, когда он непосредственно не вписан в чувственный опыт”. С подобными объектами имеют “дело, с одной стороны, современная микрофизика, а с другой – космология”¹³² и, добавили бы мы, историческая наука.

В физике информация, необходимая для чувственного восприятия не наблюдаемых непосредственно объектов, добывается в процессе экспериментов. Полученные в результате их следы – коды, зафиксированные приборами, “важны не сами по себе, а лишь постольку, поскольку они служат носителями информации о микрообъектах”¹³³. Поэтому советский академик В.А. Фок в полемике с Н. Бором и подчеркивал, что “предметом нашего познания является не расположение пятен на фотографической пластинке и т.п., а им являются свойства атомов”¹³⁴. Информацию, которую физик черпает из экспериментов, историк извлекает из источников. Источники для него – также лишь носители информации о прошлом, а не некий самостоятельный объект познания, хотя, рассматриваемый как феномен определенной исторической реальности, источ-

---

¹²⁹ Такой вывод в свое время сделал А.И. Ракилов. См.: *Ракилов А.И.* К вопросу о структуре исторического исследования // *Философские проблемы исторической науки.* М., 1969. С. 184.

¹³⁰ *Материалистическая диалектика.* Т. 2. С. 11.

¹³¹ *Лекторский В.А.* Субъект. Объект. Познание. С. 145.

¹³² Там же. С. 147.

¹³³ *Славин А.В.* Проблема возникновения нового знания. М., 1976. С. 206.

¹³⁴ Там же.

ник может подвергаться и специальному изучению как всякое историческое явление.

Для получения достоверной информации о микрообъектах физик должен устранить искажающее воздействие самих приборов на результаты эксперимента. Точно так же и историк должен вычлени из источников достоверные сведения о прошлом. И в том и в другом случае требуются специальный конкретно-научный и теоретический критический анализ и соответствующие методы его проведения. В итоге формируются “чувственные образы, вызываемые в человеческом сознании исследуемыми микрообъектами *через показания приборов*”¹³⁵, т.е. без всякого непосредственного чувственного контакта ученого с объектом познания. Такие же образы складываются и у историка на основе информации, извлеченной из источников.

Таким образом, отсутствие у историка непосредственного контакта с прошлым не лишает его связи с этим прошлым и не препятствует чувственному восприятию его. Тем самым и историческое познание, как и все его другие виды, имеет отражательный характер и подчинено общим принципам и закономерностям научного познания. Вместе с тем специфика чувственного восприятия в исторической науке, порождаяемая тем, что объектом познания является прошлое, а также сама направленность познания в прошлое накладывают на историческое познание определенные особенности.

Направленность исторического познания из настоящего в прошлое, от следствия к причине обуславливает его *ретроспективный* характер. Это придает историческому познанию свои плюсы, но чревато и возможными минусами. Плюсы ретроспективного подхода состоят в том, что изучаемое прошлое представляет собой “прошедшее настоящее”, имевшее свое прошлое и будущее, которые также известны (или могут быть известны) историку. Это позволяет рассматривать изучаемые явления и процессы в их исторической ретроспективе и перспективе, т.е. учитывая их предшествующее и последующее состояние, и тем самым изучать все их стороны, все связи и опосредствования¹³⁶ не только в синхронно-пространственном, но и диахронном аспекте, что, несомненно, содействует более углубленному их познанию. Такой подход особенно важен при анализе динамических процессов на том или ином отрезке или в тот или иной момент.

К сожалению, историки еще не всегда используют указанные преимущества ретроспективного характера исторических исследований. Более того, иногда даже при неременной необходимости вписывания рассматриваемых явлений и процессов в общий вре-

---

¹³⁵ Там же (курсив мой. – И.К.).

¹³⁶ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 290.

менной диапазон их истории (а такая необходимость возникает прежде всего при неоднозначных трактовках их сути) ограничиваются их анализом лишь в тот или иной период. В качестве примера можно указать на попытки оценить факты развития товарно-денежных отношений и применения наемного труда в России XVII в. как свидетельства начала генезиса капитализма и разложения феодализма. При этом либо уходят от сопоставления XVII в. с предшествующим и последующим периодами, либо совершенно необоснованно пытаются представить как качественное единый в плане социально-экономического развития весь период XVII – середины XIX в.

Особенно следует подчеркнуть упоминавшуюся возможность использования исторических исследований для отработки принципов и методов прогнозирования хода исторического развития и построения прогностических моделей этого развития. Изучая тот или иной исторический процесс, можно построить модель, имитирующую его последующее развитие. Результаты этой имитации могут соотноситься с реальным итогом развития, поскольку он известен историку. Имеющиеся расхождения могут стать основой для совершенствования моделей. Тем самым разработка теоретико-методологических и конкретно-научных принципов и методов прогнозирования “прошлого будущего”, исходя из “прошлого настоящего”, будет содействовать разработке методов прогнозирования последующего хода современного развития, а тем самым и повышать роль исторической науки в решении задач современности. Но пока это – только потенциальная, не использованная историками возможность.

Как видим, ретроспективный характер исторических исследований таит в себе ряд положительных, можно даже сказать сильных, сторон. Уметь их использовать – вот задача историков.

Наряду с этим ретроспективный характер исторического познания сопряжен с определенными сложностями и допускает возможность определенных просчетов.

Главная сложность ретроспективного анализа состоит в том, что историк, исходя из современной ему действительности с присущими ей чертами, закономерностями и тенденциями функционирования и развития, а также с определенными потребностями и интересами, задачами и идеалами, представлениями и установками и т.д., должен познать ту или иную прошлую действительность, которая во всех указанных отношениях так или иначе, а чаще всего радикально отличалась от современной историку эпохи. Значит, историк должен в понятиях и представлениях и на языке своей эпохи адекватно отразить не только внешние выражения изучаемого прошлого, но и его внутренний объективный смысл и значение. Этого нельзя сделать, не понимая изучаемой эпохи изнутри, исходя из нее самой. Историк должен вникнуть во внутреннюю жизнь исследуемой эпохи со всеми ее проявлениями и представлениями. Это – сложная

задача, ибо на историка все время воздействует его собственная эпоха. С другой стороны, историк познает изучаемую прошедшую действительность на основе источников, творцами которых были субъекты, люди этой действительности. Но хорошо известно, что современники далеко не всегда могут адекватно понять свою эпоху (субъективность ее отражения – это другой вопрос). Нередко помыслы эпохи выдаются современниками за ее реальность, не говоря уже о том, что внутренний смысл событий и их объективное значение часто оказываются скрытыми от них.

Для преодоления иллюзий современников надо последовательно соблюдать тот хорошо известный принцип, что о реалиях эпохи надо судить не по ее словам, а по ее делам, хотя при этом не надо забывать, что слово – тоже есть дело, когда речь идет о духовной жизни общества. «По каким признакам, – спрашивал В.И. Ленин, – судить нам о *реальных* “помыслах и чувствах” *реальных* личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей»¹³⁷. В целом же адекватное понимание рассматриваемых явлений и процессов соответствующей исторической эпохи требует, помимо общего конкретного знания этой эпохи, их широкого пространственного и временного рассмотрения. Особенно важное значение имеет раскрытие исторической перспективы в развитии явлений прошлого. Это необходимо для выявления общих закономерностей исторического развития, а следовательно, и для увеличения вклада историков в изучение современности и последующего хода общественного прогресса. В этой связи можно лишь присоединиться к мнению, что “истинно современным является лишь тот историк, который в изучении прошлого не теряет из виду а) историческую перспективу своего времени и б) историческую перспективу изучаемой им (прошлой. – *И.К.*) действительности”¹³⁸.

Слабой стороной ретроспективного характера исторического познания является то, что не исключается возможность *архаизации* или *модернизации* в истолковании сути изучаемых явлений прошлого. Это проистекает из того, что существует опасность раскрытия сути явлений на данной стадии, исходя из предшествующего или последующего их состояния. В первом случае будет иметь место архаизация, во втором – модернизация изучаемых явлений. При изучении сложных явлений и процессов, особенно на начальных или переходных стадиях их развития, а также в тех случаях, когда одна и та же форма явления в разных условиях может иметь неодинаковое сущностно-содержательное наполнение, вероятность непреднамеренной архаизации или модернизации особенно возрастает и они могут иметь место без всякого умысла со стороны историка. Разумеется, от этого их негативное научное значение не становится

¹³⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 423–424.

¹³⁸ Барг М.А. Категории и методы исторической науки. С. 97.

меньшим. Но бывают случаи и сознательного игнорирования неправомерности перенесения сущностей с одних явлений на другие.

Одним из ярких примеров может служить опять-таки изучение социально-экономического развития России в XVII в. Уже отмечавшаяся попытка истолковать развитие в это время мелкого товарного производства как свидетельство зарождения капитализма основывается на том, что это производство в России второй половины XIX в., т.е. в эпоху капитализма, обладало буржуазными чертами, представляло мелкобуржуазный уклад в системе капиталистической экономики страны. Товарно-капиталистическая, мелкобуржуазная природа мелкого товарного производства в эпоху капитализма – факт несомненный. Он был обусловлен господством крупного капиталистического производства, игравшего роль системообразующего, формационного капиталистического уклада. Этот уклад оказывал определяющее воздействие на все другие формы организации общественного производства (в том числе и производство мелкотоварное), наполняя их буржуазным содержанием. Иное дело XVII век – время господства феодально-крепостнического способа производства. Переносить на мелкое товарное производство этой эпохи черты, присущие ему в период капитализма, значит модернизировать его природу.

Очевидно, что гарантией от опасности архаизации и модернизации сути исторических явлений может быть лишь последовательный историзм в их изучении, требующий выявления стадийности исторических процессов и типологии общественных систем.

Другая особенность исторического познания (наряду с его ретроспективностью) состоит в его *реконструктивном* характере. Он вытекает из невозможности *непосредственного* чувственного восприятия прошлого. Отсюда – необходимость его реконструкции, восстановление в сознании историка по данным исторических источников. Это свойственно далеко не только историческому познанию, как утверждается во многих работах по теории и методологии исторического познания. Такая реконструкция имеет место везде, где информация, необходимая для чувственного восприятия объекта познания и формирования его образа, поступает не в результате непосредственного восприятия черт и свойств объекта органами чувств познающего субъекта, а иными путями. В этом смысле вся информация об объектах познания, полученная в экспериментах посредством всякого рода приборов и приспособлений и зафиксированная тем или иным способом, является реконструированной.

И вообще всякое познание, коль скоро оно состоит в отражении сознанием черт и свойств объективной реальности, является реконструктивным. “Предметы наших представлений, – указывал В.И. Ленин, – отличаются от наших представлений, вещь в себе отличается от вещи для нас”¹³⁹. Знание о мире, необходимое человеку

¹³⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 119.

для овладения им, получается в результате реконструкции этого мира в сознании людей.

Столь настойчивое подчеркивание реконструктивного характера научного знания обусловлено тем, что неправомерное приписывание этой черты почти исключительно исторической науке объективно ставит ее в особое, существенно отличное от других наук положение, что не соответствует действительности.

Но реконструктивный характер исторического познания имеет и свои особенности. Всякое научное познание представляет собой субъективное отражение объективной реальности. Историческое же знание является *дважды субъективизированным* отражением. Первый уровень субъективизации имеет место при фиксации исторической действительности той или иной эпохи творцами исторических источников, второй уровень связан с восприятием этой действительности историком на основе исторических источников. Естественно, что это делает историческое познание значительно более сложным по сравнению с теми областями науки, где такой двойной субъективизации нет.

Использование историком в качестве исходной базы субъективированной картины прошлого, оставленной его современниками, требует тщательного предварительного критического анализа этой картины для выявления степени адекватности и полноты отражения ею исторической действительности. Важность и самостоятельность этой задачи привели к возникновению специальной исторической дисциплины, занимающейся ее решением, – источниковедения.

Таким образом, особенности исторического познания заключаются не в том, что именно оно обладает реконструктивным характером, а в том, что реконструкция прошлого в научном исследовании имеет ряд существенных специфических черт. Таковы основная специфика прошлого как объекта познания и ее проявления в историческом исследовании.

Глава 3

ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ

Исторические источники являются носителями информации, на основе которой историк реконструирует изучаемую им общественно-историческую реальность. Этим обусловлено то внимание, которое уделяется изучению связанных с ними теоретико-методологических и конкретно-научных проблем как историками, так и специалистами по теории и методологии исторического познания. Не меньший интерес вызывают и проблемы исторического факта. И в

том, и в другом случае проблемы эти весьма многообразны, сложны и их анализу посвящена огромная литература. Поэтому в настоящей главе будут затронуты лишь некоторые методологические вопросы исторического источника и исторического факта, которые имеют существенное значение в практике исторических исследований.

1. ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В СВЕТЕ УЧЕНИЯ ОБ ИНФОРМАЦИИ

Источниковедческие исследования ведутся как в теоретико-методологическом, так и в конкретно-прикладном аспекте. В свою очередь, теоретико-методологический аспект имеет два направления. Одно связано с разработкой общих теоретико-методологических проблем источниковедения. В центре внимания здесь находятся вопросы о сущности источников как носителей сведений о прошлом, об их социальной природе, о соотношении в них объективного и субъективного, об адекватности и полноте отражения ими исторической действительности, о типах и видах источников, об информативных возможностях источников, об основных принципах, путях и методах научной критики источников и обработки и анализа содержащихся в них сведений и др. Короче говоря, исследования по общим теоретико-методологическим проблемам источниковедения касаются широкого круга гносеологических вопросов, связанных с характеристикой источников как в аспекте “действительность – источник”, так и в аспекте “источник – историк”.

В последние 10–15 лет достигнуты значительные успехи в изучении общих теоретико-методологических проблем источниковедения¹.

---

¹ См.: *Варишавчик М.А.* Вопросы логики исторического исследования и исторический источник // Вопросы истории. 1968. № 10; *Он же.* Историко-партийное источниковедение. Теория. Методология. Методика. Киев, 1984; *Шмидт С.О.* Современные проблемы источниковедения // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы М., 1969; *Стрельский В.И.* Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев, 1969; *Иванов Г.М.* Исторический источник и историческое познание: (Методологические аспекты). Томск, 1973; *Тартаковский А.Г.* Некоторые аспекты проблемы доказательности в источниковедении // История СССР. 1973. № 6; *Он же.* Социальные функции источников как методологическая проблема // История СССР. 1983. № 3; *Черепнин Л.В.* К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1; *Пушкарев Л.Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975; *Пронштейн А.П.* Методика исторического источниковедения. 2-е изд. Ростов н/Д., 1976; *Курносков А.А.* К вопросу о природе видов источников // Источниковедение отечественной истории. 1976. М., 1977; *Медушевская О.М.* Теоретические проблемы источниковедения. М., 1977; *Она же.* Современное зарубежное источниковедение. М., 1983; *Ковальченко И.Д.* Исторический источник в свете учения об информации: (К постановке проблемы) // История СССР. 1982 № 3; *Григорьева И.В.* Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1984; *Воронкова С.В.* Проблемы источниковедения истории России периода капитализма. М., 1985, и др.

Другое направление теоретико-методологических источниковедческих исследований можно определить как исторически-типологическое. Оно связано с изучением или совокупности или отдельных видов источников той или иной эпохи как явлений исторической действительности, т.е. с рассмотрением источников в онтологическом аспекте. В центре внимания здесь оказываются вопросы о закономерностях возникновения и эволюции видов источников, о той роли, которую они играли для их творцов и современников, о влиянии на адекватность, методы и формы отражения действительности субъективной (социально и индивидуально) природы источников, их целевого назначения, достижений научно-познавательного и вообще культурного творчества эпохи и т.д. В исследовании источников феодальной эпохи такое направление существует давно. В последнее время такому изучению стали подвергаться и источники нового и новейшего времени².

Главная из прикладных задач источниковедения состоит во все более явно обнаруживающейся потребности повышения информативной отдачи источников. Такая потребность существовала всегда. Она обусловлена тем, что всегда имеет место определенное несоответствие между информацией, которая необходима историку для изучения тех или иных явлений или процессов, и тем, что непосредственно отражено в источниках. Это несоответствие порождается различиями между целями, которые преследовали “творцы” источников, и теми задачами, которые ставят историки, обращаясь к источникам. Развитие исторической науки ведет к углублению этих различий (поскольку расширяется и усложняется круг исследуемых проблем), а следовательно, растет потребность в сведениях, непосредственно не выраженных в источнике. Эта потребность может удовлетворяться, во-первых, путем вовлечения в научный оборот новых, ранее не использовавшихся источников, и, во-вторых, посредством повышения информативной отдачи уже известных источников. Первый путь, как и всякий экстенсивный подход, в конечном счете ограничен. Поэтому разработка принципов, путей и методов повышения информативной отдачи источников становится все более актуальной задачей источниковедения. В этой связи приобретает принципиальное значение выяснение общих возможностей повышения информативной отдачи источников и основных путей ее реализации. Решению этих вопросов может содействовать обращение к

---

² Из новейших работ наиболее интересны в этом отношении монографии Б.Г. Литвака “Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в.” (М., 1979) и А.Г. Тартаковского “1812-й год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения” (М., 1980), а также статьи С.С. Дмитриева “Источниковедение русской исторической журналистики. Постановка темы и проблематика” (Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976) и Л.В. Милова “Методологические проблемы источниковедения писцовых книг” (История СССР. 1978. № 2).

современному учению об информации. Необходимость такого обращения вытекает из того, что все исторические источники являются носителями социальной информации и использование ряда итогов учения об информации, выработанных здесь понятий и категорий может быть полезным и при решении целого ряда проблем источниковедения.

Для выяснения того, в какой мере существующие представления об историческом источнике могут быть подтверждены и углублены с позиций учения об информации, необходимо остановиться на основных положениях этого учения. Задача эта весьма непростая, ибо, несмотря на наличие огромной отечественной и зарубежной литературы об информации³, учение о ней находится лишь в процессе становления и многие вопросы еще остаются нерешенными. Вместе с тем многие закономерности информационных процессов, коренные черты и свойства информации достаточно прояснены.

Существует ряд подходов в определении общей сущности информации как явления. Наиболее широкое диалектико-материалистическое определение информации сводится к следующему. *Информация* – это отраженное разнообразие явлений объективного мира. Следовательно, информация представляет собой итог реализации свойства материи к отражению, т.е. воспроизведению черт одних объектов в других в измененной форме в результате их взаимодействия.

Информационные процессы являются неотъемлемой органической частью общественной жизни. “Постоянный обмен информацией, сведениями о различных явлениях и процессах действительности с тем, чтобы успешно выполнять свою социальную роль, управлять многочисленными объектами окружающего мира, управлять самим собой, коллективами людей – непереносимое условие функционирования и развития общества, жизни и развития каждого человека”⁴. Информация необходима для общения, регулирования и управления, научно-познавательной деятельности, образования и воспитания. Поэтому справедливо утверждают, что “прогресс общества в

---

³ См., например: *Урсул А.Д.* Информация: Методологические аспекты. М., 1971; *Он же.* Отражение и информация. М., 1973; *Он же.* Проблемы информации в современной науке: Философские очерки. М., 1975; *Шерковкин Ю.А.* Психологические проблемы массовых информационных процессов. М., 1973; *Дмитриев Е.В.* Диалектика содержания и формы в информационных процессах. Минск, 1973; *Бирюков Б.В.* Понятие информации. М., 1974; *Афанасьев В.Г.* Социальная информация и управление обществом. М., 1975; *Цыдря Ф.Н.* Социальная информация. Кишинев, 1978; *Виноградов В.А.* Общественные науки и информация. М., 1978; *Коган В.З.* Человек в потоке информации. Новосибирск, 1981; *Щербицкий Г.И.* Информация и познавательные потребности. Минск, 1983, и др.

⁴ *Афанасьев В.Г.* Указ. соч. С. 50.

самой общей форме зависит от его вещественно-энергетической и информационной оснащенности”⁵.

В определении сущности социальной информации советскими учеными можно выделить два основных подхода, исходящих из более узкого и более широкого взгляда на информацию. Первый подход связывает социальную информацию со знанием. При этом “информацию составляет та часть знания, которая используется для ориентировки, для активного действия, для управления, т.е. в целях сохранения качественной специфики, совершенствования и развития системы”⁶. Значит, социальная информация – активная, действующая часть знания. Неиспользованная часть знаний – потенциальная информация. В более широкой трактовке “социальная информация представляет собой аспект и результат отражения обществом как самой социальной формы движения материи, так и всех других ее форм в той мере, в какой они используются обществом, включены в орбиту общественной жизни”⁷. В этом определении информация выступает как совокупный результат отражения людьми объективной действительности, т.е. она не ограничивается только знанием, тем более действующим.

Чтобы решить, насколько правомерны указанные определения, необходимо рассмотреть суть информационного процесса и порождаемые им особенности информации. Информационный процесс в сфере социальной жизни – сложное сочетание объекта, субъекта и информации. Объект, т.е. любое проявление независимой от субъекта действительности, является основой, источником информации для субъекта. Эта информация не может быть ничем иным, как отражением в сознании субъекта черт и свойств действительности. Как сознательное, действующее и целеустремленное существо субъект, взаимодействуя с окружающей действительностью, всегда стремится получить информацию для достижения определенных целей. Поэтому в информационном процессе всегда имеет место *прагматический* аспект, а сама информация (и вновь приобретенная, и полученная ранее) может рассматриваться в *аксиологическом*, ценностном плане, и в этом отношении вполне правомерно выделять информацию потенциальную и актуальную, т.е. используемую для достижения поставленных целей. Рассмотрение информации в прагматическом аспекте и является основой для характеристики информации как действующего знания.

Однако объем и характер информации, возникающей в информационном процессе, отнюдь не определяются только той целью, для которой она выявляется. Органическое свойство информацион-

---

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Там же. С. 33.

⁷ Урсул А.Д. Проблемы информации в советской науке: Философские очерки. С. 194.

ного процесса состоит в том, что всегда наряду с той информацией, которую субъект стремится получить преднамеренно, извлекается еще и информация избыточная. Это происходит потому, что многообразие и безграничность свойств и взаимосвязей явлений объективного мира приводят к тому, что при их отражении в сознании субъекта наряду с чертами, которые фиксируются целенаправленно, неизбежно отражаются и такие, которые могут и не интересовать субъекта. Поэтому кроме прагматического информация имеет еще и *семантический*, содержательный аспект.

В семантическом плане чрезвычайно важен вопрос о соотношении в информации, с одной стороны, той информации, которая извлекалась осознанно, очевидна субъекту и может быть использована им и, с другой стороны, той, которая извлечена и зафиксирована произвольно и поэтому неочевидна, непосредственно не выражена для субъекта. Указанные два вида информации принято называть *информацией выраженной*, воспринимаемой, и *информацией скрытой*, или, как иначе ее называют, связанной или структурной⁸.

Скрытая информация отражает через выраженные черты и свойства явлений присущие им взаимосвязи. Поскольку взаимосвязи характеризуют прежде всего структуру объектов реального мира, постольку эту информацию и называют структурной. Многообразие и сложность взаимосвязей, их скрытый, не выраженный явно характер и опосредованное отражение через другие черты и свойства объектов и делают информацию о них чаще всего скрытой, непосредственно не выраженной для субъекта.

В общем объеме информации, получаемой субъектом в любом информационном процессе, информация скрытая превышает информацию выраженную. Это обусловлено тем, что взаимосвязей, присущих тем или иным объектам, явлениям и процессам, всегда намного больше, чем непосредственно характеризующих их признаков. При этом с увеличением объема извлекаемой информации объем скрытой информации растет значительно быстрее, чем выраженной.

Возникновение в информационном процессе выраженной и скрытой информации означает, что в семантическом, содержательном плане информация представляет собой сложный результат отражения субъектом объективной реальности, который включает в себя как видимый компонент, являющийся знанием, так и ту часть отражения реальности, которая зафиксирована, но остается неизвестной субъекту или не осознанной им. Именно в таком широком плане и следует понимать произведенное выше определение социальной информации как результата отражения субъектом действительности.

---

⁸ См.: Афанасьев В.Г. Указ. соч. С. 56–57; Урсул А.Д. Отражение и информация. С. 213.

Наконец, информационный процесс и информация имеют еще один – *синтаксический* – аспект. Он связан с формами выражения социальной информации в определенных знаковых системах. В этом аспекте учение об информации тесно связано с семиотикой – наукой о знаках и знаковых системах. Коль скоро социальная информация представляет результат отражения объективной реальности сознанием людей, этот результат должен иметь вполне определенное выражение. Знаковые системы и являются таким выражением. Они как бы материализуют результат отражения, а следовательно, делают его воспринимаемым и передаваемым.

Информация может быть выражена, как явствует из общественной практики, описательно, измерительно, изобразительно (графически, художественно и фотографически) и фоно- и светосигнально. Социальная информация теми или иными техническими средствами фиксируется на определенных материальных носителях в виде тех или иных знаковых систем или натурального (фото- и кино-) и художественного воспроизведения действительности. Это позволяет хранить и передавать информацию. Для содержательного восприятия и целевого использования социальной информации наиболее удобна информация, выраженная в знаковых, прежде всего языковых (естественных и искусственных) системах. Очевидно, что синтаксический аспект информации имеет и самостоятельное значение и информация может рассматриваться в этом плане вне связи с ее семантическим и прагматическим аспектами.

При общей характеристике социальной информации дебатировался вопрос о том, представляет собой информация явление идеальное или наряду с идеальной есть и информация материальная. Безусловно, правы те, кто рассматривает социальную информацию как явление идеальное. В самом деле, каким бы ни был источник информации, в каких бы формах она ни выражалась и для каких бы целей ни использовалась, социальная информация всегда есть результат отражения субъектом объективного мира. Отражение же идеально по своему характеру. Материальны носители информации, но не сама информация. Характер той практической деятельности, для которой общество использует информацию, также не меняет ее идеальной природы.

Таков один круг проблем, рассматриваемый в учении о социальной информации. Он связан с раскрытием сущности информационных процессов и информации.

Другой комплекс вопросов этого учения относится к раскрытию соотношения в информации объективного и субъективного. Социальная информация как результат отражения людьми черт и свойств реальной действительности объективна. “Свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении”⁹. Вместе с тем социальная инфор-

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 67.

мация возникает в результате взаимодействия объекта и субъекта. Поэтому необходимо выяснить, в какой мере субъективная форма информационного процесса допускает возможность получения объективной, адекватной, т.е. достоверно, полно и точно характеризующей объект информации.

Одним из основных выражений субъективного момента в информационном процессе является наличие в нем прагматического, целевого аспекта. Однако целевое извлечение информации само по себе не исключает возможности получения объективной информации. Более того, для достижения цели субъекту (будь то класс, социальный слой или отдельное лицо) необходима объективная информация. Без такой информации невозможно решение задач регулирования и управления, общения, научно-познавательной и просветительско-воспитательной деятельности. Поэтому субъект в меру понимания этих задач стремится получить объективную информацию о реальной действительности.

Степень объективности информации определяется мерой соответствия поставленной цели объективному функционированию и развитию действительности. Это, в свою очередь, зависит от социально-партийной природы поставленной цели. При соответствии цели реальному состоянию и ходу развития общественных и других явлений получение объективной информации лимитируется лишь существующими познавательными возможностями. Если же цель в силу классово-партийной сущности или по другим причинам ограничивает подход к объекту и взгляд на него, то будет ограничен и объем объективной информации. В тех же случаях, когда субъект стремится к достижению целей, идущих вразрез с реальностью, субъективные искажения информации могут быть весьма существенными и доходить до прямой дезинформации, до полного искажения сути объекта информации. Но и в этом случае в информационном процессе возникает определенная объективная информация – информация о субъекте. Происходит это в силу того, что важной особенностью информационного процесса является возникновение двух видов информации – об объекте и о субъекте. Применительно к субъекту прежде всего появляется информация о той цели, которую преследует субъект, и о принципах и методах получения информации.

Принципы и методы получения информации субъектом являются наряду с целью весьма существенными компонентами в информационном процессе, влияющими на степень объективности информации. Если субъект при получении информации исходит из принципов и использует методы, которые не позволяют (в результате ограниченности познавательной возможности или в силу допущенной при выборе этих принципов и методов ошибки) адекватно отразить черты и свойства объекта, то степень объективности такого отражения будет низкой либо оно вовсе будет необъективным.

Возникновение в информационном процессе сведений о субъекте, о цели, принципах и методах получения им информации открывает путь к установлению степени ее объективности.

Таким образом, социальный информационный процесс, несмотря на субъективную форму, дает объективную информацию. Объем объективной информации и степень ее адекватности могут быть различными. Но в самом информационном процессе рождается и информация, которая позволяет установить и то и другое.

Наряду с изучением природы и сущности информации, процесса возникновения социальной информации и степени ее объективности в учении об информации разрабатывается и широкий круг вопросов, связанных с передачей и использованием информации. Отметим некоторые из них, представляющие интерес для историков и особенно источниковедов.

Важен вопрос о *фиксированной* и *нефиксированной* социальной информации. Из всей циркулирующей в обществе в тот или иной момент информации часть оказывается зафиксированной на различных материальных носителях, а часть – незафиксированной (устной). Соотношение той и другой изменялось по мере общественного прогресса. Доля специально фиксированной информации возрастала.

Далее, при передаче информации от ее получателя к потребителю, особенно в тех случаях, когда такая передача проходит через ряд звеньев, как правило, происходят потери исходной информации в результате проведения ее сводок, обобщений, выборки и т.д. В процессе перекодировки, повторного фиксирования и передачи информации могут появиться и ошибки. Особенно значительны потери, ошибки и искажения при передаче нефиксированной, устной информации, так как возникает больше возможностей для таких потерь и ошибок и в передаче нефиксированной информации сильнее проявляется субъективное воздействие на нее передающего.

При практическом использовании информации весьма актуален вопрос о ее ценности и достаточности. Одна и та же информация может иметь различную ценность в зависимости от той цели, для которой она используется. Поскольку невозможно определить все цели, для которых та или иная информация может оказаться необходимой, постольку всякая информация обладает определенной ценностью и *нет* – в семантическом отношении – *информации полезной и бесполезной*. При практическом использовании информации ее ценность определяется тем, насколько она позволяет достигнуть поставленной цели. Предпринимаются попытки измерения ценности информации. Один из принципов такого измерения следующий. Сначала определяется вероятность достижения цели на основе имеющейся информации. Затем оценивается вероятность этого достижения в результате привлечения новой информации. Соответствующее увеличение вероятности и рассматривается как количест-

венный показатель ценности новой информации¹⁰. Однако проблема количественного выражения ценности социальной информации чрезвычайно сложна и пока трудноразрешима.

Прагматическое использование информации всегда связано с избирательным, селективным отношением к ней. Наряду с ценностью такой отбор должен учитывать и достаточность информации, ее качественную и количественную репрезентативность. Критерием достаточности информации служит возможность достижения поставленной цели. В тех случаях, когда целью является конкретный материализованный результат, достаточность информации может быть установлена вполне определенно. Когда же, как чаще всего бывает в познавательной деятельности, достижение цели является процессом, определение достаточности информации значительно более сложно. Проблема достаточности информации не может быть решена путем привлечения как можно большего объема информации. Всякого рода малоценная, излишняя информация, создавая информационные “шумы” и “помехи”, может не столько содействовать решению поставленной задачи, сколько затруднять его.

Наконец, в учении о социальной информации уделяется внимание вопросу о классификации этой информации. Имеют место различные подходы и используются различные критерии: учитываются источники информации, сферы ее применения и присущие ей функции и т.д.

Таковы те основные положения учения о социальной информации, которые имеют отношение к источниковедению.

Переходя к рассмотрению в свете учения об информации проблем исторического источника¹¹, следует отметить, что понятие “информация” употребляется в исторической науке и источниковедении в разных смыслах. В самом широком плане под информацией понимают всю совокупность сведений, которые содержатся в исторических источниках, или, говоря иначе, информация – результат отражения современниками объективной действительности. Такое понимание совпадает с приведенным выше философским определением социальной информации как результата отражения обществом всех форм движения материи. Вместе с тем под информацией в исторической науке нередко понимается та совокупность сведений и данных источников, которая вовлечена в научный оборот и исполь-

---

¹⁰ См.: *Харкевич А.А.* О ценности информации // Проблемы кибернетики. М., 1960. Вып. 4.

¹¹ Из работ, затрагивающих связанные с этим проблемы, см.: *Устьянцев В.Б.* Исторический источник как специфическая форма отражения действительности // Ленинская теория познания и современная наука. М., 1970; *Сидамонидзе У.* Историческая наука и вопросы научной информации. Тбилиси, 1978; *Уйбо А.С.* Информационный подход к типологии исторических источников // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1982. Вып. 599.

зается для изучения тех или иных конкретных явлений и процессов, т.е. информация выступает как действующее знание. В связи с разными подходами к определению исторической информации существует и деление источников на актуальные, т.е. такие, сведения которых используются и вовлечены в научный оборот, и потенциальные, т.е. такие, информация которых еще не использована. Подобное деление вполне правомерно и практически полезно в том отношении, что позволяет очертить круг неиспользованных источников и привлечь к ним внимание и источниковедов и историков.

Как показано, более широкий и более узкий подход в раскрытии понятия “социальная информация” связан с рассмотрением ее в прагматическом и семантическом аспектах. Эти подходы, так же как синтаксический, правомерны и по отношению к историческому источнику, ибо учет как сложности информационного процесса, так и различных аспектов информации дает возможность более широкого и глубокого взгляда на ряд проблем исторического источника.

Возникновение большинства исторических источников представляет собой информационный процесс, в котором фигурируют объект – отражаемая реальность, субъект – творец источника и информация – результат отражения объекта субъектом. Этот процесс, как и всякий информационный, всегда имеет прагматический аспект, т.е. творец источника всегда преследует определенную цель, выявляя сведения об объективной действительности. Эти сведения требуются для решения тех или иных общественных или личных задач. То, что потом стало исторической информацией, зафиксированной в исторических источниках, первоначально являлось информацией, необходимой для удовлетворения практических нужд. Это в одинаковой мере относится и к законодательству, и к правовым актам, фиксировавшим и регулировавшим те или иные отношения, и к личной переписке, и к мемуарам, которые преследовали цель самовыражения, самоосознания и самоутверждения личности.

Целевая заданность исторических источников в момент их возникновения обуславливает то, что всякий исторический источник не только отражает реальность, но и сам является неотъемлемым компонентом ее. В этой связи совершенно очевидна неправомерность противопоставления так называемых *остатков* – источников, которые являются элементами действительности – и *преданий* – источников, которые якобы лишь отражают эту действительность через сознание субъекта. Все виды источников и представляют собой результат отражения действительности субъектом, и являются компонентами действительности, продуктом деятельности субъекта; следовательно, одновременно выступают и как “остатки” и как “предания”. К примеру, сошник – не только элемент пахотного орудия, т.е. “остаток”, но и носитель информации об уровне знаний и умения его создателей, т.е. “предание”. Мемуары же, помимо отра-

жения действительности их автором, являются результатом и его практической деятельности, его самовыражения.

Целевая направленность информации, содержащейся в исторических источниках, как и всякой социальной информации, не исключает ее объективности, степень которой зависит прежде всего от классово-партийной позиции творцов источника и методов отражения реальности¹². Но всякий источник содержит ту или иную объективную информацию, и поэтому в семантическом отношении нет источников, непригодных для использования. Неправомерно поэтому деление источников на “хорошие” и “плохие” в зависимости от классово-партийной позиции их творцов. Это, к сожалению, нередко имеет место по отношению ко многим источникам, особенно источникам личного происхождения. Классово-партийные позиции авторов, несомненно, влияют на степень объективности любого источника. Но в пределах цели, преследуемой творцом источника, даже в самом “консервативном” источнике содержится определенная объективная информация.

Принципиально важным для источниковедения является тот факт, что субъект, создатель источника, не просто отражает реальность, но и сам выступает как отражающийся объект. В итоге источник несет в себе двойную информацию. Источник, с одной стороны, опосредованно, через сознание субъекта отражает объект, а с другой – непосредственно характеризует субъект, прежде всего отражает его цели и методы восприятия объективной реальности. Например, мемуары содержат опосредованную информацию о действительности и непосредственную – о мемуаристе. Поэтому, если даже источник не содержит никакой объективной информации об объекте, в нем будет какая-то объективная информация о его творце, т.е. о субъекте.

Наличие в источнике информации о его творце является объективной основой для выявления степени адекватности отражения в нем исторической действительности. Путь к этому, как хорошо известно, – раскрытие социальных функций источника, выявление того, как его субъективно-социальная, партийно-классовая и субъективно-индивидуальная природа соотносилась с отражаемой им действительностью, или, переводя на информационный язык, насколько его прагматическое, целевое назначение требовало объективных сведений об этой действительности и каковы были познавательные возможности получения таких сведений.

Говоря об объективности отражения источниками исторической действительности и путях установления степени этой объек-

---

¹² Речь идет об информации, возникшей в информационном процессе, т.е. представляющей результат отражения действительности творцами источников. Кроме того, информация о прошлом содержится и в источниках, которые являются реликтами, остатками прошлого. Это – разного рода материальные памятники. Сохраняющаяся в них информация непосредственно объективна.

тивности, следует обратить внимание на давно выявленный историками факт большей субъективности данных, которые являются результатом всякого рода извлечений, сводок и переработок первоначальных сведений. Все извлечения и сводки не только ведут к той или иной потере первичной информации, но и являются дважды субъективизированным отражением действительности. К субъективному фиксации первоначальной информации здесь еще прибавляется субъективность извлечения, сводки или иной переработки исходной информации. Историкам хорошо известны многочисленные факты того, как в высокой степени объективные первичные сведения во многом теряли ценность в результате обобщений и сводок. Наиболее яркий пример по отечественной истории – сводные данные земских подворно-статистических описаний крестьянского хозяйства. Если при составлении земских переписей фиксировались сведения о каждом крестьянском дворе и учитывалось несколько десятков показателей, характеризующих его состояние, то сводки включают сведения по селениям в целом и учитывают не все из этих показателей. Здесь мы имеем дело не с простой потерей первоначальной информации, а с иным подходом к объекту отражения. В центре последнего оказывается уже не крестьянский двор, а сельская община, т.е. уже иная сторона действительности.

Дважды субъективизированное отражение действительности в исторических источниках отнюдь не представляет собой, как известно, чего-то исключительного. Есть немало источников, в которых такая субъективизация повторяется многократно. Это, во-первых, всякого рода последовательные многоступенчатые выборки и сводки данных, и, во-вторых, редакции и списки различных памятников. Даже в тех случаях, когда последовательный отбор и обобщение исходных сведений проводились одним и тем же лицом, каждый уровень сводки представлял собой очередную субъективизацию, ибо каждый раз ставилась новая цель и применялись соответствующие методы отбора и обработки данных. Это относится и к различным редакциям исторических памятников.

Дважды или многократно субъективизированное отражение действительности в исторических источниках само по себе не ведет к снижению степени объективности этого отражения. Но поскольку оно увеличивает сферу проявления субъективных воздействий на информацию, постольку усложняется выявление этой объективности, т.е. критический анализ источников. Этот анализ будет включать, кроме этапа, связанного с установлением степени адекватности отражения действительности в момент фиксации первоначальной информации, еще и этапы выявления потерь информации и объективности последующих ее сводок и переработок. В этой связи очевидна и особая ценность для историков тех источников, в которых зафиксирована первоначальная информация и которые поэтому являются *первоисточниками*.

Таким образом, исторические источники, несмотря на целевое происхождение и субъективное отражение действительности, не только объективно отражают историческое прошлое и поэтому делают возможным его научное изучение, но и сами содержат информацию, необходимую для их критической оценки, для выявления соотношения в них объективного и субъективного. Тем самым обнаруживается полная несостоятельность всякого рода субъективистских и идеалистических концепций исторического источника, основывающихся на том, что степень объективности отражения действительности в источниках якобы не может быть установлена из-за отсутствия необходимой для этого объективной информации¹³.

В связи с органическим переплетением в источниках информации об исторической реальности и о творцах источников очевидна неправомерность обособления в научной критике источников критики внешней и внутренней, обособления, которое последовательно проводилось и проводится в буржуазном источниковедении. Только при анализе содержания источников могут быть раскрыты как внешняя сторона возникновения источника (цели, место, время его возникновения, автор и его приемы отражения действительности и т.д.), так и достоверность и ценность содержащейся в нем информации. Советские источниковеды рассматривают внешнюю и внутреннюю критику источников как последовательность источниковедческих процедур, а не как независимые стадии этой критики¹⁴.

Целевое происхождение исторических источников обуславливает то, что в содержательном отношении они характеризуют историческую действительность селективно, избирательно. Выявление этой избирательности применительно к отдельным историческим эпохам и периодам, а также выделение тех закономерностей и особенностей, которые ей присущи, – важная задача источниковедения. Однако ее решению пока еще не уделяется должного внимания, хотя это имеет существенное значение как само по себе, так и для конкретно-исследовательской практики, ибо без анализа пробелов в источниках нельзя выработать принципы и методы их восполнения и вести целеустремленную работу в этом направлении. Актуальность этой проблемы источниковедения связана еще и с тем, что имели место последующие утраты источников.

Селективное отражение действительности в исторических источниках не исключает возможности всестороннего познания прошлого, как утверждают многие буржуазные историки, которые

---

¹³ Из новейших работ развернутая критика буржуазных концепций исторического источника дана в следующих работах: *Иванов Г.М.* Исторический источник и историческое познание; *Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В.* Методологические проблемы исторического познания (М., 1981. Гл. II); *Медушевская О.М.* Современное зарубежное источниковедение, и др.

¹⁴ См.: *Стрельский В.И.* Теория и методика источниковедения. С. 74 и сл.; *Пронштейн А.П.* Методика исторического источниковедения. С. 7 и сл.; и др.

абсолютизируют эту особенность источников, подчеркивая, в частности, что важнейшая сторона общественной жизни, так называемая мыслительная история, якобы вообще никак не зафиксирована и потому не может быть познана. Во-первых, сохранилось множество источников, в которых отображена духовная деятельность людей. Во-вторых, эта последняя нашла свое отражение в их практической деятельности и поэтому вполне может быть познана. В-третьих, при всей селективности исторические источники содержат информацию и о тех сторонах и явлениях общественной жизни и деятельности людей, которые в них непосредственно не отражены.

В плане семантическом, т.е. с точки зрения содержания исторических источников, наиболее существенным итогом учения о социальной информации, относящимся к источниковедению, является вывод о том, что в результате отражения субъектом объективной реальности и в процессе его практической деятельности возникает информация выраженная и скрытая. Тот факт, что исторические источники содержат информацию, непосредственно выраженную и скрытую, давно известен в источниковедении¹⁵. Диалектико-материалистическое, марксистское понимание исторических источников включает также признание информационной неисчерпаемости исторических источников. Учение об информации дает теоретическое обоснование и раскрывает объективную основу содержательной неисчерпаемости источников.

Многообразие и безграничность взаимосвязей, присущих явлениям объективного мира, обуславливают то, что в исторических источниках, несмотря на избирательное отражение ими действительности, содержится в сущности неисчерпаемый объем скрытой информации, характеризующей взаимосвязи явлений действительности. Анализ этих взаимосвязей на основе информации, непосредственно выраженной, позволяет выявлять информацию скрытую. Это создает возможность для неограниченного повышения информационной отдачи источников и преодоления избирательности непосредственно выраженного отражения источниками действительности.

Очевидно, что информационная неисчерпаемость присуща всем историческим источникам. Однако можно выделить типы и виды источников, в которых заключен особенно большой объем скрытой информации. Такими являются массовые источники, т.е. источники, которые содержат массовые данные (первичные или сводные) о различного рода общественных системах с присущими им структурами и функциями. Следовательно, все расширяющееся вовлечение в научный оборот массовых исторических источников, характерное

---

¹⁵ О наличии в источниках “намеренной” и “непроизвольной” информации, о “непосредственном” и “опосредованном” отражении ими действительности идет речь в указанных выше работах О.М. Медушевской, А.П. Пронштейна, А.Г. Тартаковского и др.

для современного развития исторической науки, имеет объективную основу. Возможности извлечения скрытой информации из индивидуальных источников также неограниченны. Говоря о скрытой информации исторических источников, следует подчеркнуть то ее важное свойство, что эта информация в наименьшей степени подвержена субъективным искажениям в момент отражения творцом источника объективной реальности.

Существенным для решения ряда проблем источниковедения является разрабатываемый в учении об информации и в семиотике синтаксический аспект информации. Он касается прежде всего способов и форм отражения в источниках объективной реальности. Поскольку язык – действительное выражение сознания, материальная форма мысли и средство человеческого общения¹⁶, универсальной формой выражения информации оказываются естественные языки. В силу этого именно письменные источники – основная категория исторических источников. В письменных источниках наряду с естественными языками социальная информация часто выражается и в других знаковых системах.

Особой формой выражения социальной информации отличаются источники изобразительные, т.е. графически-изобразительные и художественно-изобразительные. В содержательном плане зафиксированная в них информация об исторической действительности имеет специфические методы и формы выражения и в этом смысле в значительной мере является как бы закодированной, а поэтому и скрытой. Для ее “прочтения” и использования в историческом исследовании необходима дешифровка, своеобразное “снятие” прикрывающей ее системы изобразительных принципов и методов, присущих эпохе создания этих источников. Задача эта особенно важна применительно ко всякого рода нереалистическим отражениям действительности.

Это же относится и к письменным литературно-художественным источникам. Известный советский психолог Л.С. Выготский справедливо подчеркивал: “До тех пор, пока мы не научились отделять добавочные приемы искусства, при помощи которых поэт (писатель, художник. – И.К.) перерабатывает взятый им из жизни материал, остается методологически ложной всякая попытка познать что-либо через произведение искусства”¹⁷, т.е. получить содержащуюся в нем информацию об объективной действительности.

Таким образом, для любых изобразительных и художественно-литературных источников важнейшей проблемой является выделе-

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 29.

¹⁷ Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1966. С. 71. Специфика отражения действительности в художественно-литературных произведениях и методологические проблемы их анализа обстоятельно рассматриваются в работах Ю.М. Лотмана “Лекции по структурной поэтике” (Труды по знаковым системам. Тарту, 1964. Вып. 1) и “Структура художественного текста” (М., 1970).

ние выраженной в изображенном и литературном образе информации, адекватно воспроизводящей действительность. В силу этого источниковедческий анализ этих источников оказывается значительно более сложным, чем обычных письменных источников. К тому же этот анализ, как правило, требует привлечения дополнительной информации из других источников, а содержание информации, извлеченной из изобразительных источников, должно получить естественно-языковое выражение. К сожалению, историческое источниковедение изобразительных источников, несмотря на то, что комплекс этих источников огромен, еще не привлекло должного внимания и не получило надлежащей разработки.

Особую, с точки зрения фиксирования информации, категорию исторических источников составляют и вещественные памятники. Будучи остатками, реликтами действительности, они, несомненно, содержат обширную и разнообразную информацию о ней. Однако эта информация выражена как результат практической деятельности людей и в этом отношении выступает в объективно-синтаксическом смысле, т.е. как следы практической деятельности, которые должны быть переведены в синтаксически-субъективную форму, или, говоря иначе, выражены в той или иной знаковой системе. Она может быть естественно-описательной, графически-изобразительной или иной. Информация, содержащаяся в том же сошнике, может быть представлена в виде описания, чертежей, химических формул. Процесс выявления объективно-синтаксической информации, заключенной в вещественных источниках (информации, возникшей независимо от обращающегося к ней субъекта), и перевода ее в синтаксически-субъективную форму, т.е. форму, пригодную для использования в познавательных целях, весьма сложен. Сложна и технология розыска, реконструкции и датирования этих источников, чем обусловлено раннее выделение археологии, а также в значительной мере и этнографии как самостоятельных исторических дисциплин, а затем и наук.

Таков один круг теоретико-методологических проблем источниковедения, решению которых помогает учет результатов, достигнутых в учении об информации. Он преимущественно связан со звеном “действительность – источник”.

Другой круг проблем источниковедения относится к аспекту “источник – историк”. Здесь прежде всего надо сказать о том, что учение об информации подтверждает необходимость разработки проблем источниковедения в теоретико-методологическом, исторически-типологическом и конкретно-прикладном аспектах. В свете того, что основным путем в выявлении степени адекватности отражения источниками исторической действительности является учет их социальной природы и целевого назначения для современников, становится очевидным важное значение изучения исторических источников как яв-

лений действительности. Без этого не может быть должным образом раскрыто соотношение в них субъективного и объективного.

Из общих теоретико-методологических проблем источниковедения нуждается в разработке не привлекающий до сих пор внимания источниковедов синтаксический аспект анализа исторических источников, имеющий, как было отмечено, существенное значение для решения ряда вопросов.

В плане источниковедчески-прикладном наряду с традиционными проблемами анализа достоверности и точности источников центральными являются вопросы о конкретных принципах, путях и методах извлечения и использования скрытой информации источников для решения как собственно источниковедческих, так и особенно историко-исследовательских задач. Эти вопросы пока еще также не привлекли надлежащего внимания источниковедов. На некоторых из указанных моментов необходимо остановиться подробнее.

Хорошо известно, какое большое место в источниковедении занимает проблема классификации источников. Так или иначе, ее решают все исследователи при использовании различных источников для изучения тех или иных явлений и процессов. Источниковеды занимаются специальной разработкой вопросов, связанных с классификацией источников¹⁸. Однако многое здесь еще остается неясным и, главное, не определены четко те принципы, исходя из которых, может проводиться классификация источников. Уточнить эти принципы помогает учет трех рассмотренных аспектов информации, который разрабатывается в учении об информации, хотя сами специалисты по информации также еще не выдвинули четких критериев ее классификации. Опыт историков здесь богаче и может быть использован в учении об информации.

К классификации источников можно подходить с позиций трех аспектов информации – прагматического, семантического и синтаксического. Наиболее общим из них является синтаксический. Исходя из него, можно выделить первый, наиболее общий уровень классификации исторических источников. По методам и формам отражения действительности вся совокупность исторических источников четко делится на четыре категории (или типа): *вещественные, письменные, изобразительные* (изобразительно-графические, изобразительно-художественные и изобразительно-натуральные) и *фонические*¹⁹. Широко распространенное до последнего времени в

---

¹⁸ Наиболее обстоятельной работой в этой области является специальное исследование Л.Н. Пушкарева “Классификация русских письменных источников по отечественной истории” (М., 1975). В работе дан развернутый обзор литературы о классификации источников.

¹⁹ Подобный принцип классификации источников применял М.Н. Черноморский (Источниковедение истории СССР. Советский период. М., 1976), но, так как при этом не учитывались результаты учения об информации, этот подход не был реализован в полной мере.

советском источниковедении²⁰ деление всей совокупности исторических источников на вещественные, письменные, устные, этнографические, лингвистические (фольклорные), фотокинодокументы и фотодокументы представляется непоследовательным в силу неоднозначности принципов и критериев их выделения. Одни группы выделены по форме отражения действительности, другие – по способу фиксации информации, третьи – по объекту отражения. Следует заметить, что если информация, возникшая в ту или иную эпоху, может функционировать будучи как зафиксированной на тех или иных материальных носителях, так и незафиксированной (устной), то в исторических источниках она выступает в зафиксированном виде. Например, данные фольклора, несомненно, содержат ценную информацию о прошлом, но она, чтобы стать источником и быть использованной историком, должна быть материально зафиксирована. Чаще всего это – письменная запись, а позднее, с появлением соответствующих технических средств, и фонозапись. Сказанное относится и к другим видам нефиксированной социальной информации. Следовательно, исторический источник как носитель социальной информации содержит информацию фиксированную.

Выделение указанных четырех категорий исторических источников по методам и формам отражения действительности позволяет определить тот круг проблем, которые возникают в связи с источниковедческим анализом и использованием каждой из них, и разработать соответствующие методы их решения.

Выделение категорий исторических источников является, хотя и важным, но лишь первым этапом в их классификации. Еще большее значение имеет классификация источников каждой из этих категорий. В источниковедении широко распространена видовая классификация, в основе которой лежит единство происхождения, общность содержания и назначения определенного круга источников той или иной категории. С информационной точки зрения видовая классификация основывается на прагматическом аспекте информации, а именно: на единстве целевого назначения информации для ее получателя, субъекта. Единство цели, для которой выявлялась информация, естественно, обуславливало сходство принципов и методов отражения действительности, форм выражения и использования информации, что, в свою очередь, создает возможность применения единых принципов и методов ее источниковедческого и конкретно-исторического анализа. Видовая классификация, как и всякая другая, относительна. Но это не умаляет ее значение как важного эвристического средства и в источниковедении и в конкретно-историческом анализе.

Выделение типов и видов исторических источников, кроме разработки единых принципов и методов источниковедческого изуче-

²⁰ См.: Источниковедение // СИЭ. Т. 6. С. 593 и сл.

ния, обработки и анализа информации, открывает возможности и для выявления эволюции источников. Как методы и формы отражения сознанием людей объективной действительности, которые лежат в основе выявления типов источников, так и цели, для достижения которых собирается информация и которые обуславливают выделение видов источников, историчны по своей сути и поэтому изменяются с ходом общественного развития. Это ведет и к изменению типов и видов исторических источников. Причем эволюция методов и форм отражения действительности и изменение целей выявления информации зависели прежде всего от социально-экономической и социально-политической структуры общества, а также от его культурно-познавательных возможностей. Например, очевидно, что вещественные источники оказываются основными при изучении древних эпох потому, что для той поры была характерна нефиксированная социальная информация, и ее передача от поколения к поколению осуществлялась в процессе непосредственного общения и деятельности людей, а для далеких потомков она могла сохраниться, прежде всего будучи зафиксированной в вещественных памятниках и отчасти в изображениях. Появление письменности, книгопечатания, распространение грамотности открывали принципиально новые возможности для фиксирования и передачи информации. Развитие науки и техники в новое время породило такие формы отражения действительности и передачи информации, как кино-, фото-, фонометоды, а в современную эпоху – методы, основанные на разного рода искусственных машинных языках. Источники последнего рода (а объем их уже достаточно велик) пока еще не стали, к сожалению, объектом пристального внимания источниковедов. Здесь пока имеют место лишь отдельные попытки их источниковедческого рассмотрения²¹.

Характерной чертой эволюции источников является не столько исчезновение тех или иных видов источников, сколько появление новых их видов и разновидностей, что обусловлено усложнением по мере исторического прогресса общественной жизни, появлением все новых и новых общественных функций.

Поскольку наиболее существенные сдвиги в общественном развитии, влияющие на прагматический аспект информационных процессов, связаны с переходом от одной общественно-экономической формации к другой, постольку типологическая и видовая классификация источников должна сочетаться с их формационной классификацией. Такой подход и лежит в основе классификации источников советскими источниковедами.

Кроме синтаксического и прагматического аспектов, информация имеет еще и семантический, содержательный аспект, и возника-

---

²¹ См., например: *Гельман-Виноградов К.Б.* Машиночитаемые документы в СССР. М., 1980.

ет вопрос о правомерности классификации источников на основе учета их содержания. Попытки такой классификации предпринимались многократно. С точки зрения учения об информации, о возможности такой классификации можно сказать следующее. Поскольку содержание источников в плане отражения ими объективной действительности чрезвычайно многообразно и одни и те же виды источников и даже отдельные источники содержат информацию о самых разнообразных сторонах этой действительности, постольку дать классификацию источников по содержанию, идя от самих источников, не представляется возможным. Но такая классификация может быть проведена на основе выделения исследователем тех или иных сторон и черт исторической действительности. Подобная классификация будет представлять группировку типов и видов источников по степени их ценности для изучения интересующих исследователя явлений исторической действительности. Такие классификации являются основным видом классификации источников в конкретно-исторических работах. Однако далеко не всегда выдерживается типовой и видовой подход к классификации источников, характеризующих изучаемые явления и процессы.

Как видим, учет трех аспектов информации помогает яснее представить основные принципы, исходя из которых может проводиться классификация исторических источников.

Центральной проблемой источниковедения в исследовательско-прикладном аспекте является, как отмечалось, повышение информационной отдачи источников путем извлечения скрытой информации. Задача источниковедов состоит в разработке конкретных путей и методов ее выявления в зависимости от особенностей разных видов источников и в соответствии с решаемыми исследовательскими задачами. Структурный характер этой информации указывает тот основной путь, которым следует здесь идти. Это анализ взаимосвязей, присущих исследуемым явлениям и процессам на основе непосредственно выраженных в источниках данных. Собственно, анализ взаимосвязей всегда был в центре и источниковедческих и конкретно-исторических исследований. Применительно к современному этапу развития исторической науки стоит задача совершенствования методов анализа взаимосвязей, выявления и использования скрытой информации. Особенно эффективным здесь может быть применение системного подхода и анализа, математических методов и ЭВМ.

Прежде всего следует подчеркнуть эффективность системного подхода и анализа при решении собственно источниковедческих проблем. Центральной из этих проблем, как хорошо известно, является установление адекватности, т.е. достоверности отражения источниками действительности. Наряду с учетом целевого назначения информации, содержащейся в источниках, и методов ее получения, что позволяет раскрыть степень ее объективности, при установлении достоверности данных источников часто прибегают к сопостав-

лению их с аналогичными сведениями других источников. Такой прием, безусловно, эффективен. Однако, кроме того, что он не всегда возможен, с позиций методологически-информационных он ограничен, ибо основан на использовании лишь непосредственно выраженной информации источников. Между тем существует широкая возможность проверки достоверности данных источников и на основе использования скрытой информации. Любая общественная система имеет свою структуру, характеризующуюся определенным строением и взаимосвязью ее элементов и присущих им черт и свойств. Поэтому на основе того, в какой мере данные, отражающие эти черты и представляющие интерес для исследователя, вписываются в указанную структуру, можно судить об их достоверности. Реализация такого принципа и составляет суть системного подхода и анализа исторических источников. Один пример.

Хорошо известны давние споры, которые ведутся вокруг так называемых татищевских известий, т.е. тех сведений по истории Древней Руси, которые содержатся в первой редакции “Истории Российской” В.Н. Татищева и которые не имеют прямых подтверждений в древнерусских летописях. На этом основании многие историки считали “известия” недостоверными и приписывали их авторство самому Татищеву. До недавнего времени вопрос этот оставался спорным, поскольку обычными методами источниковедческого анализа не удавалось убедительно доказать достоверность “татищевских известий”. Потребность такого доказательства привела к необходимости поиска более совершенных методов анализа. И они были найдены на пути системного подхода и структурного анализа, которые выполнены Б.А. Рыбаковым²².

Суть этого анализа состояла в следующем. За XII в. “татищевские известия” были распределены по годам, и для каждого года установлен их объем в строках. Параллельно установлен объем годовой статьи в строках по Ипатьевской летописи. По этим данным были построены графики, которые показали в целом высоко сопряженное движение двух линий. Следовательно, “татищевские известия” органически вписываются, согласуются с вполне достоверными сведениями, что подтверждает их собственную достоверность. Заметим, что в данном случае сходство двух рядов показателей может быть не только установлено графически-изобразительно, но и выражено в определенных количественных коэффициентах.

Исследование вопроса было продолжено Л.В. Миловым²³. Он также опирался на системный подход и структурный анализ, но без привлечения количественных показателей. Милов параллельно рас-

---

²² Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор “Слова о полку Игореве”. М., 1972. С. 188–191.

²³ Милов Л.В. Татищевские портреты-характеристики и “Симонова летопись” // История СССР. 1978. № 6.

сматривал портретные характеристики деятелей XII в. в описании Татищева и Ипатьевской летописи. Было установлено большое сходство этих характеристик. В Ипатьевской летописи они даны лишь более сокращенно. Причем характер сокращений по всем “портретам” оказался однотипным. Следовательно, и здесь была выявлена сопряженность сведений двух источников.

Итоги обоих исследований приводят к убедительному выводу: Татищев действительно располагал летописью, которая не сохранилась и которая имела один протограф с Ипатьевской летописью²⁴.

Таким образом, в источниковедческом анализе исторических источников системный подход, структурный анализ и выявление на основе их скрытой информации значительно расширяют возможности установления достоверности заложенной в них информации. Широкое внедрение этих методов в практику источниковедческого анализа существенно расширит возможности этого анализа и повысит его уровень.

Значительные успехи в применении системного подхода и структурно-функционального анализа достигнуты и конкретно-историческими исследованиями, основанными на применении количественных методов, что будет показано далее.

Таков круг основных вопросов, на которые представлялось целесообразным обратить внимание и которые возникают в связи с рассмотрением исторического источника в свете современного учения об информации.

2. ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

Факты составляют содержательную основу всякой науки. Они определяют ее субстанциональную природу. Этим обусловлено то пристальное внимание, которое уделяется проблемам факта в теории и методологии научного познания. Особенно велик интерес к историческому факту как в силу особенностей объекта исторического познания, так и в силу сложности историко-познавательного процесса²⁵.

²⁴ Милову удалось найти и свидетельство современника В.Н. Татищева, которое подтверждает наличие у последнего такой летописи (см.: Там же.).

²⁵ В новейших работах наиболее обстоятельно проблемы исторического факта освещаются М.А. Баргом (Категории и методы исторической науки. Гл. IV). См. также: *Ракитов А.И.* Статистическая интерпретация факта и роль статистических методов в построении исторического знания // Проблемы логики научного знания. М., 1964; *Дорошенко Н.М.* Проблема факта в историческом познании. Л., 1968; *Гуревич А.Я.* Что такое исторический факт? // Источниковедение: Теоретические и методологические проблемы. М., 1969; *Иванов Г.М.* К вопросу о понятии “факт” в исторической науке // Вопросы истории. 1969. № 2; *Уваров А.И.* Исторический факт как элемент теории // Учен. зап. Казан. пед. ин-та. 1979. Т. 91;

Понятие “факт” (от латинского *factum* – “действие”, “событие”, “сделанное”) применяется в разных смыслах. Прежде всего факт – конкретные проявления действительности в ее прошедшем или текущем состоянии, т.е. объективная реальность. В этом виде факты обладают рядом присущих им свойств. Другой смысл понятия “факт” связан с процессом научного познания. В нем также фигурируют факты, но уже не факты действительности как таковой, а отражение в сознании ученого изучаемой реальности. Очевидно принципиальное отличие этих двух видов фактов, и возникает естественный вопрос об их соотношении. В гносеологическом плане данный вопрос связан с кардинальной проблемой философии – о соотношении бытия и сознания. Указанная проблема относится и к историческому факту. В решении ее выделяются существенно различные подходы²⁶.

Представители классического позитивизма решали вопрос об историческом факте в наивно реалистическом плане²⁷. Признавая реальность фактов исторической действительности, они по существу отождествляли их с фактами исторической науки, полагая, что первые непосредственно даны историку в исторических источниках. Процесс же исторического познания сводился к тщательному воспроизведению историком фактов, зафиксированных в источниках. Но тем самым реальность фактов исторической действительности усматривалась в их “документированности”. Сами факты представлялись элементарными, неделимыми, неизменными и изолированными друг от друга выражениями действительности. Факты считались исчерпываемыми по своему содержанию “кирпичиками” реальности, а их совокупность в исторических источниках была строго определенной. Никаких сложных исторических фактов сама действительность не содержит. То, что историк квалифицирует как сложное историческое явление, в действительности есть то или иное сочетание простейших и элементарных фактов, природа которых может быть объяснена разного рода естественными явлениями (демографическими, биологическими, физическими и т.п.). Поэтому между фактами естественными и общественными не существует принципиальных различий, а наиболее эффективными средствами познания общественно-исторической реальности являются естест-

---

Салов В.И. Исторический факт и современная буржуазная историография // Новая и новейшая история. 1973. № 6; *Петров Ю.В.* Проблема факта в современной буржуазной философии истории // Философские науки. 1976. № 3; *Вайнштейн О.Л.* Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX–XX вв. Л., 1979. Гл. X; *Лисовина А.П.* Категория “исторический факт” в марксистской и буржуазной методологии истории. Кишинев, 1981; *Шаповалов В.Ф.* Факт и понимание в историческом исследовании // Творчество и социальное познание. М., 1982; *Ракитов А.И.* Историческое познание. М., 1982. Гл. 6.

²⁶ См. об этом указанные работы М.А. Барга, О.Л. Вайнштейна, А.П. Лисовиной, Ю.В. Петрова, В.И. Салова.

²⁷ См.: *Ланглюа Ш., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории. СПб. 1889.

веннонаучные методы. Само же знание может быть лишь чувственно-опытным и должно ограничиваться выявлением фактов об изучаемой реальности, т.е. оставаться эмпирическим.

Таким образом, сильной стороной позитивистского понимания сути исторического факта было признание его объективной реальностью, а его ошибочность состояла в примитивном представлении природы этих фактов и в отождествлении фактов действительности с научными фактами, что вело к упрощенному пониманию сути историко-познавательного процесса.

Другое направление в понимании проблем исторического факта, возникшее в конце XIX в., является *субъективно-идеалистическое*. Основоположником его был В. Дальтей, а дальнейшее развитие оно получило в неокантианстве (прежде всего в работах Г. Риккерта)²⁸. Суть подхода здесь состояла в следующем. Прежде всего исторический факт был противопоставлен факту естественнонаучному. Естественнонаучные факты рассматривались как непосредственное чувственное воспроизведение внешней по отношению к субъекту действительности. Факты же истории лишены чувственной непосредственности, ибо это прежде всего факты духовной жизни, которые либо вообще не зафиксированы в источниках, либо фигурируют в них как субъективно и косвенно воспроизведенные и неподдающиеся проверке “традиции” или “предания”, внутренний смысл которых историку или трудно уловить, или он вовсе скрыт от него. Поэтому наделить определенным смыслом факты прошлого может лишь историк. Для этого необходимы соответствующие критерии. Ими могут быть разного рода ценностные и идеальные представления, присущие эпохе историка и разделяемые им. Руководствуясь подобными критериями и исходя из представления об единстве человеческой психики, историк посредством чувственного “сопереживания” или логического конструирования формирует исторические факты. Тем самым объективная природа исторических фактов как выражений реальности отвергается, возможность объективного познания прошлого исключается, а источником знаний о нем становится сознание субъекта, историка. Историческое познание как поступательный процесс устраняется. Предшествующие знания о прошлом не имеют никакого значения. Каждый историк пишет свою историю, и историй столько, сколько историков.

Неокантианская трактовка исторического факта с теми или иными вариациями остается в основе всех последующих субъективно-идеалистических подходов к нему (презентизм, экзистенциализм и др.). Следовательно, субъективный идеализм, отвергая объективную природу исторических фактов, отрицает и возможность истин-

---

²⁸ См.: *Кон И.С.* Вильгельм Дальтей и его “критика исторического разума” // Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1967; *Риккерт Г.* Философия истории. СПб., 1908; *Он же.* Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911.

ного познания прошлого. Знания о прошлом превращаются во всецело субъективные конструкции. Вместе с тем неокантианство, дав совершенно несостоятельное решение вопроса об историческом факте, поставило ряд важных вопросов методологии исторического исследования: о путях и методах выявления исторических фактов, о специфике познания прошлого и о возможности получения истинного исторического знания. Обоснованные ответы на все эти вопросы дают марксистская теория и методология исторического познания.

Диалектико-материалистический подход к историческому факту прежде всего позволяет выделить три существенно отличные категории (типа) этих фактов²⁹: 1) *факты исторической действительности*, 2) *факты исторического источника* (“сообщение источника”) и 3) *научно-исторические факты* (“факты – знание”). Существенность различий этих категорий очевидна.

Факты исторической действительности объективны и по отношению к творцам исторических источников, и по отношению к историку. В них проявляется все многообразие человеческой деятельности и тех отношений, в которых она осуществлялась. Поскольку это факты о прошлом, об уже совершившейся материальной и духовной деятельности, постольку они являются *инвариантными*, однозначными и неизменными по своей пространственно-временной и сущностной завершенности при всей их содержательно-онтологической неисчерпаемости. Свойства исторической реальности безграничны; но в том виде, в каком она совершилась, эта реальность инвариантна.

Факты исторического источника представляют собой *отражение* фактов действительности творцом источника. Оно, как и всякое отражение, субъективно. Но в том виде, как оно совершилось, это отражение также является инвариантным, т.е. неизменным в том смысле, что каждое конкретное воспроизведение творцом источника факта действительности однозначно, хотя содержательно это воспроизведение также безгранично, как безграничны и свойства объективной реальности.

Научно-исторический факт – это отражение историком фактов исторической действительности на основе фактов источника. Следовательно, научно-исторический факт – в целом дважды субъективизированное отражение прошлого. Исключение составляют те случаи, когда источник является непосредственным остатком прошлого, реликтом, дающим возможность непосредственно-чувственно воспринять это прошлое. Такие реликты могут быть как материальными, так и духовными. Они, как указывалось, наряду с опосредованной информацией несут и непосредственную информацию. Существенным отличием научно-исторического факта от факта

²⁹ См.: Барз М.А. Указ. соч. С. 150 и сл.

действительности и факта источника являются его содержательная незавершенность и изменчивость, способность к обогащению в процессе исторического познания.

Различение указанных категорий исторических фактов – непрерывное условие корректного оперирования ими в историческом исследовании и успешного, объективного познания исторической реальности. Между тем понятие “исторический факт” нередко фигурирует в работах советских исследователей (историков и философов) в недифференцированном выражении, что, естественно, порождает неясности и недоразумения. Очевидно, что применительно к каждой из указанных категорий исторических фактов историку приходится решать целый ряд конкретно-научных и методологических проблем, порождаемых особенностями этих фактов. Рассмотрим кратко основные из них.

Применительно к *фактам исторической действительности* существен вопрос о “простых” и “сложных” фактах. Позитивистское понимание факта основано на том, что в исторической действительности реальны лишь простейшие и единичные факты. Субъективный идеализм также допускает факт лишь как нечто сугубо индивидуальное. В действительности же в исторической реальности существует огромное многообразие фактов – от простейших до сложнейших, в которых проявляются функционирование и развитие исторических ситуаций, систем и процессов. «Сама объективная историческая действительность отливается в факты – “узлы” различной сложности, протяженности, эшелонированности в глубину, “объема” выкристаллизовавшихся в них пластов социальности»³⁰. Реальность сложных фактов исторической действительности обусловлена наличием в этой действительности единичного, особенно и общего, органической переплетенностью индивидуальных и неповторимых событий и общественных систем, отдельных количественных изменений и качественно отличных стадийальных этапов в развитии общественных процессов.

Наличие сложных исторических фактов ставит перед историками задачу их обоснованного выделения в исследовательской практике. Критерий здесь один – учет той качественной определенности, которая присуща всем фактам исторической действительности. Это требует установления тех пространственных и временных границ, в которых заключена качественная определенность того или иного сложного исторического факта. В тех случаях, когда эти факты выражают дискретные (прерывные) явления общественной жизни, такие границы определить сравнительно несложно. Так, например, во временном интервале от 9 января 1905 г. и до 3 июня 1907 г. заключена огромная совокупность социально-политических событий, которые в своей целостности образовывали качественную определен-

³⁰ Барг М.А. Указ. соч. С. 155.

ность, присущую такому сложному историческому факту, каким была российская буржуазно-демократическая революция 1905–1907 гг.

Труднее выделять сложные исторические факты, которые выражают ход непрерывных, динамических исторических процессов. Так, эпоха промышленного переворота несомненно представляет собой сложный исторический факт, суть которого состоит в том, что внедрение машин знаменовало утверждение капиталистического способа производства и завершение длительного процесса генезиса капитализма. Но установить даже примерные временные границы этого сложного исторического факта весьма не просто. Применительно к России начальный рубеж этого процесса датируется разными исследователями от 90-х годов XVIII в., когда появились первые машины, до конца 50-х годов XIX в., когда их применение обрело уже сравнительно широкий размах. Разные мнения высказываются и по вопросу о времени завершения промышленного переворота (одни его относят к кануну отмены крепостного права, а другие – к концу XIX в.). Причины подобных расхождений чаще всего обуславливаются не ограниченностью конкретно-исторических данных, а разным пониманием либо сущностно-содержательной сути сложного исторического факта в целом, либо тех конкретных признаков, в которых она выражается. Здесь мы подошли к вопросу о многообразии исторических фактов.

Исторические факты чрезвычайно многообразны по пространственно-временной протяженности (факты простые и сложные), по предметной содержательности (факты экономической, социальной, политической, культурно-идеологической жизни и т.д.) и по системе присущих им взаимосвязей. Любой исторический факт всегда находится в системе других фактов и взаимодействует с ними. Поэтому при инвариантности каждого отдельного выражения исторического факта система этих выражений является поливариантной, т.е. многозначной. Это служит объективной основой для разного “видения” исторических фактов познающим субъектом-историком. Но от историка зависит лишь выбор угла зрения на факт, но не его реальное содержание, которое объективно.

Многообразию и сложности даже простых исторических фактов состоит в том, что они выражают историческую реальность и со стороны ее объективного содержания, т.е. ее коренной сущности, и со стороны ее субъективных восприятий современниками, т.е. со стороны ее кажимости (видимости). Но “при суждении о событиях и цепи событий текущей истории, указывал Ф. Энгельс, никогда не удастся дойти до *конечных* экономических причин”³¹. Поэтому многие стороны реальности изображаются современниками иллюзорно, в результате чего дело доходит до того, как отмечал К. Маркс,

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 529.

что сопоставляются явления, которые “относятся друг к другу примерно так же, как нотариальные пошлины, свекла и музыка”³².

Таким образом, истинный смысл исторических фактов и их понимание и оценка современниками очень часто не совпадают. Но какими бы ни были иллюзии современников о своей эпохе, они являются реальными историческими фактами, с которыми приходится иметь дело историку. В.И. Ленин подчеркивал, что “объективна и кажимость, ибо в ней есть *одна из сторон о б ъ е к т и в н о г о мира*”³³. Поэтому возникает важная задача выявления и преодоления заблуждений современников. Диалектико-материалистический путь решения этой сложной задачи – сведение индивидуального к социальному, единичного – к массовому, а идеального – к материальному.

Наконец, еще об одной стороне фактов исторической действительности – об их сходстве с фактами естественного мира и о различиях между ними. Как указывалось, позитивизм обе эти категории объективных фактов отождествлял, а субъективный идеализм их противопоставляет. При этом основой для отождествления служило сведение общественного к естественному, а для противопоставления – утверждение, что факты общественной жизни в силу своей индивидуальности и духовной природы якобы неповторимы. Оба подхода неверны. Факты общественные и факты естественные нельзя ни отождествлять, ни противопоставлять. Они имеют и различия, и сходство. Факты общественные есть выражение хотя и объективной по своим законам и результатам, но сознательной и целенаправленной человеческой (следовательно, субъективной) деятельности, с присущими ей интересами, идеалами и страстями. Субъекты общественного мира своей деятельностью не только творят факты, но и выносят им оценку. Мир естественный в этом отношении бесстрастен. Но оба мира сходны, ибо их развитие представляет собой естественноисторический, внутренне обусловленный и закономерный процесс, в котором имеет место повторяемость. Она – такая же органическая черта мира общественного, как и естественного. Исторические факты неповторимы лишь на единично событийном уровне, но на уровне функционирования и развития общественных систем им имманентно присуща повторяемость. Выявление такой повторяемости и было выдающейся заслугой К. Маркса и Ф. Энгельса. В.И. Ленин подчеркивал, что марксизм применил к социальной науке “объективный, общенаучный критерий повторяемости”, который и позволил раскрыть естественноисторический характер общественного развития³⁴. Тем самым историческое познание в своей коренной сути – раскрытии закономерностей объективного хода

---

³² Там же. Т. 25. Ч. 2. С. 380.

³³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 89–90.

³⁴ Там же. Т. 1. С. 429.

общественно-исторического процесса – сходно с научно-естественным познанием.

Таковы основные черты фактов исторической действительности и те методологические проблемы, которые возникают в связи с их рассмотрением.

Большой круг важных методологических проблем связан и с фактами исторических источников (“сообщениями источников”). Это прежде всего вопросы об адекватности отражения творцами источников объективной исторической реальности и о возможностях и путях проверки этой объективности, об информационных потенциях источников и о наличии в них непосредственно выраженной и скрытой информации, о повышении информативной отдачи источников как средства преодоления селективности отражения в источниках исторической реальности и т.д. В общем плане эти вопросы были рассмотрены в предыдущем разделе, а конкретное их решение применительно к отдельным комплексам и видам источников является предметом специальных источниковедческих изысканий, которые в данном случае не представляется возможным характеризовать. Следует лишь подчеркнуть, что на стадии оперирования с фактами исторических источников важное значение имеет *герменевтика*, т.е. правильное истолкование, объяснение истинного смысла этих фактов, ибо отражение в источнике фактов исторической действительности не только субъективно, но может быть и иллюзорным. В общем преодоление субъективности и иллюзорности сообщений источников, выявление степени адекватности отражения ими фактов исторической действительности и раскрытие информативных возможностей источников открывают путь к использованию содержащихся в них фактов как основы для научного познания исторической реальности, ибо, как указывал Ф. Энгельс, “в любой научной области – как в области природы, так и в области истории – надо исходить из данных нам фактов”³⁵.

Переходя к рассмотрению проблем, связанных с научно-историческими фактами, прежде всего надо подчеркнуть, что это факты, которые формируются самим историком. Они представляют собой отражение его сознанием фактов исторической действительности на основе фактов исторических источников. Поэтому здесь, с одной стороны, возникает проблема ответственности историка за объективность процесса формирования фактов. Эта ответственность, как субъективное явление, касается прежде всего историков-марксистов, ибо их партийно-классовые позиции таковы, что они не просто допускают, но и требуют соблюдения объективности в любом, в том числе и историческом, исследовании. Следовательно, в марксистской историографии отступления от объективности в отличие от немарксистской, где они обуславливаются прежде всего

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 370.

партийно-классовой ограниченностью исторического познания, могут порождаться лишь субъективно-индивидуальными факторами. Совокупность этих факторов многообразна (см. гл. 6), но они сводятся в конечном счете к профессиональному мастерству историка. Оно, разумеется, включает и степень овладения марксистской теорией и методологией исторического познания в плане не только усвоения этой теории и методологии, но и умения их практического применения.

С другой стороны, субъективность процесса формирования научно-исторических фактов требует разработки конкретных принципов и методов, обеспечивающих адекватность отражения научно-историческими фактами фактов исторической действительности. Ряд из этих принципов уже был отмечен при характеристике фактов исторической действительности и методологических проблем исторического источника. Обратим внимание еще на некоторые из них, непосредственно связанные с выявлением и отбором фактов, необходимых для решения поставленной исследовательской задачи.

Любое историческое исследование направлено на раскрытие основной сути, общих закономерностей и конкретно-исторических особенностей функционирования и развития изучаемой реальности. Поэтому необходимые для этого научно-исторические факты не могут быть простым воспроизведением фактов, содержащихся в исторических источниках. «Научно-историческим фактом надо считать не свидетельство, почерпнутое из источника и “переписанное”, перенесенное в исторический труд, а только факт, поставленный в надлежащую связь. Иными словами, научно-исторический факт – это концептуализированный факт, т.е. факт, высвеченный изнутри исторической теорией»³⁶. Теоретический, т.е. сущностно-содержательный, подход к решению поставленной исследовательской задачи позволяет определить те стороны, свойства и связи, а следовательно, и те конкретные признаки исторической реальности, которые должны быть подвергнуты конкретному изучению. Тем самым теоретический анализ дает возможность установить содержательный круг необходимых научно-исторических фактов. На этой основе происходит выявление источников, заключающих необходимые факты, и устанавливаются их достоверность и точность. Лишь после этого можно приступить к формированию самой совокупности научно-исторических фактов. Эта совокупность должна быть представительной, т.е. должна создавать возможность для решения поставленной задачи.

Основным методологическим принципом, соблюдение которого обеспечивает представительность необходимых научно-исторических фактов, является *системность* этих фактов. Для проникновения в суть изучаемой исторической (как и всякой другой) реаль-

³⁶ Барг М.А. Указ. соч. С. 162.

ности нужна не просто совокупность фактов, а именно *система фактов*. Система научно-исторических фактов отличается от простой их совокупности (какой бы обширной она ни была) тем, что в системе факты взаимосвязаны и образуют некую содержательную целостность, отражающую основные черты и взаимосвязи объекта познания. Именно поэтому основоположники марксизма настоятельно подчеркивали необходимость оперирования с системой фактов. К. Маркс, критикуя работу Гизо об английской революции, писал: “И так как г-н Гизо повсюду опускает важнейшие моменты, то он ничего не может дать, кроме крайне неудовлетворительного и банального повествования о чисто политической стороне событий”³⁷.

Всестороннее обоснование методологических принципов формирования представительной системы научно-исторических фактов было дано В.И. Лениным в работе “Статистика и социология”. В.И. Ленин подчеркивал: «Факты, если взять их в *целом*, в их *связи*, не только “упрямая”, но и безусловно доказательная вещь». Поэтому “надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно было бы опираться”. «Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится “субъективная” стряпня для оправдания, может быть, грязного дела». Ленин решительно возражал против игры в примеры и подчеркивал, что “подобрать примеры вообще – не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого”. “Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже”³⁸.

Представительная система научно-исторических фактов позволяет не просто характеризовать отдельные стороны и черты исторической реальности, а познать ее “саму в себе”³⁹, т.е. как сущность в конкретном ее выражении. При этом в выявлении и изложении фактов должна соблюдаться последовательная объективность. В докладе о партийной программе на VIII съезде РКП(б) В.И. Ленин подчеркивал, что “в программе надо писать с абсолютной точностью то, что есть”⁴⁰. “Не признавать того, что есть – нельзя: оно само заставит себя признать”⁴¹.

---

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 222.

³⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 350, 351.

³⁹ Там же Т. 29. С. 202.

⁴⁰ Там же. Т. 38. С. 159.

⁴¹ Там же. С. 161.

При практической реализации указанных принципов формирования системы научно-исторических фактов историк сталкивается с рядом трудностей. Основная из них состоит в том, что источники могут не содержать фактов, необходимых для решения поставленной задачи. О возникающих в этой связи проблемах и возможных путях их решения речь будет идти особо. Отметим лишь один принципиальный методологический момент, связанный с преодолением селективного характера фактов, содержащихся в исторических источниках. В тех случаях, когда пробелы в источниках не могут быть восполнены ни путем привлечения новых источников, ни в результате извлечения скрытой информации из имеющегося их комплекса, историк должен быть весьма осторожным в восполнении этих пробелов всякого рода позднейшими, расчетными, косвенными и вообще *привносимыми историком* фактами. Подобные факты нарушают отражательный характер процесса исторического познания (от факта действительности – к факту источника, а от него – к научно-историческому факту). Мы уже не говорим о том, что при таких восполнениях пробелов очень легко впасть в субъективизм.

Как же можно преодолевать указанное затруднение, оставаясь на вполне объективных позициях? Диалектико-материалистическая теория и методология общественно-исторического познания дала убедительный ответ на этот вопрос. "...При анализе экономических форм, – подчеркивал К. Маркс, – нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции"⁴². Это в полной мере относится и ко всем другим явлениям общественной жизни. Понятно, что всякая абстракция сопряжена с той или иной утратой конкретности, но вместе с тем, отвлекаясь от конкретного, она проникает в сущность. Разумеется, возможности абстракции не беспредельны. Она может быть эффективной только тогда, когда основывается на конкретных фактах. В противном случае научное абстрагирование может превратиться в бездоказательный априоризм.

Таким образом, именно абстрактный, содержательно-теоретический анализ имеющихся фактов позволяет объективно восполнить пробелы в источниках и избежать необоснованного конструирования недостающих фактов. Очевидно, что историческое знание будет при этом иметь более общий характер. Хорошо известно, что по мере углубления в древность историческое знание во все большей мере теряет конкретно-исторический и обретает теоретико-социологический характер. Однако в научно-познавательном отношении бесспорны преимущества более общего, но объективного знания по сравнению со знанием, хотя и конкретным, но сомнительным.

Другие проблемы возникают в тех случаях, когда в распоряжении историков много источников, содержащих обширные массовые

---

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 6.

данные, сплошная обработка которых затруднительна. Тогда возникает необходимость формирования выборочных систем научно-исторических фактов. Такой путь вполне правомерен, и его эффективность доказана во многих исторических исследованиях. Одно время в советской источниковедческой литературе дебатировался вопрос о правомерности применения выборочного метода при извлечении, обработке и анализе массовых данных исторических источников. Возражения против выборочного метода основывались на указанном требовании В.И. Ленина о необходимости использования при изучении того или иного явления всех фактов “без единого исключения”. Поэтому применение выборочного метода допускалось лишь как вынужденная мера, обусловленная невозможностью использования всех фактов из-за большого их объема. Указанные сомнения в принципиальной допустимости применения выборочного метода в исторических исследованиях необоснованны. Во-первых, правомерность, высокая эффективность и объективность применения выборочного метода при изучении любых массовых явлений доказаны теоретически и проверены практически. Во-вторых, ленинское требование об использовании всех фактов “без единого исключения” не отвергает возможности применения выборочного метода. Выдвигая это требование, В.И. Ленин имел в виду, как очевидно из приведенных высказываний, неправомочность исключения из системы научно-исторических фактов любых фактов, которые необходимы для того, чтобы эта система характеризовала изучаемую реальность целостно, с учетом присущих ей существенных черт и связей. Выборочный метод не исключает возможности формирования доказательной системы научно-исторических фактов. Необходимо лишь, чтобы эта выборка была репрезентативной. Поэтому применение выборочного метода в исторических исследованиях допустимо не “из нужды”, а принципиально.

Мы затронули лишь наиболее общие методологические вопросы, связанные с историческим источником и историческим фактом. Более конкретно эти вопросы будут характеризоваться при рассмотрении в дальнейшем методов исторического исследования, его этапов и уровней.

Глава 4

МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Всякое научное познание основывается на применении совокупности познавательно-исследовательских методов. В конкретном виде научное познание представляет собой изучение определенных явлений и процессов объективной реальности и направлено на решение тех или иных исследовательских задач, т.е. научных проблем.

Поэтому основой любого исследования являются конкретно-научные, или, говоря точнее, конкретно-проблемные методы. Специфика каждого из этих методов определяется особенностями объекта познания и сутью исследовательской задачи. Многообразие изучаемых объектов реальности и присущих им свойств и связей, закономерностей их функционирования и развития, а также множественность возможных исследовательских углов зрения на них, а следовательно, и решаемых научных проблем, обуславливают наличие в каждой науке огромного числа конкретно-проблемных методов. Понятно, что их систематизация и характеристика могут быть даны лишь в специальном анализе применительно к тем или иным областям той или иной науки и поэтому не входят в задачу настоящей работы.

Но конкретно-проблемные методы, как было показано (глава 1), основываются на методах специально научных (т.е. методах, применяемых в той или иной науке), а также общенаучных и философских. Например, изучение освободительного движения в России XIX – начала XX в. на предмет выявления его социально-классовой природы и объективно-исторической направленности требует применения определенного конкретного (конкретно-проблемного) метода или их совокупности. В свою очередь, эти методы будут основываться на том или ином специально-научном методе. Допустим, что таким методом является историко-сравнительный метод. Основой же этого метода будут тот или иной общенаучный метод или их совокупность. В рассматриваемом примере историко-сравнительный метод может основываться, скажем, на аналитически-индуктивном восхождении от конкретного к абстрактному, т.е. будут использованы такие общенаучные методы, как анализ, индукция и восхождение от конкретного к абстрактному. Наконец, в качестве философской теоретико-методологической основы вся указанная совокупность методов будет исходить из принципов материалистической диалектики, базироваться на диалектико-материалистическом философском методе. В конечном счете любой конкретно-проблемный метод складывается из совокупности специально-научных, общенаучных и философских методов, использованных с учетом конкретного объекта познания и исследовательской задачи.

Если низший уровень научных методов – методы конкретно-проблемные – характеризуется их конкретностью, то методам высшего уровня – методам философским – присуща наибольшая обобщенность. Последние раскрывают не конкретные пути и способы исследования тех или иных явлений и процессов объективной реальности, а лишь общие подходы и принципы ее познания, обеспечивающие получение истинного знания. Философской методологией и методом научного познания, обеспечивающими возможность получения истинного и всестороннего знания об объективной реальности, является, как известно, материалистическая диалектика, противостоящая в этом плане метафизике. Законы материалистической диалектики

требуют рассмотрения всех проявлений природы, общественной жизни и человеческого мышления во всем их многообразии, разносторонности и взаимосвязи, в непрерывном изменении и развитии и переходе количественных изменений в качественные, в единстве и борьбе противоположностей как источнике развития, а также с учетом органически присущего им единства формы и содержания, явления и сущности, количества и качества. Эти законы свойственны самой объективной реальности (объективная диалектика) и поэтому являются законами и принципами научного познания (субъективная диалектика) и составляют основу всех других уровней методологии и методов научного познания. Здесь материалистическая диалектика выступает как общая теория, методология и логика научного познания.

Вместе с тем очевидно, что для реализации в исследовательской практике законы и принципы материалистической диалектики требуют более определенных конкретных подходов и методов. Такая конкретизация выражается в общенаучных подходах, принципах и методах, которые позволяют решать отдельные задачи в познавательном процессе. Понятно, что в историческом развитии научного познания разработка подобных подходов и методов шла отнюдь не всегда как вполне осознанная реализация требований диалектики, а в очень большой мере стихийно. Это оказывается возможным потому, что мышление развивается вместе с объективной естественной и общественной реальностью. Поскольку же последняя диалектична по своей природе, постольку и мышление при стремлении получить истинные знания должно было при выработке методов научно-познавательной деятельности стихийно отражать диалектику реальности. Сознательная разработка проблем диалектики придала процессу выработки методов познания научный характер. Но лишь марксизм, соединивший в научно-познавательной деятельности диалектику с материализмом, привел к последовательно научному объединению законов материалистической диалектики с общенаучными подходами и методами¹.

---

¹ В советской философской литературе нет единого мнения о соотношении диалектико-материалистических подходов и методов с общенаучными. Наряду с мнением о необходимости их четкого разграничения высказываются и иные соображения. Так, например, авторы работы "Диалектика научного познания. Очерк диалектической логики" (М., 1978) полагают, что наряду с указанными общими законами диалектики, присущими природе, обществу и мышлению, существуют и специфические законы, характерные лишь для познающего мышления (с. 3–5). К ним относятся законы о соотношении абсолютной и относительной истины, о процессах восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, об "оборачивании" метода, об отождествлении нетождественного, о соотношении исторического и логического (с. 18–19) и некоторые другие. Несомненно, что все эти принципы и методы присущи лишь мышлению и по своей природе диалектичны. Поэтому, может быть, и правомерно ставить вопрос об общих и специфических законах диалектики. Но, выделяя специфические законы, надо показать, что это дает для практики научных исследований.

Впрочем утверждение марксизмом указанного единства в познавательной деятельности не исключает стихийно-эмпирического овладения исследовательскими методами и современными исследователями, если они не уделяют должного и целенаправленного внимания технологии познавательной деятельности в своей области науки. Это нередко имеет место и в исторических исследованиях. Понятно, что такая стихийность чревата ошибками, снижением эффективности научных исследований и уж, безусловно, замедляет овладение диалектическим методом научного познания.

Круг общенаучных подходов и методов обширен. Каждый из этих методов характеризует один из аспектов исследовательской деятельности, рассчитан на решение той или иной исследовательской процедуры, а вся их совокупность охватывает исследовательский процесс, начиная с постановки задачи и завершая формулированием полученного нового знания в его высшей форме, какой являются научные теории. К числу наиболее распространенных общенаучных методов относятся: наблюдение и эксперимент, реконструкция и имитация, описание и измерение, абстрагирование и абсолютизация, формализация и идеализация, анализ и синтез, индукция и дедукция, восхождение от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, классификация и типологизация, а также методы исторический и логический, статический и динамический, аналогии, моделирования, алгоритмизации, методы структурного и функционального анализа и др. Диалектический характер общенаучных методов обнаруживается и в парности большинства из них, которая отражает единство и противоположность диалектического подхода к изучению объективной реальности. Та или иная совокупность общенаучных подходов и методов используется в любом специально-научном и конкретно-проблемном методе.

Важная роль общенаучных методов в научном исследовании обуславливает необходимость специального анализа основных из них. Этому и посвящен первый раздел настоящей главы. Далее будут рассмотрены общие методы исторического исследования, т.е. методы, присущие исторической науке в целом.

1. ОБЩЕНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ И ИХ МЕСТО В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Общенаучные методы, применимые во всех науках, рассчитаны на решение тех или иных задач, возникающих в познавательно-исследовательской деятельности. Все они касаются существенных моментов этой деятельности, но “масштабность” их неодинакова. Одни из них выступают в качестве конкретных познавательных средств на эмпирическом и теоретическом уровнях познания (наблюдение и эксперимент, описание и измерение, анализ и синтез, индукция и дедукция и т.д.), а другие связаны с решением более широких познаватель-

ных задач (например, соотношение исторического и логического, конкретного и абстрактного, моделирование и др.)².

Краткая характеристика основных из числа наиболее широких общенаучных подходов и методов и дается в настоящем разделе.

Исторический и логический методы³. Хорошо известно, что эти методы выступают в познавательной деятельности в своем диалектическом единстве и противоположности. Объективной онтологической основой исторического и логического методов в научном познании является то, что функционирование и развитие объектов реальности протекает в пространстве и времени, осуществляется “в форме расположения одного подле другого” и “в форме последовательности одного после другого”⁴. Иначе говоря, всякая реальность на любом этапе существования обнаруживает себя как определенная данность, с одной стороны, и имеет собственную историю возникновения, развития и исчезновения – с другой. Поэтому объективная реальность должна изучаться и синхронно и диахронно, т.е. в пространственном и временном выражении. В этом плане «логический метод раскрывает движение объекта преимущественно в пространстве, “по горизонтали”... Исторический метод показывает движение объекта в интервалах времени “по вертикали”»⁵. В аспекте содержательном исторический метод раскрывает конкретный мир явлений, а логический – их внутреннюю суть⁶.

Однако современное состояние науки не позволяет все проявления объективной реальности познавать в единстве исторического и логического методов. Так, многие явления естественного мира (физические, химические и другие) либо в силу громадной временной протяженности или, наоборот, мгновенности присущих им изменений, либо ввиду того, что эти изменения имеют характер круговорота, не могут быть изучены в развитии, т.е. исторически. Поэтому такие явления изучаются лишь логическим методом.

---

² Наиболее развернутая характеристика общенаучных подходов и методов дана в работах: *Добрянин В.С.* Методологические проблемы теоретического и исторического познания. М., 1968; *Андреев И.Д.* Методологические основы познания социальных явлений. М., 1977; *Диалектика научного познания: Очерк диалектической логики.* М., 1978; *Пальчевский Б.А.* Научное исследование: Объект, направление, метод. Львов, 1979; *Материалистическая диалектика.* Т. 2. Субъективная диалектика. М., 1982; Т. 4. Диалектика общественных отношений. М., 1985; *Принципы материалистической диалектики как теории познания.* М., 1984; *Готт В.С., Семенов Э.П., Урсул А.Д.* Категории современной науки. М., 1984; *Логические методы и формы научного познания.* Киев, 1984; *Проблемы методологии социального познания.* Л., 1985, и др.

³ См.: *Лысманкин Е.Н.* Историческое и логическое в учении об общественно-экономических формациях // *Проблемы социального познания.* М., 1982; *Мареев С.Н.* Диалектика логического и исторического и конкретный историзм К. Маркса. М., 1984; *Логические методы и формы научного познания.* Киев, 1984, и др.

⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 351.

⁵ *Диалектика научного познания: Очерк диалектической логики.* С. 208.

⁶ *Лысманкин Е.Н.* Указ. соч. С. 39.

В отличие от многих естественных сфер развитие общественной жизни вполне может улавливаться в процессе ее познания. Поэтому здесь используются и логический и исторический методы. При этом могут решаться два типа исследовательских проблем. Во-первых, – это синхронное изучение различных объектов, прежде всего представляющих определенные общественные системы. В данном случае исследовательские задачи могут сводиться либо к анализу структуры и функций этих систем безотносительно к историческому развитию, либо к объяснению их через историю систем. Во-вторых, – это исследование изменений объектов во времени, т.е. изучение их развития. Здесь задача может состоять либо в анализе истории объекта безотносительно к его структуре и функциям, либо в объяснении истории объекта через его структуру и функции. Тем самым логический и исторический методы могут выступать как в “чистом виде”, так и в единстве, при котором ведущую роль будет играть один из них.

Однако указанные возможные комбинации логического и исторического методов и тесная связь этих методов не снимают вопроса о том, какой из них с точки зрения диалектико-материалистического познания наиболее эффективен, а поэтому требует и наибольшего внимания к его разработке – как общей, так и конкретной применительно к отдельным наукам, в том числе и исторической. Справедливо указывается, что ответ на поставленный вопрос надо искать, исходя из того, “что же определяет существование объекта таким, каков он есть, – его история или же теперешнее его бытие”⁷. Такая постановка вопроса правомерна потому, что главной задачей научного познания является раскрытие сущности объекта познания в его пространственно-временной данности, т.е. в настоящем его бытии.

В целом в науке и в силу того, что история многих явлений реальности пока не может быть познана, и из-за того, что знание настоящего состояния объектов реальности является ключом к более глубокому пониманию их истории⁸, в качестве основной формы познания предстает не исторический, а логический метод. Естественно, что везде, где необходимо и возможно, логический метод сочетается с историческим.

В указанном плане особо стоит вопрос об исторической науке, поскольку она изучает развитие общества на протяжении всей его истории. Тем самым определяется необходимость исторического подхода и метода в познании прошлого, а принцип историзма выступает в качестве важнейшего в этом познании, как и в науке вообще⁹.

⁷ Диалектика научного познания... С. 224.

⁸ “Анатомия человека, – указывал К. Маркс, – ключ к анатомии обезьяны” (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 42).

⁹ См.: Подкорытов Г.А. Историзм как метод научного познания. Л., 1967; Французова Н.П. Исторический метод в научном познании. М., 1972, и др.

Этот принцип требует “не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь”¹⁰.

Безусловная необходимость применения исторического метода в изучении прошлого как бы сама собой определяет выраженное или молчаливое признание подавляющим большинством историков и специалистов по методологии исторического познания ведущей роли этого метода по сравнению с методом логическим. Разумеется, при этом учитывается и важная роль последнего не только в плане получения теоретического исторического знания, но и как метода историко-синхронного анализа. Это отражено новейшей советской историографией в росте интереса к системному подходу и структурно-функциональному анализу явлений прошлого. Однако господствующее представление о том, что в соотношении исторического и логического методов определяющая роль принадлежит первому, необоснованно. В конкретной практике исторических исследований историка также интересует прежде всего сущностное состояние и функционирование объектов познания в определенные временные моменты и на определенном социальном пространстве, т.е. он, как правило, изучает некое “прошедшее настоящее”. Процесс же развития раскрывается чаще всего через анализ состояния объекта в различных временных срезах. Поэтому и здесь, как и при изучении других сфер реальности, “фактическое знание истории предмета... недостаточно для раскрытия сущностных закономерностей данного предмета, находящегося на определенном” этапе развития¹¹. Напомним еще раз положение диалектико-материалистического познания: “с чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей”¹², т.е. логический анализ реальности. Следовательно, логико-теоретический метод, будучи, как указывал Ф. Энгельс, “не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей”¹³, позволяет глубже понять не только сущность изучаемой реальности в определенный момент, но и принципиальные черты ее истории. Применительно к практике исторических исследований это означает, что наиболее глубокое познание истории тех или иных объектов может быть достигнуто лишь на основе предварительного анализа их структуры и функций “в прошедшем настоящем”, т.е. в определенные синхронные срезы. Поэтому изучение исторического развития, особенно когда оно касается сложных явлений и процессов, лишь на

¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 67.

¹¹ Диалектика научного познания... С. 215.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 497.

¹³ Там же.

основе исторического подхода и метода может оказаться неэффективным и даже привести к ошибочным результатам.

Один пример. Речь идет об уже упоминавшемся изучении аграрной истории России в эпоху капитализма. Архаизация в оценке уровня аграрно-капиталистического развития в начале XX в. не только была обусловлена неумелым учетом ретроспективного характера исторической науки, но и имела более глубокую методологическую основу. К утверждению о господстве в аграрном строе полукрепостнических отношений прежде всего привел чисто исторический метод анализа аграрного развития в пореформенной России. Конкретно он состоял в том, что показывалось ухудшение состояния крестьянского хозяйства в результате сокращения наделов и аграрного перенаселения, роста платежей и задолженности по различным повинностям, сохранения полукрепостнической по форме отработочной системы, сословной неполноправности крестьян и других явлений, обусловленных наличием полукрепостнических пережитков, и прежде всего помещичьего землевладения. Все это действительно имело место. И подход к определению характера аграрного строя в начале XX в. с этих позиций вроде бы убедительно приводил к выводу о господстве в этом строе полукрепостнических отношений. Но все дело в том, что социально-экономический характер аграрного строя в начале XX в. определялся не его предшествующей историей и принесенными ею указанными его чертами, а прежде всего общей системой социально-экономических отношений, господствовавших в это время в экономике страны. А это была система товарно-денежных, буржуазно-капиталистических отношений, достигших благодаря интенсивному процессу промышленного производства весьма высокого общего уровня развития. В итоге и в аграрном строе, несмотря на сохранение полукрепостнических пережитков, господствовали буржуазно-капиталистические, а не полукрепостнические отношения. Но установить господство новых отношений оказалось возможным, используя не исторический, а логический – системно-структурный – анализ. Он показал господство этих отношений и в крестьянском и в помещичьем хозяйствах. Разумеется, это никоим образом не означает ненужности в данном случае исторического анализа. Он также необходим, ибо только путем такого анализа и можно показать, почему буржуазно-капиталистический аграрный строй был опутан сетью полукрепостнических пережитков.

Необходимость логического подхода и метода изучения общественных явлений как важнейшего, можно даже сказать непременно условия адекватного и эффективного раскрытия их истории подтверждается и другими фактами. Так, анализ динамики исторических процессов на основе применения математических методов и ЭВМ и построения их моделей показал, что этот анализ не может быть достаточно эффективным без предварительного изучения

структуры и функций соответствующих систем в пространственно-синхронном аспекте. Подробней об этом будет идти речь во второй части работы.

Важнейшая, можно даже сказать определяющая, роль в научно-исследовательской деятельности принадлежит таким общенаучным методам, как **восхождение от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному**. Чем же это обусловлено? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим, что такое конкретное и абстрактное.

Диалектико-материалистическое понимание категорий “конкретного” и “абстрактного”¹⁴ сводится к следующему. “*Конкретное*” прежде всего – познаваемая объективная реальность во всем многообразии присущих ей черт и свойств, взаимосвязей и закономерностей ее функционирования и развития. В этом виде “конкретное” выступает как объект познания, “исходный пункт созерцания”¹⁵, ибо всякое познание начинается с чувственного восприятия и эмпирического отражения объекта. “Конкретное” – это также отражение объекта познания сознанием субъекта в такой форме и на таком уровне, как многообразие его выражений в виде явлений предстает в единстве с его внутренней сущностью. Единство достигается на высшей стадии познания, когда знание об объекте выражается в форме конкретно-теоретического знания. Следовательно, “конкретное” имеет онтологическое, т.е. предметно-конкретное, и гносеологическое, т.е. мыслительно-конкретное, выражение. В первом своем проявлении оно выступает как исходный пункт познания, а во втором – как его конечный результат.

Абстрагирование в самом общем плане представляет собой всякое мысленное отвлечение от каких-то черт и свойств конкретного, как от объективно-конкретного, так и от теоретико-конкретного. “Абстрактное” является непременным атрибутом и формой всякого научного познания. Это обусловлено тем, что в силу безграничного многообразия свойств объективной реальности «человек не может охватить = отразить = отобразить природы (и общественной жизни. – И.К.) *всей*, полностью, ее “непосредственной цельности”, он может лишь *вечно* приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира и т.д. и т.п.»¹⁶. Следовательно, “абстрактное” в научном познании – это относительно одностороннее, точнее говоря, неполное в плане конкретности знание о познаваемой реальности. В этом аспекте абстрактны не только научные понятия и законы и идеализированные образы и объекты реальности, но и чувственно-конкретные и эмпирические представления о ней, поскольку они отражают ее лишь со стороны явления,

¹⁴ Подробнее см.: Диалектика научного познания... С. 186 и сл.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 37.

¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 164.

т.е. также односторонне. В этой связи конкретно-теоретическое знание потому и является конкретным, что характеризует объект в единстве явления и сущности, т.е. в сочетании многообразных форм его выражения с единством его внутреннего содержания.

Таким образом, в процессе научного познания фигурируют и “конкретное” и “абстрактное”. Объективная конкретность реальности является основой для получения и конкретно-теоретического знания о ней. Абстрактность в познании также не просто порождается невозможностью отражения реальности во всем ее многообразии, но имеет и свою объективную основу, состоящую в том, что в реальности отдельное и общее тесно взаимосвязаны. “Отдельное, – указывал В.И. Ленин, – не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного”¹⁷. Это принципиально важное обстоятельство не только обуславливает правомерность применения абстрагирования как метода научного познания, но и налагает определенные требования на его применение. Главное из них состоит в том, что всякая абстракция должна быть объективно-допустимой, т.е. при всех отвлечениях от того или иного объективно-конкретного она непременно должна отражать те или иные существенные свойства рассматриваемой реальности. В противном случае будет утрачена содержательная определенность реальности. Это требование игнорируется субъективизмом, что ведет к отрыву абстрагирования от объективной реальности и превращает его в произвольную мыслительную процедуру.

В объективной реальности явление и сущность при всей их органической связи не совпадают. Поэтому для выявления сущности необходимы особые теоретико-логические методы. Наиболее общим из них является *восхождение от конкретного к абстрактному*. С другой стороны, конечная цель научного познания состоит в раскрытии органического и конкретного единства явления и сущности, единства, имеющего место в реальности. Для этого тоже требуются специальные методы. Таким методом является *восхождение от абстрактного к конкретному, к теоретически конкретному*. Характеризуя процесс познания с точки зрения его движения к конечному результату, К. Маркс писал: “Конкретное (теоретически. – И.К.) потому конкретно, что оно есть синтез многих определений (т.е. абстракций. – И.К.), следовательно, единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно (реально-конкретное. – И.К.) представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления. На первом пути (т.е. движении от реально-конкретного к абстрактно-

¹⁷ Там же. С. 318.

му. – И.К.) полное представление испаряется до степени абстрактного определения, на втором пути абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления”¹⁸.

Такова общая суть методов восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному и их соотношение¹⁹. Теперь посмотрим, что представляет собой в общих чертах внутренний механизм этих методов.

Процесс абстрагирования при *восхождении от реально-конкретного к абстрактному* может осуществляться различными способами. В исследовательски-прикладном отношении все эти способы можно свести к абстрагированию посредством *отвлечения, отождествления и идеализации*. Абстрагирование посредством *отвлечения* имеет свои варианты. Один из них состоит в том, что рассматриваются те или иные свойства объекта познания как таковые, вне связи с другими его свойствами и объектом как целым. Связанную с этим методом абстракцию называют *изолирующей или аналитической*. Такого рода абстракции широко применяются во всех науках, в том числе и в исторической. Например, историка, занимающегося изучением советского рабочего класса в тот или иной период его истории, может интересовать вопрос об отдельных присущих ему признаках или их связях: скажем, об уровне образования рабочих и размере заработной платы и их взаимосвязи или стаже работы и жилищных условиях и т.д. Полученное в результате отвлечения знание может служить на его теоретическом уровне основой для формирования общих понятий, имеющих важное познавательное значение. Так, в приведенном примере анализ стажа работы позволяет выделить слой *кадровых рабочих и слой новых пополнений*, т.е. сформулировать существенные понятия. Ясно, что далеко не всякий изолированно рассматриваемый признак объекта может быть основой для формулирования общих понятий. Такой признак (или их сочетание) должен отражать существенные черты изучаемой реальности. Поэтому отбор признаков для их обособленного анализа должен быть обоснованным, и в этом случае нельзя просто идти за источником, как порой бывает.

Другим вариантом абстрагирования посредством отвлечения является раскрытие сущности объекта как *целого*, но на основе лишь определенной совокупности характеризующих объект признаков при отвлечении от других известных его черт. Отличие этого варианта от первого состоит в том, что здесь анализируются не сами по себе признаки, а объект как некая сущностно-содержательная,

---

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 727.

¹⁹ См.: Ильенков Э.Ф. Диалектика абстрактного и конкретного в “Капитале” Маркса. М., 1960; Розов М.А. Научная абстракция и ее виды. Новосибирск, 1965; Диалектика научного познания... и др.

качественная целостность. В итоге абстрагирования здесь происходит не просто формирование абстрактных понятий, отражающих отдельные свойства объекта, как в первом случае, а выявляются существенные черты, законы и тенденции функционирования и развития объекта как целого.

Указанный вариант восхождения от конкретного к абстрактному является одним из наиболее широко распространенных методов анализа явлений и процессов как определенных целостностей. Основная сложность в реализации этого метода состоит в выявлении той совокупности признаков, на основе которых может быть раскрыта сущность объекта как целого. Трудности отбора вводимых в анализ признаков особенно велики в тех случаях, когда используемые историком источники содержат большое количество показателей. Тогда отбор необходимых из них требует большой и тщательной предварительной работы, связанной с формированием и оценкой всевозможных наборов таких показателей. Этот отбор должен строиться на глубоком содержательном анализе изучаемых явлений и процессов. При этом следует учитывать, что количество отбираемых признаков само по себе не определяет их представительности, и поэтому надо воздерживаться от чисто механического увеличения их числа.

При оперировании с большими объемами массовых данных для выявления необходимых признаков может быть эффективным их предварительный экспериментальный отбор на основе репрезентативной выборки, включающей небольшое число объектов.

При отборе показателей из массовых исторических источников могут с успехом применяться математические методы и ЭВМ.

Другая проблема возникает в тех случаях, когда источники содержат крайне ограниченный набор показателей. Тогда для характеристики объекта как определенной целостности необходима всесторонняя оценка репрезентативности имеющегося комплекса данных.

В целом анализ исторических явлений и процессов как целостностей посредством восхождения от конкретного к абстрактному на основе отвлечения от определенных признаков и идентификации целого по совокупности его отдельных признаков в конечном результате позволяет довести познание сущности изучаемой реальности до построения ее сущностно-содержательных и формально-количественных моделей. Это будут аналитические, индуктивно-эмпирические модели.

Иной характер имеет *абстрагирование посредством отождествления нетождественного*. Суть абстрагирования путем отвлечения сводится к тому, что анализ осуществляется на основе так или иначе ограниченного набора показателей, которые отражают *реально* присущие объекту свойства, т.е. являются конкретными и в

онтологическом и в гносеологическом отношении. Абстрагирование же посредством отождествления нетождественного состоит в том, что в процессе познания объект упрощается и огрубляется в результате приписывания ему таких состояний и характеристик, которыми в действительности он обладает в весьма приближенной мере либо даже вовсе не обладает. Необходимость подобных упрощений и огрублений обусловлена тем, что действительности, особенно ее общественным формам, присущи сложная взаимосвязь, непрерывное движение и изменение, т.е. ее функционирование и развитие объективно глубоко диалектично. В силу этого при несомненной качественной определенности объектов реального мира им свойственна и неопределенность, выражающаяся в неустойчивости количественных пределов этой определенности и “замаскированности” границ перехода одного качества в другое. В.И. Ленин в этой связи подчеркивал, что «все грани в природе и обществе условны и подвижны, что было бы нелепо спорить, например, о том, к какому году или десятилетию относится “окончательное” установление империализма»²⁰. Ф. Энгельс, критикуя метафизические представления об объективном мире, указывал, что они не учитывают присущего объективному миру универсального взаимодействия, в котором “причины и следствия постоянно меняются местами; то, что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием и наоборот”²¹. Поэтому в процессе научного познания объективного мира невозможно “представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, – и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и **всякого** понятия”²², т.е. всякой реальности, отражаемой познанием.

Указанный диалектико-материалистический подход к пониманию объективной реальности и основанное на нем признание относительности и приближенности знаний об этой реальности принципиально противостоят релятивизму, который абсолютизирует относительность знания и отрицает возможность объективного познания мира.

Необходимость упрощения и огрубления в процессе познания и приводит к тому, что восхождение от конкретного к абстрактному выступает в форме отождествления нетождественного, отождествления, состоящего в том, что неточное отождествляется с точным, неустойчивое и неопределенное – с устойчивым и определенным, непрерывное с дискретным и т.д., т.е. приблизительные реконструкции действительности отождествляются в сознании с объективным

---

²⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 387.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 22.

²² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 233.

и сложным многообразием этой действительности. В практике научных исследований такое отождествление прежде всего имеет место, во-первых, при раскрытии сути явлений на основе количественных показателей, полученных в результате измерения соответствующих признаков реальности, во-вторых, при анализе развития, в-третьих, при всякого рода классификациях и типологизации объектов реальности.

Измерение наряду с описанием является одним из методов выражения в познании свойств изучаемых объектов. Всякое измерение в силу исторически-познавательной ограниченности способов его проведения всегда относительно, т.е. приблизительно с точки зрения отражения истинных количественных характеристик объектов. И в этом отношении оно всегда представляет и будет представлять отождествление нетождественного с тождественным. Поэтому в исследовательской практике важно не только стремиться к наиболее точным измерениям, но и представлять степень этой точности, а следовательно, и правомерность отождествления нетождественного. Это особенно важно при работе со всякого рода экспертными оценками, которые используются для измерения качественных признаков объектов реальности.

Другой важной проблемой при измерении и оперировании с количественными показателями является агрегирование (усреднение) данных. Его пределы должны быть такими, чтобы средняя при всей неточности всегда отражала реальные свойства (признаки) действительности. Это зависит от специфики объекта познания и решаемой исследовательской задачи. Так, например, вполне правомерен расчет каких-либо данных на душу населения всей страны, т.е. на предельном уровне агрегирования, если имеется в виду выявление общего уровня развития какой-то стороны реальности (скажем, сбора хлебов) в тот или иной временной момент, или в ее динамике, или сравнительно с другими сторонами реальности и т.п. Но ничего не дадут сами по себе средние показатели того же сбора хлебов на душу в отдельных крестьянских селениях, т.е. на значительно более низком уровне агрегирования, если будет изучаться характер буржуазного разложения крестьянства в этих селениях.

В общем широко распространенный анализ исторических явлений и процессов посредством восхождения от конкретного к абстрактному путем отождествления нетождественного в результате измерений и агрегирования количественных показателей требует внимательного учета ряда важных методологических моментов.

С целым рядом абстракций при восхождении от конкретного к абстрактному в форме отождествления нетождественного связано изучение общественно-исторического *развития*. Прежде всего отождествление нетождественного выражается в том, что непрерывное в реальности движение при его изучении изображается как дискретное. Это происходит в равной мере и когда характер (т.е. направлен-

ность) развития и его интенсивность раскрываются на основе сопоставления состояний процесса в отдельные временные моменты с тем или иным интервалом между ними (скажем, равным пяти или десяти и т.д. годам), и когда это развитие характеризуется как динамический процесс той или иной продолжительности, т.е. по данным, охватывающим весь рассматриваемый период.

Приближенность и огрубленность первого подхода выражается в том, что остается неизвестным характер изменений в пределах выделенных интервалов. Помочь преодолению возникающих трудностей может, как указывалось, сочетание исторического анализа с логическим, т.е. изучение развития соответствующих явлений и процессов по разрозненным временным моментам должно быть дополнено рассмотрением их структуры и функций на выделенных временных рубежах.

С иными проблемами отождествления нетождественного при изучении того или иного процесса историк сталкивается в тех случаях, когда его развитие может анализироваться по данным динамических рядов показателей. Хотя динамические ряды характеризуют объекты на всем протяжении определенного периода, они также представляют собой совокупность дискретных данных, т.е. значений признака, относящихся к одной и той же временной единице (день, месяц, год и т.д.). Обоснованное выделение таких единиц, если историк определяет их сам, или оценка их пригодности, если они выделены в источнике, – первая задача, которая возникает при оперировании с динамическими данными. Она должна решаться с учетом исследовательской задачи и сложной внутренней структуры динамических показателей. Другая задача состоит в разработке адекватных сути изучаемого процесса методов обработки и анализа динамических показателей. Сложная структура последних приводит к тому, что обработка и анализ динамических данных даже с применением математических методов дают так или иначе приближенное представление о реальном ходе процесса. Тем более приближенным и даже в большой мере условным оказывается установление границ, отделяющих одно качественное состояние объекта от другого, когда границы определяются на основе количественной оценки *качественных* признаков. Этим обуславливается необходимость разработки обоснованной шкалы измерения и количественной оценки качественных признаков, характеризующих объекты реальности.

Широкое распространение отождествления нетождественного при восхождении от конкретного к абстрактному имеет место при всякого рода *классификациях* и *типологизации*. Они широко применяются в науке, ибо позволяют выделять не только классы и группы сходных в тех или иных отношениях объектов, но и существенно отличные их типы. Происходящее при этом упрощение реальности выражается в двух моментах. Во-первых, – это условность границ, отделяющих соответствующие группы и типы объектов.

Будучи весьма подвижными и относительными в действительности, они выступают “жесткими” и абсолютными в познании. Во-вторых, существенно отличные типы социальных объектов, с одной стороны, выделяются одномерно или в лучшем случае на основе всего нескольких признаков, а с другой – все объекты, отнесенные к определенному типу, рассматриваются как одинаково отличные от объектов другого типа.

Восхождение от конкретного к абстрактному в форме отождествления нетождественного занимает важнейшее место в исторических исследованиях и для своего корректного и эффективного применения, как видим, требует учета и решения целого ряда методологических моментов.

Еще одним путем восхождения от конкретного к абстрактному является *идеализация*. Суть ее состоит в том, что в процессе познания мысленно формируются объекты с определенными идеальными свойствами. Эти свойства присущи объекту, но в действительности не обладают предельностью выражения. Идеализация осуществляется посредством абстрагирования, суть которого – в том, что действие на свойства объекта каких-то условий (факторов) сводится к нулю или становится инвариантным (неизменным). Тем самым проявление этих свойств доводится до предела, становится идеальным и абсолютным. Эта абсолютность свойств идеального объекта и приписывается действительности. Тем самым идеализация сочетается с абстрагированием от одних свойств и условий и с абсолютизацией других.

Поясним суть идеализации на простейшем примере. Допустим, мы изучаем соотношение в промышленном производстве технической вооруженности труда, его производительности и заработной платы рабочих. Соотношение (характер взаимосвязи) между этими признаками – важнейший показатель производственно-экономического уровня и общественной эффективности промышленного производства. Очевидно, что в зависимости от многообразных конкретных условий характер взаимосвязи между указанными признаками и ее теснота могут быть различными. Отвлекаясь от этого многообразия, можно допустить, что взаимосвязь между признаками проявляется в чистом виде и достигла своего возможного предела, т.е. стала линейно-функциональной. Это означает, что всякое изменение технической вооруженности труда, как основополагающего фактора в данной системе, всегда приводит к строго определенным изменениям производительности труда, а изменения последней строго определенно влияют на заработную плату. Тем самым рассматриваемый объект будет представлен в идеальном выражении. В действительности рассматриваемые черты объекта могут и не иметь и, как правило, не будут иметь указанного предельного идеального соотношения, и в этом плане нарисованный объект абстрактен. Но, во-

первых, его черты являются выражением признаков, присущих реальному объекту, и, во-вторых, не лишена оснований и предельность этих черт, ибо она отражает присущую всякой системе на восходящем этапе развития тенденцию к усилению сбалансированности ее структуры. Поэтому идеализация при всей абстрактности связана с реальностью и основана на ней.

В научно-познавательной деятельности восхождение от конкретного к абстрактному посредством идеализации позволяет раскрыть сущность изучаемой реальности в ее предельном, очищенном от конкретности виде. Идеальные объекты и образы действительности – основа не только для выявления присущих ей закономерностей функционирования и развития, но и для построения сущностно-содержательных, а на этой базе и формально-количественных ее моделей. В отличие от моделей индуктивно-аналитических, связанных с абстрагированием посредством простого отвлечения, моделирование на основе идеализации является дедуктивно-интегральным, т.е. отражает реальность на более высоком уровне.

Абстрагирование на уровне, приводящем к построению идеальных объектов, как бы исчерпывает себя. Оно достигает предела, когда должно начаться движение от теоретически-абстрактного к теоретически-конкретному, т.е. восхождение от абстрактного к конкретному.

Таковы различные способы восхождения от конкретного к абстрактному. Следует отметить, что разграничение этих способов в большей мере является условным, ибо тоже представляет собой абстракцию. В практическом исследовании указанные способы абстрагирования тесно переплетены. Любое абстрагирование одновременно представляет и отвлечение от чего-то, и отождествление чего-то, и тем самым определенную идеализацию реальности. В зависимости от исследовательских задач одна из указанных форм может быть доминирующей, что и является основанием для их раздельного рассмотрения.

В целом же восхождение от конкретного к абстрактному выступает важнейшим общенаучным методом познания объективной реальности. “Мышление, – указывал В.И. Ленин, – восходя от конкретного к абстрактному, не отходит – если оно *правильное... от истины*, а подходит к ней. Абстракция *матери*, *закона* природы, абстракция *стоимости* и т.д., одним словом, *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *п о л н е е*”²³, чем живое созерцание. Абстрагирование позволяет проникнуть в сущность явлений.

Вместе с тем восхождение от конкретного к абстрактному не доводит процесс научного познания до завершенной стадии – до по-

²³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 152.

лучения конкретно-теоретического знания об объективной реальности. Такое знание может быть достигнуто в результате восхождения от абстрактного к конкретному.

*Восхождение от абстрактного к конкретному*²⁴. В самом общем плане восхождение от абстрактного к конкретному является таким методом познания, который позволяет перейти от ограниченного знания, полученного посредством восхождения от конкретного к абстрактному, к более полному и глубокому содержательно-конкретному теоретическому знанию. “Метод восхождения от абстрактного к конкретному, – указывал К. Маркс, – есть... способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное”²⁵. Поэтому этот метод и рассматривается как основной в научном познании. Заслуга его разработки принадлежит К. Марксу. Подчеркивая эту заслугу и оценивая научную эффективность метода, Ф. Энгельс, как было отмечено выше, считал выработку этого метода “результатом, который по своему значению едва ли уступает основному материалистическому воззрению”²⁶. Конкретное теоретическое знание, полученное в итоге восхождения от абстрактного к конкретному, выступает в форме научных понятий, законов и теорий, характеризующих сущность исследуемой реальности в единстве с выражающими ее явлениями.

Восхождение от абстрактного к конкретному, естественно, предполагает наличие абстракций, позволяющих переходить к конкретному в процессе познания определенной реальности. Очевидно, что основой для перехода к теоретическому отражению конкретного могут быть далеко не всякие абстракции, а лишь такие, в которых реальность сводится к простейшему ее элементу, аккумулирующему важнейшие свойства этой реальности. Следовательно, в процессе абстрагирования должна быть выявлена исходная “клеточка” реальности, способная стать основой для восхождения от абстрактного к конкретному. Подобная “клеточка” должна, хотя и обобщенно, но реально воспроизводить как наиболее массовидные характерные черты функционирования и развития объекта, так и присущие ему основные противоречия. В этой связи прежде всего очевидно, что из рассмотренных способов восхождения от конкретного к абстрактному лишь абстрагирование в форме идеализации может привести к указанному результату (ибо именно в идеальном абстрактном объекте отражаются и доводятся до предела основные черты реальности в их единстве и противоположности). Исходная “клеточка” может быть получена также в результате аналитического сведения многообразия реальности к ее исходному и всеобщему компо-

²⁴ Подробнее см.: Диалектика научного познания... Гл. 4.

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 727.

²⁶ Там же. Т. 13. С. 497.

ненту. Так, К. Маркс при анализе капиталистического способа производства в качестве исходного его компонента (“клеточки”) выделял товар. Характеризуя этот подход, В.И. Ленин писал: «У Маркса в “Капитале” сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение* буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой “клеточке” буржуазного общества) *все* противоречия (respective зародыши *всех* противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение (т.е. восхождение от абстрактного к конкретному. – *И.К.*) показывает нам развитие (*и* рост *и* движение) этих противоречий и этого общества, в Σ его отдельных частей, от его начала до его конца»²⁷.

Ясно, что выделение наиболее существенных свойств той или иной массовидной объективной реальности (и в виде исходной “клеточки”, и в форме идеального объекта) возможно далеко не всегда и в плане онтологическом и в аспекте гносеологическом. С одной стороны, необходим определенный уровень развития, зрелости соответствующей объективной реальности, когда в ней складываются всеобщие структурообразующие элементы и признаки, а с другой – требуется относительно высокая степень знаний об этой реальности. К. Маркс указывал: «Наиболее всеобщие абстракции (а ими и являются выделяемые исходные “клеточки” и идеальные объекты реальности. – *И.К.*) возникают вообще только в условиях наиболее богатого конкретного развития, где одно и то же является общим для многих или для всех. Тогда оно перестает быть мыслимым только в особенной форме»²⁸.

Следовательно, восхождение от абстрактного к конкретному – это метод изучения внутренней сущности и законов функционирования и развития сложных систем на наиболее высоком уровне их теоретического познания, т.е. когда существует возможность доведения его до получения конкретно-теоретического знания. Далеко не все области современных наук, в том числе и исторической науки, достигли того уровня, когда становится возможным восхождение от абстрактного к конкретному. Но достижение такого уровня – важнейшая цель научного познания, ибо только конкретно-теоретическое знание, как известно, создает наиболее фундаментальные основы для практической (прикладной) и научно-познавательной деятельности.

Восхождение от абстрактного к конкретному имеет два варианта.

Первый из них состоит в том, что последовательное разворачивание основных свойств и противоречий реальности, абстрактно выраженных в исходной ее “клеточке”, приводит к конкретному

²⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 318.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 41.

раскрытию присущих этой реальности противоречий и законов функционирования и развития. Таким путем шел К. Маркс при изучении капиталистического способа производства. Восхождение от абстрактного к конкретному состояло в последовательном выявлении тех отношений и противоречий, которые присущи капиталистическому способу производства и которые в обобщенном, абстрагированном виде заключены в товаре. Отправляясь от категории “товар” и раскрывая свойственные товарному производству отношения и противоречия, К. Маркс сначала приходит к раскрытию сути капитала как самовозрастающей стоимости. Затем, рассматривая отношения труда и капитала (ибо всякая стоимость создается трудом), К. Маркс выявляет антагонистический, эксплуататорский характер экономических отношений при капитализме. Неизбежным общественным проявлением этого антагонизма была борьба между трудом и капиталом, классовая борьба пролетариата против буржуазии. Так, отталкиваясь от простейшей “клеточки”, К. Маркс приходит к конкретному раскрытию законов функционирования и развития буржуазного способа производства и вообще капиталистической общественно-экономической формации. В.И. Ленин подчеркивал, что в “Капитале” К. Маркс показал “всю капиталистическую общественную формацию как живую”²⁹.

Таким образом, в рассматриваемом варианте восхождение от абстрактного к конкретному представляет собой движение познания от исходной “клеточки” – абстракции – к конкретно-теоретическому раскрытию объекта познания во всем его многообразии. Конкретизация абстрактного осуществляется путем выявления тех противоположностей и противоречий, которые присущи исследуемой реальности, и показа их объективной сути и путей практического разрешения. В познании это осуществляется раздельным анализом противоположностей, т.е. переходом к рассмотрению более конкретных сторон реальности. Анализ каждой из противоположностей опять-таки приводит к выявлению свойственных им противоречий и раскрытию этих противоречий посредством новой их характеристики как самостоятельных сторон реальности и т.д. В итоге абстрактная сущность получает конкретные выражение и объяснение. Показывая механизм восхождения от абстрактного к конкретному, Ф. Энгельс писал: “При этом методе мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами (т.е. из товара. – И.К.), следовательно, в данном случае из первого экономического отношения, которое мы находим. Это отношение мы анализируем. Уже самый факт, что это есть отношение, означает, что в нем есть две стороны, которые *относятся друг к другу*. Каждую из этих сторон мы рассматриваем отдельно; из этого вытекает характер их отношения друг к другу, их

²⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 138–139.

взаимодействие. При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мышления, который происходит только в наших головах, а действительный процесс, некогда совершавшийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое разрешение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения, две противоположные стороны которого нам надо будет развить и т.д.”³⁰

В основе другого варианта восхождения от абстрактного к конкретному лежит не всеобщая и элементарная “клеточка” реальности, а ее абстрактно-теоретический идеальный образ. Восхождение к конкретному здесь состоит в том, что с *идеальным* состоянием объекта сопоставляются его *реальные* состояния и тем самым раскрываются специфика и степень проявления в конкретном всеобщих и оптимально выраженных черт и закономерностей этого объекта. Поэтому данный вариант восхождения иногда называют “*нисхождением*” от абстрактного к конкретному³¹. Думается, что в особом обозначении этого варианта нет необходимости, ибо в обоих случаях познание движется от простого и очевидного к глубокому и скрытому, поднимая уровень знания о реальности на более высокую ступень. Кроме того, и второй вариант восхождения от абстрактного к конкретному позволяет вскрыть не только специфику проявления всеобщего в пространственных и временных выражениях сущности объекта, т.е. в определенных мини-системах, но и конкретику его функционирования и развития как целого, как макросистемы.

Процесс восхождения к конкретному и в этом случае основан на анализе соотношения различных сторон (свойств) объекта и присущих этому соотношению противоречий, с одной стороны, и раскрытии (снятии) этих противоречий посредством их отдельного рассмотрения, – с другой. Выше указывалось на возможность идеально-абстрактного выражения объекта познания при изучении производственно-экономической структуры промышленного производства. Сопоставление реальной картины с возможным идеалом позволяет раскрыть конкретную специфику проявления общей тенденции в функционировании системы в тех или иных условиях. Так, например, может оказаться, что в какой-либо отрасли промышленности рост заработной платы не сопряжен с изменениями производительности труда. Это значит, что в функционировании данной отрасли имеет место сбой по сравнению с ее оптимальным, экономически оправданным развитием, при котором рост заработной платы должен соответствовать повышению производительности труда. Подобный анализ может охватывать и все другие соотношения рассматриваемые

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 497–498.

³¹ См., например: Дialeктика научного познания... С. 189.

мых признаков (техническая вооруженность труда, его производительность и заработная плата). Тем самым восхождение от абстрактно-идеального к пространственному и временному реальному позволит получить конкретно-теоретическое знание об исследуемом объекте.

Как видим, восхождение от абстрактного к конкретному – весьма эффективный метод научного познания. В целом восхождение от абстрактного к конкретному – *диалектико-материалистический, интегрально-аналитический, дедуктивный метод научного познания*. В этом плане он существенно отличается от эмпирического, индуктивно-аналитического восхождения от конкретного к абстрактному. При всей научно-познавательной важности последнего как средства раскрытия сущности изучаемой реальности ему присуща определенная ограниченность.

Во-первых, индуктивный анализ не позволяет установить всеобщности раскрываемых им закономерностей. Проявление соответствующей закономерности всегда ограничивается эмпирически установленными ее пределами, и распространение ее на более широкую сферу требует конкретного подтверждения. Дедуктивный анализ в этом смысле отличается синтетическим характером, и открываемые с его помощью закономерности имеют интегральный, всеобщий характер и не требуют конкретного пространственного или временного подтверждения.

Во-вторых, индуктивно-аналитическое абстрагирование как таковое не раскрывает внутренних противоречий функционирования и развития объекта познания. Тем самым остается скрытым источник развития. Абстракции же, лежащие в основе восхождения от абстрактного к конкретному, включают в себя такие противоречия. Они последовательно диалектически рисуют объект и в единстве и в борьбе противоположностей. Следовательно, основой для восхождения от абстрактного к конкретному может быть лишь такая абстракция, которая отражает противоположности и противоречия изучаемого объекта. Анализ свойственных объекту противоречий и путей их разрешения (как в реальности, так и в познании) – главная задача восхождения от абстрактного к конкретному. Поэтому этот метод и позволяет познавать действительность «не “мертво”, не “абстрактно”, *не без движения, не без противоречий*, а в вечном **процессе** движения, возникновения противоречий и разрешения их»³².

Вместе с тем очевидно, что высокая научно-познавательная эффективность метода восхождения от абстрактного к конкретному сочетается со значительными трудностями в его практическом применении. Главная из них состоит в том, что к этому методу нельзя обратиться, руководствуясь лишь субъективными устремлениями. Предварительно должен быть достигнут такой уровень знаний об

³² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 177.

изучаемой реальности, который обеспечивает возможность применения принципов познания, характерных для данного метода. К сожалению, многие области исторических знаний еще не доведены до соответствующего уровня. Этим в большой мере объясняется то, что этот метод пока еще не получил широкого распространения в исторических исследованиях. Но есть немало и таких областей исторического знания, где он вполне может быть применен. В следующем разделе работы будут приведены примеры его эффективного использования в исторических исследованиях. Поэтому в связи с необходимостью совершенствования методов исторических исследований важной задачей является овладение историками методом восхождения от абстрактного к конкретному.

Широко применяются в современной науке **системный подход** и **системный анализ**. Последний также является одним из общенаучных методов. Все более важное место занимает он и в исторической науке. Специфика его применения в исторических исследованиях будет рассмотрена в следующем разделе настоящей главы. Здесь же отметим лишь основные черты системного подхода и системного анализа³³.

Объективной основой широкого распространения системного подхода и системного анализа является то, что естественная и общественная реальность не состоит из отдельных и изолированных предметов, явлений и процессов, а представляет собой совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих объектов, *определенные целостные, системные образования*. Поэтому исходным в системном подходе и анализе является понятие *системы*. Сложность и многообразие систем объективной реальности обуславливают множественность существующих определений ее. В наиболее общем плане суть этих определений сводится к следующему. Система представляет собой такую целостную совокупность элементов реальности, взаимодействие которых обуславливает возникновение у

³³ Системному подходу и системным исследованиям, структурному и функциональному анализу посвящена громадная как философская, так и специальная научная литература. Из наиболее общих работ советских исследователей см., например: *Тюхтин В.С.* Отражение, системы, кибернетика. М., 1972; *Блауберг И.В., Юдин Б.Г.* Понятие целостности и его роль в науке. М., 1972; *Садовский З.Н.* Основания общей теории систем. М., 1974; *Уемов А.И.* Системный подход и общая теория систем. М., 1978; *Кузьмин В.П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1980; *Афанасьев В.Г.* Системность и общество. М., 1980; *Марков Ю.Г.* Функциональный подход в современном научном познании. Новосибирск, 1982; Философско-методологические основания системных исследований. М., 1983; *Аверьянов А.Н.* Системное познание мира: Методологические проблемы. М., 1985; *Калошин П.Н.* Материалистическая диалектика и системный подход. Ташкент, 1985; и др. Общие и конкретные проблемы системных исследований и структурного и функционального анализа рассматриваются также в ежегоднике "Системные исследования", издаваемом Всесоюзным научно-исследовательским институтом системных исследований.

этой совокупности новых интегративных качеств, не присущих образующим ее элементам³⁴. Этим целостная система отличается от такого сочетания элементов, которое образует лишь простую их сумму и не создает новых свойств (как, например, куча камней или поток движущихся по улице в разных направлениях и с разными целями людей).

Имея в виду общественные системы как носителей новых интегративных качеств, К. Маркс писал: “Подобно тому как сила нападения эскадрона кавалерии или сила сопротивления полка пехоты существенно отличны от суммы тех сил нападения и сопротивления, которые способны развить отдельные кавалеристы и пехотинцы, точно так же и механическая сумма сил отдельных рабочих отличается от той общественной силы, которая развивается, когда много рук участвует одновременно в выполнении одной и той же нераздельной операции”³⁵. Целостность систем отражает объективное свойство явлений реальности, состоящее в том, что в процессе их взаимодействия возникают новые качества, присущие совокупности объектов как целому и не свойственные отдельным исходным объектам взаимодействия.

Все системы имеют свое *строение, структуру и функции*³⁶.

Строение системы определяется составляющими ее компонентами, т.е. взаимосвязанными между собой ее частями. Компонентами системы являются подсистемы и элементы. *Подсистема* – это такая часть системы, которая сама образована из компонентов, т.е. подсистема сама представляет собой систему в системе более высокого порядка. *Элемент* – это нерасчленимый далее, элементарный (атомарный) носитель содержательных свойств системы, предел членения системы в границах присущего ей данного качества. Если, скажем, рассматривается социальная структура рабочего класса, то в качестве системы самого высокого порядка будет выступать рабочий класс страны. Подсистемами в этой системе могут быть производственно-профессиональные отряды рабочего класса – промышленные, строительные, сельскохозяйственные и т.д. рабочие. Каждая из этих подсистем сама является системой и состоит из определенных компонентов-подсистем (например, рабочих отдельных отраслей промышленного производства – станкостроение, судостроение, текстильное производство и т.д.). Указанное членение можно продолжить. Нечленимым, атомарным элементом во всех этих системах будет отдельный рабочий. Таким образом, строение сложных

³⁴ См.: Тюхтин В.С. Указ. соч. С. 11; Садовский В.Н. Указ. соч. С. 83–84; Афанасьев В.Г. Указ. соч. С. 24.

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 337. В другой работе К. Маркс писал по этому поводу: “...Само существование города как такового отличается от простой множественности независимых домов. Здесь целое не просто сумма своих частей. Это своего рода самостоятельный организм” (Там же. Т. 46. Ч. 1. С. 470).

³⁶ Подробнее см.: Афанасьев В.Г. Указ. соч.

общественных систем чаще всего представляет собой определенную иерархию взаимосвязанных систем разного пространственно-временного уровня. При этом системы более высокого уровня складываются из более крупных компонентов.

В сложном строении общественных систем, многообразном сочетании их компонентов проявляется тесная переплетенность в объективной реальности общего, особенного и единичного. Система как целостность наиболее высокого уровня – это общее. Ее же компоненты, т.е. подсистемы и элементы, – особенное и единичное.

Компоненты (части) системы находятся в единстве. Нет целого без части и части без целого. Во взаимодействии частей и целого ведущая роль принадлежит целому. “Часть, – указывал В.И. Ленин, – должна сообразоваться с целым, а не наоборот”³⁷. Целое выражает то всеобщее, существенное, что присуще его частям. Оно определяет законы функционирования и развития частей. Но части целого, подсистемы и элементы системы обладают и собственными относительно самостоятельными свойствами, которые выражают то специфическое, что присуще им как таковым. Самостоятельность компонентов системы проявляется в их пространственно-временной локализации, т.е. своеобразии. Следовательно, наряду с единством частей и целого имеют место и противоречия между ними.

Структура – внутренняя организация системы, характеризующаяся способом взаимодействия ее компонентов и присущих им свойств. Структура системы определяет содержательную суть системы как целого. В структуре выражаются интегральные свойства системы. Степень развитости системы, стабильность ее функционирования определяются устойчивостью ее структуры. Поэтому в процессе восходящего развития системы ей присуща тенденция к росту сбалансированности, к внутренней сопряженности ее компонентов. Разного рода нарушения устойчивости и сбалансированности структуры отрицательно сказываются на ее функционировании.

Функция – форма, способ жизнедеятельности общественной системы и ее компонентов. “Различные общественные функции, – указывал К. Маркс, – суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности”³⁸. В функциях системы реализуется ее объективная предназначенность, выражается поведение системы, определяемое присущими ей законами. Функции имеет не только система в целом, но и составляющие ее компоненты. Функции последних направлены на сохранение системы, ее совершенствование и развитие, на достижение единого системного результата. Функционирование системы – основа ее развития. Функции и системы в целом, и составляющих ее компонентов определяются одними законами.

³⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 362.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 499.

Структура и функции системы тесно взаимосвязаны. Функции системы реализуются через ее структуру. Только при соответствующей структуре система может успешно выполнять свои функции.

Всякая общественная система функционирует в определенной среде. *Среда системы* – ее окружение. Это – объекты, которые непосредственно или через компоненты системы воздействуют на формирование, функционирование и развитие системы. Для общественных систем средой являются другие системы. Функционирование той или иной общественной системы представляет собой сложное взаимодействие с другими системами. В этом взаимодействии проявляется суть тех функций, которые присущи системе.

Связи и отношения систем (т.е. их взаимодействие) характеризуются сложным сочетанием *координации* и *субординации* их структур и функций, которые порождают различные уровни *иерархии систем*.

Координация – горизонтальная, пространственная упорядоченность, согласованность структур и функций систем. *Субординация* – вертикальная, временная соподчиненность структур и функций систем. Тем самым определяется наличие структурной и функциональной иерархии систем. Структурные (пространственные) уровни систем отличаются степенью агрегированности (обобщенности) компонентов систем и согласованностью их структур. Функциональные (временные) уровни систем характеризуются причинной последовательностью воздействия функций одних систем на другие. В обоих случаях структуры и функции систем более низкого уровня детерминируются структурами и функциями систем более высокого уровня. При этом функции системы высшего уровня выступают как структурные, системные свойства всей иерархии систем определенного рода³⁹.

Иллюстрацией указанного взаимодействия иерархии систем может быть следующий простой пример. Допустим, что рассматривается такая иерархическая совокупность систем, как промышленное производство той или иной страны в определенный временной момент.

В пространственном (социальном смысле) аспекте здесь можно выделить такие уровни иерархии: промышленное производство в целом – отрасль промышленности – промышленное предприятие – цех – участок – рабочая бригада. По отношению к промышленному производству в целом все остальные уровни выступают как компоненты, подсистемы общей системы. Но каждый из этих компонентов представляет собой и особую систему, включающую в качестве своих компонентов системы следующего, более низкого уровня (наиболее крупными компонентами системы в целом выступают отрасли промышленности, компонентами отрасли будут предприятия

³⁹ См.: Марков Ю.Г. Указ. соч. С. 50.

и т.д.). Для нормального функционирования этой иерархии систем взаимодействие всех входящих в нее систем (подсистем) должно быть скоординированным, упорядоченным, т.е. взаимосвязь всех основных их признаков должна быть сопряженной, сбалансированной. Эта сбалансированность структуры на высшем уровне иерархии (в промышленном производстве в целом) будет наиболее четко выражать основные свойства данной иерархии систем, законы ее функционирования, проявляющегося в том, что функции систем (подсистем) более низкого уровня соподчинены, детерминируются функциями систем более высокого уровня. Очевидно, что, скажем, функции бригады определяются функциями участка, в состав которого она входит; функции участка обуславливаются функциями цеха и т.д. Высшим уровнем детерминации будут функции системы в целом. Следовательно, те свойства, которыми отличаются компоненты иерархической системы, складываются не только из черт, выражающих содержательную природу элементов системы как таковой, но и из признаков, которые присущи системе в целом.

Таким образом, взаимодействие компонентов, структур и функций в иерархически взаимосвязанной совокупности систем (или, можно сказать, в иерархической системе) характеризуется одновременно и координацией и субординацией.

Коснемся вопроса об источниках развития общественных систем, ибо все общественные системы непрерывно изменяются и развиваются. Динамизм – их органическое и наиболее существенное свойство. Изменяются и развиваются и структуры систем. Это никоим образом не противоречит сбалансированности и тенденции к росту устойчивости систем до определенного момента, до пика в их развитии. Чтобы понять внутренний механизм развития системы и его динамическую природу, надо вернуться к исходным элементам системы, образующим ее содержательную субстанциональную сущность. Эти элементы являются носителями тех свойств, которые и определяют сущность системы и соответствующей ей структуры. При многообразии свойств, присущих всем объектам реальности, ведущая роль в их совокупности принадлежит тем из них, которые выступают как *системообразующие*, т.е. как определяющие сущностно-содержательную природу системы.

Та или иная система с присущими ей целостностью и структурой возникает как объективная данность тогда, когда образуется определенная совокупность элементов (объектов), обладающих признаками, существенно отличающими эту совокупность от других, придающими ей качественную определенность. Но всякая качественная определенность имеет диапазон своего количественного выражения от минимального до максимального. Понятно, что в момент возникновения системы количественная определенность нового качества будет находиться на нижнем уровне. В структуре системы это проявится в том, что сбалансированность и взаимосвязи признаков

структуры будут еще далеки от их предела. Развитие системы и ее структуры на восходящем этапе выражается в укреплении целостных свойств системы, повышении сбалансированности и устойчивости ее структуры, во все более эффективном выполнении системой ее функций. Источником этого развития выступает разрешение тех противоречий, которые имеют место между системой как целым и ее компонентами как частями целого. Это выражается в том, что одни свойства элементов системы ведут к усилению сбалансированности и устойчивости структуры системы, а другие тормозят эту тенденцию. Разрешение указанного противоречия выражается в “очищении” элементов системы от старого и во все более полном проявлении нового, что, естественно, приводит к укреплению целостности системы, повышению сбалансированности и устойчивости ее структуры и эффективности ее функционирования. Система может достигнуть расцвета. Количественная мера соответствующего качества будет находиться на высшем пределе.

Но по мере развития системы ее элементы, обладая относительной самостоятельностью, и в силу внутренних тенденций и под воздействием внешней среды, могут приобретать новые черты, которые будут приходить в противоречие с их системообразующими свойствами. Это начнет отрицательно сказываться на целостности системы, сбалансированности и устойчивости ее структуры. На смену их росту придет падение. Восходящее развитие системы сменится нисходящим. Развитие новых свойств элементов системы достигает в известный момент размаха и уровня, которые приводят к такому изменению внутренней природы этих элементов, когда возникает новое их качество. Процесс завершается тем, что старая система либо рушится и на смену ей приходит новая, либо старая система трансформируется в новую. Следует иметь в виду, что внутренние противоречия системы могут иметь разный характер. Существуют противоречия антагонистические и неантагонистические, управляемые и неуправляемые, что связано с формационной природой общественных систем.

В общем любой общественной системе присущ непрерывный внутренний динамизм, и в ней самой заключены непосредственные факторы, которые ведут и к ее укреплению и к ее крушению.

Такова общая картина объективной природы возникновения, функционирования и развития общественных систем. При всей абстрактности этой картины она помогает понять и ту важную роль, которую играют системный подход и системный анализ в научных исследованиях, и те основные принципы, которые присущи этому подходу и анализу. Конкретная суть системного анализа как общенаучного и общеисторического исследовательского метода будет рассмотрена далее. Здесь же отметим некоторые наиболее общие моменты.

Обычно прежде всего подчеркивают целостность системного подхода и системного анализа. Это верно. Следует заметить, как от-

мечают некоторые исследователи, что системный метод, синтетический по сути, правильнее было бы называть *интегрально-аналитическим*. Наиболее комплексный из общенаучных методов, он требует применения таких методов, как логический, дедуктивный, восхождения от абстрактного к конкретному. Поскольку всякая система есть совокупность некоего числа объектов определенного рода, открывается возможность для измерения и применения количественных методов обработки и анализа конкретно-исторических данных. Но все же основной отличительной чертой системного анализа является не его целостность, а именно *системность*, направленность на изучение системной стороны и природы объективной реальности. Ведь эта реальность имеет и другие стороны (событийная, ситуационная, динамическая), а ее исследование как целостности возможно не только на основе системного подхода.

Другим наиболее широко применяемым методом целостного изучения общественной реальности является причинно-следственный анализ. Этой же цели может служить и анализ ситуационный и динамический. Каждый из указанных методов целостного анализа имеет свой диапазон эффективности. Целесообразность применения того или иного метода определяется характером исследовательской задачи. Поэтому неправомерно представлять системный анализ едва ли не единственным методом целостного анализа.

Но вместе с тем метод системного анализа, несомненно, имеет ряд сильных сторон. Главная из них – системный анализ приводит к непосредственному раскрытию законов функционирования и развития общественных систем. Законы выражают глубинную сущностную природу объективной реальности, а системный анализ и направлен на выявление этой природы. В этом – высокая эффективность и перспективность системного анализа как общенаучного познавательного метода. Другая его сильная сторона заключается в том, что системный анализ допускает и требует применения количественных методов, а это доводит анализ до раскрытия количественной меры соответствующей качественной определенности.

Ведущими конкретными методами системных исследований являются *структурный* и *функциональный анализы*. Первый направлен на раскрытие структуры систем, второй – на выявление их функций. Такое разграничение правомерно в узкоспециальном смысле. Всестороннее же познание любой системы требует рассмотрения ее структуры и функций в органическом единстве. Поэтому адекватным методом системных исследований является *структурно-функциональный анализ*, призванный раскрывать строение, структуры, функции и развитие систем⁴⁰. Структурно-функциональ-

---

⁴⁰ См.: *Иванов О.И.* Принципы комплексного подхода в социально-экономических исследованиях. Л., 1981; *Философско-методологические основания системных исследований*; *Афанасьев В.Г.* Указ. соч.; *Марков Ю.Г.* Указ. соч., и др.

ный анализ для своей завершенности требует моделирования изучаемых систем.

Системные исследования и присущий им структурно-функциональный анализ относятся к разряду наиболее сложных, но высокоэффективных методов научного познания. Их практическое осуществление связано с выполнением множества исследовательских процедур и требует применения многих менее общих научных методов. В процессе системных исследований возникают определенные противоречия (которые называют парадоксами системного мышления), требующие преодоления. Главными из них являются парадокс *иерархичности* и *парадокс целостности*⁴¹. Парадокс иерархичности состоит в том, что адекватно понять данную систему можно только в том случае, если она исследована как подсистема более широкой системы. Но, с другой стороны, чтобы понять данную систему как подсистему более широкой системы, надо знать, что представляет собой данная система как таковая. Парадокс целостности заключается в том, что для адекватного познания системы как целого необходимо знание о составляющих ее элементах. А чтобы эффективно изучать элементы системы, надо знать свойства системы как целого. Указанные противоречия системного анализа не разрешимы логически, и путь их преодоления – в бесконечном углублении знаний о системе.

В заключение следует отметить существенно отличное понимание системного подхода и структурно-функционального анализа в немарксистской социологической и исторической мысли⁴². Хотя структурализм в исторических исследованиях формировался как антисубъективистское направление и, несомненно, внес вклад в буржуазную историческую науку, в силу своей идеалистической природы он выдвинул весьма узкую и в целом ошибочную концепцию методологии исторического познания. Крайне ограниченными предстают общественные структуры. Исходя из того, что структура определяет сущность системы как целостности, абсолютизируется ее роль, структура фактически отрывается от субстанции системы, от образующих систему элементов. С другой стороны, игнорируется взаимодействие системы со средой. В итоге исключается возможность познания процесса формирования и развития системы, а структура предстает как нечто обособленное и само себя определяющее, в конечном счете как трансцендентное.

⁴¹ См.: Садовский В.Н. Указ. соч. Гл. VI.

⁴² Из источников см.: Структурализм “за” и “против”: Сб. материалов. М., 1975; Малиновский А.А. Механизмы формирования целостности систем // Системные исследования. М., 1973; Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. М., 1984. Критическая литература: Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Указ. соч. Гл. 4; Сахарова Т.А. От философии существования к структурализму. М., 1974; Автаномова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М., 1977; Критика современной буржуазной теоретической социологии. М., 1977; Афанасьев В.Г. Указ. соч. С. 124 и сл.; Марков Ю.Г. Указ. соч. С. 47 и сл.; и др.

Далее, ошибочное стремление к устранению субъективного из объекта исторического познания приводит к тому, что основой всех общественных структур оказываются структуры подсознательно-ментальные, слабо подверженные изменениям в течение длительных эпох и потому обладающие высокой устойчивостью (это прежде всего представления о пространстве, времени, мере). Поэтому структура наряду с обособленностью оказывается наделенной и неизменностью.

Наконец, отрыв систем от окружающей среды, изолированность и неизменность их структур приводят к отрицанию их иерархичности. В итоге общественное развитие предстает в виде неупорядоченной совокупности самодовлеющих, в самих себе замкнутых и неизменных структур. Каждая историческая эпоха характеризуется своим набором структур, мало связанных или вовсе не связанных с предшествующей эпохой. Так, на смену субъективистскому представлению об общественно-историческом развитии как хаосу индивидуальных и неповторимых событий, против которого выступали основоположники структурализма в исторической науке, приходит представление о хаосе структур. Указанное понимание структурализмом сути объекта исторического познания определило и методы этого познания. Разрабатывая их, представители структурализма стремились исключить субъективизм из процесса исторического познания. Они полагают, что этого можно добиться посредством *моделирования*. Поэтому построение моделей структур (в том числе и математических) и считают главной задачей историко-структурных исследований. Следовательно, абсолютизируется лишь один из методов научного познания. При этом и само моделирование страдает весьма существенным изъяном. Раз построенная на основе конкретно-исторических данных модель структуры в дальнейшем целиком заменяла объект познания и использовалась без обращения к фактическим данным. Это следовало из представления, что структура неизменна.

Другой особенностью структуралистских методов познания являются тяготение к синхронному, статическому рассмотрению общественно-исторического развития и отход (или даже отказ) от диахронного, динамического анализа. Это обуславливается тем, что каждая историческая эпоха представляется настолько специфической и самодовлеющей, что затрудняются или оказываются вообще невозможными сопоставление разных эпох и изучение общественно-исторического развития как поступательно-восходящего процесса.

Таковы основные представления структурализма о сути общественных систем и путях их изучения. В свете рассмотренного диалектико-материалистического понимания сущности общественных систем вполне очевидна несостоятельность общих методологических представлений структурализма. Вместе с тем это никоим образом не

означает его научной бесплодности. В расширении проблематики исторических исследований (а здесь особенно важным является обращение к изучению различного рода массовых исторических явлений), в накоплении конкретно-исторических данных (в том числе и путем создания машинных банков исторической информации), в разработке методики и техники исторических исследований (включая применение математических методов и ЭВМ), а также во многих конкретных выводах и наблюдениях историки, приверженные к структурализму, добились немалых успехов. Полученные ими результаты заслуживают внимания советских историков и могут быть с успехом использованы на основе марксистской теории и методологии исторического познания.

Другие общенаучные методы по сравнению с историческим и логическим методами и восхождением от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному являются менее фундаментальными и в этом отношении могут рассматриваться как конкретные средства практической реализации последних. К таким методам относятся *индукция и дедукция, анализ и синтез, описание и измерение, статический и динамический* и другие. Следует отметить неправомерность противопоставления в немарксистских течениях методологии научного познания перечисленных и других общенаучных методов. В действительности в познавательной деятельности все эти методы находятся в диалектической взаимосвязи, дополняют друг друга, что и позволяет обеспечить объективность и истинность познавательного процесса. В этой связи Ф. Энгельс указывал: “Индукция и дедукция связаны между собой столь же необходимым образом, как синтез и анализ. Вместо того чтобы превозносить одну из них до небес за счет другой, надо стараться применять каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если не упускать из виду их связь между собой, их взаимное дополнение друг друга”⁴³.

Применение как общенаучных, так и других методов научного познания на основе учета характера познаваемой реальности и в соответствии с поставленной исследовательской задачей – неперемный методологический принцип их правильного и эффективного использования.

2. ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Переходя к характеристике основных методов исторического исследования, необходимо уточнить содержание понятия “историческое исследование”.

---

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 542–543. См. также: Лебедев С.А. Индукция как метод научного познания. М., 1980.

В обыденном сознании “историческое” чаще всего противопоставляется повседневному как нечто выдающееся, имеющее широкое общественное значение. Под “историческим”, “историей” в онтологическом значении в научном познании в широком смысле понимается все то, что в многообразии объективной общественной и естественной реальности находится в состоянии *изменения и развития*. Поскольку все в объективном мире пребывает в процессе непрерывного изменения и развития, постольку принцип историзма и исторический метод имеют общее научное значение. Этот метод, как указывалось, позволяет познавать реальность посредством изучения ее истории, что отличает указанный метод от логического, когда суть явления раскрывается путем анализа данного его состояния. Под *методами исторического исследования* мы понимаем все общие методы изучения исторической реальности, т.е. методы, относящиеся к исторической науке *в целом*, применяемые во всех областях исторических исследований. По принятой в первой главе классификации методов научного познания, это – *специально-научные методы*. Они, с одной стороны, основываются на методе общепhilosophическом, т.е. на принципах и законах материалистической диалектики и на той или иной совокупности методов общенаучных, а с другой – служат основой методов конкретно-проблемных, т.е. методов, используемых в изучении тех или иных конкретных исторических явлений в свете тех или иных исследовательских задач.

Специально-исторические, или общеисторические, методы исследования представляют собой то или иное сочетание общенаучных методов, направленных на изучение объекта исторического познания, т.е. учитывающих особенности этого объекта, выраженные в общей теории исторического познания.

Историческая реальность характеризуется рядом общих черт, и поэтому можно выделить и основные методы исторического исследования⁴⁴.

К числу основных общеисторических методов научного исследования относятся: *историко-генетический*, *историко-сравнительный*, *историко-типологический* и *историко-системный*. При использовании того или иного общеисторического метода применяются и другие общенаучные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция, описание и измерение, объяснение и т.д.), которые выступают в качестве конкретных познавательных средств, необходимых для реализации подходов и принципов, лежащих в основе ведущего метода. Вырабатываются также необходимые для проведения исследования правила и процедуры (исследовательская методика) и применяются определенные орудия и инструменты (техника исследования).

---

⁴⁴ Попытку выделения таких методов с широким гносеологическим обоснованием см.: Уваров А.И. Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973. Гл. V.

Историко-генетический метод относится к числу наиболее распространенных в исторических исследованиях. Суть его состоит в последовательном раскрытии свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей мере приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта. Этот объект отражается в наиболее конкретной форме. Познание идет (должно идти) последовательно от единичного к особенному, а затем – к общему и всеобщему. По логической природе историко-генетический метод является аналитически-индуктивным, а по форме выражения информации об исследуемой реальности – описательным. Разумеется, это не исключает использования (иногда даже и широкого) и количественных показателей. Но последние выступают как элемент описания свойств объекта, а не как основа для выявления его качественной природы и построения его сущностно-содержательной и формально-количественной модели. Если, например, приводятся данные о размерах земельного надела крестьян, который они должны были получить в соответствии с аграрными проектами декабристов Никиты Муравьева и Пестеля, или какие-то другие количественные сведения о движении декабристов, то эти данные фиксируют лишь какие-то черты движения, а не его внутреннюю суть.

Историко-генетический метод позволяет показать причинно-следственные связи и закономерности исторического развития в их непосредственности, а исторические события и личности охарактеризовать в их индивидуальности и образности. При использовании этого метода в наибольшей мере проявляются индивидуальные особенности исследователя. В той мере, в какой последние отражают общественную потребность, они положительно воздействуют на исследовательский процесс. В.И. Ленин указывал, что «без “человеческих эмоций” никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины»⁴⁵.

Таким образом, историко-генетический метод представляет собой наиболее универсальный, гибкий и доступный метод исторического исследования. Вместе с тем ему присуща и ограниченность, что может приводить к определенным издержкам при его абсолютизации.

Историко-генетический метод направлен прежде всего на анализ развития. Поэтому при недостаточном внимании к статике, т.е. к фиксации некоей временной данности исторических явлений и процессов, может возникать опасность релятивизма. Последний, как известно, абсолютизируя динамическую природу объективной реальности (в том числе и исторической), отрицает возможность получения истинного знания о ней⁴⁶. Релятивизм, как указывал

---

⁴⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 112.

⁴⁶ См.: *Пармонов Н.З.* Критика догматизма, скептицизма и релятивизма. М., 1973.

В.И. Ленин, обрекает научное познание “либо на абсолютный скептицизм, агностицизм и софистику, либо на субъективизм”⁴⁷. Несостоятельность релятивизма обусловлена тем, что объективная реальность рассматривается односторонне. В ней учитываются одни изменения и игнорируется тот факт, что наряду с ними объективной реальности свойственна и известная устойчивость, проистекающая из того, что всякой качественной определенности соответствует тот или иной диапазон ее количественного выражения. Поэтому пока непрерывно происходящие изменения имеют лишь количественный характер и не приводят к возникновению нового качества, все объекты, явления и процессы реальности обладают устойчивостью. В этой связи важнейшее значение приобретает выявление меры количественной определенности соответствующих качеств.

Все это означает, что при использовании историко-генетического метода необходимо сочетать показ изменений и движения с фиксированием пределов качественной устойчивости изучаемой реальности.

Далее, историко-генетический метод при чрезмерном внимании к конкретности и детальности может приводить к выпячиванию индивидуального и неповторимого и затушевыванию общего и закономерного. В исследовании, как говорится, за деревьями может исчезнуть лес. Поэтому в завершенном виде историко-генетический метод должен органически включать характеристику единичного, особенного и общего. К примеру, тот же анализ аграрных проектов декабристов должен сочетать характеристику отдельных проектов с раскрытием их места и роли в аграрной программе декабристов в целом (т.е. связь с особенным) и их общими представлениями о необходимости общественных преобразований (т.е. связь с общим), а также с системой существующих в данную историческую эпоху представлений об условиях общественного прогресса (т.е. связь со всеобщим). Разумеется, это не означает, что анализ отдельного должен всегда содержать развернутую и конкретную характеристику особенного, общего и всеобщего. Речь идет о том, что суть единичного может быть адекватно выявлена лишь при его рассмотрении в связи с особенным, общим и всеобщим.

Историко-генетический метод тяготеет к описательности, фактографизму и эмпиризму. Это в большей мере обуславливается тем, что в исторических исследованиях очень часто требуются большие усилия и затраты времени на выявление, сбор и первоначальную систематизацию и обработку конкретно-фактических данных. В результате либо возникает иллюзия, что в этом и состоит главная задача исследования, либо не остается достаточного времени на тщательный теоретический анализ выявленных фактов. Чтобы предотвратить фактографизм и эмпиризм, следует исходить из того, что,

---

⁴⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 139.

сколько бы ни было фактов и какими бы яркими они ни были, “эмпирическое наблюдение само по себе никогда не может доказать достаточным образом необходимость”⁴⁸, т.е. закономерность данного состояния или развития. Это можно сделать лишь на основе теоретического анализа фактов. Такой анализ в принципе отвергается позитивизмом, который ограничивает познание его эмпирической стадией⁴⁹.

Наконец, историко-генетический метод при всей давности и широте применения не имеет разработанной и четкой логики и понятийного аппарата. Поэтому его методика, а следовательно и техника, расплывчаты и неопределенны, что затрудняет сопоставление и сведение воедино результатов отдельных исследований.

Перечисленные слабые стороны историко-генетического метода особенно ярко проявляются при изучении на его основе массовых исторических явлений и процессов.

Для успешного применения историко-генетического метода следует, когда возможно, сочетать его с другими общеисторическими методами.

Историко-сравнительный метод также давно применяется в исторических исследованиях. Вообще сравнение – важный и, пожалуй, самый широко распространенный метод научного познания⁵⁰. В сущности без сравнения не обходится ни одно научное исследование. Вслед за выявлением и систематизацией эмпирических данных становится, как отмечал Ф. Энгельс, “возможным – и в то же время необходимым – применение сравнительного метода”⁵¹. Объективной основой для сравнений является то, что общественно-историческое развитие представляет собой повторяющийся, внутренне обусловленный, закономерный процесс. Многие его явления тождественны или сходны внутренней сутью и отличаются лишь пространственной или временной вариацией форм, а одни и те же или сходные формы могут выражать разное содержание. Поэтому в процессе сравнения и открывается возможность для объяснения рассматриваемых фактов, раскрытия сущности изучаемых явлений. В этом состоит основ-

---

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 544.

⁴⁹ В субъективно-идеалистических течениях буржуазной историографии, которая сводит суть общественной жизни к простой совокупности индивидуальных и неповторимых событий, идеографизм, описательность выступают как единственный метод исторического познания (событийная, идеографическая историография), а цель исторического познания сводится к воспроизведению внешних выражений исторического развития на основе субъективного чувственного сопереживания прошлого историком и их оценке на основе субъективных идеалов и категорий.

⁵⁰ См.: Подкорытов Г.А. Историзм как метод научного познания. Л., 1967. Гл. III; Мелконян Э.Л. Проблемы сравнительного метода в историческом знании. Ереван, 1981, и др.

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 353.

ное познавательное значение сравнения как метода научного познания.

Так, например, сравнение дворянской революционности декабристов и разработанной ими программы общественных преобразований с идеями западноевропейского просветительства XVIII – начала XIX в. позволяет раскрыть раннебуржуазную сущность этой революционности, выразившуюся в надежде на то, что устранение крепостничества (феодализма) и деспотизма и при сохранении частной собственности и эксплуатации якобы приведут к установлению всеобщего благоденствия. Здесь сущность явления раскрывается на основе сходства ряда черт в представлениях и требованиях декабристов и просветителей. Смысл сопоставления состоит в том, что раннебуржуазный характер идеологии просветительства очевиден, а буржуазность взглядов декабристов не выражается сама по себе столь очевидно и трактуется, как указывалось, по-разному.

Другой пример. Сопоставление отработочной системы помещичьего хозяйства в пореформенной России с барщинной крепостной эпохи показывает, что при внешнем сходстве этих форм хозяйства (и там и тут крестьянин находился в зависимости от помещика и работал в его хозяйстве со своим рабочим скотом и инвентарем) отработочная система в отличие от барщинной представляла собой зачаточную, неразвитую, но все же буржуазную систему хозяйства: зависимость крестьянина от помещика имела не внеэкономический, как при феодализме, а экономический характер⁵². В данном случае сравнение позволяет за сходными формами увидеть разное содержание.

Таким образом, историко-сравнительный метод дает возможность вскрывать сущность изучаемых явлений и по сходству и по различию присущих им свойств, а также проводить сравнение в пространстве и времени, т.е. по горизонтали и вертикали.

Логической основой историко-сравнительного метода в том случае, когда устанавливается сходство сущностей, является *аналогия*. *Аналогия* – это общенаучный метод познания, который состоит в том, что на основе сходства одних признаков сравниваемых объектов делается заключение о сходстве других признаков⁵³. Понятно, что при этом круг *известных* признаков объекта (явления), с которым производится сопоставление, должен быть *шире*, чем у исследуемого объекта. Так, в рассмотренном сравнении объективной сути воззрений декабристов и западноевропейских просветителей заключение о раннебуржуазном характере воззрений декабристов выносится на том основании, что подобный характер идеологии западноевропейского просветительства уже установлен.

В целом историко-сравнительный метод обладает широкими познавательными возможностями. Во-первых, он позволяет рас-

⁵² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 517–518.

⁵³ См.: Батароев К.Б. Аналогии и модели в познании. Новосибирск, 1981.

крывать сущность исследуемых явлений в тех случаях, когда она неочевидна, на основе имеющихся фактов; выявлять общее и повторяющееся, необходимое и закономерное, с одной стороны, и качественно отличное – с другой. Тем самым заполняются пробелы и исследование доводится до законченного вида. Во-вторых, историко-сравнительный метод дает возможность выходить за пределы изучаемых явлений и на основе аналогий приходить к широким историческим обобщениям и параллелям. В-третьих, он допускает применение всех других общеполитических методов и менее описателен, чем историко-генетический метод.

Успешное применение историко-сравнительного метода, как всякого другого, требует соблюдения ряда методологических требований. Прежде всего сравнение должно основываться на конкретных фактах, которые отражают существенные признаки явлений, а не их формальное сходство. “Если брать историческую параллель, – указывал В.И. Ленин, – то надо выделить и точно указать то, что сходно в различных событиях, ибо иначе вместо исторического сравнения получится бросание слов на ветер”⁵⁴. При этом необходимо учитывать и общий характер исторических эпох, в которых протекали сравниваемые исторические события, стадийность развития и типологическую суть сравниваемых явлений и процессов. Так, В.И. Ленин, характеризуя буржуазно-демократическую революцию 1905–1907 гг. в России и сравнивая ее с другими буржуазными революциями, исходил из того, что революция в России происходила в существенно иных исторических условиях, чем буржуазные революции в Западной Европе. Этим было обусловлено, что гегемоном революции явился рабочий класс, а не буржуазия. Меньшевики же, сравнивая то же самое, игнорировали различие исторических условий, полагая, что во всякой буржуазной революции гегемоном революции непременно должна быть буржуазия. Сравнение, проводимое меньшевиками, носило формальный характер: не учитывалось различие эпох, что и приводило к ошибочному заключению, которое обусловило и ошибочность стратегии и тактики их революционной борьбы.

Сравнивать можно объекты и явления и однотипные и разнотипные, находящиеся на одних и тех же и на разных стадиях развития. Но в одном случае сущность будет раскрываться на основе выявления сходств, а в другом – различий. Соблюдение указанных условий исторических сравнений в сущности означает последовательное проведение принципа историзма.

Отступление от указанных принципов сравнения исторических явлений чревато ошибочными заключениями. Когда, например, сравнивают социально-экономические и общественно-политические взгляды А.Н. Радищева с воззрениями революционеров-демо-

---

⁵⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 126.

кратов середины XIX в. и на основании сходства ряда черт во взглядах А.Н. Радищева и революционеров-демократов характеризуют воззрения первого как революционно-демократические, то игнорируют различия в общих стадиях исторического развития России в конце XVIII в. и середине XIX в. В первом случае это развитие находилось лишь на начальном этапе разложения феодально-крепостнической системы и становления капиталистического уклада, а во втором – на стадии кризиса феодально-крепостнической системы, который был заключительным этапом в процессе ее разложения, и на той ступени становления капитализма, когда уже начался промышленный переворот. Понятно, что эти базисные различия не могли не сказываться на характере общественной мысли, даже если ее представители и не осознавали в полной мере глубину этих различий (что имело место по отношению к развитию в России капиталистических отношений). Ведущей чертой общественной мысли на начальном этапе разложения феодально-крепостнической системы были идеи просветительства, а в период кризиса этой системы – идеи революционного демократизма и утопического социализма. Поэтому при исторических сравнениях, как подчеркивал В.И. Ленин, необходимо не только исходить из конкретных фактов, но и исследовать “весь ряд известных состояний, последовательность их и связь между различными ступенями развития”⁵⁵.

Выявление существенности признаков, на основе которых должен проводиться историко-сравнительный анализ, а также типологии и стадильности сравниваемых явлений чаще всего требует специальных исследовательских усилий и применения других общеполитических методов, прежде всего историко-типологического и историко-системного. В сочетании с этими методами историко-сравнительный метод является мощным средством в исторических исследованиях. Но и этот метод, естественно, имеет определенный диапазон наиболее эффективного действия. Это – прежде всего изучение общественно-исторического развития в широком пространственном и временном аспектах, а также тех менее широких явлений и процессов, суть которых не может быть раскрыта путем непосредственного анализа ввиду их сложности, противоречивости и незавершенности, а также пробелов в конкретно-исторических данных.

Историко-сравнительному методу присуща определенная ограниченность, следует иметь в виду и трудности его применения. Этот метод в целом не направлен на раскрытие рассматриваемой реальности. Посредством его познается прежде всего коренная сущность реальности во всем ее многообразии, а не ее конкретная специфика. Сложно применение историко-сравнительного метода при изучении динамики общественных процессов. Формальное применение историко-сравнительного метода чревато ошибочными выводами и на-

---

⁵⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 167.

блюдениями, чем грешат исследования буржуазных историков, которые, основываясь на чисто внешних и формальных сравнениях и аналогиях, искажают многие явления в историческом развитии нашей страны. Так, игнорируя существенно различный общий характер этого развития в досоветский и советский периоды, буржуазные историки строят необоснованные аналогии и переносят на советский период черты предшествующей эпохи, которые к тому же нередко искажаются.

Такова основная суть историко-сравнительного метода.

При широком распространении сравнения в исторических исследованиях историко-сравнительный метод как один из основных общеисторических методов еще редко применяется в этих исследованиях для анализа важных явлений и процессов исторического развития. Одним из примеров успешного применения этого метода в советских исследованиях последнего времени является опыт изучения культуры социалистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы ⁵⁶.

Историко-типологический метод⁵⁷, как и все другие методы, имеет свою объективную основу. Она состоит в том, что в общественно-историческом развитии, с одной стороны, различаются, а с другой, тесно взаимосвязаны единичное, особенное, общее и всеобщее. Поэтому важной задачей в познании общественно-исторических явлений, раскрытии их сущности становится выявление того единого, которое было присуще многообразию тех или иных сочетаний индивидуального (единичного).

Общественная жизнь во всех ее проявлениях – непрерывный динамический процесс. Он представляет собой не простое последовательное течение событий, а смену одних качественных состояний другими, имеет свои существенно отличные стадии. Выделение этих стадий также является важной задачей в познании общественно-исторического развития.

И выявление общего в пространственно-единичном, и выделение стадийально-однородного в непрерывно-временном требуют особых познавательных средств. Таким средством является метод историко-типологического анализа. *Типологизация* как метод научного

⁵⁶ См.: *Марков Д.Ф.* Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках: Из опыта изучения истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1983.

⁵⁷ Новейшие исследования по общим проблемам классификации и типологии общественных и исторических явлений рассматриваются в работах: *Сиверцев М.А.* Проблемы типологии в международной статистике занятости. М., 1975; *Типология и классификация в социологических исследованиях.* М., 1982; *Барг М.А.* Категории и методы исторической науки. М., 1984; *Миркин Б.Г.* Группировки в социально-экономических исследованиях: Методы построения и анализа. М., 1985; *Розова С.С.* Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986, и др.

познания имеет своей целью разбиение (упорядочение) совокупности объектов или явлений на качественно определенные типы (классы) на основе присущих им общих существенных признаков. Направленность на выявление сущностно-однородных в пространственном или временном аспектах совокупностей объектов и явлений отличает типологизацию (или типизацию) от классификации и группировки в широком смысле, при которых может и не ставиться задача выявления принадлежности объекта как целостности к той или иной качественной определенности. Разбиение здесь может ограничиваться группировками объектов по тем или иным признакам и в этом плане выступать как средство упорядочивания и систематизации конкретных данных об исторических объектах, явлениях и процессах⁵⁸. Типологизация же, будучи по форме разновидностью классификации, является методом *сущностного* анализа.

Покажем различия между простой классификацией и типологизацией на следующем простом примере. Допустим, что изучается крестьянское хозяйство в эпоху капитализма в некоем регионе. Исследователя может интересовать вопрос о соотношении крестьянских дворов, занимающихся земледелием и не занимающихся им. Тогда по данным о наличии или отсутствии посевов эти дворы могут быть разбиты на две группы. Дворы каждой группы будут сходны только по одному признаку – наличию или отсутствию посевов. По другим признакам они могут существенно различаться. Так, в беспосевной группе окажутся и беднейший крестьянин, занятый работой по найму, и крестьянин-фабрикант. Это простая классификация. Если же будет стоять задача выявления в среде крестьянства существенно различных социально-экономических слоев, то при отнесении крестьянских хозяйств к тому или иному из этих слоев (например, сельских пролетариев, мелких буржуа, крестьян-капиталистов) должна быть установлена целостная качественная определенность каждого двора. Соответствующая группировка крестьянских хозяйств будет типической, а процедура ее проведения – типологизацией.

Типологизация объектов и явлений общественной жизни – сложный познавательный процесс, который требует соблюдения ряда методологических принципов. Центральным является вопрос о тех основах, исходя из которых выделяют типы качественно определенных объектов и явлений. Диалектико-материалистическое решение этого вопроса предполагает в основе выделения типов учет *сущностных свойств* изучаемой *объективной реальности*.

---

⁵⁸ Среди специалистов имеются расхождения в определении таких исследовательских процедур, как типологизация, классификация, группировка, систематика, таксономия и т.п. Однако чаще всего под ними имеется в виду выделение групп объектов, обладающих теми или иными общими свойствами. См.: Типология и классификация в социологических исследованиях. С. 12–13.

Это важно подчеркнуть потому, что в немарксистской социологии и историографии имели и имеют место иные подходы к пониманию основ типологизации⁵⁹. Так, классический позитивизм и его последователи в историографии исходили из того, что типы общественных явлений представляют собой обособленные совокупности объектов, сходных в тех или иных отношениях. При отрицании возможности познания сущности явлений это сводило типологизацию к формальной описательной классификации объектов и явлений на основе чисто внешних признаков. Это – наивно реалистический по исходным теоретическим основам и метафизический по методологии подход.

“Критика” позитивизма с позиций субъективного идеализма (наиболее ярко выраженного в неокантианстве) привела к замене примитивного и механистического, но объективного подхода к *выделению* типов субъективно-идеалистическим *конструированием* исследователем исторических типов. Основой типологизации и вообще познания исторической реальности становилось всецело мышление историка. Такой подход получил наиболее развернутое выражение в “идеальных типах” М. Вебера. Такой подход противопоставляется объективно-историческому, диалектико-материалистическому подходу марксистов.

Выделение типов на основе учета существенных черт изучаемой исторической реальности прежде всего требует определения качественной природы как всей совокупности объектов, содержащей определенные их типы, так и самих этих типов. Вся совокупность объектов выступает при этом как *родовое* явление, а входящие в нее типы – как *виды* этого рода. Очевидно, что без понимания природы целого нельзя выделить и качественно определенные его части. Причем связь рода и видов может иметь как вертикальное, так и горизонтальное выражение. В первом случае существенно отличные виды характеризуют разные стадии развития единого в родовом отношении явления или процессы. Так, рассматривая развитие капитализма в России конца XIX в., В.И. Ленин писал: «”Раскрестьянивание” в деревне показывает нам начало этого процесса, зарождение его, его ранние стадии; крупный капитализм в городах показывает нам конец этого процесса, его тенденции. Попробуйте разорвать эти явления, попробуйте рассматривать их отдельно и независимо друг от друга, – и вы не сможете в своем рассуждении свести концов с концами, не сможете объяснить ни того, ни другого явления»⁶⁰. Здесь существенно отличные типы явления выражают стадии его развития как целостности в пространственно-синхронном аспекте. Но стадийность в становлении капитализма имела и диахронное выражение. Так, генезис капитализма, завершившийся

⁵⁹ Об этом см.: Барз М.А. Категории и методы исторической науки. С. 206 и сл.

⁶⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 121–122.

его утверждением, проходил через такие типические по своей сущности стадии: простая капиталистическая кооперация – мануфактура – фабрика.

Горизонтальная связь различных типов, образующих родовую целостность, выражается и в их пространственном соседстве и взаимодействии. Так, социально-экономическая структура крестьянского хозяйства в период капитализма включала в себя как целостность хозяйства таких типов: пролетарские, собственно крестьянские (мелкобуржуазные) и буржуазно-фермерские (предпринимательско-капиталистические).

Таким образом, выявление качественной определенности рассматриваемой совокупности объектов и явлений необходимо для выделения образующих эту совокупность типов, а знание сущностно-содержательной природы типов – непереносимое условие определения тех основных признаков, которые присущи этим типам и которые могут быть основой для конкретного типологического анализа, т.е. для раскрытия типологической структуры исследуемой реальности.

Таковы основные принципы и этапы историко-типологического исследования. Наиболее эффективно эти принципы могут быть реализованы только на основе *дедуктивного* подхода. Он состоит в том, что соответствующие типы выделяются на основе теоретического сущностно-содержательного анализа рассматриваемой совокупности объектов. Итогом анализа должно быть не только определение качественно отличных типов, но и выявление тех конкретных признаков, которые характеризуют их качественную определенность. Это создает возможность для отнесения каждого отдельного объекта к тому или иному типу.

Примером такого подхода может быть анализ В.И. Лениным социально-экономического строя крестьянского хозяйства в эпоху капитализма. Сущностно-содержательный анализ показывает, что может быть выделено три типа крестьянских хозяйств, качественно отличных по своей социально-экономической природе: хозяйства пролетарские, собственно крестьянские (мелкобуржуазные) и буржуазно-фермерские, капиталистические. К первым принадлежали дворы, в которых большинство населения “является наемными рабочими”, ко вторым – хозяйства, в которых “число семейных рабочих больше числа наемных”, к третьим – хозяйства, в которых “число наемных рабочих больше числа семейных”⁶¹. Исходя из этих критериев и при наличии конкретно-фактических данных о соотношении семейного труда и купли-продажи рабочей силы в крестьянском хозяйстве, можно выделить указанные существенно отличные по социально-экономическому строю типы крестьянских хозяйств. При отсутствии такого рода конкретных данных задача может быть решена путем замены прямых показателей социально-экономиче-

---

⁶¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 329.

ского строя крестьянского хозяйства другой совокупностью адекватных им показателей. В.И. Ленин в работе “Развитие капитализма в России” это осуществил на основе данных, характеризующих размеры и уровень крестьянских хозяйств (землевладение и землепользование крестьян, покупка, аренда и сдача земли, размеры посевов, количество скота и орудий и т.д.). Разумеется, при выделении типов замена прямых показателей, характеризующих эти типы, косвенными должна быть обоснованной и представительной. По логической сути указанный подход к типологизации является дедуктивным, а потому и наиболее эффективным, так как раскрывается всеобщность типической структуры рассматриваемой совокупности объектов (в приведенном примере крестьянского хозяйства).

Однако дедуктивный подход к выявлению типов рассматриваемых объектов и явлений не всегда возможен, ибо он требует уже сравнительно высокого уровня знаний об исследуемой реальности, который позволяет на основе сущностно-содержательного теоретического анализа выделить эти типы. Другая сложность состоит в нахождении тех признаков, которые определяют сущностно-содержательную природу теоретически выделенных типов. Например, в том же аграрном развитии в эпоху капитализма четко представлены, как показал В.И. Ленин, два типа буржуазной аграрной эволюции: буржуазно-помещичий и буржуазно-крестьянский. Но выявить конкретные признаки, на основе которых можно, например, четко классифицировать отдельные местности по типу их буржуазной аграрной эволюции, достаточно сложно, ибо здесь не может быть такого однозначного и четкого критерия, как при указанном различении типов крестьянских хозяйств, и необходим учет целой совокупности показателей аграрного развития. Отбор же этих показателей может быть многовариантным.

Все это диктует необходимость применения при типологизации как совмещенного *дедуктивно-индуктивного*, так и собственно *индуктивного* подхода.

Суть *дедуктивно-индуктивного* подхода состоит в том, что типы объектов определяются на основе сущностно-содержательного анализа рассматриваемых явлений, а те существенные признаки, которые им присущи, – путем анализа эмпирических данных об этих объектах. Так, например, при изучении социальной структуры советского рабочего класса наличие в нем слоя кадровых рабочих и слоя, образующего новые пополнения рабочего класса, устанавливается теоретически. Те же наиболее существенные признаки, которые характерны для облика этих слоев, выявляются путем сопоставления совокупности показателей и выделения среди них наиболее различающихся⁶². Дедуктивно-индуктивный подход к типизации

---

⁶² См.: Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочий класс советской России в первый год пролетарской диктатуры. М., 1975.

явлений общественно-исторического развития наиболее широко распространен в марксистских исторических исследованиях. На его основе выделяются пространственные и временные типы и стадии исторических явлений и процессов. Таким путем раскрываются классово различные направления и этапы развития общественной мысли и общественного движения, массовой революционной борьбы, внутренней и внешней политики и т.д.

Индуктивный подход отличается тем, что здесь и выделение типов и выявление их наиболее характерных признаков основываются на анализе эмпирических данных. Таким путем приходится идти в тех случаях, когда проявления единичного в особенном и особенного в общем многообразны и неустойчивы. Так, например, если ставится задача типической классификации городов той или иной страны в тот или иной период не по каким-то их отдельным чертам, а как социальных целостностей, то на основе предварительного содержательно-теоретического анализа весьма затруднительно выделять и какие-то их типы и характеризующие признаки. Множество подобных задач, возникающих в исторических исследованиях, могут быть решены лишь путем индуктивного анализа эмпирических данных. Методы же многомерной типизации социальных объектов еще только начинают разрабатываться⁶³.

Типизация общественно-исторических объектов, явлений и процессов на основе индуктивного подхода отличается от типизации на основе дедуктивного подхода (как всякая индукция от дедукции) тем, что выявленные типы не могут рассматриваться как непременно присущие всему роду исследуемых явлений. Они отражают типологию данной эмпирически представленной совокупности объектов этого рода. Но познавательная ценность результатов индуктивной типологизации, и не обладающей свойством всеобщности, огромна, так как подобная типологизация раскрывает качественное строение той или иной эмпирической совокупности объектов и явлений. Кроме того, в познавательном процессе именно на основе индуктивной типизации может быть достигнут уровень знания, допускающий дедуктивную типизацию.

Большие трудности в типологизации исторических объектов и явлений возникают из-за того, что сущностная природа типов, как правило, характеризуется совокупностью признаков. Помимо сложностей, связанных с выявлением состава этих признаков, возникают и проблемы в практическом проведении многомерной классификации. Традиционные способы комбинированной группировки здесь оказываются малоэффективными, ибо образуется большое число

---

⁶³ См.: Развитие сельских поселений: (Лингвистический метод типологического анализа социальных объектов): Коллективная монография / Под ред. Т.И. Заславской и И.Б. Мучника. М., 1977; Социально-демографическое развитие села: Региональный анализ: Коллективная монография / Под ред. Т.И. Заславской и И.Б. Мучника. М., 1980.

групп, которые затем надо сводить в определенные типы. Допустим, что требуется разбить крестьянские хозяйства на социально-экономические типы по размерам их посевов и данным о купле-продаже рабочей силы и наличию усовершенствованных орудий и машин. Решая эту задачу, можно выделить, например, четыре посевные группы (скажем, до 5 дес., 5–10, 10–20 и более 20 дес. на двор). Затем в каждой из четырех групп следует учесть дворы, имевшие наемных работников и не имевшие их. Далее в каждой из вновь полученных восьми групп можно вычлениить дворы, отпускавшие и не отпускавшие своих членов для работы по найму. Наконец, каждую из 16 групп можно разделить на две группы – с наличием усовершенствованных орудий и машин и без них. В итоге получится 32 группы дворов. Чтобы решить поставленную задачу, т.е. выделить существенно отличные социально-экономические типы крестьянских хозяйств, эти группы надо сводить. При такой сводке могут быть выявлены две полярные группы дворов: 1) дворы с наименьшими размерами посевов без сельскохозяйственных машин, продающие свою рабочую силу и не использующие найм, и 2) дворы с наибольшими размерами посевов, с наемными рабочими и машинами, не продающие свою рабочую силу. Можно полагать, что первая группа объединяет пролетарские и полупролетарские, а вторая – обуржуазившиеся слои деревни, но нельзя утверждать, что только вошедшие в эти полярные группы дворы и относятся к указанным двум слоям. Так, некоторые дворы с наибольшими посевами, с наймом и машинами, но с уходом членов семьи на заработки вполне могут принадлежать и к высшему слою, а беднейшие дворы с наличием наемных работников – к низшему слою деревни. Будут возникать и другие трудности при сведении выделенных групп в социально-экономические типы. Избежать эти трудности можно, только применяя многомерную интегральную группировку, основанную на одновременном учете всех выделенных признаков. Для этого необходимо применение специальных методов, разработанных в многомерном статистическом анализе. Речь о них будет идти во второй части нашей работы.

Еще одна трудность типологизации социальных объектов и явлений связана с тем, что объекты, принадлежащие к одному типу, в разной мере обладают основными чертами, присущими этому типу, т.е. одни из этих объектов могут быть более характерны для него, а другие – менее. Первые образуют как бы ядро типа, а вторые составляют его окружение. Кроме того, объекты, входящие в один из типов, могут иметь черты сходства с другими типами. Это также необходимо учитывать при типологизации.

В познавательном плане наиболее эффективна такая типизация, которая позволяет не просто выделить соответствующие типы, но и установить как степень принадлежности объектов к этим типам, так и меру их сходства с другими типами. Для этого необходи-

мы специальные методы многомерной типологизации. Такие методы разработаны, и уже есть попытки их применения в исторических исследованиях.

Важной задачей при типологизации исторических объектов и явлений, особенно на основе индуктивного подхода, оказывается определение числа выделяемых типов, а при их количественных характеристиках – и тех интервалов, в пределах которых заключена их качественная определенность. В тех случаях, когда на основе сущностно-содержательного анализа удается выявить число типов, заключенных в совокупности исследуемых объектов, а характеризующие их признаки выражены количественно, на основе математических методов и с использованием ЭВМ может быть проведена автоматическая одномерная или многомерная группировка, которую можно осуществлять и при произвольном выделении числа типов. Но тогда надо выяснить, насколько выделенные группы представляют собой существенно отличные типы. Такие методы типологизации также уже применяются историками.

Наконец, особую сложность представляет выявление кардинально отличных стадий в исторических процессах. Ввиду особой важности диахронного исторического анализа связанные с ним вопросы будут специально рассмотрены в конце настоящего раздела. Сейчас лишь подчеркнем, что исходной основой для выделения стадий в историческом развитии должен быть учет их формационной принадлежности. Именно он определяет сущностную природу этих стадий.

Таков основной круг вопросов, возникающих при использовании в исторических исследованиях историко-типологического метода.

В современных исторических исследованиях все более широко распространяется **историко-системный метод**. Это обусловлено углублением исторических исследований как с точки зрения целостного охвата познаваемой исторической реальности, так и с точки зрения раскрытия внутренних механизмов функционирования и развития разного рода общественно-исторических систем. Уже рассматривались объективная природа общественных систем и общая суть системного подхода и системного анализа. Поэтому отметим лишь некоторые дополнительные моменты, связанные с применением системного подхода и системного анализа в исторических исследованиях⁶⁴. Эти моменты относятся и к онтологическим, и к гносеологическим аспектам историко-системного метода.

Объективной основой системного подхода и метода научного познания, как указывалось, является единство в общественно-исто-

---

⁶⁴ В работах по теории и методологии исторического познания эти вопросы наиболее развернуто рассматриваются в монографии: *Ракитов А.И.* Историческое познание (гл. 2).

рическом развитии (и вообще в объективной реальности) единичного (индивидуального), особенного и общего. Реально и конкретно это единство и выступает в общественно-исторических системах *разного* уровня. Функционирование и развитие исторических систем включает и синтезирует те основные составные компоненты, из которых складывается общественно-историческая реальность. К этим компонентам принадлежат индивидуальные и неповторимые события, исторические ситуации и процессы. По внутреннему содержанию они (компоненты) представляют собой ту или иную конкретную и целенаправленную деятельность людей и неразрывно связанные с ней отношения.

Индивидуальные события обладают теми или иными только им свойственными чертами, которые не повторяются в других событиях. Но эти события образуют определенные виды и роды человеческой деятельности и отношений, а следовательно, наряду с индивидуальными они имеют и общие черты и тем самым создают определенные совокупности со свойствами, выходящими за пределы индивидуального, т.е. определенные системы.

Отдельные события включаются в общественные системы и через исторические ситуации. *Историческая ситуация* – это пространственно-временная совокупность событий, образующих качественно определенное состояние деятельности и отношений, т.е. это та же общественная система.

Наконец, *исторический процесс* в своей временной протяженности имеет качественно отличные этапы или стадии, которые включают определенную совокупность событий и ситуаций, составляющих подсистемы в общей динамической системе общественного развития. Так, ясно, что простая капиталистическая кооперация, мануфактура и фабрика или капитализм свободной конкуренции, монополистический капитализм и государственно-монополистический капитализм – системные стадии и этапы в генезисе и развитии капитализма. Такой же системный характер имели, скажем, и три этапа в развитии революционного движения в России в XIX – начале XX в.: дворянский, разночинский и пролетарский.

Системный характер общественно-исторического развития означает, что все события, ситуации и процессы этого развития не только каузально обусловлены и имеют причинно-следственную связь, но также и функционально связаны. При этом, как бы ни была примитивна структура системы, “функции ее могут быть исключительно сложны”⁶⁵, ибо определяются не только самой структурой, но и местом данной системы в сложной иерархии других систем. Функциональные связи в этом плане как бы перекрывают связи причинно-следственные, с одной стороны, и имеют комплексный характер, – с другой. На этом основании полагают, что в научном

⁶⁵ Марков Ю.Г. Функциональный подход в современном научном познании. С. 20.

познании определяющее значение должно иметь не причинное, а структурное, если говорить точнее, структурно-функциональное объяснение⁶⁶.

Взаимодействие той или иной совокупности систем или подсистем более широкой системы может иметь разный характер детерминации. *Однозначно детерминированными* являются отношения, когда состояния подсистем полностью определяют друг друга. *Вероятностно-детерминированными* оказываются такие взаимодействия, когда состояние отдельных подсистем обуславливается другими подсистемами лишь в той или иной мере, имеющей вероятностный характер. *Случайно-вероятностными* будут отношения между подсистемами, которые не имеют закономерного характера, т.е. не обладают свойствами устойчивости и повторяемости, присущими первым двум видам взаимосвязей⁶⁷.

Системный подход и системные методы анализа, к которым относятся структурный и функциональный анализы, характеризуются целостностью и комплексностью. Изучаемая система рассматривается не со стороны ее отдельных аспектов и свойств, а как целостная качественная определенность с комплексным учетом как ее собственных основных черт, так и ее места и роли в иерархии систем. Однако для практической реализации этого анализа первоначально требуется вычленение исследуемой системы из органически единой иерархии систем. Эту процедуру называют *декомпозицией систем*. Она представляет сложный познавательный процесс, ибо нередко весьма сложно выделить определенную систему из единства систем.

Вычленение системы должно проводиться на основе выявления совокупности объектов (элементов), обладающих качественной определенностью, выраженной не просто в тех или иных свойствах этих элементов, но и прежде всего в присущих им отношениях, в характерной для них системе взаимосвязей. При этом могут возникнуть трудности уже в определении содержательных границ выделяемой совокупности. Так, скажем, когда речь идет об изучении как системы крестьянского или помещичьего хозяйства, промышленности и торговли и т.п. явлений, соответствующие признаки могут быть установлены достаточно определенно (хотя и не всегда). Если же требуется, например, выделить как систему совокупность взглядов, выражающих либерально-буржуазную, мелкобуржуазную или иную идеологию, то признаки для этого не будут столь очевидными, как в первом случае. Поэтому вычленение исследуемой системы из иерархии систем должно быть обоснованным. При этом могут быть широко использованы методы историко-типологического анализа.

С точки зрения конкретно-содержательной, решение указанной задачи сводится к выявлению *системообразующих (систем-*

---

⁶⁶ См.: Марков Ю.Г. Указ. соч. С. 8.

⁶⁷ См.: Дружинин В.В., Канторов Д.С. Проблемы системологии М., 1976.

ных) признаков, присущих компонентам выделяемой системы. К ним относятся признаки, взаимосвязь между которыми прежде всего и определяет суть структуры данной системы, т.е. выражает сущностную определенность, целостность и устойчивость структуры. Очевидно, что эта задача не может быть решена путем учета возможно большего числа признаков. Необходим содержательный отбор наиболее существенных из них. Он требует глубокого знания изучаемых явлений и процессов, большой предварительной работы.

После выделения соответствующей системы следует ее анализ как таковой. Центральным здесь является *структурный анализ*, т.е. выявление характера взаимосвязи компонентов системы и их свойств. Структурный анализ может проводиться различными методами, позволяющими устанавливать взаимосвязи – от простейших логических методов выявления причинно-следственных связей до математических методов их анализа.

Итогом структурно-системного анализа будут знания о системе как таковой. Эти знания, как правильно указывают некоторые исследователи, имеют *эмпирический* характер, ибо они сами по себе не раскрывают сущностной природы выявленной структуры. Перевод полученных знаний на теоретический уровень требует выявления функций данной системы в иерархии систем, где она фигурирует в качестве подсистемы. Эта задача решается *функциональным анализом*, раскрывающим взаимодействие исследуемой системы с системами более высокого уровня.

Только сочетание структурного и функционального анализов позволяет познать сущностно-содержательную природу системы во всей ее глубине. Это обусловлено тем, что “собственные характеристики объекта (системы. – И.К.) обнаруживают гораздо более сложную природу, выступая как синтетический результат отношения между объектом (системой. – И.К.) и средой, как структурные свойства этого отношения”. Поэтому “автономность, целостность, поведенческие характеристики какого-либо уровня в иерархической системе невозможно понять, изучая структуру только данного уровня, как невозможно понять, что такое стоимость, изучая физико-химические свойства товара”⁶⁸.

Таким образом, системно-функциональный анализ дает возможность выявить, какие свойства окружающей среды, т.е. систем более высокого уровня, включающих в себя исследуемую систему как одну из подсистем, определяют сущностно-содержательную природу данной системы. В этом плане системно-функциональный анализ, основанный на диалектико-материалистическом понимании общественно-исторического развития, является мощным средством познания этого развития.

---

⁶⁸ Марков Ю.Г. Указ. соч. С. 50.

Функциональный анализ тоже является анализом структурным, ибо функции системы реализуются, как указывалось, через структуру. Но эта структура отличается от структуры непосредственно исследуемой системы: в функциональном анализе исследуется структура системы более высокого уровня, в которую включена и данная система. Так, если рассматривается производственно-экономический строй крестьянского хозяйства эпохи капитализма, то его структурный анализ будет направлен на выявление взаимосвязей между его основными компонентами (обеспеченность орудиями и средствами производства, рабочей силой, доходы и расходы и т.д.). Допустим, что эти связи были прямыми и тесными. Но раскрыть сущностно-содержательный смысл такой структуры, исходя лишь из нее самой, невозможно. Для этого надо рассмотреть крестьянское хозяйство как составную часть более широкой системы производственно-экономических отношений – как одну из подсистем общей системы капиталистического производства. Структура же последнего показывает, что на сравнительно высоком уровне развития капитализма характерна тесная сбалансированность основных компонентов этой структуры, обусловленная законами товарно-капиталистического производства (законы стоимости, средней нормы прибыли, конкуренции).

Соотнесение двух структур, осуществляемое функциональным анализом, дает возможность вскрыть причины тесной сбалансированности структуры крестьянского хозяйства. Она была обусловлена товарно-капиталистической природой этого хозяйства, его подчиненностью законам капиталистического производства. Таким образом, функциональный анализ позволяет раскрыть сущностную природу структуры анализируемой системы через сущность структуры системы более высокого уровня, а тем самым и выявить законы функционирования и развития изучаемой реальности. Таковы основные методологические принципы системного анализа. Суть их очевидна и, можно даже сказать, проста. Однако их практическая реализация при изучении общественно-исторических явлений намного сложнее, чем может показаться на первый взгляд.

Возникающие при системном анализе трудности обусловлены многоуровневым характером общественных систем, а потому и разномасштабностью компонентов этих систем. Следовательно, изучаемая реальность может рассматриваться на разных системных уровнях и при разных масштабах, составляющих систему компонентов. В этих условиях идеальным вариантом был бы такой подход, при котором исследуемая реальность анализируется на всех ее системных уровнях и при учете всех масштабов компонентов системы. Но такой подход можно реализовать далеко не всегда. Поэтому необходим обоснованный отбор вариантов анализа в соответствии с поставленной исследовательской задачей.

Но возникает вопрос о том, что конкретно в строении системы свидетельствует об ее уровне? Учитывая, что взаимодействие ком-

понентов системы имеет характер субординации, т.е. при относительной самостоятельности частей они подчинены целому, можно считать показателем уровня иерархической системы масштаб составляющих ее компонентов.

Допустим, что изучается общий социально-экономический строй крестьянского хозяйства в эпоху капитализма. Это хозяйство может исследоваться как в целом, так и по отдельным социально-экономическим типам (пролетарский и полупролетарский, собственно крестьянский – мелкобуржуазный и буржуазно-капиталистический слои деревни) или производственно специализированным группам (крестьянские хозяйства, преимущественно занятые земледелием, животноводством, промыслами и т.д.). Но во всех вариантах крестьянское хозяйство может рассматриваться на разных системных уровнях. Низшим из этих уровней является тот, где элементами системы будут выступать отдельные крестьянские хозяйства (дворы). Более высоким будет уровень, в котором исходными элементами системы являются крестьянские общины (селения). На других уровнях в качестве таких элементов могут фигурировать более крупные территориальные единицы (волости, уезды и губернии). В данном случае система с исходными элементами в масштабе губерний будет системой наиболее высокого уровня, ибо укрупнение исходных элементов здесь достигает фактически своего предела. Именно на этом уровне будут наиболее отчетливо проявляться основные черты и закономерности, присущие социально-экономическому строю крестьянского хозяйства. Знание их и необходимо для раскрытия сути структур, взятых на более низком системном уровне. Характер структуры на низшем (подворном) уровне, будучи соотнесенным с ее сутью на высшем уровне, покажет, в какой мере общие тенденции функционирования крестьянского хозяйства проявлялись в единичном. Иначе говоря, исследуемая реальность будет познана в единстве явления и сущности. Такое соотнесение на других системных уровнях раскроет соотношение общего и особенного.

Данный пример хорошо показывает, что переход от низшего к более высоким системным уровням связан с агрегированием (укрупнением и усреднением) исходных, нечленимых элементов иерархической системы. Необходимые агрегированные данные могут быть извлечены из источников непосредственно либо получены путем усреднения показателей исходных элементов системы. Ясно, что абстрагирование от единичного при декомпозиции систем должно быть обоснованным. Агрегированные элементы систем более высокого уровня должны отражать реальность, а не представлять собой искусственные конструкции. В рассматриваемом примере правомерность выделения указанных агрегированных элементов систем разного уровня очевидна. Ведь не только крестьянский двор, но и община, волость, уезд и губерния – реальные компоненты исторической дей-

ствительности, оказывавшие воздействие на функционирование и развитие крестьянского хозяйства.

Пространственное агрегирование исходных (атомарных) элементов общественных систем широко применяется при изучении многих сторон исторической реальности. Но существуют и другие подходы к такому агрегированию. Например, при изучении многих общественных систем, исходные элементы которых фигурируют в той или иной производственно-экономической или другой общественной сфере, основой выделения системных уровней могут быть разные по масштабам организационные и иные подразделения этих сфер. Так, при изучении социального облика советского рабочего класса, когда исходным элементом иерархической системы выступает отдельный рабочий, компонентами разных системных уровней могут быть бригады, цехи, предприятия, отрасли промышленности.

Анализ общественно-исторических систем на разных уровнях обусловлен их объективной иерархической природой и субординацией в их взаимодействии. Его познавательные плюсы состоят в том, что переход к системам более высокого уровня позволяет расширить состав тех признаков, на основе которых ведется системный анализ. Так, изучение того же социально-экономического строя крестьянского хозяйства на уровне, когда исходными элементами системы выступают отдельные дворы, вынуждает ограничиваться показателями, характеризующими только состояние этих дворов. Переход к анализу системы на более высоких уровнях дает возможность учесть ряд других показателей. Уже при переходе на уровень общин (селений) можно выявить воздействие на структуру крестьянского хозяйства таких факторов, как расстояние до рынков сбыта, природные условия, производственная специализация, уровень грамотности крестьян и т.д. На уровне же губернском крестьянское хозяйство как система может быть рассмотрено в тесном взаимодействии со многими другими общественными системами, что наиболее полно раскрывает закономерности его функционирования и развития.

Таким образом, необходимо обоснованное выделение структурного уровня изучаемой системы, а результаты проведенного анализа должны оцениваться с учетом того, насколько полно на избранном уровне может быть познана сущность рассматриваемой реальности. В силу еще недостаточного освоения историками (да и не только историками) методов системного анализа это не всегда делается. В этой связи следует обратить внимание на один момент.

В последнее время возрастает интерес к обработке и анализу разного рода первичных массовых данных (сведений различных переписей, обследований и других материалов). Несомненным плюсом таких материалов является то, что они, характеризуя объекты изучаемых явлений и процессов на их атомарном уровне, вместе с тем

позволяют получать те или иные агрегированные показатели в соответствии с исследовательской задачей и на основе диалектико-материалистических представлений о соответствующей объективной реальности. Тем самым историк может преодолеть нередко встречающуюся ограниченность в агрегировании первичных данных, проведенном современниками.

Тот факт, что в большинстве случаев в имеющихся источниках массовые данные фигурируют в агрегированном виде, естественно порождает стремление при наличии исходных данных вести системный анализ на основе неагрегированных показателей. Это значит, что соответствующая система рассматривается на низшем уровне, когда ее компоненты представляют собой нерасчленимые далее элементы. Подобный анализ правомерен. Но при этом надо учитывать, что его результаты сами по себе, особенно в тех случаях, когда используемые данные замыкаются сведениями лишь о самих исходных объектах, имеют ограниченный характер и их нельзя трактовать в том духе, что они раскрывают всю глубинную сущность изучаемых явлений. В противном случае исследователь может оказаться в положении человека, который на основе физических и химических свойств какого-либо товара должен судить о его стоимости. Поэтому еще раз надо подчеркнуть необходимость при системном анализе рассматривать изучаемую реальность на разных системных уровнях. В этой связи очевидна и безосновательность попыток противопоставления первичных данных как якобы более ценных данным агрегированным как будто менее ценным. Таковы основные методологические моменты, которые необходимо иметь в виду при применении в исторических исследованиях системного анализа.

Структурно-функциональный анализ имеет несомненные преимущества по сравнению с другими методами исторического исследования и является наиболее эффективным. Главное из них состоит в том, что именно на основе структурно-функционального анализа становится возможным восхождение от абстрактного к конкретному, т.е. применение метода, который приводит к конкретно-теоретическому знанию, высшему уровню научных знаний.

Далее, структурно-функциональный анализ создает предпосылки и ведет к моделированию изучаемых систем. Идеальная структура в общем уже и есть сущностно-содержательная модель исследуемой системы. При наличии количественных показателей или возможности формализации и измерения признаков, характеризующих эту систему, открывается путь к построению количественной модели. Тем самым может быть установлена количественная мера соответствующих качественных определенностей и доведено до логического завершения раскрытие единства в системе формы и содержания, явления и сущности, количества и качества.

Указанные преимущества историко-системного метода могут быть использованы при применении историко-типологического, историко-сравнительного и даже историко-генетического методов. В последнем случае результаты структурно-функционального анализа могут включаться в генетическую характеристику исследуемой реальности.

Вместе с тем историко-системный анализ имеет и слабые стороны. Во-первых, наиболее широко он может применяться для синхронного анализа общественно-исторических систем, когда они рассматриваются на определенных горизонтальных временных срезах. Это обусловлено тем, что структурно-функциональный анализ направлен прежде всего на выявление целостности, зрелости и устойчивости общественно-исторических систем. А это наиболее успешно решается при синхронном анализе. Тем самым может остаться нераскрытым процесс развития. Во-вторых, системно-структурный и функциональный анализ чреват при недостаточном внимании к его сущностно-содержательной стороне опасностью чрезмерного абстрагирования – формализации изучаемой реальности, а также субъективным конструированием исторических систем. Этими недостатками грешат многие исследования буржуазных историков.

Такова суть основных методов исторического исследования. Понятно, что ни один из них не является универсальным и абсолютным. Наибольший эффект может быть достигнут при их комплексном использовании. При этом применение любых методов должно быть правильным, для чего необходимо строго соблюдать методологические принципы и требования, ибо неумелое обращение с методами исторического исследования может привести к ошибкам и историка-марксиста. Поэтому задача овладения искусством диалектико-материалистического использования методов исторической науки и совершенствования этого искусства стоит и перед историками-марксистами.

В заключение следует отметить некоторые моменты, связанные с проблемами изучения **развития** общественно-исторической реальности. История – не только пространственная, но и непрерывная временная деятельность людей, проходящая при определенных и изменяющихся их общественных отношениях. Очевидно, эта деятельность должна изучаться не только в пространственно-синхронном, но и в диахронном выражении. Именно в диахронном изучении общественно-исторического развития многие и видят главную задачу исторической науки. Думается, что абсолютизация диахронного подхода неправомерна, ибо общественно-историческая реальность при непрерывном изменении и развитии в то же время обладает и качественно-временной устойчивостью. Поэтому необходимы и синхронный и диахронный подходы к ее изучению.

Диахронный (т.е. разновременный, разномоментный) анализ⁶⁹ направлен на изучение исторических *процессов*, т.е. сущностно-временных изменений исторической реальности в отличие от синхронного (т.е. одновременного) анализа, который имеет цель раскрыть сущностно-пространственную природу этой реальности⁷⁰. Выделяются четыре типа исторических процессов⁷¹.

1. Процесс может представлять последовательность этапов или моментов в возникновении, развитии и завершении определенного события в рамках данной исторической ситуации.

2. Процесс может выступать как последовательность смены разных событий внутри данной ситуации.

3. Процесс может складываться как смена ситуаций внутри той или иной исторической системы в фиксированном интервале времени.

4. Процесс может быть сменой исторических систем в определенном историческом интервале. В этом выражении он представляет собой последовательность качественно отличных этапов, стадий или фаз в ходе исторического развития.

Очевидно, что последний тип исторических процессов наиболее сложен как в силу того, что выражает развитие наиболее сложного, интегрального компонента исторической реальности, каким и выступают исторические системы, так и потому, что в этот тип могут входить (и, как правило, входят) все другие типы процессов. Поэтому в анализе исторического развития как смены общественных систем разных уровней и состоит главная задача диахронного анализа, который и получил название *структурно-диахронного*, а еще правильнее его называть *системно-диахронным*.

Практически структурно-диахронный анализ сводится к трем основным вариантам⁷². *Первый* из них выявляет такие характеристики процессов, как продолжительность, частота разных событий, длительность пауз между событиями и т.п. Это простейший вариант анализа, дающий представление об исходном содержании процесса и его внешних характеристиках как системы.

Второй вариант структурно-диахронного анализа направлен на раскрытие внутреннего временного строения процесса. Выделяются качественно определенные стадии, или фазы, в его развитии, а также однотипные события, образующие функционирующие в нем

---

⁶⁹ О диахронном анализе в научных исследованиях см.: *Столяров В.И.* Процесс изменения и его познание. М., 1966; *Серов Н.К.* Процессы и мера времени: (Проблемы методологии структурно-диахронного исследования в современной науке). Л., 1974.

⁷⁰ О синхронном анализе см.: *Галактианов И.В., Эништейн А.Д.* О синхронизации как методе исторического познания // Исторический сборник. Саратов, 1977. Вып. 6.

⁷¹ См.: *Ракитов А.И.* Историческое познание. С. 83.

⁷² См.: *Серов Н.К.* Указ. соч. С. 20–22.

подсистемы. Так, генезис капитализма, как указывалось, имел такие внутренние стадии, как простая капиталистическая кооперация, мануфактура и фабрика, а структура капитализма складывалась из взаимодействия промышленности, сельского хозяйства, торговли и рынка, города и деревни и т.д. Это – наиболее широко распространенный вариант диахронного анализа исторических процессов.

Третий вариант структурно-диахронного анализа состоит в выявлении динамики отдельных систем или их совокупности на фоне развития более широкой системы, по отношению к которой исследуемая система выступает как подсистема. Таким будет, например, анализ развития рынка в связи с развитием простого товарного или капиталистического производства или анализ развития общественной мысли в зависимости от хода классовой борьбы или социально-экономического развития. Это наиболее сложный вид структурно-диахронного анализа в его динамическом варианте. Вершиной такого анализа является построение динамических моделей исторических систем. Осуществление этого анализа опирается на два первых варианта и требует *динамических* данных об изучаемых системах. Трудности, обусловленные формированием таких данных, и сложности анализа динамических рядов показателей ограничивают возможности практического применения этого анализа в исторических исследованиях. Историки преодолевают эти трудности путем синхронного анализа исследуемой реальности, проводя его в различные временные срезы. При обоснованном выборе последовательных временных срезов удастся выявить как изменения в развитии систем (прежде всего их структур), так и приблизительные временные моменты качественной трансформации систем. Успех во многом зависит от того, насколько уже определены общие этапы и стадии в развитии процесса как целого. Знание временных границ этих стадий может служить основой при выборе рубежей для синхронного структурно-функционального, да и иного анализа.

В связи с указанным вариантом анализа исторического развития возникает общий методологический вопрос о том, насколько данные статистики могут быть использованы для выявления динамики. В целом на этот вопрос может быть дан положительный ответ не только с практической, но и с методологической точки зрения. Положительный ответ следует из рассмотренного выше соотношения действительности и возможности. Действительность, как было показано, есть реализованная возможность прошлого, а возможность является чертой действительности, представляющей объективную основу для будущего, ибо потенции и тенденции будущего всегда заключены в действительности, в текущем настоящем. Следовательно, если анализ того или иного процесса в той или иной временной момент будет не только характеризовать его состояние в данный момент, но и *раскрывать возможности его последующего развития*, заключенные в данном состоянии, то показатели статистики мо-

гут быть основой для суждения о последующей динамике. Понятно, что при анализе отдельного временного состояния реальности такие суждения могут быть лишь гипотетическими, так как объективная возможность может реализоваться, но может остаться и нереализованной. Но если рассматривается определенная последовательность статических состояний объекта, то каждый последующий рубеж позволяет выявить, какие возможности предшествующего состояния оказались реализованными, а следовательно, и установить истинность той или иной гипотезы. В принципе существует реальная возможность для разработки конкретных путей и методов использования результатов логического анализа объекта для более глубокого познания его истории.

Таким образом, историческая наука располагает богатым арсеналом общенатурных методов исследования. В сочетании с общенаучными методами и на основе диалектико-материалистического метода это позволяет разрабатывать и применять разнообразные конкретно-научные методы для анализа различных исторических явлений и процессов.

3. РОЛЬ ПОНЯТИЙ И КАТЕГОРИЙ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Понятие представляет собой форму мышления, которая целостно и обобщенно раскрывает существенные отличительные признаки исследуемых объектов и явлений реального мира⁷³. Ф. Энгельс указывал, что такие понятия, как материя, движение, “суть не более, как *сокращения*, в которых мы охватываем, сообразно их общим свойствам, множество различных чувственно воспринимаемых вещей”⁷⁴. Диалектический материализм исходит из того, что основой формирования понятий является объективная реальность, отражаемая сознанием в процессе ее практически-направленного познания. Понятия – это “результаты, в которых обобщаются данные ... опыта”, накопленные в процессе этого познания, подчеркивал Ф. Энгельс⁷⁵. Идеализм источник понятий усматривает лишь в мышлении, представляя их как всецело субъективные конструкции.

⁷³ Анализу понятийно-категориального аппарата науки посвящена большая литература. См., например: *Войшвилло Е.К.* Понятие. М., 1967; *Горский Д.П.* Определение: (Логико-методологические проблемы). М., 1974; *Карпович В.Н.* Термины в структуре теории. Новосибирск, 1978; *Смоленский Н.И.* Историческая действительность и историческое понятие // Вопросы истории. 1979. № 2; *Петров В.В.* Семантика научных терминов. Новосибирск, 1982; *Готт В.С., Семенюк Э.П., Урсул А.Д.* Категории современной науки. М., 1984; *Карabanов Н.В.* Проблемы развития социальных понятий. М., 1985, и др.

⁷⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 550.

⁷⁵ Там же. С. 14. Объективность понятий в своем источнике подчеркивал и В.И. Ленин (См.: Полн. собр. соч. Т. 29. С. 190).

Понятия формируются в процессе как практически-эмпирической, так и научно-познавательной деятельности людей. В первом случае выделяются и закрепляются в определениях (дефинициях) видимые признаки объектов реального мира. Научные понятия отражают существенные признаки объектов, раскрывают их внутреннюю качественную определенность и выражаются в научных терминах.

Термины – это словесное, естественно-языковое выражение понятий. Они представляют собой либо отдельные слова, либо определенные словосочетания. При еще не установившейся терминологии содержание понятий может вообще раскрываться описательно.

Формирование научных понятий представляет собой сложный процесс, в котором тесно взаимодействуют чувственность и мышление познающего субъекта. Внутренний механизм этого процесса будет рассмотрен ниже. Сейчас отметим лишь, что понятия отличаются от тех чувственных представлений и образов, которые формируются на стадии чувственного восприятия (живого созерцания) действительности. Это отличие состоит в том, что “посредством форм чувственности предмет воспринимается субъектом как единичное; посредством форм мышления... возникает отражение общего в предмете, понятие, знание”⁷⁶. Следовательно, понятия являются не чувственно-образным, а рациональным синтезированным отражением объективной реальности. Понятия – форма научного знания, в них аккумулируются результаты научного познания. В этой связи надо отметить и различия между *понятиями* и *суждениями*, которые также представляют собой определенную форму знаний. В отличие от суждений, которые могут отражать в объекте и существенное и несущественное, понятия дают целостное представление об объекте, отражая его наиболее существенные отличительные черты, и тем самым являются более высокой, научной формой мышления.

Каждое понятие имеет содержание и объем. *Содержание понятия* – это совокупность существенных отличительных признаков объекта, раскрывающих его качественную определенность. *Объем понятия* – это совокупность объектов, охватываемых данным понятием, т.е. обладающих чертами, составляющими содержание понятия. Содержание и объем понятий находятся в обратном соотношении. Чем более широким является содержание понятия, тем меньше его объем, и наоборот. Так, к примеру, применительно к эпохе капитализма содержание понятия “*фабрикант*” характеризуется такими чертами: частный владелец промышленного предприятия, производство в котором основано на применении системы машин и эксплуатации постоянных наемных рабочих. При данном содержании объем понятия определяется общей численностью промышлен-

⁷⁶ Вахтомин Н.К. Генезис научного знания. М., 1973. С. 107.

ников, ведущих производство на основе применения системы машин и эксплуатации постоянных наемных рабочих. Понятие же “*текстильный фабрикант*” имеет более широкое содержание. К указанным чертам надо добавить, что это – “владелец *текстильного промышленного предприятия*”. Но численность “фабрикантов-текстильщиков” меньше, чем “фабрикантов” вообще, т.е. объем второго понятия меньше, чем первого. Поскольку объем понятий в конечном счете определяется их содержанием, важнейшее значение в научном познании имеет адекватное отражение в содержании понятия тех существенных отличительных черт, которые присущи явлениям и процессам изучаемой действительности.

Каждая наука обладает определенной системой выработанных в ней взаимосвязанных понятий. Понятийный аппарат всякой науки непрерывно развивается и обогащается вместе с развитием науки. Расширяется содержание старых понятий, возникают новые понятия и раскрывающие их содержание термины. “Человеческие понятия, – указывал В.И. Ленин, – не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни”⁷⁷.

Совокупность понятий той или иной науки можно классифицировать, исходя из их содержания, объема, формы отражения действительности и т.д. Такая классификация необходима для оперирования понятиями, раскрытия соотношения между ними. Так, понятия могут быть *единичными и общими* в зависимости от количества отображаемых объектов. Например, понятия, характеризующие общественно-политические или другие взгляды того или иного представителя общественной мысли, будут единичными, а понятия, раскрывающие черты этих взглядов у целого направления этой мысли, – общими.

Важное значение имеют выделение и различение понятий *видовых и родовых*. Первым присущи все признаки (содержание) вторых; но, кроме того, они имеют и дополнительное содержание, отражающее особенности объектов данного вида. Поэтому при характеристике тех или иных видов объектов нельзя ограничиться лишь признаками, которые присущи всему роду этих объектов. Надо еще раскрыть и признаки, присущие каждому из этих видов.

При оперировании с понятиями необходимо учитывать особенность *противоположных (контрарных)* понятий. Она состоит в их несовместимости. Из этого вытекают такие логические выводы. Противоположные понятия об одном и том же классе объектов или явлений, взятом в одном и том же отношении и в одно и то же время, не могут быть оба истинными. В этих же условиях истинность одного из противоположных понятий означает ложность другого. Поэтому нельзя, например, полагать, что какое-либо историческое

---

⁷⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 226–227.

явление в одном и том же отношении могло быть одновременно и прогрессивным и реакционным, и содействовало прогрессу и тормозило его. Или не может быть, скажем, такого положения, чтобы в одно и то же время развитие одной и той же системы хозяйства было прогрессирующим и на основе феодальных и на основе буржуазных отношений.

Среди понятий существенно отличными являются понятия *конкретные* и *абстрактные*. Первые характеризуют реальные объекты в их естественной данности, вторые же отражают свойства объектов в отвлеченном от самих объектов виде. Абстрактные понятия прежде всего широко применяются в научных теориях.

Сложности оперирования научными понятиями обусловлены полифункциональностью и размытостью многих терминов, порождаемых не только недостаточной разработанностью и строгостью понятийного и терминологического аппарата той или иной науки, но и особенностями естественного языка, которому присуща семантическая поливариантность словарного состава. Эти сложности прежде всего проявляются в общественно-гуманитарных науках, в которых, как правильно отмечается, научная “терминология не отделена в семантическом отношении столь резкой чертой от обыденного языка, как это происходит с большей частью современной естественнонаучной терминологии”⁷⁸.

Таким образом, перед каждой наукой стоит важная задача по совершенствованию и развитию ее понятийного аппарата с тем, чтобы научные понятия, как указывал В.И. Ленин, были “обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир”⁷⁹.

Наряду с понятиями формой выражения научного знания и одним из важнейших средств их получения являются *категории*. *Категории* – это широкие, предельно обобщенные понятия, которые отражают наиболее существенные свойства, признаки и связи определенной совокупности объектов реального мира. “Категории, как известно, – писал К. Маркс, – это существенное, типическое во всем многообразии содержания”⁸⁰ объективной реальности. Они представляют собой родовые понятия и в этом отношении выступают как наиболее обобщенная форма знания. Если понятия характеризуют отдельные объекты или виды родственных объектов, то категории отражают наиболее существенные свойства всех объектов данного рода. Предельность категорий как понятий выражается в том, что содержание категорий не может быть воспроизведено в каких-то еще более широких определениях. Содержание, выражаемое категориями как родовыми понятиями, входит в видовое понятие,

---

⁷⁸ Петров В.В. Указ. соч. С. 114.

⁷⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 131.

⁸⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 55.

но содержание последних не исчерпывается, как уже указывалось, родовым категориальным содержанием.

Существуют различные типы и уровни категорий, которые отличаются степенью общности их содержания и объема. Высший уровень образуют категории *философские*⁸¹. Это такие предельно общие понятия, как: материя, движение, пространство, время, отражение, качество, количество, мера, скачок, отрицание, противоположность, противоречие, часть, целое, содержание, форма, сущность, явление, причина, следствие, возможность, действительность, необходимость, случайность, единичное, особенное, общее и др. Они отражают наиболее существенные черты объективной реальности и связи бытия и мышления, субъекта и объекта.

Среди философских категорий можно особо выделить *категории диалектики*, играющие ведущую роль в методологии научного познания. Это – общеизвестные диалектические пары: содержание и форма, сущность и явление, качество и количество, целое и часть, необходимость и случайность, возможность и действительность, причина и следствие, единство и противоположность и др.

Особую группу составляют *социально-философские категории*, т.е. категории исторического материализма: общественно-экономическая формация, производительные силы, производственные отношения, базис, надстройка, классовый антагонизм и др.

Наряду с философскими категориями каждая наука обладает своей системой категорий, которые в наиболее обобщенном виде отражают свойства действительности, являющейся объектом познания соответствующих наук. Такие категории получили название *частнонаучных*. Категориями, общими для исторической науки в целом, являются категории исторического материализма, который, наряду с философско-социологическими функциями выступает и как общеисторическая теория.

Особую разновидность категорий составляют *категории общенаучные*⁸². Это такие категории, как: система, элемент, структура, функция, информация, энтропия, вероятность, модель, алгоритм и другие. Формирование большинства из них связано с прогрессом современной науки, появлением и интенсивным развитием новых ее областей (кибернетика, теория информации, семиотика, теория управления, прогностика, квалиметрия и др.), имеющих интегральный характер. Поэтому общенаучные категории занимают как бы промежуточное положение между частнонаучными и философскими категориями. Вырастая нередко из частнонаучных, общенаучные категории отражают такие стороны объективной реальности и процесса ее познания, с которыми имеют дело все науки, и поэтому приобретают статус специально научной всеобщности. Но эта всеобщ-

⁸¹ Подробнее см.: Готт В.С., Семенюк Э.П., Урсул А.Д. Указ. соч. С. 74 и сл.

⁸² См.: Там же. Гл. III.

ность отлична от всеобщности философских категорий. Абсолютная, глобальная универсальность философских категорий выражается в том, что они являются непременными компонентами всякого научного познания и вообще человеческого мышления. Общенаучные категории на данной стадии развития таковыми не являются. Но вполне можно согласиться с тем мнением, что развитие общенаучных категорий будет идти по линии их сближения и интеграции с категориями философскими, прежде всего с категориями материалистической диалектики, которая представляет собой общую теорию, методологию и логику познания объективного мира⁸³.

Важная роль, которую играют общенаучные категории в современном научном познании, и неизбежное возрастание ее в последующем развитии науки и обуславливает необходимость более активного их включения в понятийно-категориальный аппарат исторической науки.

Значение категорий в научном познании состоит в том, что они, с одной стороны, обобщают знание о мире, а с другой – служат основой для его дальнейшего познания. “Категории, – указывал В.И. Ленин, – суть ступеньки выделения, т.е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее (объективную реальность. – И.К.) и овладевать ею”⁸⁴.

Возникновение нового знания представляет собой сложный процесс взаимодействия познающего субъекта с объектом познания, органическое сочетание объективного и субъективного, чувственного и рационального. Центральным звеном в возникновении нового знания является *синтез* объективного и субъективного. Он имеет место как на стадии чувственного восприятия, так и на стадии абстрактного мышления. На стадии чувственного восприятия он основывается на уже существующих *представлениях* об объективной реальности, а на этапе абстрактного, рационального мышления – на *категориях*, т.е. на уже имеющемся знании⁸⁵.

Таким образом, уже на стадии чувственного познания в познавательном процессе фигурирует не только чувственность субъекта как таковая, но и опыт его познавательной и практической деятельности, выраженный в системе представлений⁸⁶.

Однако чувственное восприятие объективной реальности еще не дает научных знаний об этой реальности, ибо многообразие чувственных образов объекта скрывает его внутреннее сущностное единство. Но чувственное восприятие служит основой для получения этих знаний. Путь к их получению – *синтез чувственных данных на основе категорий*. Он осуществляется путем подведения чув-

---

⁸³ См.: Там же.

⁸⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 85.

⁸⁵ Подробнее см.: Вахтомин Н.К. Указ. соч. Гл. III.

⁸⁶ См.: Колеватов В.А. Социальная память и познание М., 1984.

ственных данных под категории. В результате этого в объекте улавливается недоступное для чувственного восприятия – его внутреннее сущностное единство. Поэтому “категориальный синтез есть тот конкретный механизм мышления, посредством которого чувственно данное превращается в знание”⁸⁷. Итогом категориального синтеза является формирование *понятий*, научной формы знания, отражающей внутреннюю сущность объекта познания.

Вновь полученные знания включаются в существующую систему знаний, обогащая ее, что ведет к уточнению и углублению имеющихся категорий и к возникновению новых категорий, когда появляются понятия, не укладывающиеся в существующие категории.

Таким образом, проблема понятийно-категориального аппарата науки и ее отдельных областей – не просто вопросы о форме выражения научного знания и научной терминологии, как иногда полагают, а коренные проблемы, связанные с внутренним механизмом получения нового научного знания.

В исторической науке пока не уделяется должного внимания вопросам понятийно-категориального аппарата. Одним из выражений этого является почти полное отсутствие специальных исследований по этим вопросам, а также словарей и справочников понятий и терминов, в которых бы обобщался опыт, накопленный в данной области, и разрабатывались соответствующие проблемы.

Историки овладевают искусством умелого оперирования с понятийно-категориальным аппаратом своей науки в основном в процессе практической исследовательской работы. Но часто это осуществляется интуитивно и даже стихийно, что, естественно, нередко приводит к разным трактовкам понятий и просчетам в оперировании с ними.

Так, зачастую содержание и объем используемых понятий четко не раскрываются или в них вкладывается разное содержание. Возьмем, к примеру, такое понятие, как “*стихийность*” классовой борьбы крестьянства в эпоху феодализма. Одни специалисты по отечественной истории понимают под стихийностью локальность и раздробленность борьбы крестьянства, отсутствие в ней организованности. Исходя из такого понимания стихийности и учитывая рост организованности борьбы крестьянства, что отчетливо прослеживается на примере крестьянских войн под предводительством Болотникова, Разина и Пугачева, делается вывод о том, что уже в эпоху феодализма отмечалось заметное изживание стихийности.

Другие исследователи понимают под “стихийностью” бессознательность борьбы крестьянства и прежде всего ее аполитизм, выжавшийся и в царистских иллюзиях крестьян. Исходя из этого, ут-

---

⁸⁷ Вахтомин Н.К. Указ. соч. С. 108–109.

верждается, что не только в эпоху феодализма, но вплоть до начала XX в. борьба крестьянства оставалась стихийной.

Вокруг проблемы стихийности борьбы крестьянства идет многотная и бесплодная дискуссия, ибо спорящие стороны исходят из разного понимания содержания понятия, а “надо, указывал В.И. Ленин, выяснить точно понятия, если хотите вести дискуссию”⁸⁸, которая может дать конструктивные результаты.

Заметим, что спор идет и без учета того, как указанные проблемы решаются в науке в широком философском плане. А они между тем решены и вполне убедительно⁸⁹. Доказано, что антитезой стихийности является сознательность, а не организованность, которая, хотя и в разной степени, присуща и стихийности и сознательности. Далее, стихийность и сознательность присущи всякой массовой борьбе и выступают в единстве и противоположности. Противоположность их очевидна. Она и фигурирует у исследователей при изучении характера классово-крестьянской борьбы (да и рабочего класса тоже), а вот их единство учитывается не всегда. А оно состоит в том, что по мере развития классовой борьбы стихийность перерастает в сознательность, и сознательность всегда сочетается с определенными проявлениями стихийности. В конкретно-историческом раскрытии соотношения сознательного и стихийного в классовой борьбе и состоит задача историков, а не в абсолютизации одной или другой стороны этой борьбы.

Наряду с правильным, адекватным действительности раскрытием содержания исторических понятий, важное значение имеет полное определение их содержания. В противном случае, особенно при изучении сложных и противоречивых исторических явлений, это также может приводить к односторонности в трактовке последних и вызывать необоснованные споры.

Примером подобной некорректности служит оценка историками сущности идеологии и борьбы революционного народничества в России. В истории его изучения в советской историографии имели место две крайности. Одна состояла в том, что, исходя из ошибочности субъективно-идеалистических социологических взглядов народников, выражавшихся, в частности, в признании капитализма упадком и регрессом и возможности для общественных сил направить развитие России на путь социализма, минуя капитализм, идеология и борьба революционного, как и всего народничества, признавались всецело ошибочными и даже реакционными. Для другого подхода, наоборот, было характерно подчеркивание лишь революционно-демократической стороны взглядов и деятельности революционных народников, что приводило к односторонней оценке и даже к определенной идеализации народничества.

⁸⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 93.

⁸⁹ См., например: Бугреев А.Н. Диалектика стихийности и сознательности в общественном развитии. М., 1982.

Действительная же сущность и идеологии и революционной борьбы народников состояла в органическом сочетании и верного и ошибочного, и прогрессивного и отсталого, что и было показано вслед за В.И. Лениным исследователями последнего времени.

Важным условием корректного оперирования с понятиями являются четкое разграничение понятий видовых и родовых и учет различий в их содержании. Но историки не всегда соблюдают указанные требования. Это приводит к тому, что порой сложные явления и процессы, суть которых может быть раскрыта совокупностью видовых и родовых понятий, пытаются охарактеризовать неким единым понятием.

Так, хорошо известно, что в процессе роста общественного разделения труда возникает товарное производство и формируется рынок как арена купли-продажи товаров, а главное, как арена проявления законов, воздействующих на производство и регулирующих отношения продавцов и покупателей. Рынок – это родовое понятие, поскольку в действительности рынок мог быть либо простым товарным, либо капиталистическим в зависимости от того, законами какого производства (простого товарного или капиталистического) регулировалось его функционирование. Следовательно, простой товарный рынок и капиталистический рынок – видовые понятия. Между тем высказывается мнение, что “имеется лишь один рынок – единый, национальный, капиталистический”⁹⁰. Тем самым безосновательно сущность сложного процесса, который может быть адекватно отражен лишь в системе понятий, сводится к одному из видовых понятий.

Другим вариантом некорректного обращения с понятиями может быть необоснованное изменение их содержания. Так, давно введенным в историческую науку родовым понятием является “мануфактура”. Суть мануфактуры как родового понятия состоит в том, что она представляет собой крупное промышленное производство, основанное на ручном труде и разделении труда в процессе производства. Это – отличительные черты всех мануфактур. Существует целый ряд видов мануфактур, суть которых раскрывается видовыми понятиями. По способу организации производства выделяются мануфактуры централизованные и рассеянные, по сословной принадлежности – купеческие, дворянские, крестьянские и т.д., по системе производственных отношений (по социальной природе) – основанные на принудительном труде лично зависимых от мануфактуриста производителей и на вольнонаемном труде. Последний вид мануфактур обычно относится к разряду капиталистических. Однако высказывается мнение, что социальный тип мануфактуры должен определяться не характером эксплуатации (принудительный труд и

---

⁹⁰ Буганов В. И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма в России. М., 1981. С. 223.

вольнорабочий труд), а тем, создается ли на ней потребительная или меновая стоимость, т.е. работает ли мануфактура на рынок или нет. Исходя из последнего, и полагают, что в России мануфактура во всех ее видах “являла собой уклад капиталистического общества в недрах феодализма”⁹¹. Так неправомерная подмена содержания родового понятия одним из видовых понятий используется для обоснования того, что якобы все мануфактуры были капиталистическими.

Количество приведенных примеров некорректного оперирования историков с понятиями своей науки можно увеличить. Но и отмеченные достаточно отчетливо иллюстрируют круг возможных просчетов при таком подходе и показывают необходимость строгого отношения к понятийному аппарату.

Наряду с корректным обращением с понятийным аппаратом важнейшее значение в исторических исследованиях имеет обоснованное проведение категориального синтеза конкретных данных. Этот вопрос будет рассмотрен специально. Сейчас же лишь отметим, что от содержания категории, на основе которой осуществляется синтез данных, в конечном счете зависит раскрытие сущности изучаемых явлений и процессов. Поэтому первостепенное значение и имеет обоснованность выбора категорий. Он обусловлен рядом факторов.

Основную роль играет характер той теории и методологии исторического познания, из которых исходит историк. Допустим, что был установлен факт неповиновения феодально зависимых крестьян помещику. Чтобы раскрыть внутреннюю природу этого явления, буржуазный историк может подвести его под категорию феодального правопорядка. И тогда, исходя из того, что этот правопорядок всецело стоял на защите интересов господствующего класса, неповиновение крестьян будет рассматриваться как нарушение установленных норм и может быть истолковано как преступление и уж во всяком случае как явление, общественно негативное.

Историк-марксист для раскрытия сути этого факта подведет его под категорию классового антагонизма. И тогда неповиновение крестьян предстанет как акт классовой борьбы, как прогрессивное историческое явление.

Очевидно, что в данном случае столь радикальные различия в раскрытии сути явления будут обусловлены различными теоретико-методологическими позициями историков. В исторической науке подобного рода принципиальные теоретико-методологические расхождения прежде всего и проявляют себя в категориальном синтезе, в процессе подведения конкретных данных под существенно различные по содержанию категории.

---

⁹¹ Там же. С. 214–215.

Однако подведение конкретных данных под разные категории может иметь место и при единых теоретико-методологических позициях историков. В результате независимо от того, чем продиктован выбор разных категорий, суть рассматриваемых явлений будет раскрываться неодинаково. Правда, различия не будут столь радикальными, как в первом случае, но могут приобретать и существенный характер. Один пример. При выявлении сути общественно-политических взглядов А.Н. Радищева одни советские исследователи (их большинство) подводят эти взгляды под категорию “дворянская революционность”. На основании этого взгляды Радищева характеризуются как антикрепостнические и революционные, но не исключают и возможности при определенных условиях реформистских преобразований. Призыв к народной революции оценивается как теоретическая идея, а не как план ее практической подготовки.

Но имеют место и попытки раскрытия сути общественно-политических взглядов Радищева исходя из категории “революционный демократизм”. Здесь Радищев предстает как последовательный демократ и революционер, поднявшийся до осознания классовых интересов крестьянства. Как видим, в главном – в показе революционной сущности взглядов – эти подходы едины. Но им присущи и немаловажные различия. Представляется, что обоснованным является первый подход. Дворянская революционность – это категория, характеризующая наиболее существенные черты революционности, присущей условиям, имевшим место в ту эпоху в России и ряде других государств. Основная специфика этой революционности, как известно, состояла в том, что в то время, когда класс буржуазии еще только зарождался, задачу обоснования необходимости революционных преобразований существующего общественного строя решали наиболее передовые представители дворянства. Это порождало определенную ограниченность дворянской революционности. Что касается революционного демократизма, идеологии, выразившей классовые интересы крестьянства, то она – явление более поздней эпохи. Поэтому оценка сущности взглядов Радищева посредством этой категории необоснованна.

В целом же следует подчеркнуть, что расхождения между историками (имеются в виду историки-марксисты) в определении сути одних и тех же фактов, возникающие в процессе категориального синтеза, вполне естественны и даже закономерны. В конечном счете подобные расхождения – проявление активности субъекта в процессе познания. Эта активность – несомненно положительная сторона познания и даже гарантия его успешного развития, несмотря на то, что порождает разные мнения и возникающие на этой основе споры и дискуссии. Именно наличие разных мнений и дискуссий и побуждает ученых, в том числе и историков, к активной разработке спорных проблем, что в конечном счете и приводит к их решению. “Без прений, споров и борьбы мнений никакое движение... невоз-

можно”, – подчеркивал В.И. Ленин⁹². Поэтому споры и дискуссии – важное и необходимое средство успешного развития научных исследований⁹³.

Разумеется, споры и дискуссии, чтобы приносить пользу науке, должны вестись при соблюдении определенных условий.

Прежде всего все дискуссии и споры должны быть направлены на поиск истины, на углубление знаний, на выработку принципов, путей и методов достижения этих целей, а не сводиться к простому отстаиванию высказанных ранее мнений и трактовок. Это требует углубления теоретико-методологических подходов к старым проблемам и привлечения комплекса новых конкретно-исторических данных, а не многократного повторения уже высказанных соображений и приведения отдельных примеров, как еще бывает.

В центре внимания дискуссии должно находиться выяснение расхождений по наиболее существенным аспектам, а не споры по частностям и деталям. “Полемика, – указывал В.И. Ленин, – только в том случае принесет пользу, если она выяснит, в чем собственно состоят разногласия, *насколько они глубоки*, есть ли это разногласия по существу или разногласия в частных вопросах”⁹⁴. В этой связи имеет важное значение, как указывалось, и четкое раскрытие содержания употребляемых понятий.

Кроме того, требуются корректное представление сути взглядов и основных аргументов оппонентов и развернутая контраргументация. Поэтому совершенно неправомерны еще порой встречающиеся попытки отклонения иной точки зрения лишь с аргументацией типа “представляется неубедительной”, “является предположительной” и т.п. В.И. Ленин придерживался того мнения, что “нельзя критиковать... автора, нельзя *ответить* ему, если не приводить целиком хотя бы главнейших положений его статьи”⁹⁵. Точно так же неправомерно призывать себе в союзники ученого, отстаивающего в целом иные позиции по спорной проблеме, приводя отдельные факты из его работ.

Дискуссия наиболее плодотворна тогда, когда полемика сочетается с конструктивным подходом, с раскрытием и обоснованием иного решения проблемы. Именно в полемике могут быть наиболее убедительно показаны преимущества нового подхода. В этой связи В.И. Ленин отмечал: “...нельзя развивать новых взглядов иначе как полемически”⁹⁶. Ф. Энгельс указывал, что критика Дюринга “дала мне возможность в положительной форме развить в весьма различ-

---

⁹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 166.

⁹³ См.: Соколов А.Н. Проблемы научной дискуссии: Логико-гносеологический анализ. М., 1980; Прошунин Н. Что такое полемика? М., 1985.

⁹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 215.

⁹⁵ Там же. Т. 30. С. 113.

⁹⁶ Там же. Т. 22. С. 66.

ных ...областях знания мое понимание вопросов, имеющих в настоящее время общий научный или практический интерес⁹⁷.

Наконец, всякие дискуссии и споры должны быть корректными по форме.

Говоря о месте в науке дискуссий и споров, следует напомнить о той важной роли, которую играет в прогрессе исторической науки критика историками-марксистами буржуазных, мелкобуржуазных и ревизионистских направлений в современной науке. Главным здесь является не просто показ ошибочности тех или иных конкретно-исторических построений и выводов, а прежде всего раскрытие несостоятельности теоретико-методологических основ немарксистской историографии. Разумеется, это не означает, что с этой историографией надо вести только полемику. Следует учитывать и творчески использовать и те успехи, которые достигнуты ею в выявлении, накоплении и оценке достоверности конкретно-исторических, прежде всего массовых данных, а также в разработке методики и техники исторических исследований.

Как видим, понятийно-категориальный аппарат играет в науке важную роль не только как форма выражения и способ накопления научных знаний, но и как необходимое средство получения новых знаний.

Глава 5

СТРУКТУРА И УРОВНИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Всякое научное исследование представляет собой системный процесс. Совокупность выполняемых в историческом исследовании процедур распадается на следующие основные этапы: *выбор объекта и постановка исследовательской задачи; выявление источников-информационной основы ее решения и разработка методов исследования; реконструкция исследуемой исторической реальности и эмпирическое ее познание; объяснение и теоретическое познание; определение истинности и ценности полученного знания и его оценка*. Все эти этапы, во-первых, последовательно и тесно взаимосвязаны и, во-вторых, складываются из целой совокупности исследовательских процедур, требующих соответствующих методов. Поэтому при более детальном раскрытии логической структуры исторического исследования можно выделить и значительно большее число его внутренних этапов¹. В данном случае мы ограничиваемся

⁹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 6.

¹ См.: Грушин Б.А. Логика исторического исследования. М., 1961; Герасимов И.Г. Научное исследование. М., 1972; Он же. Структура научного исследования: (Философский анализ познавательной деятельности). М., 1985.

лишь указанными основными, ибо имеется в виду не раскрытие всей последовательности процедур, из которых складывается историческое исследование, а лишь постановка наиболее существенных методологических проблем, решаемых в нем.

1. ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЗАДАЧИ

Каждое историческое научное исследование (как и любое другое) имеет свой объект познания. Им является какая-то часть объективной исторической реальности, взятая в том или ином ее пространственно-временном проявлении. Масштабы этой реальности могут быть самыми различными, начиная с отдельных событий и кончая сложными общественными системами и процессами.

Объективная историческая реальность, обладающая множеством присущих ей свойств и связей, не может быть отражена во всем ее многообразии не только отдельным исследованием, но даже серией их. В силу этого в любом исследовании не только выбирается объект познания, но и ставится осознанно или подразумевается исследовательская задача, направленная на решение определенной научной проблемы. *Научная проблема*² – это возникшие в процессе научного познания вопрос или комплекс вопросов, решение которых имеет практическое или научно-познавательное значение. От подлинно научных, объективно возникших и представляющих существенный интерес проблем следует отличать лжепроблемы, т.е. искусственно поставленные, не имеющие ни научной, ни практической значимости вопросы. Проблема выделяет неизвестное в объекте познания в форме вопросов, которые и составляют основу для постановки конкретных исследовательских задач. *Исследовательская задача* не просто раскрывает круг подлежащих исследованию явлений реальности, но и определяет конкретные аспекты и цели их изучения, ибо эти аспекты и цели могут быть многообразными. Разумеется, все это не исключает и “свободного” исследовательского поиска, который может привести к весьма существенным результатам и даже неожиданным открытиям.

При выборе изучаемого объекта и постановке исследовательской задачи историк должен исходить, во-первых, из учета практических потребностей современности и, во-вторых, из состояния познания исследуемой реальности, степени ее научной изученности. В этом плане и объект познания и решаемая проблема должны быть актуальными, т.е. представлять практический и научно-познавательный интерес.

Для активного удовлетворения общественных потребностей историки должны хорошо знать современность и предъявляемый ею

---

² См.: Берков В.Ф. Научная проблема. Минск, 1979; Карпович В.Н. Проблема. Гипотеза. Закон. Новосибирск, 1980.

спрос на историческое знание в различных временных и содержательных аспектах. Причем историк должен не просто удовлетворять ту или иную уже определившуюся потребность в историческом знании, но и проявлять, как указывалось при характеристике социальных функций исторической науки, активность и настойчивость в воплощении в общественную практику результатов исторических исследований.

Что касается современной эпохи в развитии советского общества, то среди множества проблем, в решение которых могут внести свой вклад историки, следует обратить внимание на две. Прежде всего это роль человеческого фактора во всех проявлениях и на всех уровнях в ускорении общественного прогресса. Поэтому наряду с раскрытием внутренней обусловленности и закономерностей общественно-исторического развития необходимо усилить внимание к выявлению субъективно-исторических факторов этого развития, к показу их взаимодействия с факторами объективными, к анализу механизмов этого взаимодействия. Кроме того, изучение прошлого должно служить совершенствованию путей и методов прогнозирования последующего хода современного развития. История открывает здесь большие возможности, которые не только не используются, но даже еще и не осознаются должным образом. Они состоят в том, как указывалось, что, изучая “прошедшее настоящее” и прогнозируя следующее за ним “прошедшее будущее”, историк имеет возможность сопоставить эти прогнозы с реальным ходом развития и на этой основе вырабатывать эффективные принципы, пути и методы построения прогнозов. Эту задачу историки должны решать вместе со специалистами по прогнозированию – экономистами, социологами, математиками и т.д.

В свете указанного очевидно также, что практическая актуальность исторических исследований не определяется одной их временной близостью к современности, хотя, естественно, недавнее прошлое во многих аспектах содержит больше практически значимого для решения задач текущего развития, чем отдаленные эпохи. Но это – только в целом. Вообще же лишь при широком всестороннем и глубоком познании прошлого историческая наука в полной мере может отвечать потребностям современности.

Обоснованный выбор объекта исторического исследования и особенно постановка исследовательской задачи и выбор путей и методов ее решения требуют неперемennого учета степени изученности рассматриваемых явлений и процессов исторической реальности. Историческое познание, как и всякое другое научное познание, основанное на марксистской теории и методологии, представляет собой непрерывный и поступательный процесс, продолжение которого может быть успешным лишь на основе учета его предшествующего хода и достигнутых результатов. В исторической науке решением этой задачи, как известно, занимается специальная истори-

ческая дисциплина – *историография*. Важностью знания предшествующего развития исторической науки для практики текущих исторических исследований и было обусловлено ее возникновение.

Понятие “*историография*” употребляется в разных смыслах. Чаще всего под историографией имеют в виду ту или иную совокупность научных трудов об общественно-историческом развитии. В этом смысле говорят об историографии по истории средних веков, новой истории, отечественной истории или историографии движения декабристов, крестьянской реформы 1861 г. и т.д., подразумевая всю историческую литературу по этим сюжетам, возникшую на протяжении всей истории их изучения. В другом варианте указанного подхода под историографией имеют в виду совокупность исторических трудов, созданных в ту или иную историческую эпоху, т.е. на том или ином этапе развития исторической науки безотносительно к их тематическому содержанию (например, французская историография эпохи реставрации, русская историография периода империализма, советская историография периода Великой Отечественной войны и т.д.).

Далее, в связи с широким распространением исторических исследований, объектом изучения которых является сама историческая наука, под историографией стали понимать работы по истории исторической науки.

Изучение истории исторической науки имеет два аспекта. Первый – это общее состояние и развитие исторической науки в той или иной стране (или ряде стран) на протяжении всей ее истории или в отдельные исторические периоды. Оно направлено на выявление закономерностей и особенностей развития исторической науки, основных его этапов и направлений, присущих им теоретико-методологических основ и конкретно-исторических концепций, а также общественных условий функционирования исторической науки и ее влияния на общественную жизнь и т.д. Второй аспект сводится к изучению истории разработки отдельных проблем, т.е. историографический анализ охватывает всю совокупность исторических исследований, посвященных изучению тех или иных явлений общественно-исторического развития. В условиях острой идейной борьбы марксистской и буржуазной идеологий и в сфере исторической науки особым разделом марксистских проблемных историографических исследований стали работы по критике немарксистских исследований по тем или иным сюжетам прошлого, прежде всего по истории нашей страны.

Наконец, сами работы по истории исторической науки (в указанных их вариантах) становятся объектом специального изучения, и возник тип работ, которые называют *историографией историографии*.

Таким образом, в практике исторических исследований термин “историография” приобрел характер родового понятия, включаю-

щего ряд его видов. Во избежание путаницы в употреблении понятий было бы целесообразно, чтобы каждое из них обозначалось определенным термином. Со временем, наверное, так и будет. В данный же момент наметилась тенденция *иметь в виду под историографией исследование по истории исторической науки* как в целом, так и применительно к истории разработки отдельных ее проблем. В этой связи совокупность исторических трудов, созданных в ту или иную эпоху или посвященных изучению тех или иных эпох либо отдельных явлений прошлого, лучше называть не историографией, а *историческими трудами такой-то эпохи или трудами о таких-то исторических эпохах и исторических явлениях*.

Целью историографического обоснования исследовательской задачи является раскрытие основных этапов и направлений, имевших место в изучении соответствующих явлений или процессов, теоретико-методологических подходов, из которых исходили представители разных направлений, источник-информационной базы и методов изучения, полученных результатов и их научной значимости в истории исследования рассматриваемой исторической реальности. На этой основе могут быть выявлены те аспекты этой реальности, которые либо не получили должного освещения, либо вообще оказались вне исследовательского поля зрения. На их изучение и должна быть направлена постановка исследовательской задачи. Ее реализация имеет целью получение нового знания об изучаемых явлениях и процессах.

Историографическое обоснование исследовательской задачи – важнейший этап в любом историческом исследовании. Успешное решение возникающих здесь вопросов требует соблюдения общих для исторической науки принципов – историзма, партийности и объективности. Понятно, что в историографическом исследовании эти принципы имеют свою специфику проявления и связаны с решением ряда конкретных методологических проблем.

Одной из них является определение тех критериев, исходя из которых должны выделяться существенно отличные направления исторической науки, занимавшиеся изучением рассматриваемой исторической реальности (да и исторического прошлого вообще). Основой здесь должно быть выявление социальных, классовых позиций историков, ибо именно эти позиции прежде всего и определяют степень объективности исследований, а также их целевую заданность. Вместе с тем в пределах единых социально-классовых направлений исторической науки могут существовать внутренние течения, различающиеся как степенью научной объективности, так и содержанием конкретно-исторических концепций. Эти различия определяются теоретико-методологическими посылками, лежащими в основе этих концепций. Так, исторические концепции буржуазной исторической науки в области теории базируются и на идеализме, и на вульгарном материализме, и на плюрализме, а в методологии – на

субъективизме, объективизме и релятивизме. Но разные теоретико-методологические подходы не выводят внутренние течения буржуазной исторической науки за пределы их единой буржуазно-классовой сущности.

Таким образом, направления исторической науки должны выделяться по партийно-классовой сущности, а их внутренние течения — по различиям в теории и методологии исторического познания. Основные же этапы в развитии как исторической науки в целом, так и в изучении отдельных явлений и процессов прошлого характеризуются определенным сочетанием направлений, присущих тому или иному периоду истории. Существенные изменения в соотношении этих направлений (например, переход ведущей роли от одного направления к другому) означают переход от одного этапа к другому.

Разные этапы в изучении прошлого и тех или иных его явлений и процессов имеют место и в советской исторической науке. Но эти этапы после утверждения в середине 30-х годов в советской исторической науке марксистской теории и методологии исторического познания различаются не идейно-классовой направленностью и теоретико-методологической вооруженностью, как порой пытаются изобразить буржуазные историографы, а соотношением дифференциации и интеграции в развитии исторической науки, характером ее источниковой основы и методов исторических исследований, а тем самым и теоретико-методологическим и конкретно-научным уровнем этих исследований и их общественно-научной значимостью.

Важное место в историографическом обосновании исследовательской задачи имеет оценка научных результатов, полученных отдельными исследователями, школами, течениями и направлениями исторической науки. Очевидно, эта оценка должна быть объективной и историчной. Объективность требует исключения какой-либо заданности, свободы и от нигилизма, и от консерватизма, т.е. и от недооценки и от переоценки полученных результатов. Историзм обязывает судить о научных заслугах историков, как, впрочем, и всех ученых, не по тому, чего они не дали по сравнению с современным состоянием науки, а по тому, что они дали нового по сравнению со своими предшественниками³. При выявлении этого нового необходимо учитывать характер подхода к объекту познания, конкретно-фактическую основу его изучения, теоретико-методологические принципы и методы этого изучения, полученные конкретно-научные результаты, их новизну и вклад в освещение проблемы и в общее развитие исторической науки, практически-прикладную направленность и значимость исследования и его роль в общественной практике.

В целом историографический анализ позволяет выявить степень предшествующей изученности объекта исследования, опреде-

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 178.

лить имеющиеся пробелы, нерешенные и спорные проблемы, обоснованность имевших место подходов и использованных методов и т.д. и на этой основе выдвинуть исследовательскую задачу.

При постановке исследовательской задачи не должно быть заданности на подтверждение или опровержение каких-то ранее полученных результатов. Это может повести по неправильному и, уж во всяком случае, ограниченному пути. Объективно опровергнуть или подтвердить что-то можно только, основываясь на результатах проводимого исследования.

Чтобы исследовательская задача не просто позволяла восполнить существующие пробелы или продолжить намеченные линии исследования на основе уже выработанных подходов и методов, но и допускала возможность получения существенно новых результатов, она должна ориентироваться на привлечение новых источников или извлечение из известных источников новой информации и использование иных подходов и методов изучения рассматриваемой реальности. Разумеется, это никоим образом не означает неправомерности исследований, проводимых на основе уже опробованных и оправдавших себя источников, подходов и методов, используемых для анализа тех же или аналогичных явлений, рассматриваемых в ином пространственном или временном выражении. Более того, такие исследования, охватывающие массовые исторические явления и процессы, изучение которых требует коллективных усилий, непременно должны проводиться на базе единых подходов и методов, ибо только таким путем можно получить сопоставимые и сводимые результаты. Но подобные исследования развивают науку *вширь*, что чрезвычайно важно, но не снимают задачи ее развития *вглубь*, для чего и необходимы новые подходы.

Естественно, что нестандартная постановка исследовательской задачи требует не простого подведения итогов предшествующего изучения рассматриваемого объекта, но и глубокого теоретико-методологического анализа и этих итогов и возможных иных направлений и подходов дальнейшего его исследования.

Таков основной круг конкретно-методологических проблем, решаемых при выборе объекта и постановке исследовательской задачи.

Исследовательская задача в исторической науке может быть решена лишь при наличии источников, содержащих необходимые сведения об объекте познания. Поэтому важнейшим этапом в структуре исторического исследования выступает формирование его *источнико-информационной основы*. Здесь историк может использовать как уже известные, так и привлекать новые источники, поиск которых, особенно в архивах, требует определенных знаний и навыков. В частности, необходимо знать как систему накопления и хранения социальной информации в изучаемую историческую эпоху, так и структуру современного архивного и библиотечного фондов.

Изучением связанных с этим вопросов занимаются такие вспомогательные по отношению к исторической науке дисциплины, как археология, архивоведение, документалистика и др.

Проблемы отбора, установления подлинности, достоверности и точности исторических источников, а также методы обработки и анализа содержащихся в них сведений разрабатываются *источниковедением*, которое, как и историография, является специальной исторической дисциплиной. Историками накоплен большой опыт работы с источниками, и существует огромная как общая, так и специальная литература по источниковедению. Отметим лишь некоторые наиболее существенные конкретно-методологические моменты, связанные с обеспечением историко-информационной основы исторического исследования.

Выявление, отбор и критический анализ источников должны ориентироваться на обеспечение качественной и количественной представительности конкретно-исторических данных, необходимых для решения поставленной задачи. Это зависит не только, а часто даже и не столько от количества привлекаемых источников, но и прежде всего от их информативной ценности. Поэтому нередко проявляющееся стремление использовать как можно больше источников само по себе не только не дает результатов, но и может привести к загромождению исследования малозначительными либо вовсе ненужными для решения поставленной задачи фактами. Вместе с тем определение оптимального объема необходимой для исследования информации нередко весьма сложно, и, как правило, в исторических исследованиях содержится та или иная избыточная информация. Само по себе это не является минусом, ибо эта информация может в дальнейшем послужить основой для новых подходов к объекту познания и для постановки новых исследовательских задач. Важно лишь, чтобы она не осложняла достижения искомой цели. Всем этим и обуславливается необходимость отбора из источников таких конкретно-исторических данных, которые обладают качественной представительностью.

Качественная представительность включаемых в анализ сведений об объекте познания определяется тем, насколько они раскрывают существенные в плане поставленной задачи черты, свойства и связи, присущие этому объекту. Практическое обеспечение этой представительности может затрудняться целым рядом обстоятельств.

Во-первых, может оказаться непростым, как уже отмечалось, определение самого состава даже прямых признаков, выражающих существенные свойства объекта. Такое положение возникает в тех случаях, когда речь идет о сложных исторических явлениях и процессах, особенно в стадии становления или перехода из одного состояния в другое. Здесь установить необходимые признаки можно лишь тогда, когда достигнут уже сравнительно высокий уровень

предшествующего изучения исследуемых явлений, т.е. когда имеющееся знание является конкретно-теоретическим и раскрывает основные закономерности функционирования и развития соответствующей исторической реальности.

Во-вторых, еще более трудным оказывается предварительное определение тех существенных взаимосвязей, которые могут быть присущи элементам и свойствам той или иной общественной системы. Тем самым затрудняется и отбор признаков, включаемых в анализ.

В-третьих, источники могут и не содержать непосредственно выраженных существенных признаков объекта, необходимых для решения поставленной задачи.

В первых двух ситуациях возникающие затруднения могут преодолеваются увеличением числа признаков, вводимых в анализ. При большом числе показателей, содержащихся в источниках, здесь может потребоваться отбор и анализ нескольких их вариантов. В тех случаях, когда используются данные о массовых явлениях и процессах, характеризующихся большим числом признаков, может оказаться целесообразной предварительная экспериментальная обработка выборочной совокупности этих данных.

Когда же источники не содержат необходимых прямых данных, эти данные могут быть получены путем извлечения информации скрытой, т.е. повышением информативной отдачи источников. Однако, несмотря на то, что в принципе источники содержат неограниченный объем скрытой информации, это не значит, что в каждом конкретном исследовании она может быть получена. Если в силу содержательной бедности имеющихся источников или неясности путей и методов извлечения из них скрытой информации не удастся сформировать качественно представительный набор признаков, следует внести коррективы в постановку исследовательской задачи, ибо ее решение на основе непредставительной системы показателей может привести к ошибочным результатам.

Что касается *количественной представительности* привлекаемых данных, то она связана с изучением массовых исторических явлений и процессов на основе выборочных данных, охватывающих лишь часть объектов из изучаемой их совокупности. О формировании репрезентативных в количественном отношении выборочных данных будет идти речь во второй части настоящей работы. Очевидно, что, если имеющиеся в источниках данные количественно непредставительны для исследования поставленной задачи, эта задача, как и при непредставительности качественных признаков, должна подвергнуться соответствующей корректировке либо ее решение должно быть отложено до выявления необходимых для этого данных.

В целом, как видим, решение той или иной исследовательской задачи не просто требует представительной источник-информаци-

онной основы: сама постановка задачи должна увязываться с этими основами. Это – один из важнейших конкретно-методологических принципов и нормативное требование, которое должно соблюдаться в любом историческом исследовании.

Следующим звеном в логической структуре исторического исследования является выбор или разработка *системы методов* исследования. В любом историческом исследовании применяется именно комплекс методов. Уже сама постановка исследовательской задачи требует, как указывалось, определенных подходов и методов и в установлении потребностей в данном историческом знании, и в оценке состояния изученности проблемы. Особый круг методов используется при решении источниковедческих проблем. Это методы и выявления необходимых источников, и критической проверки достоверности и точности используемых данных, и определения их качественной и количественной представительности и др. Своя совокупность методов необходима для систематизации, обработки и анализа конкретных данных на стадии реконструкции изучаемой реальности и эмпирическом уровне ее познания, а также на стадии объяснения фактов, их категориально-сущностного синтеза и итогового обобщения, т.е. на теоретическом уровне познания.

Очевидно, что применяемая совокупность методов всегда будет иметь свою специфику, определяемую содержательным и целевым характером исследовательской задачи, т.е. свойствами изучаемой реальности и целями ее изучения, а также источнико-информационными возможностями ее решения. Поэтому и существует огромное множество конкретно-проблемных (или, говоря иначе, конкретно-научных) методов.

Несмотря на то, что конкретно-проблемные методы представляют собой различные сочетания общенаучных методов и основываются на том или ином специально-научном (в данном случае общеприродном) методе или совокупности этих методов, каждый из них обладает качественной определенностью и целостностью, а не есть лишь простое сочетание общенаучных методов, прилагодимых к изучению той или иной конкретной реальности, как иногда полагают. Действенность и эффективность общенаучных методов проявляется лишь в конкретно-научных методах, посредством которых только и может осуществляться взаимодействие познающего субъекта с познаваемым объектом, т.е. происходит познавательный процесс. В этом плане правомерно считать, что общенаучные, да и специально-научные методы, образно говоря, представляют собой выработанные в процессе длительного познавательного опыта унифицированные интеллектуальные средства, некие “детали” и “узлы”, из которых могут конструироваться различные конкретные и специализированные методы, выступающие в роли “машины”, производящей научное знание.

Из сказанного очевидно, что всякая общая характеристика процесса выработки методов решения конкретных исследовательских задач может состоять лишь в раскрытии тех методологических подходов и принципов, которыми следует руководствоваться при этом. Прежде всего необходимо обратить внимание на следующие моменты.

Исходным при выработке методов решения поставленной исследовательской задачи должен быть учет (в рамках этой задачи) объективной содержательной природы исследуемого объекта, выражаемой присущими ему чертами и свойствами, а также его пространственной и временной протяженности. Очевидно, что изучение, скажем, явлений экономических и идеологических требует разных подходов и методов, ибо основная суть первых зависела прежде всего от тех общих закономерностей, которые определяли функционирование и развитие тех или иных конкретных экономических явлений, а суть вторых определялась их социально-классовой природой. Поэтому применяемые методы должны давать возможность в первом случае раскрыть проявление в особенном общего, а во втором случае – свести идеальное к социальному. Понятно, что различными будут и методы изучения явлений индивидуальных (единичных) и массовых, а также явлений, рассматриваемых в статике и динамике и т.д.

Природа изучаемой реальности, рассматриваемая в свете поставленной задачи, прежде всего позволяет определить те общеисторические методы, которые могут быть применены для решения этой задачи. Если, например, задача состоит в раскрытии сущности общественно-политических и иных взглядов отдельных представителей того или иного направления общественной мысли, то в данном случае наиболее эффективными будут либо историко-генетический либо историко-сравнительный метод, либо и тот и другой одновременно. При изучении же разложения крестьянства или при изучении социальной структуры рабочего класса адекватным методом будет историко-типологический в сочетании с историко-системным.

Далее, природа изучаемой реальности и достигнутый уровень ее познания позволяют определить те основные общенаучные методы, посредством которых будет реализовываться избранный общеисторический метод. В этом случае прежде всего необходимо установить возможность применения наиболее эффективного из этих методов – метода восхождения от абстрактного к конкретному, который позволяет познать сущность изучаемой реальности в органическом единстве с многообразием выражающих ее явлений. Для применения этого метода требуется, чтобы имеющееся знание об этой реальности допускало либо выделение ее исходной клеточки, либо построение выражающего ее идеального объекта. Если такой подход окажется возможным, то тем самым будет предопределяться и возможность применения методов дедукции, синтеза и моделирования. В противном

случае придется первоначально ограничиться методами восхождения от конкретного к абстрактному и индуктивного анализа.

Наряду с природой изучаемой реальности и достигнутым уровнем ее познания конструирование метода во многом определяется состоянием источник-информационной базы решаемой задачи. От нее зависит выбор и общеисторических и общенаучных методов. Ясно, например, что массовые явления общественно-исторического развития могут быть наиболее глубоко изучены при применении количественных методов. Но может оказаться так, что источники не содержат количественных показателей об этих явлениях и дают им лишь обобщенную описательную характеристику. Тогда при всей целесообразности применения количественных методов придется ограничиться методами описательными.

Характер источник-информационной основы исследования обуславливает, в частности, и возможность применения собственно исторического подхода и метода, т.е. раскрытия сущности изучаемой реальности посредством выявления ее истории. Если источники содержат сведения об этой реальности только применительно к какому-либо одному временному моменту, то ее история не может быть раскрыта непосредственно. О ней можно будет судить лишь по результатам, полученным логическим методом.

Таким образом, адекватные и эффективные методы исследования могут быть выработаны только при тщательном учете, во-первых, природы изучаемой реальности, раскрываемой на основе имеющегося, прежде всего теоретического, знания о ней, и, во-вторых, источник-информационной базы для ее решения. Это позволяет выявить основные общеисторические и общенаучные исследовательские методы, которые в своей совокупности и образуют основу конкретно-научного (конкретно-проблемного) метода.

Однако разработка конкретно-научного метода не сводится лишь к определению совокупности необходимых общеисторических и общенаучных методов. Собственно их отбор исчерпывает лишь одну сторону разработки конкретно-научного метода – выявляются пути и принципы, а также связанные с ними нормативные требования успешного проведения исследования, т.е. вырабатываются теоретико-методологические основы конкретно-научного метода. Но метод включает в себя также определенные правила и процедуры (методика) и требует необходимых орудий и инструментов (техника исследования).

Конкретно-научные методы, с одной стороны, определяются принципами и нормативными требованиями метода, а с другой – зависят и от характера данных используемых источников. Здесь особенно существенны форма, в которой зафиксирована информация (описательная, количественная, изобразительная), и ее тип (первичная или агрегированно-сводная, сплошная или выборочная). В конечном счете всякий конкретно-научный метод представляет собой органиче-

ское и только ему присущее единство теоретико-методологических посылок, методики и техники исследования. Именно в конкретно-научных методах и выступает в *конкретно* выраженном виде единство материалистической диалектики как теории, методологии и логики научного (в данном случае научно-исторического) познания.

Все немарксистские подходы к выработке конкретных методов исторического исследования не обеспечивают такого единства, а потому и не обеспечивают последовательной объективности познавательного процесса.

Очевидно, что для решения исследовательской задачи должен избираться наиболее эффективный метод. Таковым является метод, позволяющий адекватно раскрыть сущность изучаемой реальности при использовании простейших из имеющихся познавательных средств. Неоправданное усложнение метода приводит к ненужной затрате средств и исследовательских усилий. Но, с другой стороны, нельзя и упрощать методы, ибо это может привести к ошибочным результатам. Мощностъ метода должна соответствовать исследовательской задаче. Таким образом, уже на начальном этапе любого исследования историк должен решать целый ряд важных конкретно-методологических проблем, связанных с постановкой исследовательской задачи, обеспечением источнико-информационной основы и разработкой методов ее решения.

2. РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ И ЭМПИРИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ЕЕ ПОЗНАНИЯ

Постановка исследовательской задачи, выявление источнико-информационных возможностей ее решения и разработка методов этого решения открывают путь к проведению собственного исследования. Оно имеет этапы, которые различаются по уровню получаемых знаний. Эти этапы и уровни выражаются в эмпирическом и теоретическом знании.

Необходимо отметить, что сходство и различия эмпирического и теоретического знаний, внутренний механизм и методы их получения, соотношение эмпирического знания с чувственно-образным и другие вопросы не только дискутировались и дискутируются представителями разных философских направлений, но и неодинаково трактуются советскими специалистами по философским проблемам научного познания⁴. Разумеется, в данном случае нет необходимости

---

⁴ См.: Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978; Материалистическая диалектика. Т. 2. Гл. III; Теоретическое и эмпирическое в современном научном познании: Сб. статей. М., 1984; а также указанные выше работы Н.К. Вахтомина, П.В. Копнина, В.А. Лекторского, А.В. Славина и др. Проблемы эмпирического и теоретического в историческом познании рассматриваются в работах Г.М. Иванова, А.М. Коршунова, В.В. Косолапова, А.И. Ракитова, Ю.В. Петрова и др.

рассматривать имеющиеся расхождения. Остановимся лишь на том из подходов к этим проблемам, который представляется наиболее убедительным с позиций исторического исследования. Основная его суть в следующем⁵.

Многообразные черты и свойства, взаимосвязи и противоречия объективной реальности приводят к тому, что в ней явление и сущность не совпадают. Конкретным выражением сущности выступает явление. При этом явление многообразно, а сущность едина⁶. В процессе чувственного восприятия реальности формируются ее образы. Содержание чувственных образов, базируясь на человеческом опыте восприятия реальности, не зависит от “методологических и иных установок субъекта, от категориальной структуры его мышления... наоборот, последняя вынуждена приспосабливаться к этому содержанию”⁷, т.е. это содержание рисует объективную картину реальности.

Разумеется, индивидуальные ощущения людей могут быть и различными, но превращение ощущений в цельный чувственный образ происходит на основе представлений, выработанных длительной общественной практикой восприятия мира. Индивидуальные вариации ощущений как бы взаимопогашаются⁸.

Далее, объективный характер чувственных образов, их независимость от мышления не означает разрыва между чувственным и рациональным. Чувственное и рациональное тесно взаимосвязаны. Уже выбор объекта для восприятия и его цель определяются мышлением, не говоря о том, что процесс познания представляет органическое единство чувственного и рационального подхода к реальности. Очевидно и то, что объективность чувственного образа не гарантирует истинности конечного результата познания, полученного на стадии анализа чувственных образов мышлением. В познании могут быть и ошибки, но они возникают не на стадии чувственного восприятия (в его естественно-нормальных условиях), а на этапе рационального познания, т.е. порождаются мышлением.

Другой важной особенностью чувственного восприятия является то, что в чувственном образе “всегда заключено больше информации о действительности, чем мы осознаем”⁹. Это и делает возможным “переход за *пределы* чувственных восприятий к *существованию* вещей вне нас”¹⁰, т.е. к познанию реальности как единства

⁵ Наиболее четко этот подход изложен в указанной работе Н.К. Вахтомина (гл. IV) и во втором томе работы “Материалистическая диалектика” (гл. III).

⁶ См.: *Звиглянич В.А.* Логико-гносеологические и социальные аспекты категорий видимости и сущности. Киев, 1980; *Белик А.П.* Социальная форма движения: Явление и сущность. М., 1982.

⁷ Материалистическая диалектика. Т. 2. С. 107.

⁸ См.: *Дубинин И.И., Гусякова Л.Г.* Динамика обыденного сознания. Минск, 1985; *Губанов Н.И.* Чувственное отражение: Анализ проблемы в свете современной науки. М., 1986.

⁹ Материалистическая диалектика. Т. 2. С. 103.

¹⁰ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 121.

явления и сущности. Но, поскольку явление и сущность не совпадают и сущность не может быть воспринята непосредственно, “задача науки, указывал К. Маркс, заключается в том, чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению”¹¹. Познание идет, подчеркивал В.И. Ленин, “от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т.д. *без конца*”¹². Поэтому в процессе возникновения знания выделяются два этапа, или уровня. На *первом* из них *познается явление и возникает эмпирическое знание*, а на втором – *раскрывается сущность и формируется теоретическое знание*.

В свете указанного подхода очевидна непропорциональность имеющего место отождествления эмпирического знания с чувственным компонентом в познании, а теоретического – с рациональным. Научное знание является знанием объясняющим, и поэтому и в эмпирической и теоретической формах оно основывается на мышлении. Чувственное же восприятие характеризует реальность в виде образов, представляющих собой совокупность определенных данных о внешних чертах и свойствах этой реальности. Эти данные и находят объяснение в эмпирическом знании.

Существуют разные мнения о том, какое знание является эмпирическим, а какое – теоретическим. Широко распространено представление: так как явление якобы отражает лишь внешнее в объекте, то и эмпирическое знание как знание о явлении тоже отражает лишь внешние черты и свойства объекта. Теоретическое же знание – отражение внутренних свойств объекта. Исходя из этого, к эмпирическому относят прежде всего знание, полученное в опытных науках. Такого мнения придерживаются и некоторые специалисты по теоретическим и методологическим проблемам исторической науки. Так, в одной из работ утверждается, что “эмпирическое познание имеет целью получение *непосредственного* опытного знания. Субъект прямо взаимодействует с объектом познания (источником), результатом чего оказываются научные факты”. Теоретическое же знание “возникает как результат дальнейшего преобразования эмпирических данных с помощью логических средств”¹³. Необоснованное превращение источника в объект познания, о чем уже шла речь, собственно, и обусловлено стремлением доказать возможность непосредственного контакта историка с объектом и получения опытного знания, которое характеризует внешние черты явлений.

Иное и, как представляется, вполне обоснованное понимание содержания и соотношения эмпирического и теоретического знания

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. С. 343.

¹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 227.

¹³ Петров Ю.В. Практика и историческая наука. С. 313, 317.

сводится к следующему. Под явлением понимаются прежде всего *отдельные* черты и отношения объекта, которые могут быть как внешними, так и внутренними. Поэтому эмпирическое знание есть знание не только о внешнем в предмете, но и о внутреннем. Специфика этого знания “состоит в том, что оно есть знание об отдельном отношении или отдельных отношениях, порознь взятых, а теоретическое знание – о сущности, о таком отношении, которое составляет основание отдельных отношений”¹⁴, отражает изучаемую реальность как целостность, обладающую сущностно-содержательной, качественной определенностью. Такое понимание сущности эмпирического знания исключает широко распространенный среди исследователей, в том числе и историков, взгляд, что эмпирическое знание дает лишь факты, которые находят объяснение только в теоретическом знании¹⁵.

В исторической науке, где эмпирическое связывают прежде всего с описательностью, традиционная трактовка характера этого знания наводит на мысль о его родстве с чистым идеографизмом. Это неверно. *Эмпирическое знание – также знание объясняющее*. Другое дело, что это объяснение охватывает реальность лишь в форме явления. Поэтому эмпирическое знание – лишь начальная стадия, один из этапов и уровней познания действительности.

Эмпирическое знание объясняет данные, полученные чувственным *восприятием*. Это объяснение приводит к познанию реальности *как явления*. Теоретическое знание объясняет *явление*, т.е. происходит переход к пониманию реальности *как сущности*. Переход от чувственного восприятия к эмпирическому знанию, а от него – к теоретическому представляет собой обобщение, сведение к определенному единству в первом случае чувственных данных, а во втором – эмпирических фактов. Средством такого обобщения и на стадии получения эмпирического знания и на стадии формирования теоретического знания является *категориальный синтез*. Поэтому вполне обосновано утверждение, что неправомерно сводить методы получения эмпирического знания лишь к экспериментам, наблюдениям, описаниям, измерениям, т.е. к совокупности того, что рассматривается как опыт, а теоретического знания – лишь к формально-логическим процедурам. Во-первых, и в опыте фигурирует мышление с присущими ему содержательным подходом и формально-логическими процедурами. Как, например, можно провести измерение, не определив предварительно его цели, не выделив признаки, подлежащие измерению, не установив единицы и методы измерения и т.д.? Во-вторых, и в теоретическом анализе невозможно обойтись только теми данными, характеризующими объект, которые получены в опыте. Необходимы и другие данные, лежащие за пределами опыта.

¹⁴ Вахтомин Н.К. Указ. соч. С. 167.

¹⁵ См.: Ракитов А.И. Историческое познание. М., 1982. С. 270.

В исторической науке такие данные получили наименование “внеисточниковое знание”. Оно представляет собой совокупность всех тех знаний, которыми обладает историк помимо того, что он извлекает из источника.

Главное же состоит в том, что сами по себе ни данные опыта, ни формально-логические процедуры не могут дать знания ни о явлении, ни о сущности. Эти знания, как правильно подчеркивается рядом исследователей, могут быть получены только в результате *категориального синтеза*. Понятно, что категориальный синтез на уровне эмпирического и теоретического знания имеет существенные отличия. Во-первых, различны его содержательные основы. На эмпирическом уровне синтезируются данные чувственного восприятия, а на теоретическом – эмпирические факты. Во-вторых, синтез осуществляется посредством подведения данных под разные по характеру общности и содержанию категории.

Таковы основные наиболее общие моменты, связанные с эмпирическим и теоретическим уровнями научного познания, которые необходимо учитывать в любом исследовании.

Посмотрим конкретней, что представляет собой внутренний механизм получения **эмпирического знания**¹⁶.

Исходной основой для получения эмпирического знания являются чувственные данные. Они отражают отдельные видимые многообразные черты и отношения реальности. Эти черты и отношения объективно представляют собой факты, выступающие как проявление скрытой истинной сущности предмета. В этом смысле явление – это факт действительности. Но в таком значении явление чувственно не воспринимается. Для чувственности реальны лишь отдельные черты объекта. Раскрыть же явления, как объективные факты, характеризующие объект, можно только в мышлении, что и происходит при эмпирическом познании. Суть эмпирического познания, следовательно, состоит в том, что *факты действительности* отражаются сознанием и *выступают как факты знания* о явлениях. Говоря о факте-действительности и факте-знании, следует напомнить, что среди философов широко распространено мнение, что факт – гносеологически-познавательная категория, фигурирующая в познании. Применительно же к объективной реальности надо говорить не о фактах, а о явлениях, которые отражает факт. Однако отказ от факта как феномена реальности неправомерен, особенно в свете широко распространенных субъективно-идеалистических представлений о научных фактах как чисто мыслительных конструкциях. Авторы обобщающего труда “Материалистическая диалектика эмпирического и теоретического познания”

¹⁶ См.: Сайко С.П. Диалектика эмпирического и теоретического в историческом познании. Алма-Ата, 1975; Звиглянич В.А. Логико-гносеологические и социальные аспекты категории видимости и сущности. Киев, 1980; Елсуков А.Н. Эмпирическое познание и факты науки. Минск, 1981; Абдуллаева М.Н. Проблемы адекватности отражения на эмпирическом уровне научного познания. Ташкент, 1982.

ктика” исходят из того, что факт выступает и как реальность, и как знание о ней¹⁷. Совокупность этих фактов и составляет содержание эмпирического знания, они отражают отдельные явления, т.е. черты, отношения и зависимости реальности. Они не дают целостного понимания предмета и характеризуют его, как говорится, “с одной стороны” и “с другой стороны”. Поэтому эмпирическому знанию, несмотря на всю конкретность, присуща односторонность и оно абстрактно. Оно вырывает из изучаемой реальности некое многообразие фактов-явлений, не раскрывая их взаимосвязи и не представляя это многообразие как определенную целостность.

Факты-знания о фактах-действительности, т.е. о явлениях, создаются в опыте, который надо рассматривать, как отмечалось, широко (эксперименты, наблюдения, описания, измерения и т.д.). Опыт может быть результатом целенаправленного исследовательского подхода к изучаемой реальности. Тогда, исходя из поставленной цели, определяются круг явлений, подлежащих изучению, пути и конкретные методы выявления и систематизации данных. Но эмпирическое знание может быть получено и в процессе обыденной практической деятельности. Оно отличается от научно-эмпирического тем, что его возникновение, как правило, не связано с определенной познавательной целью и приобретает оно для решения тех или иных практических задач. Поэтому и не вырабатываются специальные методы получения знания¹⁸.

Эмпирическое научное знание может использоваться в практической деятельности. Из него могут быть выведены определенные следствия, имеющие эмпирический характер. Оно может быть основой для выявления отдельных закономерностей. Короче говоря, эмпирическое знание само по себе имеет значительную познавательную ценность¹⁹, которая особенно велика в общественно-гуманитарных науках. Это обусловлено спецификой их объекта познания. Сочетание в нем объективного и субъективного, естественно-закономерного и осознанно-целенаправленного приводит к тому, что общественно-исторические факты несут в себе непосредственно обнаруживающуюся социально-политическую и эмоциональную нагрузку. Они могут “говорить сами за себя”, т.е. быть основой для практических заключений и действий.

Теперь о главном – о том, каким образом на стадии эмпирического познания осуществляется категориальный синтез, который и делает это знание объясняющим.

Категориальный синтез чувственных данных, который приводит к обнаружению фактов-явлений, осуществляется в опыте. В опыте эти данные подводятся под категории. Поскольку эмпирическое зна-

¹⁷ Материалистическая диалектика. Т. 2. С. 115–116.

¹⁸ См.: Дубинин И.И., Гусякова Л. Г. Указ. соч.

¹⁹ См.: Ойзерман Т.Н. Эмпирическое и теоретическое: Различие, противоположность, единство // Вопросы философии. 1985. № 12; 1986. № 1.

ние отражает отдельное отношение (под отношением понимается отдельная сторона, черта, связь и т.д., присущая реальности), то чувственные данные и подводятся под категории, которые отражают подобные отношения. В общем такими категориями выступают: “явление”, “сходство”, “различие”, “единичное”, “общее”, “пространство”, “время”, “качество”, “количество”, “мера” и т.д., ибо объективно всякое отношение выступает как явление, может быть единичным и общим, протекает в пространстве и времени, обладает качеством, количеством и мерой и т.п. Применительно к конкретным областям реальности в категориальном синтезе на стадии эмпирического познания используются категории, отражающие свойства соответствующей реальности. В итоге устанавливаются факты, характеризующие явления. Эти факты и составляют содержание эмпирического знания. Эмпирические факты могут систематизироваться, классифицироваться, обобщаться, сравниваться и подвергаться другим видам обработки. Для разностороннего охвата объекта познания нужны не отдельные факты, а система или даже системы фактов, когда этот объект является сложным. Очень важное значение вообще и на современном этапе развития науки в особенности имеет выявление количественных характеристик соответствующих явлений, для чего необходимо их измерение. Только знание количественной меры явлений позволяет установить пределы их качественной определенности. Тем самым достигается наиболее полное познание реальности.

Такова основная суть эмпирического познания. Оно имеет свою специфику в историческом исследовании. Специфика эта состоит в том, что факты-знания о фактах изучаемой исторической действительности выявляются на основе фактов исторического источника, т.е. в процессе познания происходит дважды субъективизированная отражательная реконструкция исследуемого объекта. Уже отмечалось, что, поскольку исторические источники, несмотря на всю безграничность содержащейся в них явно выраженной и скрытой информации, характеризуют историческую реальность селективно (избирательно), возникает проблема возможности адекватной *однозначной* реконструкции объекта познания в свете поставленной исследовательской задачи. Все, что было в прошлом, *уже совершилось* и поэтому является *инвариантным*. В познании прошлого в его инвариантности и состоит задача исторической науки. Отстаивая в полемике с П. Струве объективный марксистский подход к изучению общественной реальности, В.И. Ленин считал обязательным для марксиста “свести все дело к выяснению того, что́ есть и почему есть именно так, а не иначе”²⁰.

Прежде, чем переходить к рассмотрению того, в какой мере возможна инвариантная реконструкция исторического прошлого, на-

²⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 457.

помним, что диалектико-материалистическая реконструкция исторической реальности принципиально отлична и от *субъективистского* воспроизведения прошлого. Субъективный идеализм, как известно, отрицает возможность объективного познания прошлого, считая источником знания о прошлом сознание историка и что само это “познание” осуществляется путем конструирования (построения) историком изучаемой реальности. Так, например, А.С. Лаппо-Данилевский, виднейший представитель субъективно-идеалистического направления в русской буржуазной историографии, указывал, что историк, опираясь на чувственное сопереживание событий прошлого, «занимается прежде всего научным *построением* конкретной действительности, а не ее “изображением”, т.е. отражением»²¹. Не имея необходимых для этого научных понятий, он “сам вырабатывает их применительно к изучаемым им объектам и в зависимости от тех именно познавательных целей, которые он преследует”²². Такова позиция всех представителей субъективистской методологии исторического познания.

Субъективизм присущ и тем представителям современной не-марксистской исторической науки, которые, хотя и не отрицают реальность прошлого как объекта познания, но считают возможным при его изучении конструировать разного рода контрфактические исторические ситуации. Такие ситуации представляют собой произвольные конструкции историка и изображают прошлое не таким, каким оно было в действительности, а таким, каким хотел бы его видеть историк.

Как правило, далеки от реальной реконструкции прошлого и представители *буржуазного объективизма*. Для них характерно акцентирование внимания на тех явлениях и сторонах исторического прошлого, освещение которых соответствует классовым интересам буржуазии, и умалчивание и затушевывание тех явлений, которые противоречат им. Несостоятельность буржуазного объективизма как методологии исторического познания глубоко раскрыта В.И. Лениным в полемике с П. Струве. Характеризуя развитие капитализма в пореформенной России, Струве всячески выпячивал его прогрессивные стороны и умалчивал о присущих ему антагонистических противоречиях²³.

Марксистская методология исторического познания требует всесторонней реконструкции и познания исторической реальности в ее объективной инвариантности. Но такая реконструкция не вызывает затруднений только в том случае, если исторические источники содержат в непосредственно выраженном виде информацию, не-

²¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1910. Вып. I. С. 287 (курсив мой. – И. К.).

²² Там же. С. 290.

²³ См.: Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге Струве // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 455–457, 492–493 и др.

обходимую для решения поставленной исследовательской задачи. Требуется лишь обеспечение представительности формируемой системы фактов. Однако при решении очень многих, можно даже сказать абсолютного большинства исследовательских задач источники не дают нужной непосредственно выраженной информации, и необходимо извлечение из них информации скрытой, структурной. Путь ее извлечения известен давно. Это – выявление взаимосвязей. Историками разработано и множество конкретных методов такого извлечения. Важную роль играют не только логические методы, но и другие факторы: чувственный опыт, интуиция, научное воображение²⁴. При реконструкции прошлого на основе извлечения из источников скрытой информации историк использует не только накопленные им образы прошлого, но и образы, хранящиеся в общественной памяти человечества, будучи зафиксированными в языковых и знаковых системах²⁵.

Так же, как интуиция и воображение, эти образы помогают устанавливать связи и тем самым выявлять скрытую информацию источников. Понятно, что и “запас” исторических образов у историка, и его склонности к интуиции и воображению во многом зависят от его научной эрудиции, т.е. от объема знаний, которыми он владеет.

В целом историки добились значительных успехов в реконструкции исторической реальности путем широкого выявления скрытой информации источников (накопленный к сегодняшнему дню опыт требует специального изучения и обобщения). Более активны в этом плане археологи, хотя задача реконструкции для них особенно сложна из-за ее многоаспектности. Прежде всего необходимо по фрагментам предметов реконструировать их как целое. Затем по выборочным наборам этих предметов реконструировать их как цельный комплекс, а на основе этих комплексов реконструировать уже проявления самой исторической реальности. Первостепенное значение в этом деле имеет пространственная и временная локализация обнаруженных памятников. При реконструкции исторической реальности археологи наряду с вещественными источниками широко используют письменные источники, материалы сфрагистики и т.д., а также естественнонаучные методы²⁶.

Особенно большие объемы скрытой информации историки извлекают из письменных источников, характеризующих массовые исторические явления и процессы и содержащие большое число различных показателей. Все более широко распространяющееся при работе с этими источниками применение математических мето-

²⁴ См.: *Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В.* Методологические проблемы исторического познания. М., 1981. С. 65 и сл.; *Петров Ю.В.* Практика и историческая наука. С. 283 и сл.

²⁵ *Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В.* Указ. соч. С. 69.

²⁶ См.: *Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977; *Проблемы реконструкций в археологии.* Новосибирск, 1985.

дов и ЭВМ открывает перед историками фактически безграничную возможность извлечения скрытой информации и реконструкции на ее основе массовых явлений и процессов. Наиболее существенных результатов в этом плане советские историки добились в изучении социально-экономического развития.

Можно привести немало ярких примеров успешной реконструкции и важных индивидуальных исторических явлений. Укажем, например, на реконструкцию советским историком В.И. Корецким указа 1592/1593 г. о введении заповедных лет, что имеет существенное значение в раскрытии хода закрепощения крестьян в России²⁷.

Вместе с тем извлечение скрытой информации в тех случаях, когда источников мало или они бедны по содержанию или их информация противоречива, может и не позволить получить представительную систему фактов, однозначно реконструирующих изучаемую реальность. Практически это чаще всего выражается в том, что в системе фактов, отражающих эту реальность, имеются существенные пробелы. Выше указывалось, что в подобных случаях следует или скорректировать исследовательскую задачу или вообще воздержаться от ее решения до выявления необходимых фактов. Но это, естественно, не исключает правомерности поиска путей либо решения задачи при наличии пробелов в конкретно-фактических сведениях либо восполнения этих пробелов на основе косвенных или расчетных данных. С подобным положением историки сталкиваются весьма часто, и необходима методологическая разработка возникающих здесь проблем. В этой связи отметим следующее.

Прежде всего во многих случаях вполне можно решить исследовательскую задачу и при наличии пробелов в эмпирических фактах, ибо их неполнота, как хорошо известно, может быть компенсирована в процессе абстрактно-логического анализа на теоретическом уровне познания в результате категориального синтеза. Следовательно, окончательная оценка того, в какой мере эмпирическая система фактов, реконструирующая изучаемую реальность, представительна для решения поставленной задачи, может быть дана лишь в результате их анализа и синтеза на теоретическом уровне познания. Оценка же представительности сведений источников в процессе реконструкции изучаемой реальности путем ее описания, т.е. на эмпирическом уровне познания, в целом может быть лишь предварительной. Это, разумеется, не исключает того, что проверка представительности должна проводиться и на данном (эмпирическом) уровне, и вполне может быть обнаружена недостаточность имеющихся сведений.

Далее, в исторической науке, как и в других науках, применяются различные методы *восполнения пробелов* в используемых дан-

---

²⁷ См.: *Корецкий В.И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970.

ных. Само по себе такое восполнение вполне допустимо. Практически оно осуществляется путем временной или пространственной экстраполяции известных свойств и состояний аналогичных явлений на явления исследуемые²⁸. Но поскольку пространственная и временная вариации свойств даже однотипных явлений и объектов могут быть весьма существенными, восполнение пробелов по аналогии в лучшем случае является приблизительным либо вообще может быть необоснованным. Такого рода опасность особенно велика, когда для характеристики тех или иных явлений определенной эпохи используют свойства и значения, присущие этим явлениям в значительно более поздний период вплоть до современности. Поэтому требуется некий общий принцип, на основе которого можно оценивать корректность восполнения пробелов в имеющихся сведениях.

Обычно исходят из того, чтобы восполненные данные не противоречили имеющимся фактам об изучаемом событии или процессе. Это важное требование действительно может быть во многих случаях существенным критерием корректности проводимого восполнения пробелов или вообще его допустимости. Но такой подход возможен только в тех случаях, когда известен характер связи восполняемого признака с другими признаками, присущими изучаемой реальности как определенной системы. А это требует определенных знаний о структуре данной системы, что достигается на уже сравнительно высоком уровне познания рассматриваемой реальности. Следует иметь в виду и то, что любой системе наряду с определенной устойчивостью и гармоничностью присущи и внутренние противоречия. Поэтому согласованность восполняемых данных с имеющимися может иметь как прямую, так и обратную взаимосвязь либо такой взаимосвязи вообще может не быть.

Поэтому если нет ясного представления о характере взаимосвязи признаков системы, то восполнение пробелов, а следовательно, и вся реконструкция, основанные на принципе согласованности данных, не могут быть однозначными. Они неизбежно должны иметь ряд вариантов и будут по своему характеру *гипотетическими*. Правда, практически и в этих случаях исследователи останавливаются лишь на одном наиболее вероятном с их точки зрения варианте реконструкции, хотя, строго говоря, здесь должны рассматриваться ряд возможных вариантов или уж во всяком случае полярные из них. Разумеется, и в таком виде реконструкция должна основываться на объективных фактических данных и вытекающих из них следствий, а не на произвольных конструкциях историка. Он лишь выявляет допускаемые этими данными варианты реконструкции и проводит их сравнительную оценку.

---

²⁸ Об экстраполяции как средстве научного познания см.: *Попова Н.Л.* Экстраполяция как средство научного познания и интегративный фактор в науке. Киев, 1985.

Еще более сложное положение возникает в тех случаях, когда данные источников, которые можно использовать для реконструкции, оказываются разрозненными, неоднозначными и противоречивыми. Здесь целесообразнее всего воздерживаться от детальной реконструкции изучаемых явлений и процессов путем восполнения пробелов в источниках и ограничиться общей характеристикой их сути на основе теоретического обобщения имеющихся фактов, ибо попытка конкретизации при ограниченности и неоднозначности исходных данных может дать столько вариантов, что выбор одного из них будет всецело субъективным. Подчеркивать же данный момент приходится потому, что применение в исторических исследованиях математических методов и ЭВМ породило у некоторых математиков ошибочное представление о возможности посредством имитационного моделирования конкретизации исторических явлений и процессов на основе крайне ограниченных и разрозненных исходных данных вплоть до детальной “реконструкции” динамики исторических явлений, опирающейся на отрывочные статические сведения. Практическая цель имитации усматривается здесь в том, чтобы, создав целый набор “состояний” объекта изучения, дать возможность историку выбрать один из вариантов²⁹.

Однако как метод реконструкции прошлого имитация может применяться с большой осторожностью и в весьма ограниченных пределах. На основе учета объективных возможностей, содержащихся в изучаемой реальности, имитация должна не просто давать набор вариантов, а раскрывать те объективные пределы, в которых был заключен инвариант, в котором было реализовано то или иное историческое событие или процесс. При использовании математических методов эти пределы могут быть выражены количественно.

Таким образом, реконструкция изучаемой исторической реальности, формирование представительной системы научных фактов, отражающих факты действительности, являются чрезвычайно ответственным и сложным процессом на эмпирической стадии исторического исследования.

Система (или системы) научных фактов, выявленная на эмпирической стадии исторического исследования, представляет собой научное *описание* изучаемой реальности в пределах поставленной исследовательской задачи. Историческое научное описание не равнозначно простой описательности (идеографизму), как нередко полагают³⁰. Оно представляет собой зафиксированное в определенной знаковой системе отражение свойств, отношений и взаимодействий, присущих объективной исторической реальности и необходимых для конкретного раскрытия на теоретической стадии познания об-

---

²⁹ См.: Гусейнова А.С., Павловский Ю.Н., Устинов В.А. Опыт имитационного моделирования исторического процесса. М., 1984.

³⁰ Об исторических описаниях см.: Ракитов А.И. Указ. соч. Гл. 5.

щих закономерностей и пространственно-временных особенностей ее функционирования и развития.

Исторические описания могут фиксироваться в естественно-языковой форме, что бывает чаще всего, а также в виде систем количественных показателей, в графически-изобразительной форме или как закодированные машиночитаемые данные. Описания могут представлять собой либо первичную информацию, либо разного рода ее обобщенные сводки. Как указывалось, на эмпирическом уровне познания научные факты, реконструирующие изучаемую реальность, могут подвергаться различным видам обработки (систематизация, классификация, математическая обработка количественных показателей и т.д.). В этой связи следует отметить неправомерность имеющих место попыток рассматривать первичную информацию о массовых явлениях и процессах как более ценную по сравнению с информацией агрегированной (сводной). Историческая действительность представляет собой органическое сочетание единичного, особенного, общего и всеобщего и именно в этом единстве и должна познаваться. Поэтому для историка в одинаковой мере необходимы и ценны и данные первичные, характеризующие историческую реальность на уровне единичного, и разного уровня агрегированные сведения, без которых нельзя познать особенное, общее и всеобщее. Для историка практическая ценность первичных и сводных данных всегда конкретна. Она зависит от содержания исследовательской задачи.

Таков основной круг общих и конкретных методологических проблем, решаемых на эмпирическом уровне исторического исследования.

3. ОБЪЯСНЕНИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

На эмпирическом уровне познания складываются предпосылки для перехода к знанию теоретическому. Итогом эмпирического познания оказывается знание явлений, но, так как “явление есть... проявление сущности”³¹, создаются предпосылки для перехода к теоретическому познанию. В теоретическом знании постигается глубинная сущностная природа объективной реальности, и потому переход от эмпирического знания к теоретическому является необходимым³².

Теоретическое знание отличается от эмпирического по своим исходным основам, целевой направленности, характеру применяе-

³¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 154.

³² Об общих проблемах теоретического познания см.: *Фофанов В.П.* Социальная деятельность и теоретическое отражение. Новосибирск, 1986; *Петров Ю.А.* Методологические проблемы теоретического познания. М, 1986.

мых в нем категорий, форме выражения знания и методам его изучения.

Основа эмпирического знания – данные чувственного восприятия, теоретического – эмпирические факты. Цель эмпирического знания – раскрытие явления, теоретического – раскрытие сущности. В эмпирическом знании фигурируют категории, характеризующие отдельные черты объекта, поскольку явления как таковые выступают сами по себе. Категории теоретического знания отражают прежде всего отношения, ибо сущность проявляется в отношениях, связях. Основные общие категории теоретического познания – это такие философские категории, как “сущность”, “связь”, “взаимосвязь”, “взаимодействие”, “противоположность”, “единство”, “противоречие”, “развитие” и др. В сочетании с общенаучными и специально-научными категориями они в процессе категориального синтеза позволяют раскрыть сущность исследуемых объектов реальности. Основной формой выражения знаний на эмпирической стадии являются научные факты, на теоретической – гипотезы, понятия и теории.

На эмпирической стадии исследуемая реальность познается посредством ее описания (в историческом исследовании на основе информации источников), а на теоретической – путем ее *объяснения*. Если описание, как указывалось, представляет собой отражение отдельных свойств, отношений и взаимосвязей, т.е. раскрывает реальность как совокупность выражающих ее явлений, то *научное объяснение* – это “раскрытие сущности объясняемого объекта”³³. Оно осуществляется посредством выявления наиболее существенных черт и связей, тенденций и закономерностей генезиса, функционирования и развития объекта. Объяснение дает синтезированное представление о познаваемой реальности, в нем раскрывается понимание познающим субъектом этой реальности, которое состоит в уяснении внутренней природы изучаемой реальности, причин и тенденций развития и т.д. Чтобы понять и научно объяснить эту реальность, и необходимо движение познания от явления к сущности. “Чтобы понять, – указывал В.И. Ленин, – нужно эмпирически начать понимание, изучение, от эмпирии подниматься к общему. Чтобы научиться плавать, надо лезть в воду”³⁴.

Проблемам понимания и объяснения в науке вообще и в исторической науке, в частности, посвящена большая литература³⁵. Цент-

³³ Никитин Е.П. Объяснение – функция науки. М., 1970. С. 14.

³⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 187.

³⁵ См.: Кон И.С. К спорам о логике исторического объяснения // Философские проблемы исторической науки. М., 1969; Дорошенко М.Н. “Понимание” и его роль в историческом познании // Роль научных принципов и понятий в социальном исследовании. Л., 1976; Порк А.А. Историческое объяснение. Таллин, 1981; Юдин Б.Г. Объяснение и понимание в историческом исследовании // Вопросы философии. 1981. № 9; Никитин Е.П. Природа обоснования. М., 1981; Проблемы

ральными являются вопросы о принципах и видах исторического объяснения. Как научная процедура, направленная на раскрытие внутренней сущностной природы изучаемой исторической реальности, объяснение подчиняется общим диалектико-материалистическим принципам научного познания. Ими, как известно, являются объективность, партийность и историзм. Кроме того, важным принципом исторического объяснения выступает конкретность.

Во всяком объяснении как логической процедуре сочетаются два компонента: *экспландум* – совокупность положений, описывающих объясняемое явление, и *эксплансум* – совокупность объясняющих предложений. Исторические объяснения обычно излагаются в естественно-языковой форме и могут включать в себя как *эксплицитную* (явно выраженную), так и *имплицитную* (неявно выраженную) части. Для ясного и однозначного восприятия и понимания исторического объяснения читателем исторического труда оно должно быть эксплицитным. К сожалению, историки не всегда учитывают это.

В любом научном объяснении используются знания двух видов. Во-первых, это знание об объективной реальности, которое получено на эмпирической стадии ее изучения и выражается в ее описании. В историческом исследовании – это так называемое *источниковое* знание. Во-вторых, это – все другие знания как об этой реальности, так и вообще о научной картине мира. В исторической науке эти знания называют “внеисточниковыми”. Без знаний второго рода невозможно научно объяснить и понять объект познания. От “запаса” внеисточниковых знаний во многом зависит возможность глубокого проникновения во внутреннюю суть изучаемых явлений.

Предложен ряд вариантов классификации исторических объяснений. Выделяются такие их виды: *объяснение через закон*, объяснения *причинные* (каузальные), *генетические*, *структурные* и *функциональные*. Деление это условное, ибо чаще всего объяснение имеет комплексный характер, т.е. в нем применяются различные его виды.

Наиболее фундаментальным видом исторических объяснений является *объяснение через закон*. Именно законы генезиса, функционирования и развития общественно-исторической реальности наиболее глубоко выражают ее сущностную природу. Подчеркивая это, В.И. Ленин, как указывалось, отмечал, что “закон есть прочное (остающееся) в явлении”, “закон и сущность понятия однородные (однопорядковые) или вернее, одностепенные”³⁶, “закон есть отра-

---

объяснения и понимания в научном познании. М., 1982; *Егорова В.С.* Проблема объяснения в исследованиях по гражданской истории // *Философские науки*. 1983. № 1; *Горский Д.П.* Обобщение и познание. М., 1985; *Быстрицкий Е.К.* Научное познание и проблема понимания. Киев, 1986, а также указанные работы Г.М. Иванова, А.М. Коршунова, Ю.В. Петрова (гл. IV), А.И. Ракитова (гл. 8), А.И. Уварова (гл. II) и др.

³⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 136.

жение существенного в движении универсума”³⁷. Через законы объясняют прежде всего объективные и по своему характеру массовые явления и процессы.

Широкое распространение в исторической науке имеют *причинно-следственные объяснения*, вытекающие из всеобщности взаимосвязей, объективно присущих исторической реальности. Они прежде всего применяются при раскрытии тех или иных результатов человеческой деятельности, исторических событий и ситуаций, в которых ярко выражается активная роль человеческого, т.е. субъективного, фактора. Разумеется, за этим фактором лежат и определенные объективные обстоятельства, но они проявляются в характере субъективных действий. Так, например, когда мы говорим, что одной из важнейших причин краха наполеоновского вторжения в Россию в 1812 г. был высокий моральный дух русской армии, мы объясняем поражение Наполеона одним из субъективно-исторических факторов. Этот фактор мы выделяем явно (эксплицитно). Но неявно (имплицитно) в этом объяснении имеется в виду и то, что высокий моральный дух русской армии был обусловлен справедливым для России характером войны, тем, что борьба велась за сохранение независимости страны. А это уже обстоятельство объективное и выражающее определенную историческую закономерность – борьба народов за свою независимость порождает моральный и духовный подъем. В конечном счете приведенное объяснение является не только причинным, но и объяснением через закон.

Генетические объяснения необходимы в тех случаях, когда стоит задача объяснения сути исторических явлений или процессов в их определенном временном выражении. Допустим, мы хотим понять сущностное содержание разночинского этапа в освободительном движении в России, который, как известно, наступил после падения крепостничества. В полной мере понять эту суть, в частности то, что во главе освободительного движения стояли разночинцы и объективно борьба велась за буржуазно-демократические преобразования, осуществляемые путем народной, крестьянской революции, можно только с учетом того, что разночинскому этапу предшествовал этап дворянский, когда во главе освободительного, революционного движения стояли передовые представители дворянства, которые были страшно далеки от народа, боялись народа и потому боролись за интересы народа без народа. Но и здесь генетическое объяснение, т.е. раскрытие сути разночинского этапа освободительного движения как этапа, пришедшего на смену дворянскому, сочетается с причинным объяснением (изменение социального состава участников революционного движения обусловило радикализацию его программы, стратегии и тактики) и объяснением через закон (радикальные изменения в социально-экономическом строе, выра-

³⁷ Там же. С. 137.

жавшиеся в ликвидации крепостничества и переходе к капитализму, закономерно и неизбежно вели к изменениям в социальной структуре общества и в расстановке классовых и общественно-политических сил). Таким образом, и в этом случае объяснение является комплексным и его генетическая разновидность выступает лишь как ведущий подход и метод.

Структурное объяснение, т.е. раскрытие сущности через анализ структуры соответствующих общественно-исторических систем, может применяться при изучении любых из этих систем. Основная задача объяснения здесь состоит в выявлении основных, системообразующих признаков, присущих элементам системы, и в установлении характера их взаимосвязи. Выявление системообразующих признаков связано с анализом содержательной, субстанциональной природы системы.

Анализ структурных взаимосвязей системообразующих признаков раскрывает те основные закономерности, которые свойственны изучаемой системе, ибо “закон есть *о т н о ш е н и е*”³⁸ и “если тот или иной вид связи элементов существен и необходим для данной системы, то он имеет характер закона ее структуры”³⁹. Тем самым структурное объяснение, выявление сущности через структурный анализ систем наиболее эффективны, ибо приводят к непосредственному раскрытию законов, присущих исторической реальности.

Функциональное объяснение представляет собой разновидность объяснения структурного. Как указывалось, при функциональном анализе характеризуемая система рассматривается как подсистема или даже элемент общественной системы более высокого уровня. Анализ структуры последней позволяет выявить взаимосвязи изучаемой системы с той средой, в которой она находится, и тем самым раскрыть закономерности ее функционирования. Функциональное объяснение является эффективным средством выявления сущности различных общественных систем на различных уровнях их функционирования.

До сих пор речь шла об объяснении генезиса, функционирования и развития различных массовых или коллективных явлений и процессов. Но в историческом развитии важную роль играют и индивидуальные, единичные события, хотя эта роль и не столь значительна, как представляют сторонники субъективистской методологии исторического познания. Но этим событиям тоже присуща определенная суть, которая требует выяснения и объяснения.

Существует несколько видов *объяснения единичных актов деятельности*⁴⁰. Основным является *мотивационное объяснение*. Оно состоит в том, что суть действия объясняется побудительным моти-

---

³⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 138.

³⁹ Ганчарук С.И. Законы развития и функционирования общества. М., 1977. С. 103.

⁴⁰ См.: Порк А.А. Историческое объяснение. С. 189 и сл.

вом, который обычно выражает определенный интерес и преследует соответствующую цель. Другим видом выступает *объяснение через нормативность*. Характер действий субъекта здесь обусловлен общепринятыми в соответствующей социальной среде нормами и традициями поведения. Еще один вид составляет *психологически-эмоциональное объяснение*. Характер действия здесь зависит от психологически-эмоциональных черт исторической личности (твердость, мягкость, боязливость, сострадание, уважение, любовь, ненависть и т.д.).

Таким образом, существует целая совокупность исторических объяснений. Все они имеют цель раскрыть сущность исследуемой исторической реальности. Однако сами по себе виды исторических объяснений не раскрывают всего сложного механизма познания внутренней сущности изучаемой исторической реальности, который является прерогативой теоретического уровня познания. Раскрытие этого механизма тем более важно, что он представляет собой сложный творческий процесс, в котором применяются различные научные методы, а не простое логическое преобразование знания, полученного на эмпирическом этапе.

Процесс получения теоретического знания значительно более сложен, чем процесс получения знания эмпирического. Процесс получения теоретического знания имеет свои внутренние этапы. В объективной действительности сущность представляет собой единое внутреннее основание объектов, систему свойственных им внутренних связей, которые реально выражаются в явлениях, раскрывающих отдельные черты, связи, тенденции функционирования и развития этих объектов. Значит, в действительности сущность выступает в органическом единстве с явлением. Однако для своего познания сущность первоначально должна быть абстрагирована от явления, понята как таковая. В этом плане теоретическое знание, как и эмпирическое, на определенном своем этапе абстрактно. Но характер этой абстрактности разный. Эмпирическое знание абстрактно в том смысле, что в нем отдельные черты объекта выступают сами по себе, вне связи с другими его свойствами. В теоретическом знании сущность первоначально предстает как нечто общее вне связи с конкретным.

Поскольку основой для познания сущности выступают явления, выраженные в эмпирическом знании как конкретные научные факты, постольку в теоретическом знании необходимо восхождение от *конкретного к абстрактному*. Ф. Энгельс писал по этому поводу: “Мы в мыслях поднимаем единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность ... мы находим и констатируем бесконечное в конечном, вечное – в преходящем”⁴¹. Переход от конкретного к абстрактному представляет собой один из этапов в теоретическом познании.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 548.

Движение от эмпирического знания к теоретическому начинается с вопроса о том, как можно объяснить эмпирические факты, выявленные для решения поставленной в начале исследования научной проблемы. Поиск ответа на возникший вопрос состоит в выдвижении определенной *идеи*, исходя из которой можно раскрыть единый внутренний смысл фактов. Раскрытие это осуществляется путем категориального синтеза. Он состоит в том, что факты подводятся под соответствующие исходной идее философские, общенаучные и специально научные категории. Результатом такого синтеза будет формирование научного понятия, раскрывающего общий внутренний смысл эмпирических фактов. Такой синтез может иметь несколько уровней, или этапов, приводящих к конечному итогу.

Идея – основное ядро теоретического знания, его ведущее начало, которое характеризует объект как целое, а тем самым раскрывает и его сущность в отличие от эмпирических понятий – фактов, отражающих лишь явления. В.И. Ленин подчеркивал мысль Гегеля о том, что “*Begriff* (понятие. – *И.К.*) еще не высшее понятие: еще выше *и д е я* =единство *Begriff*”⁴².

Выдвижение идеи, сводящееся в общем к выявлению или формированию тех категорий, на основе которых может быть осуществлен синтез фактов, представляет собой сложный творческий поиск, а отнюдь не только формально-логический процесс, хотя в этом поиске присутствуют и такие логические процедуры, как сравнение, обобщение, абстрагирование. Важнейшую роль здесь играют интуиция и воображение и другие субъективные моменты в познании, о которых пойдет речь в следующей главе.

Объяснение сущности явлений на основе выдвинутой идеи и категориального синтеза эмпирических фактов имеет первоначально *гипотетический*, т.е. вероятностный, характер. Объяснение сущности фактов посредством гипотез, имеющих ту или иную вероятность истинности, – вполне естественный путь в процессе теоретического познания действительности, и гипотеза является одной из важных форм научно-теоретического знания и методом его получения⁴³. Такой формой она и выступает на начальном этапе сущностного познания явлений. В тех областях знания, где доказательство истинности научных гипотез затрудняется сложностью получения необходимых для этого фактов, научное знание в течение длительного времени может оставаться в гипотетической форме. Много таких областей и в исторической науке. Это – прежде всего древнейшие периоды истории, да и явления других эпох, плохо отраженные в исторических источниках. Именно в их трактовке наиболее широко распространены различные точки зрения о сути исторических явлений и процессов.

---

⁴² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 151.

⁴³ См.: Карпович В.Н. Указ. соч. Меркулов И.П. Метод гипотез в истории научного познания. М., 1984.

Но в целом в процессе исторического познания действительности гипотетический подход к раскрытию сущности изучаемых явлений представляет собой лишь один из этапов. Истинность гипотезы должна быть проверена новыми эмпирически наблюдаемыми фактами. Если новые факты подтверждают выдвинутое объяснение сущности явлений, гипотетическое теоретическое знание становится истинным теоретическим знанием. Если же новые факты опровергают выдвинутое объяснение сущности явлений, то гипотеза должна быть отклонена и анализ должен вернуться к исходной основе. Нужны поиск новой идеи, синтез фактов на основе других категорий и выдвижение новой гипотезы, которая снова должна быть проверена, и так до тех пор, пока не будет доказана ее истинность.

Однако достижение истинного теоретического знания о сущности изучаемых явлений не завершает процесса их познания. Будучи результатом отвлечения от конкретного, это знание характеризует сущность как таковую, абстрактно. Но, как указывал В.И. Ленин, «понятие чистоты есть некоторая узость, однобокость человеческого познания, не охватывающего предмет до конца во всей его сложности»⁴⁴. Вместе с тем первоначальное отвлечение от конкретности явления необходимо для того, чтобы, выяснив общее, затем вернуться к конкретному и тем самым познать реальность как единство явления и сущности. «Движение познания к объекту, – подчеркивал В.И. Ленин, – всегда может идти лишь диалектически: отойти, чтобы вернее попасть»⁴⁵. «Бесконечная сумма общих понятий, законов etc. дает конкретное в его полноте»⁴⁶. Поэтому *заключительной стадией теоретического познания является обратное восхождение от абстрактного к конкретному*. Суть этого восхождения состоит в том, что оно снимает абстрактность, с одной стороны, с явления, которое на эмпирической стадии предстает как единично изолированное, а с другой – с сущности, которая на теоретической стадии рассматривается первоначально в изоляции от явления. Теперь они выступают как единство, в котором явление, не теряя своей единичности, приобретает черты определенной всеобщности, т.е. из формальной единичности превращается в содержательную конкретность, а сущность, оставаясь всеобщностью, приобретает определенный диапазон единичной конкретности. Тем самым реальность предстает в сознании в единстве и противоположности, как синтез единичного и общего, случайного и закономерного, формы и содержания, а если будут произведены измерения, то и количества и качества.

---

⁴⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 241.

⁴⁵ Там же. Т. 29. С. 252.

⁴⁶ Там же.

В процессе обратного восхождения от абстрактного к конкретному и возникает конкретное теоретическое знание, достигается высший уровень в научном познании. Поэтому восхождение от абстрактного к конкретному и принадлежит к самым основным и эффективным методам научного исследования. Завершенной формой конкретно-теоретического знания являются *научные теории*. Применительно к изучению тех или иных конкретных явлений и процессов – это конкретно-научные теории.

“Историческая теория есть наиболее полное и концентрированное выражение знания в исторической науке, она обобщает и синтезирует факты, полученные историком на эмпирическом уровне исследования; с ее помощью осуществляются функции объяснения и предсказания явлений исторической действительности, открываются закономерные отношения внутри целостной социальной организации”⁴⁷. Целостная социальная организация применительно к конкретно-научному (или конкретно-проблемному) уровню исторической теории – это разного рода общественные системы и процессы. В таком виде историческое знание “характеризуется абстрактной природой, а представленная в нем действительность дана в концептуальной модели”, которая представляет собой “идеализированную схему действительности, полученную с помощью абстрагирования”⁴⁸. Такие сущностно-содержательные модели служат основой для дедуктивного познания исторической реальности путем восхождения от абстрактного к конкретному, в том числе и с помощью математического моделирования. Объединяющим началом компонентов теории (входящих в нее понятий, категорий, законов) выступает, как указывалось, лежащая в ее основе идея. Конкретно-научная теория, как и всякая научная теория, обладает свойствами системности, всеобщности и логической непротиворечивости⁴⁹.

В литературе по теории и методологии исторического познания высказывается мнение о том, что историческая наука наряду с *конкретно-научными* теориями, отражающими познание отдельных явлений, сторон и процессов общественно-исторического развития, “должна обладать собственным уровнем теории, т.е. уровнем категориального знания, соответствующим ее познавательной функции”⁵⁰. Иначе говоря, должен быть уровень теории, присущий исторической науке в целом. Высказывают и то соображение, что вообще должна быть разработана *теоретическая история* как отрасль исторической науки⁵¹.

⁴⁷ Иванов Г.М., Коршунов Н.М., Петров Ю.В. Указ. соч. С. 215.

⁴⁸ Там же. С. 216.

⁴⁹ См.: Карпович В.Н. Системность теоретического знания: (Логический аспект). Новосибирск, 1984.

⁵⁰ Барг М.А. Категории и методы исторической науки. С. 15.

⁵¹ Уваров А.Н. Гносеологический аспект теории в исторической науке. С. 12–13.

Мнение о необходимости уровня теории, присущего для исторической науки в целом, не вызывает сомнений. Следует только отметить, что такая теория у марксистской исторической науки есть. Это – исторический материализм. Он является теорией о наиболее общих законах общественно-исторического развития как целостной динамической системы. В этой связи представляется вполне обоснованным мнение тех философов, которые выделяют в историческом материализме три аспекта – философский, социологический и исторический⁵².

В историческом аспекте исторический материализм представляет собой то общее теоретическое историческое знание, ту “теоретическую историю”, о необходимости которых и говорят философы и историки. Выполнение историческим материализмом функций общей теории исторической науки никоим образом не умаляет его роли как составной части марксистской философии и как общей социологической теории.

Неосознанность многими философами и историками того несомненного факта, что исторический материализм, являясь социологической теорией и методом познания, вместе с тем представляет собой и общую историческую теорию, приводит к определенным издержкам и в исторических, и в философских исследованиях. У историков это нередко ведет к превращению исторических исследований в иллюстрацию положений исторического материализма, с одной стороны, и к поиску ответов на конкретные вопросы в этих положениях, – с другой. Тем самым недооценивается методологическая роль исторического материализма. Философы же, исходя из того, что исторический материализм – наука о наиболее общих законах общественного развития, не обращаются к историческому материалу, не обобщают должным образом даже фундаментальные результаты исторических исследований. В результате многие их работы по историческому материализму оказываются слишком абстрактными и потому мало пригодными для практики исторических исследований.

Устранение указанных недостатков – важная задача исторических и философских исследований и один из путей повышения их научного уровня.

---

⁵² См., например: Багатурия Г.А. Первое великое открытие Маркса: Формирование и развитие материалистического понимания истории // Маркс – историк. М., 1968; Желенина И.А. О трех аспектах марксистской теории исторического познания // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 1985. № 2.

ОБЪЕКТИВНОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

Цель всякого, в том числе и исторического, научного познания состоит в получении *истинных* знаний, т.е. знаний, которые адекватно отражают изучаемую реальность. Форма же научного познания является *субъективной*. В познавательном процессе с объектом познания активно взаимодействует познающий субъект, имеющий определенные интересы, стремящийся достигнуть поставленных целей, исходящий из соответствующих идеологических воззрений, руководствующийся теми или иными теоретико-методологическими подходами и принципами, использующий различные методы и обладающий многими другими индивидуальными чертами. Поэтому возникает проблема возможности получения объективных знаний при субъективном характере познавательной деятельности. Это одна из наиболее активно дебатующихся проблем научного познания, которой уделяется большое внимание как в общих работах по вопросам научного познания, так и в работах по теории и методологии отдельных областей науки.

Особенно сложным является соотношение объективного и субъективного в общественно-гуманитарных науках, что обусловлено спецификой объекта их познания, в котором органически переплетены объективное и субъективное. Объект познания естественных наук бесстрастен и не имеет никаких внутренне ему присущих интересов. Следовательно, не может быть и “столкновения” интереса познающего субъекта со свойствами познаваемого объекта. В противном случае даже “если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они наверное опровергались бы”¹.

Иначе обстоит дело при изучении общественно-исторического развития. Здесь в самом объекте заключены людские интересы и устремления, борьба и страсти в их достижении, которые влияли на ход этого развития и сказывались в результатах человеческой деятельности. В результате интересы и цели, выражаемые исследователем, могут сталкиваться, вступать в противоречие с тем, что было в действительности. Этим создается дополнительная по сравнению с естественными и техническими науками возможность отступления от объективности. Здесь может возникнуть стремление не только не к вполне объективному (чаще всего одностороннему) познанию действительности, но даже и к прямому ее искажению, что усложняет задачу обеспечения объективности познавательно-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 17.

го процесса в общественно-гуманитарных исследованиях. Эта задача может быть в полной мере успешно решена только на основе материалистически-диалектического познания общественной реальности.

Материалистически-диалектическое познание объективной реальности требует *исходить в научном познании из принципов объективности, партийности и историзма, а также из единства познавательной и предметно-содержательной деятельности*. Объективность обеспечивает получение истинного знания. *Партийность* определяет социальную направленность познания, а следовательно, и общественную значимость полученного знания. *Историзм* создает возможность получения истинного, объективного знания в его онтологическом аспекте (т.е. со стороны познаваемой реальности). В единстве же познавательной и предметно-содержательной деятельности выражается активная, определяющая роль субъекта в познании, диктуемая потребностями и интересами его эпохи и являющаяся непременным условием получения объективного знания².

Все эти компоненты синтезируются в объективности, которая и выступает как обобщенное выражение соотношения в познавательном процессе объективного и субъективного³. Сложность этого соотношения порождает и проблему истинности исторического знания и путей и методов ее проверки.

---

² Освещению указанных принципов научного познания, в том числе и в исторической науке, посвящена большая литература. См., например: *Носов А.П., Намазов Д.Н.* Борьба В.И. Ленина за партийность исторической науки. Ташкент, 1967; *Чагин Б.А.* Марксистско-ленинский принцип партийности в философии. Л., 1974; *Сычев Н.И.* Объективное и субъективное в научном познании. Ростов, 1974; *Кузьмин В.Ф.* Объективное и субъективное: (Анализ процесса познания). М., 1976; Принцип партийности в исследовании социальных явлений: Сб. статей. Л., 1977; *Бурмистров Н.А.* Партийность исторической науки. Казань, 1979; *Коршунов А.М.* Отражение, деятельность, познание. М., 1979; *Донской Д.Е.* Партийность как эстетическая категория. Новосибирск, 1980; *Иванов В.В.* Историзм в ленинской методологии научного исследования. М., 1982; Творчество и социальное познание: Сб. статей. М., 1982; Принципы материалистической диалектики как теории познания: Коллективная монография. М., 1984; *Чагин Б.А.* В.И. Ленин о диалектике объективного и субъективного в историческом процессе. Л., 1985, и др. См. также названные выше работы по методологическим проблемам исторической науки.

³ Поэтому некоторые исследователи не без оснований полагают, что партийность – это не самостоятельный принцип научного познания, а органическая часть принципа объективности (см.: *Желенина И.А.* Объективность как принцип социально-исторического исследования // Творчество и социальное познание. С. 85, 96). Это же можно сказать и о принципе историзма. Но в силу большой практической значимости этих принципов в конкретно-научных исследованиях, видимо, их все же следует рассматривать как принципы самостоятельные, но меньшей степени общности и потому интегрируемые наиболее общим принципом, которым и является объективность.

1. СУБЪЕКТИВНО-СОЦИАЛЬНОЕ: ПАРТИЙНОСТЬ И ОБЪЕКТИВНОСТЬ

Объективность как принцип научного познания означает “*о б ъ е к т и в н о с т ь* рассмотрения (не примеры, не отступления, а вещь сама в себе)”⁴, сосредоточение внимания на внутренней природе изучаемой реальности. Объективность познавательного процесса обеспечивает получение истинного знания об этой реальности, адекватное ее отражение в сознании. Несмотря на субъективную форму познания, оно может давать объективное по содержанию знание. Возможность для этого создается рядом факторов.

Во-первых, объективны источник познания, реальность во всех ее выражениях. Знание, как указывалось, может быть лишь отражением этой реальности. “Человеческие понятия, – писал В.И. Ленин, – субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике”⁵.

Во-вторых, познающий субъект заинтересован в получении объективных, истинных знаний об изучаемой реальности. Знания нужны для использования их в практической деятельности, для удовлетворения определенных потребностей и интересов, для решения тех или иных задач и достижения поставленных целей. Именно в силу этого, как указывал В.И. Ленин, “точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания”⁶. Практическая потребность в знаниях побуждает познающего субъекта к активности в процессе познания, что не только приводит к накоплению знаний, но и обеспечивает получение объективных знаний, разумеется, как будет показано далее, в пределах той конструктивной цели, для достижения которой приобретаются знания.

В-третьих, достижение объективных знаний обеспечивается возможностью такого построения исследовательского процесса, который позволяет получить истинные знания. Ф. Энгельс указывал, что, “если наши предпосылки верны и если мы правильно применяем к ним законы мышления, то результат должен соответствовать действительности”⁷.

Остановимся на этом моменте несколько подробнее, поскольку он не раскрывается должным образом в исследованиях по теории и методологии исторического познания.

Все многообразие факторов, определяющих возможность истинного пути познания реальности, можно свести к следующим принципам и требованиям.

Во-первых, должна быть обеспечена возможность всестороннего подхода к объекту познания. Только при таком подходе может

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 202.

⁵ Там же. С. 190.

⁶ Там же. Т. 18. С. 145.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 629.

быть учтено все многообразие явлений, отражающих внутреннюю сущность объекта познания.

Во-вторых, исследование должно базироваться на применении самых различных методов. Ни один общенаучный, специально-научный и конкретно-проблемный метод не должен абсолютизироваться или игнорироваться. Наибольший эффект может быть достигнут применением совокупности методов, что обеспечивает получение системы многообразных фактов на стадии эмпирического познания и их объяснение и синтез на стадии теоретического познания.

В-третьих, необходим широкий и глубокий подход к объяснению фактов, к раскрытию содержания и формы, явления и сущности, количества и качества, внутренних противоречий и движущих сил исследуемой реальности.

И, в-четвертых, исследовательский процесс должен опираться на существующее знание, с одной стороны, и быть активно творческим, с другой. Всякое научное знание относительно, и познание истины представляет собой бесконечный процесс, в котором каждый этап есть необходимое звено, несущее зерна абсолютной истины, так же как и элементы ограниченности и даже заблуждения. Поэтому без знания истории познания объекта и данного состояния знаний о нем невозможно определить истинный путь дальнейшего его изучения и объяснить вновь полученные о нем факты. Вместе с тем исследователь должен действовать активно и творчески. Опираясь на достигнутые знания и относясь к ним без нигилизма и консерватизма (т.е. не игнорируя и не довольствуясь ими), он должен искать пути и методы движения вперед, исходя из задач, выдвигаемых общественной практикой. Имея в виду все это, В.И. Ленин писал: “Процесс (преходящего, конечного, ограниченного) познания и *действия* превращает абстрактные понятия в законченную объективность”⁸.

Таким образом, и объективность источника знания, и заинтересованность субъекта в получении истинного знания, и возможность истинного пути познания обеспечивают получение объективного знания. Но все это – только *возможность* приобретения истинных знаний, превращение которой в реальность определяется субъективными факторами процесса познания, а именно – позицией исследователя. Она может быть такой, когда будут последовательно использоваться возможности для получения объективного знания и соблюдаться необходимые для этого принципы и требования. Но эти последние могут учитываться неполностью либо вовсе игнорироваться. Кроме того, в познавательном процессе могут быть допущены ошибки. Следовательно, диапазон объективности получаемых научных знаний в их завершенной, т.е. теоретической, форме может колебаться от 1 до 0.

---

⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 177.

К субъективному в научно-познавательном процессе относится все, что связано с осознанной и целенаправленной деятельностью познающего субъекта. Проявления субъективного в познавательном процессе весьма многообразны и обусловлены множеством всякого рода факторов. Но при всем этом многообразии проявления субъективного можно свести к двум видам: *субъективно-социальному* и *субъективно-индивидуальному*. “Индивид, – писал К. Маркс, – есть *общественное существо*. Поэтому всякое проявление его жизни – даже если оно и не выступает в непосредственной форме *коллективного*, совершаемого совместно с другими, проявлениями жизни, – является проявлением и утверждением *общественной жизни*”⁹. Иначе говоря, вся деятельность индивида социальна по своей природе независимо от того, осознает и признает он это или нет. Поэтому и можно выделять субъективно-социальный компонент в познавательной деятельности.

Социальная классовая позиция исследователя определяет его *партийность*. Соответствующий общественный интерес выражается в партийности через мировоззрение и прежде всего через идеологию, как его наиболее теоретизированный компонент. Партийность может осознаваться или не осознаваться, признаваться или не признаваться исследователем, но она всегда есть и всегда проявляется в познавательной деятельности. Утверждения о возможности деидеологизации и надпартийности науки и призывы к этому несостоятельны, ибо равнозначны признанию независимости личности от общества. Само отрицание партийности в науке является одной из форм партийности. “Беспартийность, – указывал В. И. Ленин, – есть идея буржуазная. Партийность есть идея социалистическая”¹⁰. Вообще проповедь беспартийности, отвечающая интересам буржуазии, имеет цель замаскировать буржуазную партийность.

Переходя к рассмотрению партийности и объективности в научно-познавательном процессе, прежде всего следует подчеркнуть, что сама по себе партийность не исключает объективности. Все дело в характере партийности. А она может быть весьма различной, ибо различны те общественные интересы, которые ею выражаются. Основной разграничительной линией здесь выступают различия интересов отдельных классов. Особенно велики различия, как хорошо известно, в интересах антагонистических классов, прежде всего буржуазии и пролетариата в капиталистическом обществе. С другой стороны, интересы дружеских классов и слоев социалистического общества (рабочий класс, колхозное крестьянство, интеллигенция), социальная природа которых определяется социалистическим способом производства, различаются по характеру их отношения к прошлому несущественно и по своей сути являются едиными.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 119.

¹⁰ Ленин В.Я. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 138.

В указанном диапазоне существует большое разнообразие в интересах отдельных классов и социальных слоев. Так, интересы мелкой буржуазии, с одной стороны, сходны с интересами буржуазии крупной. Мелкий буржуа, как собственник и самостоятельный производитель, стремится “выбиться на дорогу, пробиться в крупные хозяева”¹¹. С другой стороны, его интересы противостоят интересам крупной буржуазии, поскольку в капиталистическом обществе действует закон вытеснения мелкого производства крупным. Как труженик, угнетаемый крупным капиталом, мелкий буржуа имеет интересы, сходные с интересами рабочего класса. Но в то же время их интересы различны, ибо мелкий буржуа “продает свой продукт, пролетарий продает свою рабочую силу”¹².

В общем раскрытие характера партийности познающего субъекта требует тщательного выявления тех общественных интересов, из которых этот субъект исходит.

Общественный интерес определяет социальную суть партийности, содержание которой выражается в мировоззрении и идеологии. В конкретно-научном исследовании тем опосредствующим звеном, через которое партийность влияет на объективность, выступают теория и методология научного познания, на которых основывается исследование¹³. Ими непосредственно и обуславливается то, в какой мере историк будет использовать возможности и соблюдать принципы, обеспечивающие объективность исследования. Если теория и методология таковы, что требуют использования возможностей и соблюдения необходимых принципов, то будет иметь место последовательная объективность и в итоге будет получено искомое истинное знание. Если же теория и методология позволяют реализовать эти возможности и принципы лишь в той или иной мере, то объективность исследования будет неполной, а следовательно, будет ограниченным и адекватное отражение реальности, полученное в итоге исследования. Разумеется, важную роль здесь играют и факторы субъективно-индивидуальные, о которых пойдет речь ниже.

Конкретное соотношение объективности и партийности в процессе научного познания определяется тем, в какой мере интересы классов и социальных слоев, выражаемые партийностью, совпадают с объективным ходом общественно-исторического развития. Класс, интересы которого в полной мере соответствуют объективному ходу этого развития, заинтересован во всестороннем и объективном познании этого развития, ибо истинное знание реальности будет содействовать удовлетворению его интересов, претворению в жизнь вытекающих из них задач и идеалов. Таким классом является

¹¹ Там же. Т. 1. С. 402.

¹² Там же. Т. 27. С. 220.

¹³ См.: *Ворожцов В.П., Москаленко А.Т.* Методологические установки ученого: Природа и функции. Новосибирск, 1986.

рабочий класс. Совпадение интересов рабочего класса с объективным ходом общественно-исторического развития обуславливает то, что рабочий класс, как указывал Ф. Энгельс, “более восприимчив к действительности, чем буржуа, и не смотрит на все сквозь призму личных интересов”¹⁴, и поддерживает все, содействующее общественному прогрессу. Поэтому пролетарская партийность в научном познании органически сочетается с полной объективностью. Марксизм не только не маскирует свои пролетарскую социальную сущность и боевую партийность, но и прямо признает, что “материализм включает в себя... партийность”¹⁵. Марксизм, с одной стороны, требует, “чтобы взгляды на социальные явления опирались на немумолимо объективный анализ *действительности* и действительно-го развития”¹⁶, а с другой стороны, призывает “при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы”¹⁷. Подчеркивая имманентно присущую научному познанию партийность, В.И. Ленин указывал, что нельзя изучать действительное положение, “не квалицируя, не оценивая его по-марксистски, или по-либеральному, или по-реакционному и т. п.!”¹⁸.

Органическое единство объективности и партийности в марксизме, обусловленное соответствием интересов рабочего класса объективному ходу общественно-исторического развития, выражается в единстве познавательной и практически-предметной деятельности рабочего класса, в единстве марксистско-ленинской теории и практики революционной борьбы, в материалистическом монизме марксистской теории и ее диалектическом методе. Именно поэтому возникновение марксизма и явилось революционным переворотом в развитии науки вообще и в обществознании в особенности. Лишь с появлением марксизма был найден путь для адекватного, истинного познания общественно-исторического развития. Марксизм обосновал возможность получения такого знания и определил указанные выше принципы исследовательской деятельности, которые позволяют добиться того, чтобы познание истины само было истинным. Возникновение и распространение марксизма, последовательно объективной естественноисторической теории, и вызывает “самую бешеную борьбу” со стороны буржуазии. Марксистское учение “должно было с боя брать (и до сих пор берет. – И.К.) каждый свой шаг на жизненном пути”¹⁹.

Однако революционное значение марксизма в развитии науки не означает, как иногда полагают, что только с появлением марк-

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 357.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 419.

¹⁶ Там же. Т. 2. С. 547.

¹⁷ Там же. Т. 1. С. 419.

¹⁸ Там же. Т. 23. С. 240.

¹⁹ Там же. Т. 17. С. 17.

сизма, научной идеологии рабочего класса, и возникла общественная наука и что только на основе марксизма могут быть получены научные знания об общественно-историческом развитии.

Кроме рабочего класса, были в историческом развитии и другие классы, интересы которых в определенной мере совпадали с объективным ходом общественно-исторического развития. Так, в эпоху перехода от феодализма к капитализму и на начальных этапах развития последнего объективные потребности общественного прогресса в большой мере совпадали с интересами формирующегося класса буржуазии. Именно поэтому ее идеологи и выдвигали передовые для своего времени философские концепции, использовавшиеся и в исторической науке, вершиной которых явились концепции и теории революционного просветительства. Их буржуазная по объективному содержанию партийность в значительной мере сочеталась с объективностью общественно-исторического познания.

Наибольшим соответствием объективности и партийности в общественно-историческом познании отличались в немарксистской общественно-научной мысли взгляды российских революционеров-демократов 40–60-х годов XIX в. (прежде всего Белинского, Герцена, Добролюбова и Чернышевского), которые исходили из классовых интересов крестьянства, боровшегося за низвержение крепостничества. В этой борьбе интересы крестьянства соответствовали объективному ходу исторического развития и выражали наиболее прогрессивные тенденции этого развития. Поэтому революционеры-демократы в области общественно-научной мысли вообще и в социологии в частности, как указывал В.И. Ленин, характеризуют взгляды А.И. Герцена, “вплотную подошли к диалектическому материализму и остановились перед историческим материализмом”²⁰. В их исторических взглядах при в целом идеалистической их сущности это отразилось в признании важной роли в общественном развитии экономического фактора, народных масс, классовой и революционной борьбы, а также в диалектическом подходе к изучению общественного развития²¹.

Либерально-буржуазная общественно-научная и историческая мысль наибольших результатов в познании общественно-исторического развития достигла в эпоху утверждения капиталистического способа производства, т.е. в первой половине – середине XIX в. Тем новым, что было внесено в это время в развитие исторической науки буржуазными учеными, был диалектический подход. Даже на основе идеалистической теории он значительно повышал объективность исторических исследований. Стало возможным рассмотрение хода исторического развития как внутренне обусловленного, зако-

²⁰ См.: Там же. Т. 21. С. 256.

²¹ См.: *Иллерицкий В.Е.* Революционная историческая мысль в России: (Домарксистский период). М., 1974.

номерного процесса. Вершиной в развитии буржуазной историографии на этом этапе стала либерально-буржуазная школа французских историков периода Реставрации (О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье и др.), а в России – работы таких крупных либерально-буржуазных историков, как Т.Н. Грановский и С.М. Соловьев.

Дальнейшее развитие либерально-буржуазной по социальной сути исторической науки не только не продвинуло ее вперед, но даже отбросило назад. В условиях все нарастающей борьбы между пролетариатом и буржуазией интересам последней не соответствовал не только материализм, но и диалектика. “В своем рациональном виде, – писал К. Маркс, – диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна”²².

Эпоха, когда буржуазия в борьбе с феодализмом и абсолютизмом могла “представить свой интерес как общий интерес всех членов общества”²³, ушла в прошлое, и основной заботой идеологов буржуазии стало отстаивание узкоклассовых интересов буржуазии. Поэтому объективность в научном познании допускается лишь постольку, поскольку соответствует этим интересам и обосновывает их. Все остальное должно быть отвергнуто. На решении этих задач и сосредоточиваются усилия обществоведов, стоящих на позициях буржуазной партийности. Выражением указанных изменений в соотношении партийности и объективности явилось широкое распространение субъективизма.

Субъективист подходит к исторической реальности с узкоклассовых и групповых интересов и представляет общественно-историческое развитие не таким, каким оно было в действительности, а таким, каким его выгодно подать в рамках отстаиваемого социального интереса. Основой субъективизма является метафизика с ее однозначно-упрощенным, механистическим подходом к действительности. Субъективизм неизбежно ведет к идеализму в понимании сути общественно-исторического развития и, в частности, к широко распространенному психологизму в объяснении этого развития. Основой же для оценки исторических событий выступают субъективные и абстрактные представления о справедливости, праве, морали и т.д. Понятно, что теория и методология общественно-исторического познания, основанные на принципах субъективизма, определяют такое соотношение объективности и партийности в исследовательском процессе, в котором субъективное не только явно преоб-

---

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 22.

²³ Там же. Т. 3. С. 47.

ладает над объективным, но и вообще может устранить всякую объективность. Поэтому прежде всего с распространением субъективизма (в форме неокантианства, презентизма, экзистенциализма и т.п.) и связан тот глубокий идейно-теоретический и научно-методологический кризис, который переживает буржуазная историческая наука с конца XIX в.

Субъективизм – методология общественно-исторического познания, в социальном плане отвечающая прежде всего интересам консервативной и реакционной буржуазии. Но из истории исторической науки и общественно-научной мысли известно, что субъективизм в познании исторического прошлого пытались использовать и для обоснования необходимости демократических и даже революционных преобразований. Как пример можно привести российское народничество. Выдвигаемые ими программы общественных преобразований соответствовали интересам широких слоев мелких производителей, прежде всего крестьян, и объективно, как указывалось, их революционное претворение в жизнь означало расчистку пути для буржуазно-демократического развития. Однако в данном случае социальной основой социологического субъективизма народников являлись не крестьянские интересы. Социологический субъективизм народничества был порожден ошибочными представлениями о возможности для интеллигенции повернуть историческое развитие России на иной, некапиталистический путь. Иначе говоря, субъективизм отражал групповые интересы народничества как направления общественной мысли и общественного движения. Этот пример показывает сложную связь объективности и партийности с интересами определенных классов, социальных слоев и общественных групп.

Разумеется, благие намерения народников не меняли природы субъективизма. Он, как и во всех других случаях, исключал объективность в познании прошлого. В работе «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?» и других В.И. Ленин подверг критике народнический субъективизм и показал его несостоятельность.

Если субъективизм отрывает познание от объективной реальности и абсолютизирует роль познающего субъекта, то *объективизм* принижает эту роль и, наоборот, апологетизирует явления действительности.

Объективизм – это также методология научного познания, которая исходит из буржуазных интересов. Но в отличие от субъективизма, в конечном счете отрицающего внутреннюю закономерность общественного развития и перекраивающего историческую реальность в угоду субъективным представлениям, объективизм, исходя из этой реальности, стремится исторически обосновать неизбежность утверждения и господства капитализма. Отсюда – необходимость обращения к историческим фактам, призыв к беспристраст-

ному их изложению и отказу от их критического анализа и истолкования, что якобы и гарантирует истинность исторического познания. В смысле выявления фактической стороны общественно-исторического развития объективизму действительно присуща определенная степень объективности. Но она весьма ограничена. Во-первых, несмотря на все призывы к беспристрастности и претензии на объективность, в самом отборе фактов объективизм избегает всего, что раскрывает антагонизм и борьбу, присущие буржуазно-капиталистическому развитию, и свидетельствует об исторически-переходящем характере этого развития. Во-вторых, при “отказе” от анализа фактов объективистская методология ведет к ограничению познания общественно-исторического развития его эмпирическим уровнем. В-третьих, будучи не в состоянии ограничиться лишь показом того, “как это было”, объективизм в области теории исторического познания исходит прежде всего из разного рода идеалистических и плюралистических представлений. Последнее, как указывалось, особенно характерно для современной эпохи.

Ограниченность объективизма как методологии общественно-исторического познания и его мнимая беспристрастность, прикрывающая буржуазную партийность, были раскрыты В.И. Лениным в полемике с П. Струве. Ленинская критика объективизма в полной мере относится и к современному объективизму. В.И. Ленин писал: «Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист (марксист. – И.К.) констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о “непреодолимых исторических тенденциях”; материалист говорит о том классе, который “заведует” данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист ... последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс* определяет эту необходимость»²⁴. Следовательно, объективизм противостоит марксизму, но объективистская разновидность буржуазной партийности в исторической науке, допуская определенную объективность в общественно-историческом познании, отлична от субъективизма, ведущего фактически к упразднению исторической науки.

Таким образом, в целом партийность не исключает как таковая объективности познания общественно-исторического развития, но

²⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 418.

оказывает на нее существенное воздействие. В марксизме это воздействие идет по линии всемерного утверждения объективности. Пролетарская партийность требует безусловной объективности. Они органически слиты. Другие по своей социальной природе виды партийности ограничивают объективность исторического исследования в тем большей мере, чем больше выражаемые ею социальные интересы не совпадают с объективным ходом общественно-исторического развития. Поэтому при использовании соответствующей исторической литературы важной задачей историка является конкретное раскрытие и партийных позиций авторов и соотношения партийности и объективности в проведенном исследовании.

2. СУБЪЕКТИВНО-ИНДИВИДУАЛЬНОЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Наряду с субъективно-социальным компонентом, выражающим партийность позиции исследователя, важную роль в научно-познавательной деятельности играют и факторы субъективно-индивидуальные, отражающие специфические черты познающего субъекта как конкретной личности. В.И. Ленин указывал, что, “если рассматривать отношение субъекта к объекту в логике, то надо взять во внимание и общие посылки бытия *конкретного* субъекта (= *жизнь человека*) в объективной обстановке”²⁵. В научно-познавательной деятельности сказываются многие черты, присущие интеллекту, характеру и другим сторонам определенной личности.

Среди множества индивидуальных человеческих качеств, влияющих на познавательную деятельность, наибольший интерес у специалистов по научному познанию, да и у самих ученых вызывает *интуиция*²⁶. Вопрос о роли интуиции в научном познании принадлежит к числу проблем, вызывающих острые споры. Идеализм трактует интуицию как таинственный, сверхъестественный способ постижения истины, не поддающийся рациональному осмыслению.

Диалектико-материалистический анализ процесса научного творчества и вместе с тем интуиции при всей его незавершенности на достигнутой стадии познания позволил выявить основные истоки и природу интуитивного постижения внутренней сути объективной реальности. Интуиция представляет собой сложное явление, выступая, с одной стороны, в качестве специфической формы познавательной деятельности, а с другой – особой формой психического отражения. Интуиция тесно связана с другими формами познания (чувственным восприятием и рациональным мышлением). Интуи-

²⁵ Там же. Т. 29. С. 184.

²⁶ См.: Бунге М. Интуиция в науке. М., 1967; Налчаджан А.А. Интуиция в процессе научного творчества. Ереван, 1976; Ирина В.Р., Новиков А.А. В мире научной интуиции. Интуиция и разум. М., 1978, и др.

ция – не бессознательный (как утверждает идеализм), а лишь субъективно неосознанный процесс.

Реальной основой интуиции является та информация об объективной реальности, которая зафиксирована памятью человека, но остается вне поля его непосредственного видения и осознания. “Из всей суммы имеющихся знаний в каждый данный момент в фокусе сознания светится лишь небольшая их доля. О некоторых (мы бы сказали о многих. – И.К.) хранящихся в мозгу сведениях люди даже не подозревают”²⁷. Эта скрытая информация при необходимости может включаться в познавательный процесс. Она и представляет собой реальную основу для интуитивных построений и заключений. Таким образом, “источник интуитивного познания выступает в форме скрытого от самого субъекта, но уже имеющегося у него знания”²⁸. Это знание называют *криптогнозой* (от греч. *krupotos* – скрытый и *gnosis* – знание). Понятно, что интуиция – не простое воспроизведение криптогнозы, а сложный процесс переработки активного (выраженного) и скрытого знания, направленный на решение стоящей исследовательской задачи. Психологические и логические механизмы этого процесса пока до конца не раскрыты; но совершенно очевидно, что интуиция не есть некое беспочвенное озарение, она основывается на вполне реальных предпосылках. Важнейшей из них является объем знаний (выраженных и скрытых), которым обладает исследователь. Далее должна быть задача (проблема), решить которую он настоятельно стремится, ибо без этого не возникает потребности вторжения мышления в скрытую информацию и не будет побудительного мотива для проявления интуиции. Необходимы и другие творческие компоненты. В частности представляется весьма существенной способность к ассоциативному и синтетическому восприятию и мышлению, ибо они выступают средством подсознательного поиска необходимых образов, сопоставлений, синтеза разрозненных явлений, иного взгляда на объект познания и т.д. В общем совершенно правы те исследователи, которые утверждают, что обязательным условием научного открытия любого масштаба являются терпеливый, настойчивый и вдохновенный труд и поиск. Поэтому и интуиция, как правило, озаряет тех, кто этого заслужил.

Интуиция занимает важное место в научно-познавательном процессе, выступая как средство взаимодействия данных чувственного и логического познания. Интуитивное и логическое составляют две стороны или два тесно связанных способа единого творческого процесса научного познания. Интуиция проявляет себя в конкретном исследовании прежде всего на стадии перехода от эмпирического к теоретическому знанию, а именно – в поиске идеи и выдвигании ги-

---

²⁷ Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М., 1972. С. 188.

²⁸ Ирина В.Р., Новиков А.А. Указ. соч. С. 123.

потезы, раскрывающей сущность исследуемой реальности. При чисто логическом выявлении этой сути основой для поиска идеи и выдвижения гипотезы являются, с одной стороны, эмпирические данные, а с другой – активная, видимая и осознаваемая исследователем иная информация. Интуиция же вводит в этот процесс и известную исследователю, но не осознаваемую им явно, т.е. скрытую, информацию. Таким образом, имеет место двуединный процесс, или два пути движения к одному итогу: раскрытию сути исследуемых явлений. Думается, что неясность психологического механизма этого процесса и служит основой представлений о чудодейственной природе интуиции.

Результаты познания, полученные интуитивным путем, несмотря на кажущуюся “очевидность”, имеют гипотетический характер и, чтобы “войти в общую систему научного знания ... должны быть подвергнуты практической проверке”²⁹, как и всякое другое гипотетическое научное знание.

Другим субъективно-индивидуальным фактором, играющим важную роль в научном познании, является человеческая способность к *воображению*³⁰. Суть воображения состоит в преобразовании имеющихся впечатлений и данных об объективной реальности в новые образы и идеи. “В воображении раскрывается та сторона активности субъекта, которая дает возможность отражать диалектику развития объектов от прошлого к настоящему и будущему, связывая их воедино”³¹. В процессе познавательной и созидательно-предметной деятельности человек ставит перед собой определенные цели. Они могут представляться неким идеалом, который должен быть достигнут. В познавательной деятельности в процессе воображения на основе имеющегося знания и создаются новые образы реальности. Здесь воображение как бы отрывается от реальности, забегая несколько вперед для того, чтобы более глубоко познать ее.

Существует несколько путей формирования в процессе воображения новых образов³²: 1) *акцентирование*, т.е. создание нового образа путем выделения, подчеркивания определенных черт реального объекта; 2) *реконструкция*, т.е. формирование цельного образа объекта по имеющимся данным о нем; 3) *агломинация*, т.е. создание нового образа путем синтеза разнородных свойств реальности;

²⁹ Там же. С. 183.

³⁰ См.: *Дудецкий А.Я.* Теоретические вопросы воображения и творчества. Смоленск, 1974; *Коришнова Л.С.* Воображение и его роль в познании. М., 1979; *Она же.* Диалектика чувственного и рационального в воображении // Творчество и социальное познание. М., 1982; *Корнева Л.С.* Воображение и историческое познание. М., 1983, и др.

³¹ *Коришнова Л.С.* Диалектика чувственного и рационального в воображении. С. 170.

³² *Коришнова Л.С.* Воображение и его роль в познании. С. 14 и сл.

4) типизация, т.е. создание сложного синтетического образа в результате своеобразного обобщения образов реальности.

В процессе воображения могут создаваться образы реальности, недоступные непосредственному чувственному восприятию. Историк как раз и имеет дело с реальностью, недоступной непосредственному живому созерцанию. Поэтому воображение играет важную роль в исторических исследованиях. Оно, в частности, является незаменимым средством при вероятностной гипотетической реконструкции черт и свойств познаваемого объекта в тех случаях, когда имеющихся данных недостаточно для инвариантной реконструкции этих черт и свойств.

Важна роль воображения и в процессе раскрытия сущности исследуемых явлений. Воображение здесь выступает одним из средств поиска идеи и выдвижения гипотезы, объясняющих суть конкретно-научных данных. Кроме того, воображение позволяет мысленно сконструировать идеальные модели исследуемых объектов и даже сами эти объекты. Такие модели обладают высокой познавательной ценностью. На подобных идеальных образах (моделях), предельно обобщающих реальность, основан один из наиболее эффективных методов научного познания – метод восхождения от абстрактного к конкретному. В общем, воображение – это один из способов использования имеющегося знания для получения знания нового.

С воображением связана *фантазия*, которая также является важным познавательным средством³³. Подчеркивая способность человека к воображению и фантазии, В.И. Ленин писал, что “эта способность чрезвычайно ценна. Напрасно думают, что она нужна только поэту... Даже в математике она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчисления невозможно было бы без фантазии”³⁴.

Сходство воображения и фантазии состоит в том, что они, образно преобразуя реальность, служат средством ее познания. Но между ними имеет место и существенное различие. Воображение формирует новые образы на основе реальности, лишь видоизменяя ее и сохраняя в целом ее структуру (т.е. способ связи ее компонентов). Воображение и в реконструированном виде отражает основные свойства объекта. Фантазия также исходит из действительности, но рисуемые ею образы могут и не иметь аналогов (прототипов) в реальности. Фантазия прежде всего ориентирована на создание нового. В общем в фантазии “отлет” от действительности больший, чем в простом воображении. Этим обуславливается, что фантазия может быть *рациональной*, когда рисуемые ею образы отражают те или иные существенные черты реальности, или *иллюзорной*, когда

³³ См.: Пармон Э.А. Роль фантазии в научном познании. Минск, 1984.

³⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 125.

в ней видимость реальности предстает как ее сущность, либо вовсе *мистификацией*, когда некий образ формируется при игнорировании действительности³⁵.

В целом, видимо, можно согласиться с тем, что фантазия представляет собой как бы предельную форму воображения.

В научном исследовании фантазия, как и воображение, играет роль поискового средства на пути от эмпирического знания к теоретическому. Интуиция, воображение, фантазия – человеческие качества, которые свойственны разным людям в разной степени, т.е. все они принадлежат к субъективно-индивидуальным компонентам, влияющим на исследовательскую деятельность. Понятно, что общая степень их развитости в том или ином “познающем” обществе или на разных исторических этапах процесса научного познания зависит от общественных условий. Все эти субъективно-индивидуальные компоненты несут в себе определенную социальную нагрузку. Но в данном случае представляет интерес именно их индивидуальная сторона.

Кроме способностей к интуитивному мышлению, воображению и фантазии на ход и результаты исследовательского процесса оказывают воздействие и многие другие субъективно-индивидуальные факторы. Это – и способность к творческому нестандартному подходу к решаемой проблеме, и эрудиция, и любознательность, и добросовестность, и настойчивость и неутомимость в поиске, и трудолюбие, и многое другое, что характеризует каждого исследователя как человеческую индивидуальность.

Очевидно, что не только социальная позиция исследователя, его партийность, но и его индивидуальные черты оказывают воздействие на объективность проводимого исследования и истинность полученных результатов. При несомненно определяющем значении партийности нельзя недооценивать и роль субъективно-индивидуальных факторов. Более того, само формирование партийной позиции отдельной личности в очень большой мере происходит под воздействием субъективно-индивидуальных факторов. Разумеется, любой класс, любой социальный слой в процессе своего развития воспроизводят материальные и духовные основы своего существования. Поэтому социальное происхождение и, главное, социальное положение, формирующие образ жизни и влияющие на мировоззрение, прежде всего и определяют интересы и социально-партийные позиции отдельной личности.

Вместе с тем хорошо известны многочисленные в истории факты перехода выходцев одного класса на позиции другого класса. Очевидно, что такое расхождение в социальном происхождении и положении и партийно-классовой позиции обуславливаются совокупностью субъективно-индивидуальных черт личности и специфи-

³⁵ См.: Пармон Э.А. Указ. соч. С. 24 и сл.

кой ее жизненных условий. Без учета такого рода обстоятельств невозможно, например, объяснить то, что в середине XIX в. сын бывшего крепостного крестьянина, известный историк М.П. Погодин был консерватором и одним из активных защитников самодержавия, а аристократ А.И. Герцен стал демократом и революционером.

Субъективно-индивидуальные факторы не только во многом обуславливают переход выходцев одних классов и слоев на позиции представителей других классов и слоев, но и определяют расхождения в понимании интересов определенного класса или слоя, путей претворения их в жизнь и методов их научного обоснования отдельными идеологами класса или слоя.

Таким образом, при ведущей роли социально-партийных позиций имеет место тесное переплетение в научном познании субъективно-социальных и субъективно-индивидуальных факторов. Воздействие этих факторов на объективность исследования неодинаково на эмпирическом и теоретическом уровнях познания. На эмпирическом уровне оно меньше, чем на теоретическом. Но это влияние ни в коей мере нельзя недооценивать, как иногда бывает. И на эмпирическом уровне теоретико-методологические позиции исследователя проявляют себя вполне определенно. Всякое исследование начинается с выбора объекта познания и постановки исследовательской задачи. И то и другое самым непосредственным образом связано с теорией и методологией научного познания. А тем, как поставлена исследовательская задача, определяется и круг конкретно-исторических фактов, необходимых для ее решения. Следовательно, хотя фиксирование самих фактов может быть и вполне объективным, сам же их круг может быть непредставительным для адекватного раскрытия сути изучаемой реальности. Точно так же могут оказаться необъективными систематизация и сводки данных, которые проводятся на эмпирическом уровне. Историкам известно немало фактов, когда ценные и адекватные первичные фактические данные во многом теряли свою ценность после разного рода эмпирических сводок.

На теоретическом уровне познания субъективные компоненты исследовательского процесса обнаруживаются более явно, чем на эмпирическом. Это вполне естественно, ибо здесь подвергаются абстрактно-теоретическому анализу конкретно-научные факты, выявленные на эмпирическом этапе. И в выдвижении идей и в построении гипотез, и в их проверке и формулировании конкретно-научных концепций и теорий определяющая роль принадлежит теории и методологии научного познания, из которых исходит исследователь, т.е. его социальной позиции. Но здесь чрезвычайно велико и значение факторов субъективно-индивидуальных. Эрудиция, интуиция и воображение и т.д. и т.п., во-первых, определяют вариации в выборе идей и гипотез на базе одной и той же теории и методологии; во-вторых, отражая познавательные возможности и активность

субъекта, эти факторы содействуют повышению объективности процесса познания и истинности получаемого знания. Именно субъективные устремления ведут ко все более глубокому познанию объективной реальности. “Субъективность, – указывал В.И. Ленин, – **есть стремление уничтожить** это отделение (идеи от объекта)”³⁶, т.е. неполное отражение идеей сути объекта.

В общем и партийность и другие субъективные факторы так или иначе проявляют себя и на эмпирическом и на теоретическом уровнях познания. Общее их соотношение с объективностью зависит от тех целей, которые преследуются, от заинтересованности в получении истинного знания. Субъективно-индивидуальные факторы могут либо усугублять, либо смягчать негативное воздействие буржуазной партийности на объективность. Например, любознательный и добросовестный историк и при том, что принятые им теория и методология, и поставленная задача могут и не требовать выявления доказательной системы фактов об изучаемых явлениях или процессах, может выявить такую систему. И, наоборот, небрежность, невнимательность к работе и т.п. и при методологии, которая требует всестороннего подхода к объекту, могут привести к тому, что выявленные факты окажутся непредставительными.

Таким образом, в той мере, в какой познающий субъект (и как общественный класс и как индивидуальная личность) заинтересован в получении истинного знания об изучаемой реальности, и субъективно-социальные (партийность), и субъективно-индивидуальные факторы содействуют получению истинного знания.

В связи с ролью в историческом исследовании субъективно-индивидуальных факторов необходимо отметить еще один момент. Речь идет о месте в этом исследовании эстетического восприятия исторической реальности³⁷. Эстетическое восприятие – это чувственно-конкретное, эмоциональное, а потому и личностное отношение к действительности. Верно подчеркивается, что “вызывать эмоции способна не только чувственная, но и интеллектуальная деятельность”³⁸. Поэтому эмоциональный компонент “присутствует в любой науке, в том числе и в исторической. Бесстрастное историческое (как и всякое другое. – *И.К.*) повествование – свидетельство духовной бедности автора”³⁹. Подобная бедность, естественно, отрицательно сказывается на результатах любого научного исследования.

Однако представляется необоснованным выделять эстетический компонент в механизме научного познания в особое средство, равнозначное теоретическому мышлению. “Историческое обобщение

³⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 176.

³⁷ См.: Гульга А.В. Эстетика истории. М, 1974; Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В. Указ. соч. С. 47; Уваров А.И. Указ. соч. С. 102, и др.

³⁸ Гульга А.В. Указ. соч. С. 46.

³⁹ Там же. С. 63.

ние, – указывает А.В. Гулыга, – представляет собой своеобразный синтез теоретического и эстетического освоения мира”⁴⁰. Верно, что “красота интеллекта столь же естественна, как и интеллектуальность красоты”. Но никак нельзя согласиться с тем, что эмоциональное в историческом познании одностепенно с интеллектуальным и даже выше его, как следует из следующего вывода: “Исторический образ долговечнее понятия, конструкции строгой, но хрупкой. Образ аморфнее, но зато четче и устойчивее”⁴¹. Полагать так, значит косвенно признавать, что историческое познание представляет собой либо разновидность литературы и искусства, либо сочетание их с наукой, против чего вроде бы возражает автор указанных утверждений.

Кроме того, неправомерно выдавать “вживание” и “сопереживание” за специфический, чувственно-эмоциональный, познавательный способ (или прием), который присущ только искусству и исторической науке, ибо они имеют дело с жизнью и деятельностью людей. “Сущность вживания заключается в том, что автор (историк) стремится понять и пережить те же чувства, что и его герой”⁴².

При изучении прошлого историк глубоко вживается не только в чувства исторических персонажей, но и во всю изучаемую им реальность, в историческую эпоху в целом в сочетании ее объективных и субъективных сторон, в единстве единичного, особенного и общего. Без “вживания” в изучаемое целое нельзя “сопережить” и понять индивидуальное. Этим диалектико-материалистическое познание прошлого отличается от субъективно-идеалистического, где основой “сопереживания” выступает не историческая реальность, а якобы единство человеческой психики во все времена. “Вживание” же как диалектическая целостность не может быть только чувственно-индивидуальным. Оно является и объективно-рациональным. Мы, например, никогда не пойдем причин, побудивших Кутузова после Бородинского сражения уйти из Москвы, сколько бы мы ни вникали в его чувства, без учета общей стратегической обстановки, сложившейся в ходе войны. Поэтому представляется, что “вживание” и “сопереживание” выступают как компоненты и приемы научного воображения, которое, как указывалось, основывается на объективной реальности. Следовательно, и “вживание” и “сопереживание” важны для познания не только субъективного, но и объективного в историческом развитии. “Вживание” в историческую реальность при изучении объективного и закономерного не менее необходимо и, безусловно, более сложно, чем “сопереживание” субъективно-индивидуального. А поэтому “вживание” имеет место не только в искусстве и исторической науке, но и во всех других науках.

---

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 85.

⁴² *Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В.* Указ. соч. С. 48.

3. ПРОБЛЕМЫ ИСТИННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Проблемы истинности научного знания и пути и методы ее проверки относятся к числу наиболее сложных в методологии научного познания. К ним давно привлечено пристальное внимание и философов и специалистов в конкретных областях научного знания и в их решении существуют принципиально различные подходы и ведутся острые дискуссии. Поэтому автор далек от мысли пытаться систематически характеризовать эти проблемы. Задача его в том, чтобы, исходя из учета общих методологических проблем истинности научного знания, выявить основные особенности установления истинности исторического знания и конкретные пути проверки этой истинности, которые могут быть использованы историком в его исследовательской практике⁴³.

Истинно такое научное знание, которое дает адекватное отражение объекта познания познающим субъектом. Истинное знание воспроизводит действительность в системе научных фактов, понятий, теорий и идей такой, какой она является сама по себе, т.е. объективно. По содержанию объективное знание “не зависит ни от человека, ни от человечества”⁴⁴.

В силу многообразия и неисчерпаемости объективной реальности истинность научного знания относительна. Но также относительно и заблуждение. Истина и заблуждение – диалектические противоположности научного знания. “...То, что ныне признается истинной, – указывал Ф. Энгельс, – имеет свою ошибочную сторону, которая теперь скрыта, но со временем выступит наружу; и совершенно так же то, что признано теперь заблуждением, имеет истинную сторону, в силу которой оно прежде могло считаться истиной”⁴⁵.

⁴³ См.: *Коган Л.Н.* О специфике применения критерия практики к исторической науке // *Практика – критерий истины.* М., 1960; *Логин В.Т.* Истина и ее критерий в исторической науке // *Вопросы методологии науки.* Томск, 1971. Вып. 1; *Конин П.В.* Гносеологические и логические основы науки. М., 1974. Ч. I. Гл. V. *Гугнин А.М.* Истина и ее критерий в истории // *Вопросы отечественной историографии и источниковедения.* Днепропетровск, 1975. Вып. 2. *Уемов А.И.* Истина и пути ее познания. М., 1975; *Кузьмин В.Ф.* Объективное и субъективное. М., 1976. Гл. V; *Чудинов Э.М.* Природа научной истины. М., 1977; *Курсанов Г.А.* Ленинская теория истины и кризис буржуазных воззрений. М., 1977; *Хачатрян Л.Б.* Проблема объективности научного знания. Ереван, 1979; *Заботин П.С.* Преодоление заблуждения в научном познании. М., 1979; *Старостин Б.А.* Параметры развития науки. М., 1980; *Нагдимунов И.М.* К проблеме объективности в исторической науке // *Проблемы методологии познания.* М., 1981; *Идеалы и нормы научного исследования:* Сб. статей. Минск, 1981; *Манасян А.С.* Методологические принципы объективности научного знания и единство науки. Ереван, 1984; *Марков Б.В.* Проблемы обоснования и проверяемости теоретического знания. Л., 1984; *Кезин А.В.* Научность: Эталоны, идеалы, критерии. М., 1985; *Пружинин Б.И.* Рациональность и историческое единство научного знания: (Гносеологический аспект). М., 1986, и др.

⁴⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 123.

⁴⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 303.

Каждая конкретная ступень научного познания так или иначе ограничена. Но всякая относительная истина в силу ее объективности содержит “частицу” истины абсолютной, и в непрерывном процессе познания реальность постигается истина абсолютная. *Абсолютная истина* представляет собой такое знание, которое исчерпывает объект познания и не может быть опровергнуто при дальнейшем развитии познания. “Человеческое мышление, – отмечал В.И. Ленин, – по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин”⁴⁶. Качественная сущностно-содержательная определенность реальности обуславливает то, что объективная истина всегда едина (одна) и всегда конкретна. Поэтому, с одной стороны, несостоятельны всякие попытки поиска и конструирования неких абстрактных и всеобщих истин, а с другой неправомерно необоснованное расширительное толкование конкретных истин, ибо таким образом истину “можно довести до абсурда”⁴⁷.

Субъективный характер познавательной деятельности не исключает возможности получения объективного истинного знания.

Вся история науки, в том числе и исторической, показывает, что ее развитие идет по пути все более глубокого познания объективной реальности и ускоряющего возрастания объема истинных знаний о ней. Но эта же история показывает и то, что в процессе научного познания могут возникать ошибки, заблуждения и даже преднамеренные искажения. Последние прежде всего присущи изучению общественно-исторического развития, где социально-классовые интересы могут противоречить объективности научного познания и вести к отступлению от нее. Основным фактором, ведущим к отступлению от объективной истины, является ограниченность или несостоятельность теории и методологии исторического познания, обуславливаемая социальными, партийными позициями исследователя. Отступление от объективной истины может также вызываться неадекватностью применяемых методов исследования и разного рода субъективно-индивидуальными просчетами.

Все это и ставит проблему истинности научного знания в центр философских проблем научного познания. В немарксистской теории и методологии научного познания существовало и существует много направлений и течений в решении вопроса об истинности научного знания. В данном случае нет возможности да и необходимости их конкретного рассмотрения. Их критическому анализу посвящена обширная литература⁴⁸. Отметим лишь, что все многообразие

⁴⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 137.

⁴⁷ Там же. Т. 41. С. 46.

⁴⁸ См.: Нарский И.С. Современный позитивизм: Критический очерк. М., 1961; Концепции науки в буржуазной философии и социологии. Вторая половина XIX–XX в.: Сб. статей. М., 1973; Буржуазная философия XX в.: Сб. статей. М., 1974; Уткина Н.Ф. Позитивизм, антропологический материализм и наука в

подходов в плане теоретическом сводится к разновидностям субъективного и объективного идеализма или в меньшей мере вульгарного материализма и все более широко распространяющегося плюрализма. В методологическом отношении они характеризуются отрывом процесса познания либо от объекта либо от субъекта, т.е. являются метафизическими, ибо в действительности научное знание есть результат диалектического взаимодействия познающего субъекта с познаваемым объектом.

В *субъективистском* выражении метафизический подход к пониманию процесса научного познания и истинности знания, несмотря на разнообразные вариации, характеризуется отрывом знания от объекта. Источником знания так или иначе выступает сознание субъекта, которое конструирует реальность на основе присущих субъекту общих и индивидуальных представлений. При этом объективность знания (т.е. знание как отражение реальности) отрицается, а его истинность усматривается либо в согласованности выдвигаемых мыслительных конструкций с внешним выражением реальности, либо в априорном признании правильности общих теоретических посылок, лежащих в основе выдвигаемых конкретных конструкций. Очевидно, что ни то, ни другое не может служить критерием истинности знания, ибо таких произвольных конструкций и априорных посылок может быть выдвинуто множество, во-первых, а правомерность общих положений должна быть доказана, во-вторых.

В исторической науке все эти субъективные конструкции и посылки служат основой для наполнения определенным смыслом зафиксированных в источниках упоминаний фактов и событий прошлого. Понятно, что все указанные подходы к пониманию прошлого детерминируются прежде всего субъективно-социальными, классово-партийными позициями историка. Поскольку же субъективизм, как правило, выражает интересы консервативных социальных и общественно-политических сил, интересы которых в крайне малой степени совпадают, а чаще всего вообще расходятся с объективным ходом общественно-исторического развития, постольку объем истинного объективного знания в этом случае может быть предельно

России (вторая половина XIX в.). М., 1975; *Грзал Л., Попов С.* Критика современных буржуазных социологических теорий. М., 1976; *Юлина Н.С.* Проблема метафизики в американской философии XX в.: Критический очерк эмпирико-позитивистских течений. М., 1978; Социологическая мысль в России: Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX в. М., 1978; *Вайнштейн О.Л.* Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX – XX вв. Л., 1979; История буржуазной социологии XIX – начала XX в. М., 1979; *Лооне Ээро.* Современная философия истории. Таллин, 1980; *Шкурин П.С.* Позитивизм в России XIX в. М., 1980; *Веницковский Л.Э.* Философские проблемы развития науки: Современные исследования. 70-е годы. М., 1982; *Никифоров А.Л.* От формальной логики к истории науки. М., 1983. См. также указанные работы по теории и методологии исторического познания.

минимальным и будет относиться лишь к фактам, отражающим явления реальности, а не к ее сущности.

В *объективистском* варианте метафизический подход к познанию характеризуется стремлением оторвать знания от субъекта, от его активной и целенаправленной деятельности. Объективным и истинным здесь признается только знание, основанное на чувственном опыте, который воспроизводит объект в его непосредственной данности, как явление (феномен). Внутренняя же субстанциональная сущность реальности (ноумен) остается непознаваемой, т.е. чувственный опыт сочетается с агностицизмом. Тем самым познание ограничивается лишь эмпирической стадией. Гарантия истинности такого знания усматривается либо в морально-этических нормах, которых должен придерживаться исследователь, либо в методах исследования. Первые обычно сводятся к призывам к деидеологизации науки, к отказу от философии, к воздержанию от толкования фактов, т.е. в конечном счете к отказу от теоретического познания действительности, к абсолютизации эмпиризма. Поиск же методов, якобы гарантирующих истинность научного знания, выражается в абсолютизации роли естественнонаучных (в том числе и математических) методов. Утверждается, что именно они прежде всего и должны применяться в общественно-гуманитарных науках.

Очевидность невозможности гарантировать указанными способами истинность научного знания привела к тому, что в неопозитивизме было выдвинуто требование специальной проверки истинности полученного научного знания путем его верификации (от *verificatio* – доказательство, подтверждение), подтверждения чувственно-опытным, эмпирическим путем. В постпозитивизме критерием истинности научного знания выступает его *фальсификация* (от *falsifico* – подделываю) – проверка истинности знания через доказательство его ложности, через опровержение знания путем установления его несоответствия данным эмпирического опыта или фундаментальным научным теориям.

Верификация и фальсификация действительно могут быть средством определения истинности научного знания в тех случаях, когда возможна его непосредственная опытно-эмпирическая проверка. Но такая возможность существует далеко не всегда. Подобной проверке, как правило, не поддаются абстрактные системы теоретического знания. Собственно та или иная гипотеза или теория может быть опровергнута только тогда, когда доказана истинность альтернативной гипотезы, либо когда выработана теория, которая существенно продвигает вперед познание реальности сравнительно с существующей теорией.

Таким образом, верификация и фальсификация отнюдь не представляют собой неких универсальных средств проверки истинности научного знания, что утверждает их сторонниками. Как и всякий метод, они имеют свой диапазон эффективного действия. Диапазон

этот ограничен прежде всего сферой эмпирического знания. Причем и здесь возможности верификации не безграничны. Так, в исторической науке в силу избирательного характера информации исторических источников, а также ограниченности историко-информационной основы для изучения многих явлений и целых периодов в историческом развитии знание о многих явлениях и процессах не поддается эмпирической проверке и, как известно, длительное время остается на гипотетическом уровне. Кроме того, сам процесс верификации или фальсификации полученного знания практически может оказаться далеко не простым и в силу того, что опытно-эмпирическая проверка этого знания может и не дать определенного результата, а значит итоги подтверждения или опровержения сами могут потребовать проверки. Таким образом, проверка истинности того или иного знания может оказаться бесконечной. Этот изъян указанных методов обусловлен тем, что проверка истинности знания заключена в самом знании. Следовательно, метафизический подход к проблеме истинности научного знания во всех его вариантах не позволяет решить эту проблему.

Проблема истинности научного знания может быть успешно решена лишь с позиций диалектического материализма. Марксизм доказал, что критерием истинности знания является *практика*, ибо она, с одной стороны, связана со знанием и определяет его развитие и опирается на него, а с другой – не является им. “Посредством практики предмет не просто познается, но изменяется, становится другим. Познание не обладает достоинствами практического преобразования явлений”⁴⁹. Рассматривая вопрос о предметной истинности мышления, т.е. об истинности знания, К. Маркс писал: “В практике должен доказать человек истинность, т.е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический* вопрос”⁵⁰.

Противники марксизма возражают против практики как критерия истины на том основании, что практика якобы субъективна. В действительности же практика представляет собой органическое сочетание объективного и субъективного. Объективность практики выражается в следующем. Во-первых, каждое поколение людей исходит в своей действительности из того уровня материального и духовного развития общества, который унаследовало от предшествующих поколений. Поэтому “человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже

⁴⁹ Копнин П.В. Указ. соч. С. 162.

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 1–2.

имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления”⁵¹. Во-вторых, практическая деятельность людей подчинена объективным законам. В-третьих, результаты практической деятельности имеют в целом объективный характер.

Субъективное содержание практики выражается прежде всего в творческой и активной роли субъекта и в его практически-предметной и в его познавательной деятельности. Эта активность представляет собой не простое выражение устремлений субъекта, она концентрирует предшествующий опыт человечества, т.е. включает в себя и объективный компонент. Поэтому В.И. Ленин и говорил: “Различие субъективного от объективного есть, **НО И ОНО ИМЕЕТ СВОИ ГРАНИЦЫ**”⁵².

Активность субъекта направлена, с одной стороны, на преобразование и овладение окружающим миром, а с другой – на познание этого мира. Тем самым деятельность субъекта является предметно-практической и познавательно-теоретической. Практическая и теоретическая деятельность выступают как тесно взаимосвязанные «две стороны, два метода, два средства уничтожения “односторонности” и субъективности и объективности»⁵³. Поэтому практика, “результат действия есть проверка субъективного познания и критерий **ИСТИННОСУЩЕЙ ОБЪЕКТИВНОСТИ**”⁵⁴.

Сила практики как критерия истинности знания состоит в ее *всеобщности и непосредственной достоверности*. Человеческое же познание дает непосредственно достоверные данные и факты лишь на стадии чувственного восприятия и эмпирического познания объективной реальности. Но факты, сколько бы их ни было, сами по себе не раскрывают внутреннюю сущность и закономерность функционирования и развития этой реальности. “Это до такой степени верно, – подчеркивал Ф. Энгельс, – что из постоянного восхождения солнца утром вовсе не следует, что оно взойдет и завтра, и действительно, мы теперь знаем, что настанет момент, когда однажды утром солнце *не взойдет*”⁵⁵.

Познание сущности и закономерности достигается на теоретической стадии познания. Но теоретическое знание, как знание о всеобщем (сущность есть выражение всеобщности, свойственной некоей совокупности качественно однородных объектов), не обладает свойством непосредственно выраженной достоверности. Такую выраженность теоретическому знанию и придает практика с ее всеобщностью и непосредственной конкретностью. «Теоретическое познание должно дать объект в его необходимости, в его всесторонних отношениях, в его противоречивом движении... Но челове-

⁵¹ Там же. Т. 13. С. 7.

⁵² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 90.

⁵³ Там же. С. 190.

⁵⁴ Там же. С. 200.

⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 544.

ское понятие эту объективную истину познания “окончательно” ухватывает, уловляет, овладевает ею, лишь когда понятие становится “для себя бытием” в смысле практики. Т.е. практика человека и человечества есть проверка, критерий объективности познания»⁵⁶.

Разумеется, практика выступает в качестве абсолютного критерия истинности знания только как исторический процесс. Как отдельный акт практика тоже относительна. Далее, критерий практики нельзя понимать таким образом, что каждый результат научного исследования должен непосредственно проверяться практикой. “Реально процесс доказательства происходит в форме логической цепи рассуждений, некоторые звенья которой (отдельные суждения) проверяются путем выхода в практическое действие, обладающее достоинством непосредственной достоверности”⁵⁷. Такой путь установления истинности знания возможен потому, что логический аппарат, будучи независимым по отношению к отдельным актам практики, возник на основе многовековой практической деятельности человека. **“...ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, – подчеркивал В.И. Ленин, – МИЛЛИАРДЫ РАЗ ДОЛЖНА БЫЛА ПРИВОДИТЬ СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ПОВТОРЕНИЮ РАЗНЫХ ЛОГИЧЕСКИХ ФИГУР, ДАБЫ ЭТИ ФИГУРЫ МОГЛИ ПОЛУЧИТЬ ЗНАЧЕНИЕ АКСИОМ”**⁵⁸.

Таким образом, реально проверка истинности научного знания сводится к доказательству достоверности (адекватности) этого знания путем его содержательно-логического анализа как элемента (или подсистемы) в системе имеющихся истинных знаний и подтверждения данными практики и эмпирическими фактами. При этом следует подчеркнуть особо важную роль содержательно-логического анализа в доказательстве истинности нового знания, поскольку многое в этом знании не может быть сразу подтверждено ни практикой, ни чувственно-познавательным опытом.

Посмотрим теперь, как указанные пути установления истинности полученного научного знания применяются или могут быть применены в исторической науке. Начнем с практики как непосредственно действенного критерия истинности научного знания. Практика как критерий истинности знания имеет свою специфику в исторической науке. Эта специфика обусловлена тем, что здесь объект познания – *прошлое*. Поэтому возможности проверки истинности знания текущим, т.е. современным историку, и последующим ходом общественно-исторического развития ограничены. Развитие может показать, насколько актуально для практики изучение тех или иных явлений прошлого, но объективность полученного знания здесь может быть

---

⁵⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 193.

⁵⁷ См.: Копнин П.В. Указ. соч. С. 167.

⁵⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 172.

подтверждена только применительно к итогам, имеющим прогностический характер. К. Маркс и Ф. Энгельс на основе анализа общего хода исторического развития и раскрытия сущности и уровня развития капитализма обосновали неизбежность перехода к социализму. История подтвердила правильность этого вывода. В.И. Ленин, анализируя закономерности и особенности исторического развития в условиях империализма, сделал вывод о возможности перехода к социализму первоначально в отдельно взятой стране. Очень скоро история доказала истинность этого вывода. Г.В. Плеханов и некоторые другие русские марксисты, рассматривая историческое развитие пореформенной России, приходили к выводу, что в предстоящей буржуазно-демократической революции пролетариат будет выступать в союзе не с крестьянством, а с либеральной буржуазией, которая будет гегемоном этой революции. История опровергла этот вывод. Таким образом, очевидно, что общественно-историческая практика выступает критерием истинности прогностических выводов, вытекающих из исторического анализа. Однако прогностические выводы указанного типа, пусть даже менее существенные по значимости, в этом анализе могут быть сделаны лишь применительно к продолжающимся явлениям и процессам. Истинность же итогов изучения некогда совершившихся и завершившихся событий и процессов не может быть проверена текущей и последующей общественной практикой. Но критерий практики может быть в своеобразном варианте применен и здесь.

События и процессы прошлого, как указывалось, можно рассматривать как “прошедшее настоящее” и как “прошедшее будущее”. Изучая это “настоящее”, можно прогнозировать “будущее”. Правильность этого прогноза, а следовательно, и истинность знаний, полученных историком при изучении того или иного “прошедшего настоящего”, может быть проверена путем сопоставления сделанного прогноза с реальным состоянием прогнозируемого “прошедшего будущего”. Так, например, изучая международные отношения в начале XIX в. (“прошедшее настоящее”), историки приходят к тому выводу, что вторжение Наполеона в Россию становилось неизбежным. Факт вторжения (“прошедшее будущее”) подтверждает не только правильность этого прогноза, но и объективность и достоверность анализа международных отношений того времени, ибо без этого нельзя сделать верный прогноз.

Или другой пример. Изучая историю русского крепостного крестьянства в первой половине XIX в., автор настоящей работы пришел к тому выводу, что основной формой сельскохозяйственного производства в крепостной деревне и ведущей общественной силой в аграрных отношениях были крестьянское хозяйство и крестьянство. Значимость этого вывода состоит в том, что в предшествующей историографии такая основа усматривалась в помещичьем хозяйстве, а помещики-крепостники назывались ведущей силой в аграрных

отношениях. Из вывода, сделанного автором настоящей работы, вытекало и то следствие (которое представляло собой определенный прогноз), что в неизбежно предстоящей отмене крепостного права при любых вариантах реформ самодержавие не могло пойти не только на упразднение, но и даже на радикальный подрыв крестьянского хозяйства как самостоятельной формы общественного производства. Конкретно это означало невозможность безземельного освобождения крестьян, чего добивалось большинство помещиков⁵⁹. Правильность сделанного прогноза подтверждается не только тем, что крестьяне были освобождены в 1861 г. с землей и с правом ее выкупа в собственность, но и тем, что самодержавие не пошло на безземельное освобождение не из-за одной только боязни крестьянского протеста, как утверждалось в литературе, но и по экономическим соображениям. Правительственная бюрократия в лице ее наиболее дальновидных деятелей понимала невозможность упразднения ведущей формы общественного производства и отставала путь освобождения крестьян с землей⁶⁰. И здесь правильность прогноза, т.е. содержательно-логических следствий, вытекающих из основных выводов, подтверждает истинность этих выводов.

Очевидно, что указанный способ применения критерия практики для установления истинности выводов, полученных историком, может найти широкое применение в исторических исследованиях. Но для этого требуется доведение исследований до конкретно-теоретического уровня, ибо только тогда может быть получено достоверное выводное знание. Другим условием применения указанного метода является очевидная несомненность, истинность прошлой практики, с которой соотносится проверяемое знание. Если же эти данные о ней сами требуют проверки, то они, естественно, не могут быть критерием истинности полученных историком результатов.

В исторической науке широко применяется и проверка истинности полученных знаний путем их *верификации*, подтверждения новыми чувственно воспринимаемыми данными, т.е. эмпирическими фактами. Это в сущности основной путь проверки истинности различных гипотез, а следовательно, и получения достоверного научного теоретического знания, ибо выдвижение гипотетических идей является, как было показано, исходным пунктом познания на его теоретическом уровне. Доказательство истинности гипотез нередко требует сложного и длительного поиска необходимых данных. Так, к примеру, давно высказывались разные мнения об уровне грамотности в Древней Руси. Эти мнения оставались гипотезами. Открытие же новгородских берестяных грамот бесспорно доказывает, что

---

⁵⁹ См.: Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967.

⁶⁰ См.: Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М., 1984.

уровень грамотности был высоким. На основе новых эмпирических данных подтверждены и многие другие гипотезы. Поскольку применительно к древней и средневековой, а в значительной мере и к новой истории возможности выявления новых письменных источников оказываются все более ограниченными, основным путем извлечения информации, необходимой и для верификации имеющегося знания, и для получения новых знаний, становится извлечение информации скрытой. На основе такой информации и системных методов анализа сейчас начинают успешно решаться проблемы, длительное время остававшиеся спорными, т.е. имеющееся знание было гипотетическим.

Важнейшую роль при выявлении истинности исторического знания играют методы *содержательно-логического* анализа этого знания. Одним из направлений такого анализа является верификация научных гипотез методом исключения. Суть его состоит в том, что из совокупности гипотетических идей, раскрывающих сущность рассматриваемых эмпирических фактов, выявляется та, которая дает непротиворечивое в содержательно-логическом отношении объяснение этих фактов. Остальные гипотезы отклоняются в силу того, что порождают противоречия в истолковании этих фактов. Например, в советской историографии высказываются две существенно отличные оценки объективной социально-классовой сущности воззрений славянофилов. Одна из них характеризует эти воззрения как консервативные, сходные по своей сущности с теорией официальной народности, выражавшей интересы помещиков-крепостников. Другая рассматривает эти воззрения как одну из разновидностей либерально-буржуазной идеологии, выражавшей интересы обуржуазивавшегося слоя помещиков. Приводится совокупность фактов, подтверждающих правомерность обоих подходов. При этом в первом случае внимание акцентируется на консервативных сторонах славянофильских взглядов (идеализация крестьянской общины, преувеличение религиозности крестьянства, его приверженности к самодержавному строю и патриархальности и т.д.), а во втором – на их антикрепостнической направленности (критика крепостнических отношений и обоснование необходимости отмены крепостного права и т.д.). Рассматривая указанные трактовки в плане целостного подхода к оценке сущности воззрений славянофилов, не трудно заметить, что первый из подходов противоречив в содержательно-логическом отношении. В самом деле, как совместить якобы приверженность славянофилов к канонам теории официальной народности с их бесспорными требованиями отмены крепостного права или с хотя и ограниченным по своей внутренней сути, но последовательно проводимым разделением двух начал в историческом развитии – народа и государства?

Второй подход позволяет представить идеалистические по теоретической основе и классово-примиренческие по идейной направ-

ленности, но буржуазно-либеральные по объективной сущности воззрения славянофилов, как в определенной мере цельную систему. Тем самым первая гипотеза должна быть отклонена, а вторая – принята.

Рассматривая содержательно-логическую непротиворечивость полученной системы знаний как свидетельство ее истинности, необходимо учитывать следующее важное обстоятельство. Непротиворечивость системы знаний ни в коем случае нельзя понимать так, что в ней всегда имеет место положительная согласованность всех компонентов. Всякой системе не только присуща определенная положительная сбалансированность и устойчивость структуры, но и те или иные противоречия, порождающие в ней и обратные взаимосвязи. В том же примере со славянофилами очевидно, что их стремление к отмене крепостного права и расчистке пути для буржуазного развития явно противоречит стремлению сохранить патриархальные отношения в деревне. Но поскольку сохранение патриархальных отношений рассматривалось как условие бесконфликтного развития капитализма (идеалом славянофилов был буржуазный строй без западноевропейской “язвы пролетариата”), постольку взгляды славянофилов представляли цельную систему в единстве присущих ей как согласованных (для успешного развития капитализма необходима ликвидация крепостничества), так и противоречивых черт. Оценка воззрений славянофилов как либерально-буржуазных и позволяет представить их как целостную систему, что нельзя сделать, относя славянофилов в лагерь консерватизма и реакции.

Следовательно, выявление истинности знания путем сведения его в систему, характеризующую реальность как целостность, – не простое логическое выделение согласованных компонентов этого знания, а сложный и всегда конкретный процесс формирования научной теории.

Другим методом содержательно-логической проверки истинности исторического знания является его включение в имеющуюся научно-историческую картину мира, вписывание в систему знаний о более широкой исторической реальности, одним из компонентов которой выступает изучаемая реальность. Показателем истинности полученных знаний здесь выступает его согласованность с существующей более широкой системой знаний. Наличие или отсутствие такой согласованности может быть свидетельством истинности либо ошибочности (чаще ограниченной истинности) проверяемых знаний. Один пример.

В 50–60-х годах в советской историографии развернулось широкое изучение подготовки и отмены крепостного права в России и проведения в жизнь крестьянской реформы 1861 г. на основе привлечения большого объема ранее не использовавшихся данных (материалы губернских комитетов, уставные грамоты, выкупные акты и т.д.), ярко рисовавших консервативные позиции крепостников,

грабительский характер реформы по отношению к крестьянству (отрезки земли, громадные выкупные платежи, сохранение в деревне власти помещиков и пр.) и ее общую ограниченность. И несмотря на то, что всеми признавался объективно буржуазный характер реформы, по общему облику в ней на первом плане оказывались ее полукрепостнические черты. Такая картина реформы, как вскоре обнаружилось, противоречила тому факту, что в пореформенный период имело место исключительно интенсивное развитие капитализма, включая буржуазную эволюцию крестьянского хозяйства. В общем рисуемая картина реформы 1861 г., знаменовавшей наступление в России эры капитализма, не вписывалась в имеющееся бесспорное знание о характере последующего хода социально-экономического развития. Из этого стала очевидной необоснованность при изучении реформы акцентирования внимания лишь на ее полукрепостнических чертах, т.е. была выявлена существенная неадекватность полученных знаний, отражаемой ими реальности. Эта неадекватность была устранена в последующих исследованиях, которые раскрыли буржуазное содержание реформы, сочетавшееся с сохранением многочисленных полукрепостнических пережитков (прежде всего помещичьего землевладения), давивших на крестьянское хозяйство⁶¹.

Говоря о проверке истинности конкретного исторического знания путем выявления его согласованности с существующей более широкой системой знаний, следует особо подчеркнуть один методологический момент, учет которого необходим для корректности такой проверки. Изучаемая реальность и реальность, отражаемая в системе знаний, с которой соотносятся проверяемые знания, должны представлять иерархически взаимосвязанные системы, находящиеся на одной стадии развития. Только в этом случае соотнесение будет исторически обоснованным и по характеру сопряженности проверяемого знания с существующим знанием можно решить вопрос об истинности первого из них. Если же будет соотноситься знание о стадийно различных уровнях реальности, то несогласованность проверяемого знания с существующей научно-исторической картиной не может быть доказательством недостоверности этого знания. Например, истинность вывода, что для дворянской революционности декабристов была характерна боязнь народной революции, не может быть установлена путем соотнесения этого вывода с имеющимся знанием о трех этапах освободительного, революционного движения в России, ибо эти этапы выражают существенно различные стадии движения. При учете же указанного методологического требования согласованность полученного знания с существующим

---

⁶¹ См.: *Литвак Б.Г.* Русская деревня в реформе 1861 г. М., 1972; *Рындзюнский П.Г.* Утверждение капитализма в России. 1850–1880 гг. М., 1978; *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе 1861–1880 гг. М., 1978.

ющей системой знаний является важным и эффективным содержательно-логическим методом проверки истинности новых знаний.

Таковы основные пути и методы проверки истинности исторического знания после того, как оно было получено. Но очевидно, что истинность достигается в процессе самого исследования. Здесь кроме факторов, определяющих объективность путей и методов решения исследовательской задачи, могут быть применены и специальные методы, обеспечивающие истинность получаемого знания. Один из таких методов основан на принципе отбора признаков, которые *инвариантно* характеризуют исследуемую реальность⁶². Это – такие характеристики, суть которых остается неизменной, однозначной применительно к различным наблюдателям, подходам к объекту познания и применяемым методам. Допустим, что рассматривается такое событие, как Крымская война (1853–1856 гг.). Оно характеризуется множеством признаков, позволяющих изучать различные аспекты войны. Многие из этих аспектов, а следовательно, и отражающие их признаки могут трактоваться по-разному. Но среди признаков есть и такие, которые являются инвариантными. Например, это – те из них, которые свидетельствуют о том, что в военно-техническом отношении превосходство было на стороне Англии и Франции, а русский солдат в очередной раз продемонстрировал свой героизм. Любые подходы и методы к изучению указанных аспектов войны будут приводить к единому общему итогу.

Очевидно, что выделение инвариантных признаков, однозначно рисующих существенные стороны реальности при всех подходах к ним, позволяет получить истинное знание о ней. Однако выделение таких признаков требует глубокого проникновения в изучаемую реальность и чаще всего становится возможным на сравнительно высоком уровне ее познания.

Другим путем обеспечения истинности знания является такая организация исследования, при которой достигается *высокая достоверность приводимых доказательств*. Здесь истинность знания доказывается в процессе его получения. Конкретным показателем степени достоверности проводимых доказательств является вероятность этой достоверности⁶³.

Наиболее широко распространенное понимание вероятности связано со статистическим изучением массовых случайных явлений. Здесь вероятность, исчисляемая на основе частот, выступает как количественная мера возможности осуществления того или иного события. Наряду с этим существует и логическая или *индуктивная* интерпретация вероятности⁶⁴. Посредством вероятности здесь оценивается правдоподобность или достоверность индуктивного за-

---

⁶² См.: Кузьмин В.Ф. Указ соч. С. 199.

⁶³ См.: Копнин П.В. Указ соч. С. 154 и сл.

⁶⁴ См.: Кайберг Г. Вероятность и индуктивная логика / Пер. с англ. М., 1978.

ключения, т.е. вывода, основанного на восхождении от частного (отдельного) к общему. Такие выводы, как известно, сами по себе не обладают в отличие от дедуктивных свойством всеобщности и являются вероятностными. Вероятность здесь чаще всего выражается сравнительными понятиями (такими, например, как “больше”, “меньше”, “сильнее”, “слабее” и т.д.). Но возможно и количественное измерение вероятности.

Рассмотрим такой пример. В.И. Ленин в работе “Развитие капитализма в России” анализирует процесс разложения крестьянства на основе данных, относящихся к отдельным уездам семи губерний⁶⁵. В.И. Ленин делает важный вывод о том, что повсеместно в процессе разложения крестьянства происходило утверждение капитализма в деревне и складывалась ее буржуазная социальная структура, выражавшаяся в формировании сельского пролетариата и сельской буржуазии. Возникает вопрос, какова достоверность этого вывода, если иметь в виду, что он получен индуктивным путем и распространяется на все крестьянское хозяйство? В данном случае вполне может быть исчислена вероятность достоверности этого вывода. Это можно сделать так. Данные по отдельным губерниям можно рассматривать как случайные независимые события, ибо то, по каким уездам тех или иных губерний были проведены земские подворные описания крестьянских хозяйств, обработанных с выделением групп крестьян по их хозяйственной состоятельности, определялось множеством случайных факторов. Вероятность ошибочности вывода, если он делается по данным одной губернии (т.е. по одному наблюдению), равна $1/2$. Если взяты две губернии, то вероятность ошибки будет вдвое меньше, т.е. будет равна $1/4$. При трех наблюдениях ошибка составит $1/8$ и т.д. При семи наблюдениях возможность ошибочного заключения равняется $1/24$ – меньше одного процента. Следовательно, приведенные данные с вероятностью, превышающей 99%, подтверждают достоверность сделанного вывода. В действительности она еще выше, ибо анализируются данные не по 7 губерниям, а по 13 уездам.

Подобное исчисление вероятности сделанных выводов, во-первых, может проводиться в процессе самого исследования и, во-вторых, применяться при изучении многих исторических явлений, и не только социально-экономических, но и всех других явлений, если они представляют те или иные совокупности исторических объектов. Кстати, это позволит избежать и иллюстративности и фактографизма в исторических исследованиях.

Как видим, существует целая система путей и методов проверки истинности исторического знания. В основе всех их лежит практика в ее либо предметно-действенной либо научно-познавательной форме.

⁶⁵ Ленин В.И. Развитие капитализма в России Гл. II // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3.

В заключение надо коснуться еще двух вопросов, связанных с проблемами истинности научного знания. Первый вопрос – о *критериях и эталонах* научности, второй – о *ценности и оценке научного знания*.

Вопрос о критериях и эталонах научности⁶⁶ возникает в связи с тем, что истинность научного знания *является лишь одним из критериев научности*. Выражая объективность и адекватность научного знания, истинность выступает как *высший*, но не единственный критерий научности. Во-первых, истинными могут быть не только научные знания. Объективно истинным может быть и обыденное знание, возникающее в процессе практического взаимодействия человека с объективной реальностью. Истинность является компонентом произведений искусства (особенно реалистического). Во-вторых, и в данном случае это особенно важно, научное знание складывается далеко не только из знаний истинных. Истинное научное знание – лишь конечный итог сложного познавательного процесса, в котором присутствуют стадии, на которых знание является научным, но еще не истинным. Такой формой научного знания являются гипотезы. Далеко не все гипотезы, имевшие существенное значение в развитии научных знаний, стали затем знанием истинным. Следовательно, в широком смысле истинность знания не может быть критерием его научности. Истинность – тот предел, к которому движется научно-исследовательский процесс, преодолевая стоящие на его пути заблуждения. Но в этом процессе, как известно, и истинное знание относительно. Оно включает в себя, с одной стороны, частицу истины абсолютной, а с другой – и элементы ограниченности и даже заблуждения. Исходя из этого, справедливо утверждается, что научность в широком смысле следует рассматривать “как совокупность методологических регулятивов, в значительной мере обеспечивающих направленность, движение познания к содержательно-истинным результатам”⁶⁷. В этом плане к минимально необходимым критериям научности относят: *проблемность, предметность, обоснованность, интересубъективную проверяемость и системность знания*⁶⁸. Суть этих критериев состоит в том, что научное познание связано с целенаправленным решением тех или иных объективно возникших проблем. Совокупность этих проблем составляет предмет науки на определенной стадии ее развития. Процесс научного познания имеет объясняющий характер. В ходе

⁶⁶ См., например: *Сороко Э.М.* Концепция уровней, отношение, структура. Минск, 1978; *Заботин П.С.* Преодоление заблуждения в научном познании. М., 1979; *Старостин Б.А.* Параметры развития науки. М., 1980; Идеалы и нормы научного исследования: Сб. статей. Минск, 1981; *Корюкин В.И.* Проблема уровней научного познания // На пути к теории научного знания. М., 1984; *Кезин А.В.* Указ. соч., и др.

⁶⁷ *Кезин А.В.* Указ. соч. С. 31.

⁶⁸ Там же. С. 35–36.

объяснения доказываются и обосновываются выдвигаемые исследователем идеи, раскрывающие сущность изучаемой реальности. Науке присуща открытость для проверки другими субъектами выдвинутых в ней аргументов, идей и выводов, т.е. они являются интересубъективно проверяемыми. Наконец, научные знания отличаются упорядоченностью, логической связанностью и непротиворечивостью выдвигаемых положений и концептуальных построений (обладают свойствами системности).

Указанные критерии научности позволяют отличать научное знание от других видов познавательной деятельности. Но сами по себе эти критерии не создают эталона научности, т.е. такого ее идеала, который бы определял конкретные методологические принципы исследовательской практики. В этой связи и возникает проблема выработки подобного *эталона*. Она давно привлекает внимание и философов и исследователей-практиков. В данном случае нет возможности характеризовать историю решения этой проблемы⁶⁹. Отметим лишь те основные подходы, которые были выдвинуты и существуют до сих пор.

В решении вопроса об *эталоне* научности широко распространены два основных подхода: *методологический редукционизм* и *методологический плюрализм*.

Суть методологического *редукционизма* состоит в том, что нормативный стандарт научности должен быть выработан на базе “наиболее развитой”, “совершенной” области познания, а другие сферы познания должны ориентироваться на этот эталон и подтягиваться к нему. Методологический же *плюрализм*, наоборот, исходит из того, что в науке в целом не может быть единого идеала научности и должно функционировать несколько независимых и равноценных ее стандартов. Методологический плюрализм все более заметно распространяется в современной буржуазной науке. Но в целом (как в прошлом, так и в современную эпоху) в подходе к эталону научности господствует методологический редукционизм.

«Соответственно в зависимости от характера эталонной науки можно выделить три интерпретации научности: а) базирующуюся главным образом на математике, б) ориентирующуюся на экспериментальное естествознание, преимущественно физику, в) опирающуюся на “принципиальную” специфику социально-гуманитарного знания»⁷⁰.

Исторически первым из указанных идеалов научности сформировался *математический*. Его корни уходят еще в античность. Затем он был развит в философии нового времени. Так, например, И. Кант утверждал, что “в любом частном учении о природе можно найти науки в собственном смысле лишь столько, сколько имеется в

⁶⁹ Об этом см.: Кезин А.В. Указ. соч. (гл. II), а также другие работы.

⁷⁰ Там же. С. 38.

ней математики”⁷¹. Новый взлет математического идеала научности относится к XX в. Основные черты математического эталона научности сводятся прежде всего к дедуктивному методу познания, основанному на совокупности определенных посылок, выраженных в аксиомах, а также к непреложности логических выводов из этих посылок и логической ясности. Однако по мере развития опытных наук математический идеал научности утрачивал свою бесспорность и обнаруживалась невозможность его применения в конкретных науках. Основным препятствием является, как правильно указывается, то, что математики “сами создают вселенную для своих опытов, все же остальные вынуждены экспериментировать во Вселенной, созданной не ими”⁷². Безграничное число черт и связей, присущих объективной естественной и общественной реальности, и множество обстоятельств, воздействующих на ее функционирование и развитие, делают невозможным лишь аксиоматически-дедуктивный подход к ее познанию. Разумеется, это никоим образом не исключает необходимости применения в конкретных науках математических методов анализа.

Физический идеал научности сформировался в процессе развития опытного естествознания в новое время. Основоположителем его считают Ф. Бэкона. Суть физического стандарта научности состоит в том, что основой научного знания выступает эмпирический опыт, его методы имеют индуктивно-дедуктивный характер, а само знание в определенной мере является вероятностным, и его истинность проверяется чувственно-опытными данными. Сторонники физического идеала научности всемерно подчеркивали и подчеркивают его общенаучную значимость. В этой связи математику рассматривают лишь как вспомогательное средство и даже утверждают, что ее можно назвать наукой “лишь из любезности”. Ориентация на физический эталон научности широко проявляется как в естественных, так и в общественно-гуманитарных науках. В сфере последних это выражалось и выражается до сих пор в попытках построения “социальной механики”, “социальной физики”, “социальной инженерии” и т.д. Неопозитивистская доктрина “физикализма” ставила, например, задачу перевести на язык физики знания всех наук, в том числе и общественно-гуманитарных.

Безусловно, физическое знание достигло наивысшего уровня по сравнению с другими конкретными науками. Этим обусловлено то, что и в советской литературе по методологии научного познания прежде всего оно фигурирует в качестве эталона научности.

Гуманитарный идеал научности стал формироваться в конце XIX в., что, с одной стороны, было связано с определенными успе-

⁷¹ Кант И. Соч. М., 1966. Т. 6. С. 58.

⁷² Чайковский Ю.В. Многогранный поиск многоликой истины. Цит. по: Кезин А.В. Указ. соч. С. 51.

хами в развитии гуманитарного, прежде всего исторического знания, а с другой – с критической реакцией на механистический сциентизм позитивизма. Формирование этого идеала протекало в русле “критической философии” (В. Дильтей и др.) и неокантианства (прежде всего Г. Риккерт). Главное выражение этого идеала состояло во всемерном подчеркивании, абсолютизации роли субъекта в познавательном процессе как в смысле определения путей и методов исследовательской деятельности, так и прежде всего в формировании, конструировании научного знания и оценке его результатов. Иначе говоря, потребности, интересы, желания и цели субъекта выступали и как основа для познания, и как критерий его истинности. Посредством “вчувствования”, интуиции, индивидуализации явлений прошлого и на основе опыта познающего субъекта и признаваемых им ценностей раскрывается и объясняется “смысл”, воплощенный в объектах и проявлениях прошлого.

Сторонники гуманитарного идеала научности стремились придать ему общенаучный статус. Р.Дж. Коллингвуд утверждал, например, что методы истории “приложимы ко всем познавательным проблемам”, ибо “вся реальность имеет исторический характер”⁷³. Г. Риккерт полагал, что подлинно существует только индивидуальное. Поэтому историю “по сравнению с естествознанием, восходящим от частного к общему, от действительного к обязательному, можно охарактеризовать и как подлинную науку о действительности”⁷⁴. Попытки поднять гуманитарный идеал научности до уровня общенаучной значимости, придать этому идеалу статус метатеории научного познания распространены и в современной немарксистской философии (Х.Г. Гадамер, Э. Кассирер, Г. Маркузе и др.).

Таким образом, основной отличительной чертой гуманитарного идеала научности является абсолютизация субъективного компонента в научном познании, доведенная до превращения познающего субъекта в источник знания. Подобные трактовки познавательного процесса и претензии на общенаучность несостоятельны. Вместе с тем в общественно-гуманитарном знании есть свои сильные по сравнению с естествознанием стороны. Главная из них состоит в том, что это знание не просто отражает объективную общественно-историческую реальность, но и включает в себе мировоззренческую направленность. Оно исследует и обосновывает цели и смысл человеческой деятельности.

В целом же с позиций марксизма представляется необоснованным сведение идеала научности к какому-либо одному ее стандарту или к ряду независимо функционирующих стандартов. В выявлении идеала научности несостоятельны и методологический редуциро-

⁷³ Коллингвуд Р.Дж. Идеал истории: Автобиография. М., 1980. С. 199.

⁷⁴ Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. СПб., 1903. С. 223.

низм, и методологический плюрализм. Правомерен лишь диалектический подход к решению этой проблемы. Он основан на том, что объективный мир представляет собой, с одной стороны, единство, а с другой – разнообразие. В познании это приводит к выделению различных познавательных стратегий с присущими им принципами и эталонами научности и к их перекрещиванию, совпадению в определенных аспектах, что открывает возможность для взаимопроникновения, интеграции как отдельных наук, так и их комплексов (наук естественно-технических и общественно-гуманитарных). Этому во многом содействуют философия и математика как наиболее общие, хотя и разные по содержанию и назначению науки.

Современное развитие науки характеризуется все более ярко проявляющейся тенденцией к интеграции наук. От этого выигрывают все науки. Проникновение в общественно-гуманитарные науки математических и естественнонаучных методов повышает доказательность, глубину и точность этих наук. В свою очередь, идеи и методы общественно-гуманитарных наук содействуют развитию естественных и технических наук. В современную эпоху, когда наука превратилась в непосредственно производительную, весьма мощную силу, все большее значение приобретает ценностно-оценочный подход к научным знаниям. Решение возникающих сложных проблем требует гуманизации науки, и следовательно, интеграции естественных и гуманитарных наук. Без этого наука не сможет в полной мере служить интересам общественного прогресса. Еще Сократ говорил, что “всякое знание, отделенное от справедливости и другой добродетели, представляется плутовством, а не мудростью”⁷⁵. В современных условиях отрыв науки от задач общественного прогресса вообще таит в себе опасность глобальной катастрофы.

С проблемами общественной значимости научных знаний связан вопрос о ценности и оценке этих знаний. Говоря кратко, суть сводится к следующему⁷⁶. Общественная жизнь как деятельность людей представляет собой взаимодействие с многообразными проявлениями объективной естественной и социальной реальности. Все эти проявления в своей материальной и духовной форме имеют определенную значимость, ценность для людей, т.е. способны удовлетворять определенные их потребности и интересы. *Ценность* проявляется в процессе субъектно-объектных отношений, выражает независимые от субъекта свойства реальности. “Ценность принадлежащих определенному историческому периоду поступка, деятель-

---

⁷⁵ Цит. по: Сачков Ю.В. Научный метод: Вопросы его структуры // Вопросы философии. 1983. № 2 С. 41.

⁷⁶ Подробнее см.: Василенко В.А. Ценность и оценка. Киев, 1964; Тугаринов В.П. Теория ценностей в марксизме. Л., 1968; Коришунов А.М., Шаповалов В.Ф. Творчество и отражение в научном познании. М., 1984 (гл. II); Порус В.Н., Пятницын Б.И. Оценка, ценность и развитие научного знания // Творческая природа научного знания. М., 1984, и др.

ности, вещи состоит как в том, насколько они способствуют общественному прогрессу, так и в том, насколько они способствуют самосовершенствованию современного им субъекта”⁷⁷. В любом обществе на любой стадии его развития существует своя система материальных и духовных ценностей.

Для того, чтобы объективно возникающие в процессе практической деятельности людей ценности могли стать значимыми для этой деятельности, они должны быть *осознаны* людьми. Средством осознания ценностей и выступает их оценка. “Оценка есть средство осознания значимости вещи для деятельности человека, удовлетворения его потребностей”⁷⁸. В отличие от объективной природы ценности оценка – всецело субъективная категория. Она определяется прежде всего субъективно-социальной, партийной позицией исследователя, но зависит и от факторов субъективно-индивидуальных.

Поскольку и ценности и их оценки являются составными компонентами общественной реальности, постольку они наряду со всеми другими проявлениями этой реальности выступают объектами познания для историка. Выявляя и изучая эту реальность, историк дает ей свою оценку, которая раскрывает ценность событий прошлого для современной историку эпохи. *Аксиологический*, оценочно-ценностный подход к прошлому является органической составной частью и исторического и всякого другого научного знания. Суть выносимой оценки, а потому и ценностная значимость объекта познания для современности, определяется социально-партийными и индивидуальными позициями и интересами ученого.

Таков один аспект проблемы ценности и оценки в научном познании. Но есть и другой ее аспект. Дело в том, что вопросы о ценности и оценке возникают и применительно к самому научному знанию, полученному в том или ином исследовании или их совокупности. Возникнув, такое знание становится объективным составным компонентом соответствующей общественной реальности. Это знание обладает объективно присущей ему ценностью, которая раскрывается в оценке знания как самими его современниками, так и последующими поколениями. Эта оценка, будучи социально- и индивидуально-субъективной, исходит в целом из того, насколько полученное знание значимо в плане практически-предметной и познавательной деятельности. Но подобная оценка научного знания может и не исчерпать, а в определенных случаях вообще не раскрыть его объективной ценности. Истинная ценность знания может обнаружить себя далеко не сразу. Известно немало примеров, когда казалось бы утратившее свою практическую значимость знание становилось актуальным. Это требует специальной разработки принципов и методов ценностной оценки знания, исходящих из широко-

---

⁷⁷ Коршунов А.М., Шаповалов В.Ф. Указ. соч. С. 71.

⁷⁸ Там же. С. 72.

го системно-исторического подхода к нему. Тем самым будет повышена эффективность его использования во всех сферах человеческой деятельности⁷⁹. Такая задача стоит и перед историками.

В целом же учет в исследовательской практике тех черт, которые характеризуют научное знание и выступают как регулятивно-методологические принципы познавательного процесса, – важный фактор, обеспечивающий истинность получаемых научных знаний.

Анализ основных этапов и уровней исторического исследования, тех методологических подходов и принципов, которые необходимо учитывать в этом исследовании, требует обратить внимание на то, что историки не всегда корректны в оперировании с ними. Отметим связанные с этим наиболее существенные моменты.

Прежде всего во многих исследованиях, особенно локальных (в пространственном и временном отношении), не дается должной постановки и обоснования исследовательской задачи. Нередко обоснование сводится к указанию на то, что по данной проблеме либо нет исследований вообще, либо они не освещались монографически. Вопросы же о том, насколько актуально изучение рассматриваемых явлений и процессов прошлого, что оно дает для более широкого и глубокого понимания общего хода исторического развития, остаются нераскрытыми.

Характеристика ранее выполненных исследований часто носит библиографически-описательный характер. В анализе научных результатов превалирует показ того, что не сделано, а оценка конструктивных итогов и их значения оказывается беглой, а иногда и заниженной. Все это отрицательно сказывается на четкой и обоснованной постановке исследовательской задачи.

При рассмотрении источниково-информационной основы исследований также широко распространен описательный подход, а методы обработки и анализа конкретных данных, особенно методика, излагаются нередко таким образом, что их затруднительно (или вообще невозможно) проверить и повторить. При использовании массовых исторических данных, которые могут быть обработаны коллективными усилиями историков, методика их обработки нередко исходит из стремления изменения той процедуры, которая применялась предшественниками. В этом усматривается новизна проводимого исследования, а в результате итоги таких работ оказываются несопоставимыми и несводимыми.

В самом исследовании, на его эмпирическом и теоретическом, уровнях, наиболее слабыми, если говорить в целом, оказываются следующие аспекты. Прежде всего – ограничение исследования его эмпирической стадией, т.е. выявлением совокупности фактов и раскрытием их видимых причинно-следственных, связей. В этом состо-

⁷⁹ См.: Порус В.Н., Пятницын Б.Н. Указ. соч.

ит основной недостаток многих исторических исследований, что неоднократно отмечалось и самими историками и другими специалистами. Широкое распространение указанного недостатка свидетельствует о том, что, кроме субъективных, он имеет и объективные основы. Они выражаются в том, что исторические факты, как указывалось, несут в себе большую социально-политическую и морально-психологическую нагрузку. Тем самым даже их выявление, систематизация и непосредственный анализ и оценка могут иметь важное познавательное и практическое значение. Разумеется, это относится к фактам, характеризующим существенные явления прошлого. Это, с одной стороны. С другой, в историческом исследовании переход от эмпирического знания к теоретическому и доведение последнего до завершающего уровня – конкретно-теоретического знания – сопряжен с большими трудностями. Они связаны со сложностью абстрактно-теоретического анализа в том его варианте, который приводит к формированию идеального образа изучаемой реальности или сведению ее к исходной “косточке”. А только на этой основе может быть осуществлено восхождение от абстрактного к конкретному, т.е. получено конкретно-теоретическое знание.

Очевидно, что наличие объективных причин (они, естественно, не снимают и причин субъективных) широкого распространения в исторических исследованиях эмпиризма ни в коей мере не “облагораживает” и не оправдывает этого недостатка. Наоборот, это требует значительно более настоятельных и серьезных усилий по его преодолению, чем потребовалось бы в том случае, если бы причины эмпиризма ограничивались лишь факторами субъективными.

Следует также заметить, что широко осуждаемое “мелкотемье” – неизбежное следствие рассматриваемого недостатка исторических исследований. Ведь суть “мелкотемья” не только в том, что объект познания слишком узок в пространственно-временном отношении, а в том, что изучение объекта ограничивается эмпирическим уровнем. На этом уровне узкоспециализированное исследование не может дать существенно значимых результатов. Приводимые в нем факты не могут громко говорить “сами за себя”, а их внешний анализ не позволяет сделать существенных выводов о развитии реальности, которую они характеризуют. Но эти же самые факты при широком и глубоком вписывании в реальность могут быть основой и для важных наблюдений и выводов, ибо в общественно-историческом развитии в любом отдельном и особенном заключено и нечто общее. Но выявить это общее можно только на теоретическом уровне исследования. Следовательно, основной путь преодоления “мелкотемья” – не отказ от узкоспециализированных исследований, как обычно полагают, а преодоление эмпиризма в изучении подобных сюжетов.

Другой широко распространенной особенностью исторических исследований, которая относится к их недостаткам, является то, что

на теоретическом уровне они часто ограничиваются гипотетическим объяснением сути рассматриваемых явлений. Безусловно, что гипотеза – естественная и закономерная форма научного знания. Очевидно и то, что истинность гипотезы далеко не всегда может быть проверена при существующем уровне знаний. Поэтому указанный недостаток состоит не просто в широком распространении гипотетического знания, а в том, что нередко не предпринимается попыток проверки гипотез даже в тех случаях, когда это возможно, а гипотетическое знание представляется как истинное.

Есть свои минусы и в доказательстве истинности гипотетических объяснений сущности тех или иных явлений, которое часто сводится к простому расширению фактической основы гипотетических заключений. Здесь не учитывается то отмечавшееся выше положение, что эмпирическое наблюдение само по себе, т.е. независимо от объема выявленных фактов, не может раскрыть внутреннюю суть характеризующей реальности. Для проверки истинности гипотезы необходимы факты, которые позволяют соотнести изучаемые явления с более широкой исторической реальностью. Забвение указанных моментов оказывается нередко причиной бесплодности и перманентности некоторых дискуссий.

Все указанные и другие менее существенные недостатки и просчеты исторических исследований свидетельствуют о необходимости, во-первых, усиления внимания к методологическим проблемам исторического исследования на всех его этапах и, во-вторых, доведения каждой работы до предельно возможного уровня на данном этапе развития науки. Это – важный путь повышения качества и эффективности исторических исследований и их практической значимости. В 1964 г. академик Ю.П. Францев писал: “Следует особо подчеркнуть необходимость соблюдения в исторических исследованиях диалектического единства исторического и логического (говоря иначе, единство эмпирического и теоретического знания. – *И.К.*). Если бы в ближайшее время мы смогли добиться, чтобы каждый историк в своих трудах соблюдал это диалектическое единство логического и исторического, то наша исследовательская работа в области исторической науки значительно продвинулась бы вперед. Сделан был бы шаг и в разработке проблем исторического материализма, ибо успешная деятельность историков обогатила бы осмысленным конкретным материалом и обобщениями исторический материализм”⁸⁰.

За прошедшее время развитие исторической науки заметно продвинулось вперед. Однако указанная задача сохраняет актуальность и сейчас. Она вообще всегда будет стоять для историков на первом плане.

---

⁸⁰ Францев Ю.П. История и социология. М., 1964. С. 334.